Давид Ландсман

ЭРА ЛОБАНОВСКОГО

SHOUT
SHARE
IT

Annotation

Большой спорт - уничтожает. Мало быть талантливым. Недостаточно быть даже гениальным. В памяти остаются только Великие. "*Эра Лобановского*" - книга о Великом тренере.

Пришло время по-новому взглянуть на путь человека, который до сих пор остается, быть может, одной из самых загадочных легенд мирового футбола. Эта книга - попытка открыть тайну личности Валерия Лобановского. Тайну, которая приводила киевское "Динамо" и сборную СССР к великим победам.

-
- Глава 1. В реанимации
- Глава 2. Доверие
- Глава 3. Дебют
- Глава 4. Становление
- Глава 5. В августе семьдесят шестого
- Глава 6. Принципы
- Глава 7. Как зажигаются «звезды»
- Глава 8. Игра в открытую
- Глава 9. Путь в свою команду
- Глава 10. …Словно Феникс из пепла
- Глава 11. Лион. Май. Победа!
- Глава 12. Срочная замена
- Глава 13. «Железный сержант», «полковник» или «профессор»?
- Глава 14. Возвращение.
- Глава 15. Режиссер и труппа.
- Глава 16. Руководить - значит предвидеть!
- Глава 17. Шок.
- Глава 18. Опекунский совет.
- Глава 19. На земле обетованной.
- Глава 20. Психология победителей.
- Глава 21. Лобановский навсегда… Послесловие.

У каждого времени свои герои. Советские героические плеяды были многослойны, потому что часть личностей, предназначенных к почитанию, навязывалась властями, отчего не всех этих людей уважали, точно так же, как всякие другие

начальнические фантазии. Зато были герои, которых народ находил в глубинах собственной жизни, искренне возводя на пьедесталы. Были увешанные медалями партийные запевалы и были Высоцкий с Окуджавой, были помпезные спектакли о вождях, шедшие в полупустых залах, и был московский Театр на Таганке, на спектакли которого билетов было нельзя достать просто так.

Был футбол. Билеты продавались в уличных кассах, скамьи на стадионах стояли сплоченно, и там никто никого не боялся; можно было покричать, порадоваться и попечалиться от души, можно было оказаться самим собой без стеснения на целых полтора часа. В футбол играли народные герои, люди, имеющие нечто такое, что не зависело от партийного стажа, национальности и отношений с верховными вождями. На стадионы ходили куда с большим энтузиазмом, чем на обязательные демонстрации по поводу революционных праздников.

Киевское футбольное «Динамо» было предметом всенародной гордости всю последнюю треть XX века, даже дольше. Это была воистину народная команда, взявшаяся вроде бы неизвестно откуда, не имевшая понятия о том, что можно покупать игроков в далекой Бразилии, не нуждавшаяся в переводчиках для общения с тренерами. Это был «наш продукт», но куда совершеннее всяких телевизоров «Березка» с трескучими «Жигулями». И тренировали их замечательные «свои» тренеры — Маслов, Севидов, Лобановский...

О Валерии Васильевиче Лобановском надо говорить подробнее. Эту книгу, написал известный по обе стороны Атлантического океана знаменитый спортивный журналист Дэви Аркадьев, знавший великого киевского мастера футбола и не раз рассказывавший о нем. Хочу подчеркнуть, что во времена, когда верноподданное начальство Советской Украины искореняло в сознании населения республики не только национализм, но и само национальное чувство, «Динамо» Лобановского это чувство подпитывало и развивало. Оказалось, что мы не такие уж простаки из анекдоти про горилку и сало. Лобановский создавал самые совершенные в мире тренировочные методики; это до сих пор признается всемирно известными спортивными академиками. Команда киевского «Динамо» играла так, что «баварии» с «барселонами» почтительно раскрывали рты. Парни, воспитанные в спортивных школах Киева, Одессы или Луганска, никогда не державшие в руках западных миллионных контрактов, умели играть в футбол — именно играть, а не натужно отбывать на поле два тайма. Выпускник киевского политехнического института,

инженер-теплотехник Лобановский как бы придумывал свой футбол с самого начала, изобретал игру, которой до него никто не знал и не видел. Лобановского всячески пытались впрячь, но так и не впрягли в официальные колесницы. Он никогда не выступал на митингах, не рассуждал вслух о политике, но зато много читал, декламировал наизусть стихи Пастернака, возил команду на спектакли в ленинградский театр к знаменитому режиссеру Товстоногову. Он воспитывал новых людей — и на футбольном поле, и вокруг поля — мы понимали, что можно проломить любую стену, если бесстрашно долбить ее.

Прочтите книгу Дэви Аркадьева и убедитесь, что будущие успехи российского, украинского, да и всего европейского футбола неотделимы от идей и дел Валерия Лобановского. Значит, можем!

Глава 1. В реанимации

Чуть больше месяца оставалось до Чемпионата Европы-88. По мере его приближения пресса, радио, телевидение усиливали внимание к главному футбольному празднику Старого Света. Репортажи о подготовке финалистов, очерки о футбольных звездах, интервью тренеров сборных и — прогнозы, прогнозы, прогнозы... Но в этом потоке информации почти не встречалось высказываний Валерия Лобановского. И еще тревожный симптом: на престижный международный турнир в Западный Берлин, впрочем, как и на некоторые контрольные матчи накануне финала европейского чемпионата, сборная Советского Союза вылетала без своего главного тренера...

Распространившиеся по Киеву слухи о «тяжелой болезни» Лобановского поползли и по другим городам страны. В иные дни кое-кто судачил о «безнадежном состоянии». Но слухи хоть и сродни мифам, однако в быту это часто реальность, с которой приходится считаться, и опровергать их удается лишь точной информацией.

Что же было в действительности?

27 марта на Республиканском стадионе-стотысячнике, заполненном почти до отказа, киевское «Динамо» проиграло очередной матч чемпионата страны московскому «Спартаку». Константин Бесков был доволен: его команде не так уж часто удавалось побеждать в Киеве. А Лобановский в тот грустный для него вечер вдруг почувствовал себя очень плохо. Причем настолько плохо, что утром следующего дня его госпитализировали. Диагноз: мерцательная тахиаритмия. Почти дне недели пролежал он в реанимационной палате. Правда, как рассказали мне лечащие врачи, Лобановского поместили туда вовсе не потому, что состояние его действительно было сверхкритическим. Просто как больной с нарушением ритма сердца он нуждался в лечении с применением технического оборудования, которое обычно имеется только в реанимационных отделениях.

Случилось так, что в дни болезни Лобановского, только что отпущенного долечиваться домой, редакция популярной у нас и за рубежом газеты «Московские новости» заказала мне интервью с главным тренером сборной СССР. Посоветовавшись с врачами и узнав от них, что состояние здоровья тренера вполне позволяет общаться, звоню к нему на квартиру. Трубку снимает жена Лобановского — Ада.

— Как чувствует себя Васильевич? — спрашиваю ее.

— Потихонечку, потихонечку...

— А когда с ним можно побеседовать?

— Попозже, попозже,— тихо говорит Ада. Недели через две-три. Сейчас я его оберегаю от всякого общения. Потому что могут разволновать какой-нибудь новостью, а после этого у него опять давление поднимется...

— А если я — с интересным для него предложением?

— Даже с интересным. Все общение пока только через меня. Так что говорите, а я все потом ему передам.

— Позвонили сегодня из «Московских новостей»,— начал я...

Тут в трубке раздался щелчок, и я услышал хорошо знакомый голос. Так-так,— словно бы продолжая нашу беседу, вставил Лобановский. Ну, как вам это нравится! — Ада сокрушенно вздохнула,— Уже у себя снял трубку. Вот уж неугомонный...

Голос Лобановского показался мне довольно бодрым. И все же я понимал, что для него, человека отменного здоровья, очень редко до этого случая болевшего, угодить сразу в реанимационное отделение — это, наверное, стресс нешуточный. Должно быть, из желания хоть как-то его подбодрить я зачем-то принялся рассказывать Валерию о своем друге из Алма-Аты, который перенес уже два инфаркта, но, тем не менее, полон сил и оптимизма. Закончил же рассказ услышанным от этого друга изречением одного опытного профессора-кардиолога: «Каждый инфаркт — это путь к долголетию, ибо заставляет человека строго следить за своим здоровьем». Впрочем, я сразу понял, что Лобановский слушает меня не без доли иронии, но не перебивает из вежливости.

— Вы же знаете, как я к себе отношусь,— спокойно сказал он. Постельный режим побоку. Сегодня уже провел тестирующую нагрузку. Но основная будет через неделю: велоэргометр под наблюдением врачей. Пока все идет нормально. Правда, я еще на препаратах, хотя они и сведены к минимуму...

— Вероятно, многое зависит от типа вашей психики, от характера,— предположил я.

— Психологически я отношусь к случившемуся спокойно,— сказал Лобановский. Просто давно уяснил, что с возрастом сопротивление организма будет ухудшаться, а не улучшаться. Так уж заложено природой, что чем дальше, тем хуже. Поэтому без паники воспринимаю все, что со мной происходит, и только прошу врачей давать объективную информацию о моем состоянии...

Сообразив, что пора перевести разговор на другую тему, я вспомнил предостережение Ады. Заговорить о футболе? О

сборной? Легко сказать, когда главный тренер почти месяц был разлучен с ней. К очередному международному матчу со сборной Чехословакии советская команда готовилась на загородной тренировочной базе киевского «Динамо» в Конча-Заспе тоже без Лобановского. Я невольно сомневался: располагает ли он необходимой информацией о своей сборной, о соперниках? Не выбила ли его болезнь из привычной колеи? Да и тактично ли едва вставшего с больничной койки тренера спрашивать о делах? Но из желания уйти от грустной темы нашей беседы я все же решился затворить о футболе:

— Слава богу, что наша сборная вас старается радовать... Да, в целом ребята работают нормально. Хотя, в общем то, еще проблем много...

И тут я услышал от главного тренера столько информации, что все мои сомнения сразу рассеялись. Как говорят киношники, он был «в материале». Оказалось, что даже в отделении реанимации Лобановский не расставался с футболом. В его палате был установлен видеомагнитофон (редкий случай в кардиологической практике!), а пресс-атташе киевского «Динамо» Михаил Ошемков снабдил Лобановского чуть ли не сорока видеокассетами с записью различных матчей всех финалистов чемпионата Европы. Конечно, все это появилось в палате не сразу. В первые дни острого недомогания Лобановский лежал под капельницей, принимал различные препараты, внутривенные и внутримышечные инъекции... («Ощущения не из приятных, - рассказывал он об этом периоде. Да еще в такой удручающей обстановке. Это не то, что болеть в домашних условиях».)

Примечательно, что в один из таких дней, когда медицина хлопотала над Лобановским с особенным рвением и ему было вроде бы не до футбола, на престижном международном турнире в Западном Берлине сборная СССР со счетом 4 : 2 обыграла чемпионов мира-86 — сборную Аргентины!

Когда вы об этом узнали? — спросил я Лобановского.

Я узнал...— он вдруг замялся. Как узнал? Я слушал репортаж!

И врачи разрешили?

А они не знали об этом. У меня под подушкой лежал маленький радиоприемник, о котором не знали ни врачи, ни Ада. Я его захватил с собой, когда ложился в госпиталь. Так что результат матча с Аргентиной знал в тот же день. А уже где-то через неделю, когда лучше себя почувствовал и врачи разрешили установить в палате видеомагнитофон, мне привезли кассеты с записью матчей нашей сборной, и я смотрел эту игру.

— Хороший матч?

— Не то слово. Великолепный! Мне потом передавали

высказывания тренеров почти всех команд — финалистов чемпионата Европы. Им игра здорово понравилась. А президент футбольного союза ФРГ Херман Нойбергер сказал руководителям нашей сборной: «Вы завоевали очень большие симпатии, потому что эта игра транслировалась на все страны...»

— Кроме Советского Союза! — воскликнул я.

— Верно. И это притом, что команда заработала на этом турнире 200 тысяч западногерманских марок, а за телетрансляцию нам надо было уплатить половину этой суммы, то есть мы у государства ничего не просили. Но... не нашлось кому раскинуть умом и решить этот несложный вопрос, чтобы и советский зритель увидел игру. А ведь Чехословакия или Болгария, например, заплатили валюту, чтобы показать в своих странах матч СССР — Аргентина... Вся Европа смотрела! Причем и Аргентина выглядела очень здорово... Как же можно не показать людям такой футбол! А мы говорим — «перестройка»...

Услышав, как Лобановский тяжело вздохнул, я невольно вспомнил одну из наших с ним бесед месячной давности. Как раз в те дни многие газеты напечатали информацию ТАСС, в которой в первых же строчках сообщалось: «На очередную игру чемпионата страны команда киевского „Динамо", возможно, выйдет уже в ранге футбольного клуба». Желая поскорее узнать подробности этой новости, журналисты буквально атаковали тогда вопросами Лобановского и его коллег. Но что на них могли ответить киевские динамовцы, если их руководители в Москве не спешили дать «добро» на создание в Киеве самостоятельного футбольного клуба. Вот Лобановский и говорил всем: «Информация ТАСС есть, а разрешения у нас нет». И при этом как-то растерянно улыбался. Забегая вперед, замечу, что после публикации той тассовской информации киевляне еще целый год ждали этого самого «разрешения», чтобы стать первым в стране футбольным клубом, который рискнул перейти на полный хозяйственный расчет и самофинансирование.

Кстати сказать, в те же мартовские дни 1988-го, когда пошел третий год перестройки, выдающийся советский футболист Олег Блохин обивал пороги кабинетов различных чиновников от спорта, которые делали все, чтобы «не пущать» 35-летнего форварда киевского «Динамо» и сборной СССР в Австрию, куда его приглашал профессиональный клуб «Форвертс» из Штайра. Обидно было за Лобановского, за Блохина и других наших специалистов такого уровня. Профессионалы своего дела, преданные ему всем сердцем, вынуждены были отстаивать свои позиции в изнуряющей физические и духовные силы борьбе с дилетантами от футбола, крепко вцепившимися в начальственные

кресла, дабы вопреки всем сдвигам и переменам удержать власть над ним. Ну а футбол — он социален, и в нем как в зеркале отражалась общая картина всей нашей не радующей сердце действительности.

В советском футболе, принципы организации которого были незыблемы с довоенных времен, на третьем году перестройки мало что изменилось. Это раздражало Лобановского, но он не мог быть равнодушным к тому, что и в его родном деле зрели и нарастали дискуссионные бои, наподобие тех, что уже повсеместно шли между реформаторами и консерваторами в других сферах общества. Это было то самое время, когда в газете «Советская Россия» появилось Знаменитое письмо Нины Андреевой, которая «не могла поступиться принципами». «Правда» ответила редакционном статьей «Принципы перестройки: революционность мышления и действий».

— ...Идет и усиливается борьба,— продолжал наш телефонный разговор Лобановский. В эти дни я много читал. Вижу, что и нам нельзя отмалчиваться. За свои принципы надо дратьс. Здесь поможет и выступление в «Московских новостях". Шанс надо использовать.

...Лобановский надеялся, что в конце апреля, за несколько дней до вылета сборной на матч в Чехословакию, он съездит в Конча-Заспу, встретится с командой, получит больше информации. Но врачи, внимательно его обследовав, не разрешили пока тренеру общаться с футболистами.

Сказывалось ли отсутствие Лобановского на подготовке сборной? Как были настроены сами игроки накануне чемпионата Европы? В поисках ответов на эти вопросы я отправился в Конча-Заспу. То, что увидел во время тренировок сборной и услышал от многих, с кем довелось побеседовать, дало обильную пищу для размышлений и в определенной степени помогло подготовиться к интервью с Лобановским для «Московских новостей».

...Врач сборной СССР Савелий Мышалов, который работал с командой с 1970 года, всегда импонировал мне своей интеллигентностью, тонкими наблюдениями и точными оценками происходящего.

— Как, на ваш взгляд, команда, доктор? — спросил я его. Интересно, с каким из прежних составов по подбору игроков и уровню их подготовки можно сравнить нынешнюю сборную-88?

— О, это вопрос на засыпку,— улыбнулся Мышалов. Лично для меня в жизни нашей сборной последних десяти — пятнадцати лет есть два тестирующих момента: осень 1981-го и весна 1986-го, включая выступление на чемпионате мира в Мексике. И, признаться откровенно, могу сказать, что, несмотря на огромные

кадровые и организационные трудности, которые мы сейчас испытываем, в отдельных матчах нынешняя команда по структуре игры напомнила мне сборные образца 81-го и 86-го.

— Может получиться оптимальный вариант?

— Мог бы, но пока его нет.

— Что же мешает?

— Лучших футболистов страны искусственно разделили на две команды — первую сборную и олимпийскую.

— Об этом где-то были публикации? Я что-то не встречал.

— Нет, в прессе об этом ничего не печатали, но в среде специалистов на эту тему идет постоянная перепалка.

— В чем же проблема?

— В олимпийской команде есть такие, к примеру, футболисты, как Михайличенко и Добровольский, которые в прошлом году успешно играли в составе первой сборной. В числе кандидатов в олимпийцы к играм в Сеуле готовятся и другие интересные ребята. Но нам в первую сборную их пока не дают. А в кровотоке организма команды всегда нужна свежая струя. Жаль, но Лобановский ничего не смог доказать руководителям Госкомспорта...

— Доктор, вы неплохой психолог. Интересно, как, по вашим наблюдениям, сказывается ли отсутствие Лобановского в команде?

— Думаю, что да. Хотя мы работаем по программе Лобановского. Во всем чувствуются его стратегия, направление, идеи. Одним словом, даже во время его болезни как бы идет режиссура Лобановского. Но в каких-то конкретных преломлениях ее нет. Это, видимо, как у музыкантов. Дай им хорошо знакомые ноты, но смени дирижера — и прежнего исполнения у такого оркестра не будет. Так вот, пока Васильевич болеет, у нас в команде, на мой взгляд, происходит то же самое: хорошо знакомая партитура перед глазами, но дирижеры другие...

По настроению футболистов, с которыми в Конча-Заспе довелось беседовать, мне показалось, что они с особым нетерпением и затаенной надеждой на успех ожидают финала Чемпионата Европы-88. Ожидают, между прочим, и скорейшего выздоровления «Васильевича».

— Я лично ощущаю разницу, когда команда играет в присутствии Лобановского и когда без него,— сказал мне Олег Протасов, признанный по итогам сезона 1987 года лучшим футболистом страны.

— В чем именно?

— Лобановский здорово умеет настроить команду, сказать что-то главное каждому. Одного взбодрит, другого чуток

поохладит. Кому что нужно. По себе чувствую, да и по ребятам вижу — когда он с командой, у нас больше собранности и уверенности в собственных силах.

Олега Протасова, прослывшего грозным бомбардиром еще в «Днепре» и перешедшего в киевское «Динамо», журналисты часто спрашивали, не мечтает ли он побить громкие рекорды Олега Блохина. А статистики даже подсчитали, что по нарастанию голевой результативности Протасов опережает «возрастной график» Блохина. Когда я напомнил об этом молодому форварду, он застенчиво улыбнулся:

— Положа руку на сердце, признаюсь, что у меня и в мыслях такого нет, сказал Протасов. Просто выхожу на поле и делаю свою работу, забиваю голы.

— Неужели «просто»? Хотите сказать, что так было и в Западном Берлине, где вы забили два гола в ворота чемпионов мира?

— Конечно, дело тут не только во мне, главное — команда. Мы превзошли аргентинцев по игре! — запальчиво сказал Протасов, явно не желавший, чтобы его неверно поняли. Думаю, в этом матче мы убедили всех в том, что сделаны «из того же теста», что и звезды мирового футбола, которых то и дело превозносят журналисты и комментаторы...

Обладатель «Золотого мяча» сезона-1986, форвард киевского «Динамо» и сборной Игорь Беланов, как выяснилось, не очень-то рад разговорам об успехе его кандидатуры в референдуме популярнейшего издания «Франс футбол», присуждающего такую награду.

— Ох и тяжким бременем оказался для меня этот «Золотой мяч»,— вздохнул Беланов, когда мы с ним заговорили о его спортивной форме. Весь следующий сезон выходил на поле и чувствовал, что от меня ждут только суперигры. А играл явно ниже того уровня, какой был в позапрошлом году, когда стал лауреатом еженедельника «Франс футбол».

— Самокритично, Игорь. Но заметный спад в игре тогда характерен был не только для вас, а для всей команды. Интересно, что чувствуете сейчас, когда до финала чемпионата Европы рукой подать?

—В этом году с любопытством читаю, что пишут о нас советские журналисты. Иногда от прочитанного становится как-то не по себе: нас по инерции продолжают поругивать, как и в прошлом сезоне. И тактика у нас не та, и уровень, игры, дескать, не тот, что был на чемпионате мира в Мексике. Одним словом, чувствуется, что не верят наши журналисты и комментаторы в свою сборную, не ждут от нас ничего хорошего в финале

чемпионата Европы.

— А вы? Как нападающий верите в ее нападение?

— Думаю, что рано нас сбрасывать со счетов. Важно, чтобы наши защитники и полузащитники неплохо сыграли. Тогда и у нас с Протасовым все будет получаться в атаке. Мне нравится играть с ним в паре.

— Ну а поражения, которые в этом году потерпела сборная СССР от итальянцев и шведов, вас не огорчили?

— Проигрыш сборной Италии я бы вообще не брал в расчет у них был разгар сезона, а мы только-только приступили к работе. Шведам же в Западном Берлине уступили по глупости. Промахнулись тактически: играли с одним нападающим. Правда, особых огорчений не испытали, но урок все же получили. Полезный урок.

— Кого из финалистов европейского чемпионата считаете фаворитом?

— Любую команду из семи наших соперников.

— А сборную СССР?

— Естественно! Состав, на мой взгляд, подобрался оптимальный. Но главное, что ребята настроены сыграть с полной отдачей.

...С тогдашним капитаном московского «Спартака» и сборной Советского Союза Ринатом Дасаевым знаком давно. Симпатизирую ему как честному и откровенному собеседнику Я знал, что матч в Западном Берлине для нашего голкипера был четвертой по счету встречей с футболистами Аргентины, но первой столь крупной победой над ними. И спросил, была ли она лично для Рината неожиданностью?

Признаться честно, была,— ответил Дасаев. Все-таки выходили играть против чемпионов мира.

— Много ли потом в команде говорилось об этом?

— Нет, самую малость. И все-таки думаю, что именно эта победа придала нам уверенности в собственных силах. Мы ведь в тот день превзошли аргентинцев по всем статьям. Даже Марадона в этом матче ничего особого не смог показать.

— Ринат, хочу вас спросить как капитана: ощущалось ли отсутствие Лобановского в марте — апреле, когда сборная без него проводила серьезные международные матчи?

— Конечно! Главный тренер все-таки есть главный тренер. На мой взгляд, не чувствовалось той собранности, строгой игровой дисциплины, как бывает, когда Лобановский с командой.

— Что думаете о нашей сборной накануне европейского финала?

— Состав неплохой. Вкус побед в большом футболе многие

ребята уже ощутили. Правда, в клубных турнирах. Но пора и в составе сборной добиться чего-то существенного. Ведь возраст большинства из нас такой, что турнир такого уровня может стать первым и последним в футбольной биографии. Так что в июне на играх финала чемпионата Европы в ФРГ для меня и моих товарищей вопрос будет стоять ребром: сейчас или никогда!

...2 мая мы наконец-то встретились с Лобановским, для того чтобы обстоятельно побеседовать без посредства телефонной трубки. И я включил свой диктофон:

— Как себя чувствуете сейчас, когда за окном уже май и финал чемпионата Европы буквально «на носу»?

— Если я уже готов к встречам с этим дотошным народом — журналистами, то все остальное выдержу...

— Вы оказались в госпитале накануне престижного турнира в Западном Берлине. Признайтесь откровенно, была ли победа нашей команды над сборной Аргентины неожиданностью лично для вас?

— На мой взгляд, в современном спорте неожиданной может быть ситуация, когда, к примеру, команда или спортсмен, которые тренируются два раза в неделю, вдруг побеждают соперников, которые уделяют подготовке пять-шесть часов ежедневно. Вот это настоящая сенсация. Но в современном футболе конкуренция необычайно высока, и в споре равных может победить любая команда.

— Не спорю, но вот проигрыш шведам в финале турнира в Западном Берлине наших болельщиков огорчил. Некоторые игроки, с которыми мне довелось беседовать, считают, что это поражение — из-за тактической ошибки, связанной с введением в основной состав лишь одного нападающего...

— Позвольте усомниться, что все игроки думают именно так. Даже если один-два футболиста так считают, то это же еще не вся команда. К слову сказать, разве вы никогда не видели клубов или сборных, проигрывающих даже с тремя форвардами?

— Резонно. Следующий вопрос. Первого января по советскому телевидению нам показали фрагмент жеребьевки из Дюссельдорфа. Помните, когда восьмилетний сын известного игрока сборной ФРГ Урлиха Штилике извлек номер нашей сборной, телевизионщики спустя мгновение крупным планом дали ваше лицо. Показалось, что вы довольны жребием?

— У меня и моих коллег не было никаких особых надежд, ибо в любом сочетании группы выглядели бы довольно внушительно. Я не предвидел и повода для расстройства.

— Из нашей телефонной беседы я понял, что за время болезни вы основательно успели изучить видеозаписи игр всех

соперников по финалу. Какова ваша общая оценка финалистов?

— Очень интересные команды, и без преувеличения скажу, что желание поскорее встретиться с участниками предстоящего финала чемпионата Европы в определенной степени помогло мне быстрее выздороветь. Как соперники все они мне очень нравятся.

В последние годы мы не видели игры английских клубов. О сборной же Англии знаем, что она имеет — так утверждают наши справочники — лучший, чем советская команда, коэффициент по специальной таблице УЕФА. Какова ваша оценка нынешней английской сборной?

— Не мне опровергать истинность таблицы УЕФА. Правда, я не уверен, что игроки нашей сборной знают что-либо о ней. О том, насколько авторитетна эта таблица, нам лучше удастся судить, когда встретятся сборные Англии и СССР. Что же касается меня, то я никогда не видел слабых английских сборных, а нынешняя настолько хороша, что я всякий раз с особым удовольствием просматриваю видеозаписи с ее участием.

— После длительного спада вновь наблюдаем возрождение голландцев, в составе которых играют такие звезды европейского футбола, как Гуллит и ван Бастен. Может ли, на ваш взгляд, сборная Голландии рассчитывать на роль одного из фаворитов чемпионата Европы?

— Если и впрямь предположить, что сборной Голландии необходима репутация фаворита, то этой цели она уже достигла. К тому же команду украшают игроки, которые выделяются мастерством даже на фоне высокой квалификации партнеров, можно сказать, сверкают в диадеме команды. Но, например, без таких творцов, как великий итальянец Бенвенуто Челлини, чьи виртуозные по мастерству ювелирные изделия потрясают, о драгоценных камнях в музейных экспонатах мы бы знали только то, что они дорого стоят. Так и незаурядные возможности сборной Голландии сегодня мне видятся не только в талантливости игроков, но и в создавшем из них ансамбль замечательном тренере. Его новый образ игры опять убегает куда-то за горизонт. Правда, вполне может так случиться, что команда Ринуса Михелса не выиграет первое место: жизнь достаточно консервативна. Но я предчувствую, что после чемпионата Европы футбол будет благодарен голландцам за свежие тактические идеи. Если этому предчувствию суждено сбыться, мы все останемся в выигрыше.

(Замечу, что предчувствия не обманули Лобановского: голландцы на футбольных полях ФРГ действительно показали великолепный футбол, и команда Ринуса Михелса стала чемпионом Европы-88. Впрочем, об этом разговор впереди. Я же

подчеркнул слова главного тренера сборной Советскою Союза лишь для того, чтобы вы, читатель, увидели, насколько глубоко и тонко чувствовал футбол сам Лобановский, сколь серьезно знал дело, которому посвятил жизнь.)

Меж тем наш разговор только набирал «обороты». Задаю очередной вопрос: в составе сборной Ирландии выступают многие ведущие игроки английских клубов. Тренер ирландцев Джекки Чарльтон заявил в прессе, что Англия будет фаворитом во второй группе, а его команда постарается финишировать вслед за ней. Как вы оцениваете шансы ирландцев?

— Мне предстоит поломать голову, каким образом свести их к минимуму...

— По мнению некоторых участников международного турнира в Западном Берлине, уровень игры сборной ФРГ, вероятно, не позволит ей рассчитывать на высокое место в июне. А как вы считаете?

— Разве это возможно — за два месяца до чемпионата с уверенностью говорить о том, как они будут выглядеть в финале? Меня удивляет, что такого рода турнирам придается чуть ли не классификационное значение. А если допустить, что международный турнир проводился для того, чтобы сборная ФРГ его... не выиграла, но зато победила в чемпионате Европы? Такое ведь тоже случается.

— Хотелось бы услышать вашу оценку своей команды. Все ли было сделано для того, чтобы она выехала на финал в оптимальном составе, или у вас были проблемы, которые мешали подготовке сборной СССР?

— Оптимальный состав игроков, как известно, бывает только лишь у команд-победительниц. Всем остальным не хватает как минимум одного классного футболиста. Ну а главная наша проблема неоригинальна: очень хочется побороться за чемпионский титул! А как это сделать...

— В сезоне 1987 года в составе первой сборной СССР успешно играли Михайличенко, Добровольский, Лосев и Яровенко. Двое первых даже забивали голы в официальных и товарищеских матчах. Но в этом году мы пока не видели их в составе главной команды страны...

— В нынешнем сезоне перед советским футболом поставлена весьма оригинальная задача, которую пока не брались решать ни в одной стране мира: иметь две равноценные сборные для участия в чемпионате Европы и в олимпийском турнире в Сеуле. Игроки, которых вы назвали, проходят подготовку в олимпийской сборной...

— И все же тренерский совет включил Михайличенко и

Добровольского в число кандидатов в первую сборную. Правда, иные наши тренеры опасаются, что за довольно сжатый промежуток времени эти игроки не смогут дважды — в июне на чемпионате Европы и в сентябре на Олимпийских играх — достичь подходящей спортивной формы...

— Это тот самый случай, когда мы не можем быть выше обстоятельств,— Лобановский при этих словах улыбнулся. А они таковы, что сам регламент УЕФА и структура проведения европейских турниров заставляют нас, тренеров, выводить футболистов на вершину спортивной формы дважды в год: весной и осенью. Ведь не случайно почти во всех европейских странах чемпионаты проводятся по этой формуле: осень — весна или весна — осень. Так что перед нами задача двух, как принято говорить, «пиков» формы уже поставлена. Почему же считается, что выступление того или иного футболиста на высоком уровне на чемпионате Европы в июне может негативно отразиться на его игре в сентябре — октябре? Я не согласен с такой постановкой вопроса.

Давайте и здесь, читатель, отдадим должное компетентности Лобановского. К примеру, Алексей Михайличенко, о котором шла речь в нашей майской беседе, блестяще показал себя летом на футбольных полях европейского чемпионата в ФРГ и осенью на олимпийском турнире в Сеуле, где было завоевано «серебро» и «золото». И примечательно, что по итогам традиционного референдума еженедельника «Футбол — Хоккей» Михайличенко был признан лучшим футболистом Советского Союза сезона-88.

— Судя по всему,— сказал я Лобановскому,— будь на то ваша воля, мы бы давно изменили формулу чемпионата Советского Союза?

—Конечно! Мы говорим и пишем об этом добрый десяток лет. Но, увы, ничто не меняется. С дедовских времен начинаем наш чемпионат на раскисших полях, а заканчиваем поздней осенью, нередко уже на снегу. К нашим предложениям о переходе на европейский стандарт не прислушиваются. Так собственный консерватизм ставит нас в очень сложное положение. Посмотрите сами, что сейчас получится. Все футболисты, которые будут выступать в составах сильнейших национальных сборных Европы, после финала поедут отдыхать. Кроме игроков сборной СССР! А наших парней после июньских матчей в ФРГ, которые потребуют максимального напряжения сил, сразу же — без малейшего перерыва! — ожидают игры чемпионата страны. То есть после нагрузки снова — нагрузка.

— Да уж, от такого рабочего ритма не поздоровится.

— Совершенно верно! Уж поверьте мне, за эти почти два

месяца, провалявшись с недугом, который в народе называют «мерцалкой», я лишний раз убедился, что даже для хорошо тренированного организма нарушение четкого жизненного ритма, то есть разумного чередования работы и отдыха, грозит бедой и чревато печальными последствиями.

— Быть может, это одна из причин того, что наши футболисты расстаются с футболом гораздо раньше, чем их коллеги в зарубежных клубах?

— Конечно. Ведь только некоторым из советских футболистов, особенно крепким от природы, удается подольше сохранить свое место в большом футболе. Остальные в считанные сезоны прямо-таки увядают, не выдерживая столь жесткого ритма, а точнее — аритмии нашего футбола. Поэтому повторюсь, что по сравнению с теми же клубами или сборными, с которыми нам приходится конкурировать на Западе, мы находимся в очень сложных условиях.

— Однако, пока не произошло глобальных изменений в нашем футболе, вам надо как-то преодолевать эти сложившиеся трудности. Как именно?

— Ищем пути, экспериментируем, пробуем. Болельщики киевского «Динамо», видимо, обратили внимание, что летом мы обычно используем недельный или максимум десятидневный восстановительный цикл, который, как правило, проводим в Ялте. Во время этой микропаузы пытаемся хоть немножко восстановить физическое и нервно-психологическое состояние футболистов. Конечно, это полумеры. Нам необходим продуманный на десяток лет вперед четкий ритм жизни советского футбола, способствующий повышению его качественного уровня и долголетию наших футболистов.

— Здесь, думаю, уместно коснуться вопроса о научном обеспечении работы киевского «Динамо». Известно, что еще в начале 70-х годов вы тесно сотрудничали с учеными, задумали создание в клубе научной лаборатории. С годами она была создана. Теперь оснащена современным оборудованием, включая новейший компьютер, подаренный команде «Динамо» (Киев) известной американской фирмой «Коммодор». Но вот что любопытно. Стоит команде одержать крупные победы, как тут и там хвалят «науку», а у руководителя лаборатории кандидата педагогических наук Анатолия Зеленцова берут интервью. Проигрывает «Динамо» — и в его адрес слышатся нелицеприятные высказывания иных спортивных руководителей. Все это понятные явления: конъюнктурный подход людей, вероятно, не понимающих истинных задач науки, которая сама по себе не обеспечивает победу, а дает лишь точную информацию

тренеру, помогает ему выверить какие-то определенные ходы в тренировочном процессе. Но вас все-таки хочу спросить: в какой мере научный подход к делу в вашей работе вытеснил то, что принято называть тренерской интуицией, сметкой?

— Не секрет, что мы действительно тесно сотрудничаем с наукой, и здесь речь, к примеру, идет о самых современных формах тестирования, о цитохимическом анализе и тому подобном. Но ведь в жизни футбольным тренерам сплошь и рядом приходится принимать какие-то оперативные решения. Как же здесь обойтись без тренерской интуиции, опыта, сметки, наконец? Нет, наука их не вытеснит никогда!

Однако вернемся к чемпионату Европы. Похоже, что на финал в ФРГ вы едете с той же защитой, что проиграла на чемпионате мира в Мексике матч бельгийцам. К слову, в пяти играх нынешнего сезона соотношение мячей — 10:9 — дало повод некоторым обозревателям говорить о несбалансированной игре советской сборной...

— ...Теперь я понимаю, что напрасно не задумывался о возможных выводах из соотношения мячей 10:9. Но, скажите на милость, почему виноваты в этом только защитники сборной СССР? В зеркале этих цифр еще хуже выглядят нападающие сборных Италии, Греции, Аргентины, Швеции и Чехословакии вместе взятые. Ведь они-то уж должны были забить в ворота Дасаева больше девяти голов! Пожалуй, наше «бедственное» положение с защитниками несколько скрашивается мыслью о том, что в командах указанных стран еще хуже положение с форвардами...

— Оговорены ли призовые суммы в случае успеха сборной и будет ли градация в оплате при выходе команды в полуфинал, в финал?

— Хороший вопрос. В нашем футболе считается дурным тоном поднимать вопросы об участии команд в распределении выручки от матчей и турниров. Тренеров и игроков все годы приучали не совать нос в механизм и источники материального вознаграждения за их работу. Сохранялось незыблемым лишь требование: больше работать, причем без встречного обязательства, что за больший и качественный труд они смогут больше потреблять. Понимаю, что в условиях перестройки такое не может долго продолжаться. Но пока условия прежние: все, что заработаем, отдадим! А в случае неудачных результатов в отдельных играх вообще будем лишены необходимого, так как получим только 30 процентов суточных. Для нас унизительно испытывать такой пресс. Но мы, наверное, сами повинны в отношений к себе, если не сумели побороться за свое

профессиональное достоинство...

Что касается самого Лобановского, то, сколько его помню, он постоянно отстаивал свою профессиональную честь, право на собственное мнение. Быть может, именно поэтому в среде чиновников от спорта прослыл упрямым и неудобным человеком, который вечно чем-то недоволен. Его постоянная неудовлетворенность бросалась в глаза не только советским, но и зарубежным журналистам. Беседуя с ними, Лобановский, в отличие от иных своих осторожных коллег, в различных интервью за рубежом был не менее острым и принципиальным, чем у себя на родине. Он тревожился о будущем любимого дела, ибо понимал, что футбол давно уже перестал быть просто спортивной игрой. Приведу на этот счет характерные фрагменты из интервью Валерия Лобановского французской газете «Либерасьон» в феврале 1987 года:

— Вы удивительный человек. Все восхищаются вашими командами и вашими результатами, но, однако, вы постоянно утверждаете, что структуры советского футбола полностью устарели.

— Каковы бы ни были наши успехи, нужно думать о будущем. И пока ничего не изменится, я буду оставаться пессимистом. Структуры нашего футбола не претерпели никаких существенных изменений с 1936 года. Сегодня мы должны начать новый этап — этап интенсивного развития: в противном случае нам грозит регресс.

— Формулировка «интенсивное развитие» сейчас очень в моде в вашей стране.

— Футбол — не пустынный остров. Мы связаны с нашим обществом. И если оно считает, что необходимо перейти к высшим организационным формам, футбол должен последовать этому. Но пока что он остается неподвижным. Я веду борьбу за то, чтобы футбол шел вперед. Но хотя советское общество вступило в фазу гигантской перестройки, оно не отказалось от своих основополагающих принципов. У нас никогда не будет професионализма в спорте в том смысле, как вы его понимаете во Франции.

— Какие, еще претензии вы предъявляете к нынешней системе?

— Футбол не только спортивная игра, но и огромный труд. Это утверждение вам кажется совершенно очевидным, но у нас его пока что не усвоили. Признать это — значит согласиться на оплату этого труда по его истинной стоимости. А для этого нужно создать новые структуры, способные обеспечивать необходимые деньги.

— Всем хорошо известно ваше прекрасное знание футбола. Гораздо меньше известна ваша страсть к философии. А не это ли ваше второе качество привело вас к социалистической концепции футбола?

— Я отвечу вам в двух планах. Что касается самой игры, нет. Правила имеют универсальный характер, и никто не может изобретать собственную концепцию. Наоборот, что касается организационной стороны дела, здесь существует коренное различие между нашим футболом и западным. У вас бизнес превалирует над эмоциями. В Советском Союзе главная задача футбола неизменно остается в том, чтобы принести хорошее настроение как игрокам, так и зрителям.

...Уже накануне отъезда нашей сборной на чемпионат Европы я спросил Лобановского:

— Игроки, с которыми мне довелось побеседовать, с оптимизмом и надеждой ожидают предстоящий финал, а вы?

— Тренер команды трудится не для того, чтобы снижать оптимизм игроков. Думаю, что наши шансы в том, что мы уже научились играть в футбол...

Да, он верил в возможности своей сборной. Но не все верили Лобановскому. И очень хотелось, чтобы на первом в его непростой тренерской судьбе финале чемпионата Европы главному тренеру и его команде, кроме всего прочего, еще и сопутствовало спортивное счастье. В таком деле, как футбол, его тоже надо иметь, хотя над этим и подтрунивает кое-кто из среды моих собратьев по перу. Но счастье счастьем, а еще необходима тренерская «ворожба», иными словами — чутье, предвидение, предвосхищение. Увы, есть у меня коллеги, кто склонен и это считать вздором. Вскоре после того, как я рассказал в «Московских новостях» о болезни главного тренера сборной и о том, как он, находясь в реанимационном отделении, смотрел видеокассеты с записью игр соперников, кое-кто из опытных и даже маститых журналистов поспешил написать мне, что никакое спортивное счастье Лобановскому все равно на чемпионате

Европы не поможет, ибо «...команда у него слаба, тренер он тоже слабый, а соперники, не в пример нашей команде, будут сильные...». Почти с издевкой говорилось и о сорока видеокассетах, просмотренных Лобановским во время болезни...

Да что журналисты! Даже среди коллег Лобановского находились и такие, кто ставил под сомнение достоверность его болезни. Своими ушами слышал от одного московского корифея футбола: «Реанимация, тахиаритмия — это все блеф! Он просто испугался и растерялся». На подобные разговоры можно было бы и не обращать внимания. Как говорится, на каждый роток не накинешь платок. Но ведь уже случалось так, что из досужих домыслов и сплетен исподволь формировалось недоверие у тех «официальных лиц», которые управляют у нас футболом. Однажды такое уже было. В своей книге «Футбол — только ли игра?» Никита Симонян рассеял обидные наветы:

Неожиданно Валерий Васильевич заболел. Болезнь почему-то вызвала разные толки. Родилось даже подозрение, не манкирует ли старший тренер, не хочет ли избежать ответственности?

Меня командировали в Киев — удостовериться, действительно ли так серьезно состояние его здоровья. Малоприятная миссия, но я поехал, не сомневаясь: если Лобановский лег в больницу, другого выхода не было.

Дал знать о себе камень в почках, начались дичайшие боли. Врачи объяснили мне, что помочь может только операция, а Лобановский от нее отказывается, так как должен ехать в Португалию. Поэтому ему назначили препараты, которые могут снимать боль часов на двенадцать.

В Москву мы возвратились вместе...

Как видите, дефицит доверия налицо, если уж человека командируют из Москвы в Киев с целью «инспекции»: не симулирует ли болезнь Лобановский?

Глава 2. Доверие

Как очень точно и едко заметил однажды Лобановский, жизнь футбольного тренера такова, что он постоянно должен быть готов к худшему. Полностью с ним согласен. Ведь у нас, пожалуй, нет более незащищенной профессии, чем футбольный наставник. Тренеры и сейчас, и тогда — в 80-е, смещались со своих постов прямо в ходе сезона, часто без особых оснований. Вот что по этому поводу писал в «Правде» в феврале 1987 года тогдашний председатель Федерации футбола СССР Б. Топорнин:

Тревожит частая и порой бесцеремонная смена тренеров. Как оценивать тот факт, что в сезоне-86 покинули «капитанский мостик» в командах восемь старших тренеров? Причины далеко не одинаковы. Но два вывода напрашиваются сразу. Во-первых, вопрос о смене тренеров решается, как правило, в зависимости от места, занятого командой, без глубокого анализа дел, и решается нередко людьми, малосведущими в футболе. Не соблюдается правило о согласовании тренерских назначений и увольнений с Госкомспортом СССР, не учитывается мнение федераций футбола на местах, тренерских советов. В результате проблемы только обостряются. Несомненно, что гарантии для спокойной, целенаправленной и долговременной работы тренера должны быть усилены. Однако не помню, чтобы с кого-то строго спросили за вольную перестановку руководителей команд.

Итак, «...должен быть готов к худшему»... Не знаю, думал ли Лобановский о полной превратностей тренерской доле в ту ноябрьскую ночь 1983 года в пригороде Лиссабона, прислушиваясь к грохоту Атлантического океана. Скорее всего, кривотолки и скептицизм, распространившиеся по его адресу, отошли в сознании на задний план. Мысли старшего тренера сборной СССР в этот час наверняка были заняты предстоящей игрой, страсти вокруг которой накалились до предела. И раскаты прибоя аккомпанировали тревожным думам о состоянии команды, которой предстояло сыграть последний и решающий, быть может, самый трудный матч года.

Это только болельщики, как напишут потом наши обозреватели, «не сомневались в конечном успехе сборной СССР», тем более, мол, что в последнем матче нам противостояла сборная Португалии — соперник, буквально разгромленный весной в Москве со счетом 5:0! На то они и болельщики, чтобы не сомневаться. Впрочем, у них был повод для оптимизма: в сезоне-83 наша сборная ни разу не проиграла. Она лидировала в

отборочном турнире чемпионата Европы во второй группе, побеждала своих соперников уверенно и при этом, по мнению обозревателей, «показывала мощный атакующий футбол». В Лиссабон советская команда прилетела лидером подгруппы, опережая на одно очко сборную Португалии. До заветной путевки в финал чемпионата Европы оставалось полшага. Иными словами — для победы в групповом турнире нашей сборной достаточно было свести матч с хозяевами вничью.

Такая ситуация для подопечных Лобановского таила в себе ловушку чисто психологического свойства: выходить на поле с мыслью о ничьей означало отдать инициативу сопернику, а следовательно, заранее обречь себя на поражение.

Тренеры советской сборной прекрасно это понимали, и накануне игры Лобановский в интервью португальским журналистам заявил: «Мы будем стремиться к победе».

Старший тренер сборной Португалии Фернандо Кабрига, сменивший на этом посту известного бразильского специалиста Отто Глорию, значительно перетряхнул состав. Линия обороны теперь почти полностью состояла из игроков клуба «Порто». Среди полузащитников и нападающих, приглашенных из «Бенфики», «Порто» и «Спортинга», было лишь трое игравших весной против сборной СССР в Москве. Уверенный почерк нового тренера сразу дал себя знать в двух официальных встречах, когда обновленная сборная Португалии обыграла сборные Финляндии (5:0) и Польши (1:0). Эти победы позволили португальцам выйти на второе место, вплотную приблизившись к сборной СССР.

— Нет ли у наших игроков чувства неуверенности? — спросили Кабриту португальские газетчики накануне игры. Ведь они встречаются с командой, которая учинила нам разгром?

— Все наши футболисты в хорошей форме и жаждут реванша за тот неудачный матч,— ответил тренер.

По мере приближения матча Португалия—СССР местная пресса нагнетала ажиотаж, посвящая целые страницы предстоящей игре. Не было недостатка в высказываниях специалистов и самих игроков сборной Португалии. Смысл их сводился к одному: никогда еще у португальской команды не было столь благоприятных возможностей выйти в финальную часть чемпионата Европы. Правда, лиссабонская спортивная газета «Бола» предостерегала свою команду таким напоминанием:

За три последних года сборная СССР провела 24 матча, в 14 из которых одержала победы, 9 свела вничью и лишь 1 проиграла (сборной Бразилии на чемпионате мира 1982 года).

Мне рассказали, что, когда Лобановскому перевели такое напоминание газеты, он грустно усмехнулся: это уже история. В футболе нет постоянных величин. Здесь год на год не приходится. Все события надо оценивать только из сложившейся на сегодняшний день ситуации...

А ситуация накануне решающего матча складывалась явно не в пользу сборной СССР. Футбольный сезон в Португалии был в самом разгаре, а наш чемпионат страны к тому времени уже финишировал. Накопившаяся за сезон усталость давала себя знать, и даже, как говорится, невооруженным глазом было заметно, что многие из игроков нашей команды далеки от своей лучшей формы. Нельзя было сбрасывать со счетов и то обстоятельство, что решающую игру предстояло проводить на стадионе клуба «Бенфика» «Де Луш», трибуны которого вмещают 80 тысяч зрителей. А «родные стены» — фактор в футболе немаловажный. Но главное, что, пожалуй, больше всего должно было заботить Лобановского в Лиссабоне,— это психологическое состояние большинства ведущих игроков сборной. Особенно спартаковцев Москвы и динамовцев Киева, которых в Португалию прилетело одиннадцать человек (из 18 приглашенных в сборную).

Спартаковцы приехали после двух прямо-таки вконец измотавших их матчей с «Астон Виллой» в Кубке УЕФА и днепропетровским «Днепром» в чемпионате страны. А динамовцы Киева вообще весь сезон пребывали словно бы в каком-то психологическом шоке. Что же случилось тогда с одним из лидеров советского футбола?

Давайте, читатель, немного отвлечемся от предстоящего в Лиссабоне матча и восстановим по порядку события, происходившие в киевском «Динамо» после сезона-82, в котором команда завоевала в чемпионате страны серебряные медали и выиграла Кубок СССР. От киевлян, помнится, ожидали новых успехов, но команда-лидер прямо-таки на глазах скатывалась в стан середнячков. Поражения динамовцев можно было уподобить снежному кому, пущенному с горы. До этого года киевляне, 18 лет выступавшие в европейских клубных турнирах, пять раз выходили в четвертьфинал и на этом этапе ни разу не проигрывали на своих полях. Проигрыш 2 марта в Тбилиси западногерманскому «Гамбургу» со счетом 0:3 выбил динамовцев из розыгрыша Кубка европейских чемпионов. Проиграли они и в первом же матче на Кубок СССР ленинградскому «Зениту» — 1:3. Крайне неудовлетворительно обстояли дела клуба и в чемпионате СССР: к августу, после двадцати матчей, «Динамо», 14

футболистов которого входили в различные сборные страны, одержав 7 побед и потерпев 6 поражений (при разности мячей 18—22), занимало в турнирной таблице только лишь 11-е место. А ведь на поле выходили почти те же игроки, что и год назад. Правда, выводил их новый тренер...

Сам ритуал смены старшего тренера в динамовском клубе на этот раз был обставлен довольно красиво — во время торжественного вечера в киевском Дворце спорта, где команде вручали серебряные медали. На этом вечере В. Лобановский, который возглавил сборную СССР и к этому времени уже занимал служебную квартиру в Москве, сказав доброе напутствие родной команде, представил своего преемника — мастера спорта, кандидата педагогических наук Ю. Морозова. И, откровенно говоря, эту перемену сами игроки динамовского клуба восприняли если не с радостью, то уж во всяком случае с облегчением: не всем киевским футболистам была по нраву жесткая требовательность Лобановского...

«Признаюсь, мы вздохнули свободно, пожалуй, даже плечи расправились»,— пишет об этой смене тренеров Олег Блохин в своей книге «Экзаменует футбол», написанном им совместно с журналистом Игорем Заседой. Обратимся к строкам этой книги, на мой взгляд, наиболее точно передающим состояние команды после смены тренерского «кабинета», и предоставим снова слово Блохину:

В «Динамо» появился новый тренер — Ю. Морозов из ленинградского «Зенита». О нем было известно, что он — однодумец В. В. Лобановского как в тренировочных методах, так и в общем видении футбола, много лет создававший команду в городе на Неве. Человек начитанный, умеющий проникновенно говорить, футбольный эрудит, к тому же — добрая, отзывчивая душа. Он понравился сразу и игрокам, и журналистам, последним — за доступность и открытость, отзывчивость и уверенность в ближайшем блестящем будущем «Динамо». Не скрою, кое-какая отрицательная информация тоже долетела до Киева. Те, кто находился под началом Ю. Морозова в «Зените», словно сговорившись, напирали на некоторые стороны характера нашего нового наставника — мол, излишне мягок, а порой просто нетребователен не только к спортсменам, но и к самому себе, прощает если не любые, то, по крайней мере, значительную часть прегрешений как на тренировках, так и в быту...

Мы этим разговорам значения не придавали — редкому

тренеру, покидающему свой пост и переходящему в лучшую, более перспективную команду, не летят вслед слова осуждения и недовольства. Как я уже сказал — Морозов нам понравился.

Вскоре мы ощутили перемены, с первой же тренировки — ни тебе жесткости, присущей Лобановскому, ни непоколебимой требовательности, когда дело касалось выполнения намеченных планов: достаточно было сослаться на нездоровье или плохое настроение, как тебя оставляли в покое.

Стал я с разочарованием замечать, что команда меняется на глазах. Сегодня недобегали (плохая погода — дождь или, наоборот, жара), завтра раньше назначенного закончит работу с мячом (зачем, если послезавтра матч, нужно силы приберечь), сначала опоздал на тренировку один, на следующий раз кто-то вообще не явился (жена заболела, теща на пироги пригласила), и «Динамо» из еще вчера крепкого коллектива стало превращаться в собрание индивидуумов, где каждый в силу — не заслуг, нет! — собственных представлений о самом себе решал, как ему поступить в том или ином случае.

Я никогда не представлял себе, что так быстро можно разрушить создаваемое годами.

Это, так сказать, субъективный «взгляд изнутри» на события, которые происходили в команде киевского «Динамо» в сезоне-83. А вот, к примеру, некоторые вполне объективные данные о том же периоде из одной докладной записки, направленной в Госкомспорт УССР после того, как учебно-спортивную работу киевского «Динамо» проверила компетентная комиссия. Некоторые фрагменты из этой докладной:

Тренировочная нагрузка в киевском «Динамо» не соответствует рекомендациям всесоюзного спорткомитета и вообще современным требованиям.

Налицо отсутствие тренерской преемственности в характере и системности тренирующих воздействий на конкретных футболистов и команду в целом.

Имеются случаи нарушения игроками спортивного режима.

Оказалась неэффективной манера старшего тренера Ю. А. Морозова строить свои отношения с игроками на основе доверия к их сознательности.

В общих выводах докладной значится, что «профессиональные и деловые качества Ю. А. Морозова, рекомендованного на пост старшего тренера киевского «Динамо» В. В. Лобановским, оказались не на уровне задач команды.

В качестве же «предложения» в этом документе записано:

49-летний Ю. А. Морозов не перестроится в короткий период на прогрессивные методы работы, а неотложные ответственные задачи киевского «Динамо» не позволяют превращать команду в курсы повышения квалификации тренеров, поэтому следует отказаться от услуг Ю. А. Морозова в качестве старшего тренера команды.

Я намеренно не стал «причесывать» стиль вышеупомянутого документа, оставив фразы такими, как они написаны. Быть может, не отвечая строгим литературным требованиям, они все-таки проливают свет на положение дел в киевском «Динамо», занявшем в чемпионате страны 1983 года лишь 7-е место. Теперь, надеюсь, уважаемый читатель, вам легче будет представить, в каком состоянии прибыли в сборную Советского Союза накануне ее матча в Лиссабоне семь киевлян. Увы, на этот раз это была далеко не «великолепная семерка». Думаю, что вы поймете, какие тревожные мысли долбили сознание Лобановского ноябрьской ночью восемьдесят третьего года под неумолчные залпы океанского прибоя. Взвешивая все «за» и «против», он должен был определить оптимальный состав нашей сборной на матч с португальцами и в соответствии с конкретной ситуацией избрать наиболее рациональный тактический вариант.

...В день матча обработанное обильным ливнем поле стадиона «Де Луш» превратилось в одну огромную, вязкую от грязи лужу. Это уже была кое-какая фора португальцам. Ведь, к примеру, Олег Блохин на таком поле начисто утрачивал свои скоростные качества.

...Свисток арбитра из Франции Жоржа Конрата, пригласивший к игре сборные Португалии и Советского Союза, для хозяев поля прозвучал словно зов боевой трубы. Всей

командой они бросились штурмовать ворота Дасаева. Тон в атаке хозяев задавали один из самых опытных форвардов страны Жордао, возвращенный в сборную после длительного лечения тяжелой травмы, и Гомеш, которому за полторы недели до этого матча вручили в Париже «Золотую бутсу» — приз лучшему бомбардиру национальных чемпионатов европейских стран (в чемпионате Португалии Гомеш забил 36 голов).

Сдержать натиск таких мастеров атаки не так-то просто. Но наши защитники Сулаквелидзе и Балтача, получившие от тренеров персональное задание по нейтрализации Жордао и Гомеша, надежно справлялись со своими функциями. Под стать им действовали и другие их партнеры по обороне.

Впрочем, и этом матче наша сборная оборонялась почти всей командой. Большую часть игры инициативой владели хозяева ноля. Об этом же свидетельствуют и некоторые цифры. Португальцы за два тайма нанесли 10 прицельных ударов по воротам, 6 раз подавали угловые удары (у сборной СССР эти показатели соответственно — 4 и 3).

«Чисто» действовать в обороне на скользком и грязном поле — дело архисложное. Игра шла, как говорят в таких случаях, на грани фола. Но свисток арбитра гораздо чаще звучал, когда «фолили» гости. Было известно, что французский арбитр Конрат в этом матче в последний раз выходил на поле, а в таких случаях о репутации и дальнейшей судейской карьере заботиться нет резона. Еще до матча в кулуарах поговаривали о том, что португальцы сумели «заинтересовать» арбитра (заметим в скобках, что выход в финал чемпионата Европы приносил в казну национальной федерации не менее 400 тысяч долларов!). За 90 минут игры португальцы пробили в нашу сторону 22 штрафных удара, наши футболисты — только 7... И все же представлялось, что справедливым исходом этого матча должна была оказаться ничья. Но... Впрочем, такими «но» и славится игра в футбол...

Все самое неприятное, что только могло произойти в столь напряженном и нервном поединке, произошло на 43-й минуте игры. В наши ворота был назначен пенальти. На экране телевизора я довольно четко видел всю несправедливость решения арбитра и в тот же момент подумал, что игра, как говорят в таких случаях футболисты, «сделана». Впрочем, для большей объективности в описании этого момента — ключевого во всей игре! — позволю себе привести строки из репортажа специального корреспондента газеты «Советский спорт» О. Кучеренко:

...Шалана, подхватив мяч, совершил отличный проход. На подступах к штрафной ему в ноги бросился Боровский. Шалапа упал. А арбитр показал на 11-метровую отметку. Очень сомнительный пенальти назначил французский арбитр Конрат. Даже поклонники португальской сборной, с которыми мне довелось беседовать, отмечали, что судья в данном случае допустил грубую ошибку. Однако спорить в таких случаях с арбитром бесполезно. Опытный Жордао пробил пенальти точно.

А вот еще одна цитата из того же репортажа:

На последних минутах встречи Черенков издали сделал навесную передачу в сторону ворот, мяч угодил в перекладину, ударился о землю и отскочил в поле.

Не повезло? А если бы мяч «угодил в перекладину», но... на один-два сантиметра ниже, и не «отскочил в поле», а скользнул в ворота? Что тогда? Тогда — 1:1, столь желанное очко, выход в финал чемпионата Европы. Тогда — молодцом наша сборная, выстоявшая в столь трудной борьбе. И наверняка — хвалебные статьи о главной команде страны, которая провела удачный сезон. Не сомневайтесь, что так оно и было бы. Но футбол — это борьба (в том числе, к сожалению, и мнений!). Фортуна на этот раз отвернулась от сборной СССР. А Фемида с судейским свистком скорчила нам, как поет Высоцкий, «рожу бульдожью»...

Решающий матч проигран. А все выигранные до этого — не в счет. И у иных журналистов вместо серьезного, спокойного, а главное — профессионально грамотного анализа, на мой взгляд, как это уже не раз случалось и раньше, верх взяли эмоции. «Падение на финише», «Атака вне игры», «Мимо цели» — эти и им подобные заголовки замелькали в различных газетах. Пищи для формирования общественного мнения было хоть отбавляй. И оно, кажется, окончательно сформировалось. Главный источник поражения — В. Лобановский и его помощники по сборной.

Даже в том репортаже, из которого мы узнали, что в матче Португалия — СССР судья, назначив в наши ворота пенальти, «допустил грубую ошибку», сказано, что наша сборная «проиграла прежде всего из-за неудачно выбранной тактики, из-за просчетов тренеров». Но, интересно, если бы не было «грубой ошибки» судьи, назначившего злосчастный пенальти, и результат был бы ничейный, то критиковал бы тогда «неверный тактический

вариант» автор этого репортажа?

«Тактическая система игры, выбранная старшим тренером В. Лобановским и его коллегами в воскресном матче, сковывала действия и инициативу футболистов и практически привела к разрыву между атакой и обороной»,— писал в те дни один из заслуженных мастеров спорта.

Второй, не менее заслуженный, камня на камне не оставил уже от коллектива самих игроков: «Не проявили наши футболисты высоких волевых качеств, мужества, самоотверженности. Победу отдали почти без борьбы, с каким-то непонятным равнодушием... Неужели меньше стало у тренеров и футболистов спортивного честолюбия?»

И хотя в тех же эмоционально не очень-то сдержанных обзорах еще один из заслуженных мастеров призывал «не рубить сплеча», сам же и «рубил»: «Пожалуй, не заслужили упреков только два игрока — Дасаев и Чивадзе»,— комментировал он. Неужели все остальные заслужили упреки? А как же, к примеру, Балтача? Ведь только благодаря его самоотверженной игре обладатель «Золотой бутсы» Гомеш за 90 минут игры так ни разу и не сумел прицельно «стрельнуть» по воротам Дасаева!

Главный аргумент, который выдвигался некоторыми специалистами и большинством журналистов, состоял в том, что тренеры сборной СССР во главе с Лобановским избрали «не ту тактику». Не в тот, дескать, футбол играет наша сборная. И вновь, как это уже не раз случалось в дни горьких поражений, в пример нашей команде и ее тренерам ставилась игра заморских футбольных дружин, демонстрировавших на чемпионате мира в Испании даже «рискованные атаки большими силами».

А что же Лобановский? Как он воспринял ничем не сдерживаемый обвал критики (а порой просто обидной и не очень-то скрываемой брани) в свой адрес?

В конце 1983 года он выступил с докладом на заседании президиума Федерации футбола СССР. Говорил об итогах участия сборной страны в отборочных играх чемпионата Европы, подробно изложил принципы, которыми он и его коллеги руководствовались в построении тренировочного процесса, в организации игры сборной.

— Если по какой-либо причине принципы не реализованы, а причин бывает множество,— говорил Лобановский,— то виноваты вовсе не принципы. Виноваты обстоятельства, не позволившие их реализовать. И что же теперь, отказаться от них? С моей точки зрения, отход от принципов есть беспринципность.

Старший тренер сборной изложил и организационные проблемы, с которыми пришлось столкнуться при подготовке к

матчу в Лиссабоне. В футболе мелочей не бывает. Лобановский был убежден, что в организации футбольного дела все должно быть просчитано, взвешено и учтено. Ведь любой недосмотр может повлиять на результат.

Учитывая состояние игроков нашей сборной, не желая рисковать, Лобановский задолго до решающего матча ставил, к примеру, вопрос о чартерном рейсе в Лиссабон. В этом ему отказали. Нашей сборной пришлось лететь в Португалию окольными путями, «через пятую страну». Футболистам сборной СССР не повезло даже в том, что в одном из аэропортов ФРГ из самолета, в котором они летели, сбежали двое каких-то пассажиров. По существующему положению, вызвали консула. Пока он приехал, пока разбирались, прошло много времени. В Лиссабон вместо раннего вечера, как планировали, прилетели в четыре утра. В результате — бессонная ночь, нервотрепка, усталость.

Но похоже, что все, изложенное в докладе Лобановского, членами президиума Федерации футбола страны, как, впрочем, и чуть позже — спортивными руководителями, услышано не было. Все зависит от того, хотят ли тебя услышать. С поста старшего тренера сборной страны Лобановский в очередной раз был снят. Такая же участь постигла и тогдашнего начальника команды, заслуженного мастера спорта и заслуженного тренера СССР Никиту Симоняна. В решении коллегии Госкомспорта СССР было записано: «Считать нецелесообразным дальнейшее использование т. Лобановского и т. Симоняна в работе со сборными командами...»

Не считаю себя вправе давать профессиональную оценку этой отставке. Но в обоснованности подобного решения сомневаюсь. Ведь принимали его, так сказать, по горячим следам, в пылу раздражения и обиды за поражение в Лиссабоне, а иначе говоря, «не на трезвую голову». Тогда, еще не осмыслив происшедшего, я интуитивно почувствовал несправедливость такой отставки, конъюнктурный подход людей, решавших судьбы сборной команды, судьбы специалистов, которые отдали ее становлению свой талант, знания, опыт, свои силы и нервы, свои мечты и надежды...

С тех пор мне всегда хотелось докопаться до истины, восстановить которую никогда не бывает поздно. И вот однажды, уже через два года после того обидного поражения, готовя интервью с Лобановским для газеты «Комсомольская правда», я напомнил ему печальную страничку в его тренерской биографии:

— Тренер и его команда,— говорю Лобановскому,— проводят удачный сезон, однако проигрывают в Португалии последний и

решающий отборочный матч чемпионата Европы...

Думал, услышу от него какие-то откровения, признание собственных тренерских просчетов. Не услышал.

— Мы тот матч не проиграли,— спокойно и довольно твердо сказал Лобановский. Нам не дали победить. В футболе такое случается.

«Странная позиция Лобановского,— возразит иной читатель. Быть может, в собственных просчетах он даже сам себе не признается?» Допустим, это так. Хотя в тот период, когда мы с ним беседовали, тренеру не было никакого смысла быть неискренним: речь ведь шла о «португальских событиях», которые были уже в прошлом. Впрочем, приведу на этот счет еще одно компетентное мнение футбольного специалиста, который по своему профессиональному уровню, на мой взгляд, ни в чем не уступал Лобановскому,— кандидата педагогических наук, заслуженного тренера СССР Олега Базилевича: для себя я детально проанализировал все, что происходило с нашей сборной накануне матча с Португалией, и сам матч в Лиссабоне,— говорил мне Базилевич. Учитывая конкретную ситуацию, в которой оказалась сборная СССР, считаю, что Васильич и по составу команды, и по избранной тактике на игру действовал без каких-либо промахов. Я бы на его месте поступил точно так же. Это был оптимальный вариант...

Лобановский снова оказался в Киеве и футбольный сезон 1984 года начал в должности «исполняющего обязанности старшего тренера» киевского «Динамо». Почему «исполняющего обязанности»? Те же люди, которые его снимали с поста старшего тренера сборной страны, не простив поражения сборной в Лиссабоне, считали, что как специалист футбола Лобановский несостоятелен. Да и формально все вроде бы выглядело пристойно: нет у Лобановского высшего физкультурного образования! Но разве назначавшие его главным тренером сборной люди не знали, что он закончил «не тот институт»? А как же высокое звание «заслуженный тренер СССР» — по футболу! — которое Лобановскому присвоили еще в 1975 году, когда киевское «Динамо» первым из советских клубов выиграло Кубок обладателей кубков европейских стран? Увы, этими вопросами не собьешь тех, кому даны были права «пущать или не пущать». У них на все готов ответ: мол, звание — это за прошлые заслуги...

— Какие чувства испытываете? — спросил я Лобановского в те трудные для тренера дни. В ответ Васильевич пожал плечами.

— Сложные,— ответил он, помедлив. Даже если тебя ждут, возвращаться очень тяжело. Особенно когда вокруг бывших тренеров сборной создана соответствующая обстановка.

Получается, что авторитет надо вроде бы завоевывать заново. Но, согласитесь, не бывает, чтобы человек, сиециалист, тренер сразу и вдруг растерял все накопленное и достигнутое годами...

— Это верно, но что вы, «исполняющий обязанности», сегодня можете доказать вашим оппонентам?

Я ничего никому не собираюсь доказывать,— сказал Лобановский. Просто занимаюсь своим делом.

— Как приняли вас футболисты? — спросил я его.

— Лучше спросите о том у них,— ответил он. Сложно отвечать за людей. Но я не почувствовал недоброжелательности.

Нельзя сказать, чтобы своеобразную «обратную замену» старшего тренера киевского «Динамо» игроки восприняли с восторгом: люди-то разные, и многим из них, как мы уже об этом говорили, были не по вкусу крутой нрав Лобановского, его жесткая требовательность в работе. Но все познается в сравнении. И те из динамовцев, которые оставались в душе преданными футболу людьми, честолюбивыми спортсменами, во имя дела вновь готовы были принять твердость и непреклонность Лобановского, отвергая всенрощенчество и мягкость Морозова.

Иные динамовцы ожидали, что невзгоды тренерской судьбы как-то на Лобановского повлияют, сделают его помягче. Этого не произошло.

«После вольготной жизни предыдущего сезона мы с места в карьер включились в насыщенные нагрузками тренировочные задания, выполнять которые нужно было неукоснительно и без всяких скидок,— пишет Олег Блохин в упоминавшейся уже книге „Экзаменует футбол". Лобановский, кажется, стал еще суровее».

Однако с седьмого места в чемпионате страны в 1983 году («при Морозове») киевское «Динамо» в следующем сезоне опустилось в итоговой таблице еще ниже — на десятое («при Лобановском»). Заметим, что футболисты ЦСКА, которых тренировал Морозов, заняв последнее, 18-е место, распростились в том сезоне с высшей лигой. Волею футбольного календаря в последнем матче сезона-84 на Республиканеком стадионе в Киеве встретились команды, возглавляемые В. Лобановским и Ю. Морозовым,— киевское «Динамо» и ЦСКА. И был в этот день зафиксирован печальный «рекорд» посещаемости: 600 зрителей. К слову сказать, динамовцы в том неудачном для себя сезоне «потеряли» (по сравнению с предыдущим годом) почти 117 тысяч болельщиков...

Обозреватели на все лады расхваливали в ту пору «Зенит», «Спартак» и «Днепр», занявших первые три места. Журналисты отмечали «острую, темпераментную, даже страстную игру» призеров, находили у них «ясность и свежесть тактической

мысли, техническое разнообразие». Отличительным качеством «Зенита» (как, впрочем, «Спартака», минского «Динамо» и «Днепра») специалисты и обозреватели считали также их «стремление играть на победу в любом матче, независимо от того, где он проводится — дома или в гостях». А вот киевлян, игра которых «по-прежнему основывалась главным образом на хорошей функциональной подготовке игроков», почти все журили за «старомодную тактику», мол, и приведшую, в основном, команду к «провалу».

Но вот что характерно. По разности забитых и пропущенных мячей (46—30), что в определенной степени свидетельствует о сбалансированной игре в атаке и обороне, киевляне уступили только «Зениту» и «Спартаку» — обладателям золотых и серебряных наград. Значит, киевское «Динамо», теряя очки в том, самом неудачном (по результату) за последние двадцать лет, чемпионате, не теряло все же самообладания. Велась огромная работа по перестройке игры, вконец развалленной в сезоне-83. Процесс сложный и весьма болезненный. Переживали его игроки каждый по-своему, и каждый на свой лад толковал о причинах неудач.

— Что же все-таки происходит с родным «Динамо», Олег? — спросил я в одном из интервью Блохина. Клуб на десятом месте — печальный рекорд за ваши тринадцать лет жизни в высшей лиге.

— Причин много,— сказал Блохин. Главная, на мой взгляд, в том, что некоторые футболисты не соответствуют уровню киевского «Динамо». Выступает за нас группа молодых ребят. Вроде бы и хлопцы хорошие, но играть пока не могут: у них свой предел возможностей, а выше головы не прыгаешь. А группа старших по возрасту уже отдала футболу все, что могла.

Олег недоговаривал. Мне были известны и несколько иные причины «предела возможностей» некоторых его партнеров по команде. И я сказал Блохину:

— Но есть ведь у вас в составе и другие футболисты. Скажем, почему вы-то в свои тридцать два года забили даже в этом плохом для команды сезоне «свои» десять мячей, а талантливый парень 1958 года рождения все больше залечивает травмы или сидит в запасе?

Блохин не ушел от прямого и честного ответа на этот вопрос.

— Сказывается отношение к делу,— сказал он. Да и то, что в более молодые годы этот, как вы говорите, «парень» вел неправильный образ жизни. Я не верю в тренерскую опеку. Его «проконтролировали» в одиннадцать вечера, а в половине двенадцатого он благополучно напился. Контроль должен быть

прежде всего над самим собой...

Тонко чувствовал состояние своей команды Лобановский.

— У футболистов полное моральное неудовлетворение,— говорил Валерий Васильевич. Требования высокие, работа огромная, а результат — отрицательный. Игроки обижались на все: на обстоятельства, на себя... Тем не менее и в той ситуации ребята держались как могли, выразили мне доверие, без которого нельзя было бы работать дальше.

Доверие. Как удивительно емко и просто Лобановский охарактеризовал и сформулировал подоплеку того сложнейшего и болезненного процесса, который происходил в его команде осенью восемьдесят четвертого! Как ясно разглядел, быть может, главный фактор, который при всех прочих обстоятельствах сулил динамовской команде возрождение в относительно короткий срок!

Доверие — это когда у людей есть уверенность в добросовестности человека, в его искренности, в правильности избранного им пути. Скажем прямо, к старшему тренеру и футболистам киевского «Динамо» осенью 1984 года такого доверия не было (чаще всего оно ведь зависит от турнирного благополучия клуба, а положение, как вы уже знаете, было из рук вон плохо). Над головой старшего тренера сгущались грозовые тучи.

У нас вошло в моду, что в сложных ситуациях, примерно таких же, в какой оказалось киевское «Динамо»-84, происходит очередная смена тренеров. Порой это действительно стимулирует команду. Но убежден, что пользу такая мера может принести только в одном случае: когда замена наставника обусловлена объективными причинами. Правда, чаще всего в жизни так не бывает.

Обстоятельства, предшествующие тренерским заменам, примерно одинаковы. Чем больше усложняется ситуация в команде, тем разобщеннее становятся ее игроки, тем больше недоверия выражают тренеру. Особенно если он — специалист требовательный и, как говорится, суровый (оттого и неугодный иным, прежде всего нерадивым или остановившимся в своем росте, игрокам). Начинаются тайные и явные походы футболистов к спортивному руководству, которое в конце концов освобождает от работы тренеров. В восьмидесятые годы именно так и случалось в тбилисском и минском «Динамо», в «Шахтере», «Кайрате», «Черноморце», «Днепре» и «Зените». А осенью восемьдесят четвертого такое могло произойти и в киевском «Динамо».

...Новость о том, что Лобановского «снимают», была уже у

всех на слуху. Мне даже называли фамилии тренеров, с которыми якобы беседовали «наверху» на предмет подбора кандидатуры вместо Лобановского! Как же в этот труднейший для себя и команды период поступил сам Лобановский? На мой взгляд, он убедительно продемонстрировал не только свой профессиональный тренерский опыт, но и блестящее знание психологии спортсменов, недюжинные педагогические способности.

...Лобановский считал, что есть три момента, которые являются определяющими в карьере футбольного тренера: общественное мнение, мнение руководителей, которые и вершат тренерские судьбы, и, наконец, отношение к тренеру самого коллектива игроков. Осенью 1984 года под впечатлением неудачной игры киевлян и под влиянием критических статей в прессе общественное мнение, кажется, созрело: «Лобановского надо менять!» Спортивное руководство тоже было склонно сделать «оргвыводы» (кто же простит 10-е место тренеру-неудачнику?). И это было бы воспринято всеми как вполне нормальное явление для нашего футбола. И вот в один из дней Лобановский был вызван к руководству. Разумеется, он понимал, для чего его приглашают. Но перед тем, как предстать перед начальством, старший тренер киевского «Динамо» собрал команду.

На этот раз в кинозале загородной базы в Конча-Заспе игроки собрались не для очередной установки на игру или беседы о новых тактических веяниях. Здесь шел откровенный разговор игроков и тренера. Разговор, на мой взгляд, ставший переломным моментом в жизни этого футбольного коллектива.

— Меня вызывают к руководству,— начал Лобановский, вглядываясь в лица игроков. Думаю, вы догадываетесь, зачем. Разговор у меня, судя по всему, будет тяжелый. Вопрос может решиться так или так...

Он говорил спокойно, отчеканивая каждую фразу. Футболисты напряженно слушали. Конечно же, они тоже понимали, для чего Васильича, как называли Лобановского в команде, вызывают «наверх». Тем более что со многими из них представители начальства уже имели «конфиденциальные беседы». Но услышать о вызове и догадках на этот счет от самого Лобановского?! Такого футболисты не ожидали. А Лобановский тем же ровным тоном продолжал:

— Прежде чем идти к руководству, решил откровенно поговорить с вами, и, быть может, после этого нашего разговора вопрос удастся решить автоматически, а проблема будет снята сама собой. Если мне предложат работать с командой и в

дальнейшем, я должен твердо для себя решить: соглашаться мне на это или нет? Хочу знать ваше мнение: согласны ли вы работать со мной? Лобановский сделал паузу, а в зале в этот момент было напряженное молчание. Он продолжал:

— ...Если коллектив не хочет со мной работать, тогда какой же смысл мне оставаться здесь тренером? Если же вы говорите мне «да», то я готов работать. Но на тех же условиях!

Футболисты как-то все разом заерзали, зашевелились. Кое-кто начал перешептываться.

— Да чего там, Васильич, будем работать! — раздался голос одного из динамовцев.

Лобановский поднял вверх руку, словно успокаивал команду, и, когда в зале снова установилась тишина, четко и нарочито медленно произнес: повторяю, если я останусь, наши принципы и требования не меняются. Коль вы готовы работать при тех же требованиях, тогда я согласен. Но если у вас шатание, тогда работайте с кем угодно...

И тут заговорили, кажется, все разом. «Да чего там митинговать, будем работать, Васильич», «Остаемся с вами, согласны пахать, как и раньше...», «Да верим мы вам, к чему собрание?!» — слышалось с разных сторон. Лобановский внимательно всматривался в знакомые лица футболистов, словно пытался понять, искренни ли они в этот сложный для него и для коллектива час или нет.

— Что ж, если вы выражаете мне доверие,— сказал Валерий Васильевич,— и если начальство мне тоже доверит оставаться на этом посту, тогда придется браться за работу. Теперь я знаю, что у меня есть опора — команда. Коллектив. Будем вместе заниматься делом, выходить на другой уровень. Я верю в перспективу и готов работать...

«Не сомневайтесь, Васильич, мы все „за"», «Готовы работать!» — снова послышались возгласы из зала. Лобановский машинально взглянул на часы.

— Хорошо,— сказал он слегка дрогнувшим голосом. Спасибо вам. Некоторых игроков, принимавших участие в этом откровенном разговоре, я спрашивал: что они чувствовали после того необычного собрания? Ответы были примерно одинаковыми. Смысл их сводился к тому, что люди получили облегчение от сознания того, что они, оказывается, единомышленники и, доверяя друг другу, смогут сделать многое.

— Я должен был определиться,— вспоминая о том необычном собрании, рассказывал мне Лобановский. Видел, что общественность не поддерживает, начальство колеблется. Важно было узнать мнение коллектива. Не почувствовав доверия

игроков, я бы не стал цепляться за свою должность. Какой смысл? Но после этого собрания я искренне поверил в перспективу.

Руководство тоже оказало доверие Лобановскому, оставив его на посту.

...А в прессе продолжали бушевать страсти вокруг киевского «Динамо». Газеты печатали целые подборки писем удивленных, раздраженных, растревоженных любителей футбола. В январе 1985 года в одном из номеров газеты «Советский спорт» Лобановский ответил на вопросы читателей, тон его комментариев был довольно спокойным и уверенным:

забегая вперед, должен сразу же сказать обеспокоенным любителям футбола: да, в прошлом году мы выступили в чемпионате страны крайне неудачно, но катастрофы, думаю, не произошло, такой спад можно найти в биографии любого, даже самого маститого клуба. Причем — и это важно подчеркнуть — в таких вот внезапных, на первый взгляд, спадах в игре нет ничего необъяснимого. Причины неудач всегда реальны, конкретны, их можно определить, а, следовательно — и поправить дело.

Рассказывая о причинах спада, Лобановский не снимал с себя вины за случившееся и в порядке самокритики признался, что тренеры «так и не нашли педагогических средств для восстановления игрового потенциала команды.

Не решились ввести свежие силы, слишком понадеялись на опыт и авторитет старой гвардии, когда же спохватились, было уже поздно».

Это был откровенный диалог: читатель — тренер. Примечательно, что в тот январский день читатели «Советского спорта» узнали от Лобановского, что в киевском «Динамо» растет хороший резерв и многие из этих ребят уже, что называется, вошли во вкус игры. Старший тренер киевского «Динамо» назвал и конкретные фамилии недавних дублеров, сделавших заявки на место в основном составе, таких как Яковенко, Кузнецов, Михайличенко, Рац...

А закончил Лобановский ту беседу с читателями вполне оптимистично: «Словом, есть еще порох в пороховницах, и мы постараемся доказать это на деле в новом сезоне».

Теперь, зная итоги выступления киевлян в последующих сезонах, понимаешь, что слова Лобановского в той дискуссии с растревоженными судьбой киевского «Динамо» читателями не были обычной в подобных случаях тренерской бравадой. Их

пронизывала убежденность профессионального специалиста, мастера своего дела. Анализируя события тех лет, приходишь к выводу, что тренеру уже тогда дано было предвидеть скорый перелом в турнирной судьбе команды, так что в последующих громких победах киевлян не было никакого волшебства. Теперь ясно, что в коллективе в те трудные годы спада уже зрели и развивались серьезные процессы перестройки сознания игроков, известные их главному тренеру, который исподволь готовился вывести команду на новый, более высокий уровень.

Совладать с такой задачей, естественно, не каждому главному тренеру бывает по плечу. Лобановскому это оказалось по силам. Казалось бы, ничего для меня не должно было остаться загадочного в Лобановском. Ведь опубликовал десятки интервью с ним, очерки и зарисовки о нем, перекочевавшие с газетно-журнальных полос на страницы книг. Но «проникнуть» в эту неординарную личность ох как непросто. Вот у меня отношения с ним всегда были сложными: не со всеми моими публикациями он соглашался, далеко не за все благодарил (хотя порой случалось и такое), да и я, признаться, разделял не все его взгляды. Одним словом, никогда не творил из него себе кумира, но искренне, глубоко уважая как специалиста, принимал таким, каков он есть. Точнее: каким я его видел. Ярким и все-таки без «позы», в чем-то упрямым, но порой сомневающимся, талантливым умницей и в то же время прислушивающимся к другим и компромиссным человеком. Впрочем, «феномен Лобановского» настолько сложен, что скороговоркой тут не обойтись.

Глава 3. Дебют

...Тот разговор в редакции журнала «Спортивные игры» состоялся довольно давно, но подробности его запомнились, словно все происходило вчера. Меня, в то время еще молодого киевского журналиста, главному редактору В. А. Новоскольцеву представил мой московский коллега:

— Владимир Андреевич, вот автор из Киева. Вполне можете ему что-нибудь заказать.

— Написать о хорошем молодом тренере команды игровиков хотите? — сразу спросил Новоскольцев, внимательно окинув меня взглядом. Есть у вас такой на примете?

— Могу попробовать,— ответил я. О Лобановском.

— О ком? В голосе главного редактора слышалось явное изумление.

— О Лобановском,— как можно спокойнее повторил я. Он тренирует «Днепр». Между прочим, самый молодой из ста семи старших тренеров команд класса «А».

— Это какой Лобановский? Новоскольцев, как мне показалось, недоверчиво взглянул на меня исподлобья. Футболист который? Так о нем Аркадий Галинский уж столько написал, что, пожалуй, что-то новенькое и добавить трудно. «Сухой лист»! А он что, уже и хороший тренер?

— Во всяком случае, всего за год сделал интересную команду,— ответил я. И вдруг, неожиданно для самого себя, вероятно желая убедить редактора журнала в неоспоримых достоинствах названной кандидатуры, с некоторым апломбом добавил: Он интересно работает. Неординарный тренер! Если так будет продолжать, то со временем Лобановский может стать тренером киевского «Динамо», а может быть — и сборной страны...

Новоскольцев усмехнулся. Понимаю, что слова мои могли показаться редактору «Спортивных игр» неслыханной дерзостью. Ведь в ту пору киевское «Динамо» возглавлял В. А. Маслов, а сборную страны — Г. Д. Качалин. Два таких авторитета — корифея отечественного футбола! — и вдруг на их посты «посягает» какой-то Лобановский?! Представляю, что в тот момент могли подумать обо мне мои собеседники...

Вспомнил же об этом эпизоде вовсе не для того, чтобы представить себя этаким знатоком-провидцем. Упаси бог. Дело тут вовсе не во мне — в Лобановском! С первых своих тренерских шагов он работал не так, как подавляющее большинство его

коллег. И меня это интриговало, притягивало как магнитом, побуждало сопереживать и желать ему успеха. Впрочем, об этом рассказ впереди.

Тема была принята, и вскоре в названном журнале появился мой материал о 30-летнем тренере Лобановском.

Трудно сказать, какое место в нынешнем чемпионате займет команда Валерия Лобановскрго,— говорилось там. Но уверен, что стадион не раз будет взрываться аплодисментами, тонкие ценители популярной игры еще отметят красивые комбинации его команды. Вновь будут нервничать вратари соперников и вынуждены будут доставать мячи из сетки своих ворот...

Еще одна моя публикация о Лобановском-тренере (немного раньше, чем в журнале «Спортивные игры») была помещена в «Комсомольской правде». Заканчивалась она такими словами: «...в футбол пришел молодой, думающий, ищущий, интеллигентный тренер».

Были в тех первых моих материалах о Лобановском-тренере и другие «красивости». Причем в рукописях их было больше, но, к счастью, некоторые из них вычеркнул сам Лобановский. Он просил меня, когда напишу, дать ему почтить. Я выполнил его просьбу: послал по почте в Сочи, где он проводил отпуск с семьей, копии рукописей. Вскоре он возвратил мне их с некоторыми поправками и небольшой припиской: «Прочитал. Кое-что поправил. Можете публиковать. Но лучше, если это в печати не появится».

Тогда я воспринял такое пожелание как излишнюю скромность Лобановского, да и его чрезмерную осторожность («К чему дразнить гусей?»). Но с годами понял, что в этом тоже был весь Лобановский, стремившийся с первых тренерских шагов реализовать свой имидж прежде всего в работе. Свое дело, к которому он относился профессионально, он оберегал от вторжения любой некомпетентности...

С той поры о Лобановском написано немало. Не знаю в истории нашего и, пожалуй, мирового футбола ни одного тренера, о котором бы столь часто писали, сколь пишут и специалисты, и журналисты о нем. О Лобановском сняты документальные фильмы. Авторам одного художественного кинофильма он даже послужил прототипом для создания героя — молодого ищущего тренера футбольной команды. В 1985 году Лобановский в соавторстве с А. М. Зеленцовым опубликовал

монографию «Моделирование тренировки в футболе». В 1989-м — увидела свет и книга самого Валерия Лобановского «Бесконечный матч» (литературная запись А. Горбунова), в которой тренер поделился своими многолетними раздумьями о футболе.

Поистине, все публикации, связанные с именем загадочного тренера, представляют пеструю картину. Есть в них немало грустных страниц. Чего стоит, например, случай, происшедший в августе 1976 года, когда вся команда потребовала изгнания Лобановского (вместе с его коллегой Базилевичем) из киевского «Динамо» (нечто подобное с другим тренером произошло летом 1987 года в «Зените»).

Сколько копий (точнее, наверное, перьев) было сломано! Вообще не помню, чтобы о ком-либо так полярно и противоречиво писали (и говорили!), как говорили и писали о Лобановском. Тон и оценки, в основном, зависели от успехов или неудач команд, которые он как тренер возглавлял. И в том, что за эти годы мной было прочитано или услышано о Лобановском, невольно угадывалось стремление авторов показать его как специалиста «покрасивше» или ударить побольней...

В начале восьмидесятых годов, когда вместе с Олегом Блохиным я работал над нашей первой совместной книгой «Право на гол», иные знакомые журналисты даже советовали не уделять Лобановскому в ней особого внимания, «которого он недостоин».

После испанского чемпионата мира, когда в прессе подвергли разносу нашу футбольную сборную и ее тренеров (одним из них, напомним, был Лобановский), в футбольных кругах Москвы из уст в уста передавали, как один из заслуженных мастеров спорта отозвался о Лобановском:

В течение нескольких лет,— говорил он,— Лобановский асфальтировал те таланты, которые должны были себя проявить. Но такие буйные были таланты, что они пробились сквозь асфальт.

Невольно возникал и вопрос: почему те же «таланты» не «пробились» в киевском «Динамо» при другом тренере? Был ведь и такой период.

Уж сколько раз о Лобановском широко разносились самые невероятные слухи. Но была ли в той молве истина? И как тут не вспомнить мысль Чингиза Айтматова, выраженную в романе «Плаха» устами Иисуса Назарянина, который словно бы предостерегает нас:

Молва об истине — великая беда. Молва как ил в воде, что со временем превращает глубокую воду в мелкую лужу. В жизни всегда так — любую великую мысль, родившуюся на благо людям, достигнутую в прозрениях и страданиях, молва, передавая из уст в уста, вечно искажает во зло и себе и истине.

В народе говорят: «Слышат звон, да не знают, где он». Еще сеть пословица: «Из мухи сделали слона». Такой подход зачастую и определяет зарождение молвы, которая порой не минует даже прессу, множится миллионными тиражами, исподволь формируя общественное мнение.

Тренер киевлян В. Лобановский считает, что команда должна быть машиной, способной обеспечить нужный результат,— читаем в статье «Неудачи не случайны», опубликованной в газете «Советская Россия» в августе 1982 года. ...Когда во время матчей киевского «Динамо» В. Лобановский периодически командует со скамейки «Назад!», то это указание звучит как его тренерский девиз.

«Кто так отзывался о Лобановском?», «Кто так о нем писал?» — слышатся мне негодующие вопросы иных читателей. Отвечу: многие! Но ни здесь, ни далее намеренно не стану называть авторов подобных высказываний. Нам важно, думаю, напомнить, что подобное имело место, а не конфликтовать, не мелочиться упоминанием отдельных авторских фамилий. Существенно другое. Многое из того, что писали о Лобановском в критическом плане, было, по-моему, за пределами... критики. Ибо целые бурные потоки негативных оценок и замечаний в его адрес протекали, как правило, в русле чистой вкусовщины, не будучи подкрепленными объективной логикой и фактами. К тому же, на мой взгляд, почти ни в одной подобной публикации (с «критическим уклоном») о Лобановском невозможно отыскать суждений, проникнутых искренним желанием понять те или иные действия Лобановского-тренера.

В его тренерской жизни (как и в жизни даже самых знаменитых в мире его коллег) были победы и поражения, и трудно даже подсчитать, чего больше. Припоминаю откровение Лобановского, который недаром однажды признался: «Успех —

категория весьма непостоянная. Срывы и недоработки, горькие пробелы занимают значительное место в тренерской судьбе».

Быть может, сложные взаимоотношения Лобановского с прессой и заставляли его быть порой чрезмерно «привередливым» в отношениях с журналистами отдельных изданий. Уж сколько раз, вызывая недоумение (а порой — просто «гнев»!), Лобановский отказывался давать интервью. К слову, однажды, после очередной подобной «выходки» Лобановского одна наша популярная телепередача объявила об этом на всю страну. Но в том случае, как рассказывали мне очевидцы, неправ был корреспондент Центрального телевидения, подсевший с просьбой об интервью к Лобановскому на скамейку запасных прямо во время матча динамовцев Киева на зарубежном стадионе (а это уже было нарушением протокола ФИФА)...

Да, он из тех, кто весьма небезболезненно, настороженно относится к любой публикации о себе или событиях с его участием. Помню, как после окончания счастливого для киевского «Динамо» сезона-86, выполняя пожелание главного редактора «Огонька» Виталия Коротича, я заговорил с Лобановским о материале для этого журнала. И сразу услышал от него сомнения:

— О чем будет материал? На какую тему? — вопрошал Лобановский. «Огонек» — это уровень! Я внутренне должен быть готов к такому разговору. Придется затрагивать какие-то серьезные проблемы, надо подумать. Так о чем мы будем говорить?

— О вас, о развитии футбола, о профессионализме и прочих делах,— ответил я. Главное, чтобы было у вас желание и настроение беседовать.

— Настроение есть, но... пока не готов,— сказал Лобановский. Вот только на днях я дал интервью для «Вечерки», еще для нескольких газет. Простые вопросы. Не повторяться же нам. Да и авторитет «Огонька» требует материалов особого качества.

— Не согласен,— возразил я. Что для городской газеты, что для самого популярного союзного журнала материал должен быть сделан одинаково хорошо. Вы с этим согласны?

— Да,— сказал Лобановский. Но, по-моему, начинка должна быть все-таки разной. Рассказать о глобальных проблемах советского футбола — это, наверное, и есть то, что подойдет для «Огонька». Вы меня понимаете? Я должен быть внутренне готов к беседе на таком уровне! А как все поострее выразить, пока не знаю. Давайте будем думать.

— Ну, вероятно, сделать это надо так, чтобы соответствовать

девизу «Огонька»: ярче, скорее, смелее, чем в других изданиях!

— Понятно, но есть разные материалы. Как и разные книги. Есть книжки Иванова, Петрова или Сидорова, а есть книги академика Глушкова... Вы же знаете, что жизнь у меня довольно сложная... Тот пинал, другой, третий...

— ...Думаю, что именно поэтому журнал и хотел бы получить материал о вас — о человеке непростой судьбы,— вставил я.

— Вот! — воскликнул Лобановский. Значит, и вы понимаете, что не хочу просто так выступать. А только по серьезным проблемам, которые меня интересуют. Только! И если кому-то нужно что-то другое — пусть меня извинят. Мне теперь надо только отстаивать свои позиции и выступать с материалами, которые будут интересовать людей, заставлять их задумываться о будущем и помогать им подниматься до более высокого понимания футбола. Поэтому давайте еще немного подождем и подумаем. Не надо торопиться. Материал должен быть серьезным...

Даже многолетнее знакомство с Лобановским никогда не позволяло мне думать, что мы уже понимаем друг друга с полуслова. Человек до мозга костей творческий, с ярко эмоциональной натурой, он порою был непредсказуем в словах и поступках. Впрочем, некоторые из тех, кто его окружал долгие годы, не склонны усложнять его образ.

— Лобановский, как и все мы, просто человек,— сказал мне однажды один из них. Ничто человеческое ему, как говорится, не чуждо. Поэтому я всегда прошу ваших коллег-журналистов: «В дни особенно громких побед киевского „Динамо" после фамилии Лобановского ставьте меньше восклицательных знаков: становится тяжелее с Васильичем общаться».

Похоже, что это действительно так и было. Помню, когда киевское «Динамо» и сборная страны — команды, которые возглавлял Лобановский,— пребывали на гребне славы и фамилия тренера была у всех на устах, я как-то в беседе с одним из его друзей и единомышленников посетовал на то, что никак не могу «подступиться» к Валерию Васильевичу.

— Нужна серьезная информация,— сказал я,— но для этого надо с ним встретиться и предметно поговорить, а Лобановский словно бы в позу становится. И что любопытно: с ним особенно сложно общаться, когда команда выигрывает...

— Ты зря на него обижаешься,— весело сказал мой собеседник. Он же живой человек! Когда ему очень плохо, он найдет меня или тебя, еще кого-то и не только проведет с нами вечер-два, но и даст вашему пишущему брату сколько угодно информации. А когда ему хорошо, он замыкается. Это — улитка...

— Пожалуй, ты прав,— согласился я. Сейчас он действительно подобно улитке уходит в свою «раковину». Впрочем, я уже давно принимаю его таким, каков он есть. Соглашаюсь с ним, спорю, порой возмущаюсь, но, кажется, более всего — удивляюсь ему. И все-таки заметно, что с годами он меняется...

— Мы все меняемся, но тут у него абсолютно четкая линия: когда ему хорошо, он, скажем так, более сдержанно относится к окружающей среде.

— Понимаю. Поэтому и думаю, как бы лучше подступиться, чтобы разговорить его.

— Сейчас не подступишься. Это надо ловить момент, когда, например, он будет в отпуске и вырубится из этого страшного напряжения. Но Васильича тоже можно понять: он сейчас подключен где-то под шестьсот вольт...

Кажется, за десятилетия общения я только и делал, что пытался понять Лобановского. Порой мне думалось, что понимаю даже его молчаливость. Она накатывала на него, к примеру, в тот период, когда иные журналисты спешили окрестить его чуть ли не тренером-авантюристом, а коллеги его педантичный подход к стратегии «Динамо» в чемпионатах страны называли Лобановского между собой «бухгалтером». Полагаю, жажда кому-то что-то доказать его никогда не мучила. И не спешил он ни перед кем оправдываться. Просто не тратил зря физические и душевные силы на подобные оправдания («Могут не понять! А если поймут, то все равно не так...»). Да и время свое привык ценить. Он просто работал. Занимался любимым делом. Не знаю, верно ли я разгадал причины этой его периодической игры в молчанку? Ответить смог бы, пожалуй, только он сам.

Весь его тренерский путь — от дебюта в «Днепре» до главного тренера сборной СССР — представляется мне многотрудной дорогой, состоящей из отдельных, но тесно связанных между собой этапов. Был дебют, потом — становление. Со временем пришла пора зрелости, которую сменили годы признания (уже открытого и гласного) его неординарной тренерской позиции. Впрочем, рассказывая о Лобановском-тренере, нельзя абстрагироваться не только от Лобановского-футболиста, но даже от его детства, когда он с младых ногтей мало-помалу усваивал определенные жизненные принципы. Только с учетом событий такой временной протяженности о нем можно говорить, как мне кажется, обоснованно и вполне определенно, ибо факты уже застыли в своей хронологической неизменности... В конце июля 1968 года в газете «Советский спорт» появилась публикация «Футболист уходит...», в которой Лобановский, выступавший в ту

пору в составе донецкого «Шахтера», заявил на всю страну, что не хочет играть в антифутбол и навсегда оставляет зеленый газон стадиона.

Я не удовлетворен положением дел в команде, — говорил в своем монологе футболист. Играть так, как мы играем, дальше нельзя. Мне претит антифутбол. А то, во что мы играем, и называется антифутболом. Не в узком — в широком смысле слова. Потому что рассчитывать на удачу, на случай в современном футболе нельзя. Надо найти четкий водораздел между атакой и обороной, ничем не пренебрегая. Надо создавать ансамбль, коллектив единомышленников, подчиненных одной игровой идее. Я давно твержу, пусть кому-то обидно будет это слышать, что в нашей команде неправильный подбор игроков.

И еще: футболиста надо уважать. Нельзя требовать, чтобы человек улыбался, когда ему плохо, чтобы больной человек делал вид, будто он здоров. Я больше не хочу пытать счастья в других командах — я больше не играю...

Вот так. Сказал, как отрезал. И люди, близко знавшие его, были уверены, что теперь-то он непременно добьется успеха по специальности инженера. Откуда такая уверенность?

Лобановский — инженер по призванию. Его друзьям было известно главное качество Валерия: во всем докапываться до истоков, до причин. А его близкие рассказывали мне, что «серьезность — это у Валерика с детства».

...Если в детстве из всех игрушек ребенок больше всего любит трактор, это не значит, что он непременно станет трактористом. Мать Лобановского, Александра Максимовна, рассказывала, что маленький Валерик любил играть с машинками. И на традиционный вопрос окружающих: «Кем ты будешь, когда вырастешь?» — всегда твердо отвечал: «Шофером!» Но в такие минуты мальчик слышал от своего дяди А. М. Бойченко:

— Нет, Валерик, ты обязательно будешь инженером.

Александр Максимович Бойченко — комсомолец двадцатых годов, один из первых секретарей ЦК ЛКСМ Украины, член ЦИК СССР, коммунист, писатель. Духовный брат Николая Островского. Последние семнадцать лет жизни Александр Максимович был прикован к постели, но продолжал работать. Валерий любил дядю и часто бывал у него.

— Смотрю порой на сына и поражаюсь — вылитый мой брат!

- сказала мне однажды Александра Максимовна. Даже внешне похож. Такой же высокий лоб, та же ямочка на подбородке. А в работе — такой же неспокойный и настырный, собранный и целеустремленный.

...Из класса в класс Валерий переходил с похвальными грамотами, а школу окончил с серебряной медалью. Дядя все же оказал влияние: уже юношей Валерий мечтал стать инженером и закончил политехнический институт. Похоже, что в пору своих выступлений на футбольных полях о тренерской работе не помышлял. Во всяком случае, когда Лобановский играл в «Черноморце», я спросил его об этом и услышал в ответ: «Тренером быть не собираюсь». Как же это все-таки произошло?

— Никогда не думал, что мне так трудно будет расставаться с футболом,— рассказывал уже позже Лобановский. Поэтому, когда закончил выступать и получил предложение тренировать команду, я с удовольствием принял его.

— А как же с дипломом инженера? — спросил я Лобановского после первого года его работы в совмещенной должности начальника и старшего тренера команды «Днепр».

— Видимо, заблуждение молодости,— ответил он. Сейчас я уже живу новой профессией.

Так и ответил: «Живу новой профессией!» И это не было бравадой или обычным штампом. С первых тренерских шагов он, кажется, все 24 часа в сутки думал о футболе. А перед глазами еще стояло недавнее спортивное прошлое. В годы его выступлений Лобановского оценивали по-разному. Одни восторгались, другие находили в его игре много недостатков. Я лично принадлежал к первым, но дело не в этом. Несомненный факт состоял в том, что в нашем футболе за все годы его существования он оказался, пожалуй, наиболее спорной фигурой среди игроков (не перешла ли эта спорность оценок «по наследству» в его тренерские годы?). Большую часть из пятнадцати лет выступлений Лобановский провел на левом краю нападения, а многие считали, что Валерий — центрфорвард. Мне всегда хотелось выяснить истину. Но не спросишь ведь об этом самого футболиста. А вот Лобановскому-тренеру еще в 1969 году в первом же интервью с ним я такой вопрос задал:

— Довольны ли вы своей судьбой игрока? Удалось ли вам, по вашему мнению, показать все, что вы могли бы показать в футболе?

— Своей судьбой, в общем-то, доволен,— ответил Лобановский. Играл в хороших клубах. Но когда футболист заканчивает выступать, он всегда сетует на то, что какие-то причины помешали ему раскрыться полностью. Я, видимо, не

исключение. Думаю, что и мне не удалось сделать всего, что мог бы. С детства мечтал стать центральным нападающим, и всю футбольную жизнь хотелось играть именно на этом месте. Впрочем, я в роли центрфорварда выступал, но недолго. Судьба распорядилась иначе. Когда того потребовали интересы команды, меня поставили на левый фланг. Хотя мне там было играть труднее, чем в центре, я все же приспособился. Уверен, что игрок, который умеет играть, должен успешно действовать на любом месте.

В ту пору в моде были споры о том, что для команды лучше: иметь в составе больше классных игроков, специализирующихся на своих местах, или же — универсалов, умеющих сыграть (хотя и не так классно) на любом месте. Известно ведь, что, например, легче овладеть всеми инструментами средне, чем хорошо, допустим, скрипкой. Но большинство специалистов высказывались за универсализацию игроков.

И вот позже мне подумалось, что Лобановский, уже как педагог, на себе прочувствовавший крушение надежд, сделает какие-нибудь выводы в отношении судеб других игроков, попадавших под его начало. И я задал ему такой вопрос. Задал неспроста, ибо он не был сторонником специализации.

— Уже как тренер,— спросил я его,— будете ли вы ставить Лобановского-центрфорварда на левый край даже в интересах команды? Над ответом он не задумался. Сразу сказал:

— И сейчас, как тренер, я поставил бы Лобановского-футболиста, центрфорварда, на левый фланг, если бы это нужно было команде. Футбол — командная игра! Это ведь не игра для Лобановского, Стрельцова или Иванова, а для команды. Не я побеждаю, как игрок, а коллектив, в котором я играю. Для того чтобы окончательно уяснить позицию Лобановского в отношении так называемых индивидуалистов, поинтересовался его мнением об игре Анатолия Бышовца — яркого, очень техничного футболиста, игравшего в ту пору в киевском «Динамо» и сборной СССР.

— Говорят, что вы были кумиром Бышовца, и он формировался как индивидуалист по вашему образцу,— сказал я Лобановскому. Одни ценят Бышовца именно за этот индивидуализм, другие порицают, третьи — пытаются критически соединить обе точки зрения. Выступая в роли третейского судьи, я склонен думать, что последняя позиция самая удобная, беспроигрышная. Поэтому вопрос формулирую так: имеет ли право выдающийся игрок на самое бережное отношение тренера к своей индивидуальности?

— Безусловно, имеет право! — воскликнул Лобановский. Зря

многие обвиняют Бышовца в том, что он играет «не коллективно». Это неверно. Своей игрой он приносит колоссальную пользу команде. Толя умеет подержать мяч, он отвлекает на себя по нескольку защитников, вступает в единоборство, наконец забивает голы. Но ведь эта «индивидуальная» игра не для себя, а для коллектива. Откажись Анатолий от такой игры, и он перестанет быть Бышовцом. Разумеется, таких игроков надо ценить. Они достойны самого бережного к ним отношения.

Постарайтесь, читатель, запомнить этот ответ тридцатилетнего Лобановского. Мы еще вернемся к этому, когда будем беседовать с Лобановским сорокасемилетним о его тренерских принципах, об игре киевского «Динамо»-86. Впрочем, сейчас продолжим рассказ о дебюте тренера.

Думаю, в определенной степени Лобановскому повезло с местным руководством, которое, как принято говорить, «курировало» футбольную команду «Днепр». Если почти повсеместно от нового тренера всегда чего-то ждут, ставят перед ним определенные условия, то в Днепропетровске его такая участь фактически минула.

— К счастью, конкретными задачами меня не обременили,— рассказывал Лобановский. Да и если бы речь шла о том, чтобы выиграть, скажем, первое место, я бы не взялся за такую работу. Но разговор «наверху» о создании интересной команды, которая будет играть в хороший футбол, будет забивать голы и приносить удовольствие зрителям, был, а вопрос о каком-то итоговом положении в турнирной таблице не возникал.

...И все-таки «Днепр», опередив всех, занял первое место в подгруппе и получил право оспаривать в финальной четверке команд второго эшелона единственную в том году путевку в высшую лигу. Это — за один лишь сезон работы тренера-дебютанта!

Финальный турнир проводился в Симферополе, и я прилетел туда готовить репортажи для «Комсомольской правды» и республиканской «Рабочей газеты». Разумеется, финальная пулька для четверки сильнейших из 78 команд второй группы класса «А», даже при отсеве этой громадной когорты, все еще представлялась «игольным ушком», сквозь которое безумно трудно пробиться в высший футбольный свет. И попав в заветную четверку, иные команды стремились победить, как говорится, «любой ценой», порой забывая о правилах, о долге сохранять достоинство истинных спортсменов...

В первом матче «Днепр» встречался с «Жальгирисом».

— Я видел «Жальгирис», знаю манеру игры литовцев,— рассказывал мне накануне матча Лобановский. Она довольно

жесткая, и жесткость порой переходит в грубость. Этого я больше всего опасаюсь.

— Как же вы собираетесь играть?

— Я говорю своим футболистам, что главное — не ответить грубостью на грубость.

...На 6-й минуте «Днепр» забил единственный в этой встрече гол.

И тут началось то, чего и опасался Лобановский. Соперники днепропетровцев не были особенно избирательны в выборе «средств» контригры. Подножки, удары по ногам, толчки руками следовали, как в калейдоскопе. В конце концов арбитр поединка тбилисец Г. Баканидзе на 52-й минуте за грубую игру удалил с поля Бривинскаса. За шесть минут до конца встречи был выдворен еще один игрок «Жальгириса» Юргелявичюс, оскорбивший судью. Редчайший для финальных турниров случай! Сейчас вспоминаю об этом лишь для того, чтобы отдать должное футболистам «Днепра»: подопечные Лобановского в той непростой для себя ситуации проявили завидное хладнокровие и не дали втянуть себя в антифутбол. По единодушному мнению специалистов, наблюдавших за матчем в Симферополе, «Днепр» выглядел сильнее, показывал довольно мобильный футбол, тактически грамотно действовал и добился заслуженной победы.

Во второй паре первого тура финальной пульки хабаровский СКА победил «Спартак» из Орджоникидзе — 1:0. Обычно специалисты осторожны в прогнозах. Но в Симферополе, когда они увидели в деле все четыре команды, мало кто сомневался, что бесспорный фаворит четверки претендентов — «Днепр».

После первого тура я беседовал с тогдашним председателем Федерации футбола СССР, заслуженным мастером спорта В. А. Гранаткиным. И когда разговор зашел о степени подготовки команд-финалистов, Валентин Александрович недвусмысленно отметил:

— Армейцы Хабаровска и спартаковцы Орджоникидзе выглядят по своей технической подготовке и тактической зрелости слабее «Днепра». Так что победа над основным соперником — «Жальгирисом», видимо, открыла ему путь в высшую лигу.

— А какое вообще впечатление произвела на вас игра днепропетровцев в этом сезоне? — спросил я Гранаткина.

— Очень приятное. «Днепр» выглядел весьма сильно прежде всего с точки зрения физической подготовки, сказывалось его преимущество над многими соперниками также в технической и тактической зрелости игроков. Мне импонирует, что «Днепр» играет тактически грамотно, и это надо поставить в заслугу

молодому тренеру Валерию Лобановскому.

В те годы главным тренером Федерации футбола Украины был заслуженный мастер спорта А. Л. Идзковский. Легендарный вратарь киевского «Динамо» довоенных лет, Антон Леонардович обычно сдержанно отзывался об игре отдельных футболистов или команд. Но когда я его попросил высказать свое мнение о достоинствах «Днепра», он откровенно признался:

«Днепр» в этом году преподнес прямо-таки сюрприз! И не только своим болельщикам, но и соперникам. Ну кто мог ожидать от него такой прыти?! Конечно, в этом заслуга и тренеров, которые работали с «Днепром» в прошлые годы, и нового старшего наставника Валерия Васильевича Лобановского. Он, пополнив состав несколькими сильными игроками из команд других областей и пригласив ряд молодых футболистов из Днепропетровской области, создал отличную команду. Изменилась и тактика «Днепра». Она стала неожиданной для соперников и избиралась в зависимости от характера очередного противника. Днепропетровцы, как говорится, искали свое счастье в чужих воротах, были нацелены на атаку: в 42 матчах забито 73 гола! Но что особенно характерно для «Днепра» — это хорошая психологическая настройка игроков на игру, полная самоотдача каждого игрока и всей команды в целом ради достижения победы...

Ну скажите на милость, мог ли любой спецкор после столь восторженных оценок корифеев нашего футбола сомневаться в том, что именно «Днепр» должен завоевать — и вполне заслуженно! — путевку в высший футбольный свет? Но дело было даже не в путевке. Главное, чем подогревался интерес, состояло в том, что в нашем футболе появился молодой неординарно мыслящий тренер, и это сразу привлекло внимание специалистов и журналистов. И вот, как говорится, желая «набить» журналистский блокнот фактами из жизни будущего дебютанта высшей лиги (впрочем, «блокнот» — это чисто условно: уже в ту пору я начал работать с диктофоном), в дни, свободные от матчей, я отправлялся в Алушту, где днепропетровцы готовились к играм. Замечу, к слову, что в первый год своей работы тренером (в отличие от последующих лет) Лобановский такое иным журналистам, с которыми был знаком по прежним годам, разрешал. Даже накануне официальных игр. Правда, бывая в команде, мы, корреспонденты, беседовали с игроками и тренерами не о предстоящих матчах, не о будущем «Днепра» и не о прогнозах. Тогда о чем же? Только о том, что уже можно было анализировать. К примеру, о победах «Днепра» в подгруппе, где было немало таких сильных соперников, как харьковский

«Металлист», львовские «Карпаты», киевский СКА и другие команды.

— С приходом к нам Валерия Васильевича у коллектива появился какой-то свой стиль игры,— делился со мной своими впечатлениями комсорг и вратарь «Днепра» Владимир Пильгуй. Что сделал новый тренер? Он поговорил с каждым в отдельности, узнал наши мысли и чаяния. По мере своих сил и возможностей старался помочь ребятам получше устроить свой быт. Он много работал, отдавая себя тренировкам. Мы это видели и чувствовали. Каждый из нас хотел показать все, на что способен.

...Лобановский, всегда подтянутый, аккуратный, с вечно чем-то озабоченным лицом, производил впечатление суховатого и строгого человека. Отвечал на вопросы не сразу. По выражению его лица чувствовалось, что он тщательно обдумывает каждую свою фразу. Разумеется, успех «Днепра» складывался из многих компонентов, наполнявших жизнь футбольного коллектива в первый год работы нового тренера. Но было в выступлениях команды и что-то главное, что помогало от игры к игре показывать футбол, который радовал зрителей. Что же было все-таки «главным» в дружине днепропетровцев с точки зрения его тренера? Об этом я в те дни побеседовал с Лобановским.

— Я считаю, что нам удалось прежде всего хорошо организовать игру команды,— сказал Валерий. Люди выполняли все, что от них требовалось, соблюдали строжайшую игровую дисциплину. Кроме того, удалось привить футболистам профессиональное отношение к делу, чувство ответственности за свою игру. Эти качества, главным образом, и помогали нам вырывать победы в борьбе с сильными соперниками. В ту пору в нашей печати ставить рядом такие слова, как «спорт» или «футбол», со словом «профессионализм», как правило, избегали. (Упаси бог, читатель подумает, что наши футболисты-любители только и заняты тренировкой и игрой в футбол. Хотя так оно, в общем-то, и было с давних времен — еще... до рождения самого Лобановского.) Но я все-таки решил уточнить у Валерия, что же он понимает под «профессиональным» отношением футболиста к делу?

— Это очень просто,— ответил Лобановский. Приходит человек на тренировку и полностью отдает себя этому. Выходит на игру — полная самоотдача в игре. Проводит свободное время — и оно направлено на то, чтобы наилучшим образом подготовиться к матчу. Одним словом, вся жизнь команды должна быть подчинена главному — подготовке к игре. Подобно актеру, который вживается в роль, мы должны помнить о своей роли в футбольном спектакле.

— Это скорее ближе к психологии,— сказал я. Между прочим, многие специалисты отмечали особое умение вашей команды верно настроиться на игру с конкретным соперником. В чем же заключалась подобного рода подготовка «Днепра»? Что вы вообще думаете о роли специалиста-психолога в коллективе спортсменов?

...Вопрос такого характера я задал Лобановскому неспроста. В те годы об этом много говорилось и писалось. В футбольных и болелыцицких кругах ходили всякие байки о чудо-психологе, который работал с игроками непобедимой команды бразильцев. Правда, с годами, когда я прочел книгу Пеле «Моя жизнь и эта прекрасная игра», написанную им совместно с репортером Л. Фишем, и другие воспоминания, понял, насколько мифы были далеки от истины. Психолог в сборной Бразилии перед чемпионатом мира 1958 года действительно был — профессор Хоао Карвальес. Как пишет Пеле, он давал задание игрокам рисовать человечков. По его мнению, игроки с широким кругозором должны были рисовать более усложненные фигурки. После этого «теста» профессор и давал свои рекомендации тренеру. Он, например, убеждал тренера, что «заявлять на игру Гарринчу было бы ошибкой, поскольку уровень его кругозора значительно уступает требованиям, предъявляемым теорией».

Самому же Пеле психолог дал такую характеристику:

Пеле, очевидно, инфантилен. Ему недостает необходимых бойцовских качеств. Он слишком молод, чтобы ощутить агрессивность и чтобы должным образом реагировать на нее в стиле классного нападающего. Кроме того, ему не присуще чувство ответственности,— столь необходимое для командной игры. Нет, ставить его на игру нельзя.

Что же предпринял всемирно известный тренер бразильцев Феола, получив такую информацию психолога? Он спокойно выслушал профессора, а потом ему сказал: может быть, вы совершенно правы. Но дело в том, что вы совсем не разбираетесь в футболе. Когда Пеле оправится от травмы колена, он выйдет на поле!

А теперь послушаем ответ тридцатилетнего Лобановского на мой вопрос о психологе в команде:

— Думаю, что никакие доктора-психологи футболистам не нужны,— сказал он. На мой взгляд, психологическую подготовку

должен осуществлять сам тренер. Причем она должна проводиться не только на собраниях или тренировках, а исподволь проявляться во всем.

— В чем же именно? Нельзя ли это проиллюстрировать на каких-то штришках? — уточняю я.

— Можно. Заметишь, к примеру, что футболист, прогуливаясь, ведет себя слишком разболтанно, надо немедленно его «подтянуть». Может быть, для этого даже не грех задеть его самолюбие. Другого надо успокоить. У одного вызвать уязвленное настроение, у другого — улыбку, смех. Все зависит от характеров. Ведь из них же складывается характер команды. Думаю, что чего-то особенного, каких-то «тайн» что ли, в психологической подготовке коллектива нет. Все это — повседневная жизнь, которая складывается из мелочей, из деталей. Если коротко, то я бы сказал так: психологическая подготовка людей — это умение тренера вызвать нужные эмоции, которые необходимы каждому из них и команде для данной конкретной игры.

— Валерий, почему вы так часто говорите «люди», а не «футболисты» или «игроки»?

— Потому что это люди. Я стараюсь об этом всегда помнить. В конце той беседы задал ему и такой вопрос:

— О вас футболисты говорят, что вы никогда не улыбаетесь. Тренеру не положено улыбаться?

— Нет, почему же,— мне показалось, что Лобановский слегка смутился. Я улыбаюсь часто. Например, когда моя шестилетняя дочь Светлана задает очередную порцию детских вопросов. Смеюсь даже при удачных остротах, когда смотрю КВН, улыбаюсь на спектаклях или в кинотеатре, когда идет хорошая комедия. А в футбольной жизни... Он задумался и, пожав плечами, серьезно сказал: Мне пока просто не от чего улыбаться.

...И вот, когда днепропетровские болельщики предвкушали празднование выхода своей команды в высшую лигу, а мы, журналисты, уже запасались материалами для того, чтобы получше «подать» в прессе «команду Лобановского», в Симферополе, на изумрудного цвета футбольном газоне стадиона «Локомотив», произошло что-то невероятное. Но вполне очевидное! Одним словом, «Днепр» проиграл. Проиграл бесславно. Не стану сейчас восстанавливать события того матча по памяти, ретроспективно. Просто процитирую строки собственных газетных репортажей (они диктовались, как говорится, «в номер» и, на мой взгляд, наиболее точно отразили увиденную автором картину матча).

...В матче спартаковцев Орджоникидзе с командой «Днепр» специалисты предсказывали интересную борьбу, но ее не случилось. На протяжении двух таймов футболисты Северной Осетии «диктовали» соперникам свою игру. Днепропетровцы провели матч без особой спортивной злости. На три гола, забитых спартаковцами, они ответили лишь одним. В итоге победа «Спартака» —3:1.

«Комсомольская правда»

...Когда же наконец футболисты Днепропетровска дадут ответный бой, заиграют с полной отдачей сил? Увы, до конца матча так и не довелось увидеть прежний «Днепр». В его игре на этот раз было чересчур много академизма и отсутствовало главное — жажда гола, страстное желание победы. Это в первую очередь относится к капитану А. Бибе, нападающим В. Назарову и В. Мирошину.

«Рабочая газета»

...Сразу же после матча, пробившись поближе к входу в раздевалку, я внимательно всматривался в лица игроков проигравшей только что команды. Низко опустив голову, шел Володя Пильгуй, с которым мы еще накануне, в Алуште, так обстоятельно обо всем побеседовали. Заметив меня, вратарь замедлил было шаг, кажется, что-то хотел сказать. Я увидел, что в глазах комсорга «Днепра» блестели слезы... Потом, сделав досадливый жест рукой, он быстро направился в раздевалку, так ничего и не сказав. А вот некоторые партнеры Пильгуя по команде как-то загадочно ухмылялись, перебрасываясь на ходу короткими репликами, словно ничего особого не произошло.

На Лобановского в те минуты больно было смотреть. Мрачный как туча, молчаливый, с очень злым выражением лица. Сами понимаете, что это не лучший момент для интервью. Но я решился, подумав о том, что и он, и я, прежде всего, должны профессионально относиться к своему делу.

— Сегодня «Днепр» выглядел на поле как две команды,— сказал я Лобановскому. Одни игроки выкладывались, другие — вроде бы стали в позу наблюдателей. Вам это не показалось, Валерий? Только ответьте честно. Вопрос не праздный. Вы-то не

хуже меня знаете, с чем связан для некоторых игроков вашей команды переход в высшую лигу, где они уже свое поиграли...

Лобановский сразу не ответил. Несколько раз он глубоко вздохнул. На его худощавом лице задвигались желваки. Видно было, что он тщательно обдумывает ответ.

— Нет, «Днепр» не был «двумя командами»,— наконец сказал он.

И замолчал. И снова заиграли желваки на его лице. Жаль мне стало Валерия в горькие для тренера минуты. Я прекрасно понимал его состояние: наставник сделал вроде бы все, чтобы наилучшим образом подготовить «Днепр» к матчу, а команда вдруг стала неузнаваемой. В чем же тут дело?

...Лобановский на пять лет моложе меня. К тому же, в отличие от него, у меня физкультурное образование (окончил в 1959 году факультет физвоспитания Одесского пединститута имени К. Д. Ушинского). Признаюсь, что, еще будучи студентом, увлекался изучением таких предметов, как физиология, психология, анатомия, лечебная физкультура. И это очень помогало мне на тренерской работе (правда, не по футболу, а по боксу, но ведь многие принципы подготовки к состязаниям и сами перипетии борьбы в разных видах спорта схожи). Когда же профессионально занялся спортивной журналистикой, знания специальных дисциплин и почти десятилетний тренерский стаж тоже были неплохим подспорьем в работе.

В тот злосчастный для молодого тренера час захотелось хотя бы как-то облегчить его страдания. Быть может, именно поэтому (или желая показать свою «ученость»?) я сделал попытку своим вопросом подсказать Валерию ответ:

— А может быть, проигрыш «Днепра» следует рассматривать с точки зрения психологического настроя? — говорю ему. Ведь по всем другим компонентам ваши подопечные были подготовлены лучше, чем футболисты из Северной Осетии?

— Совершенно верно,— кивнул головой Лобановский,— «Жальгирис» мы считали своим главным соперником. Обыграли его. После этого наши люди, видимо, думали, что игра со «Спартаком» будет легкой потому, что спартаковцы в первой встрече потерпели поражение от футболистов Хабаровска. И хотя мы настраивали их иначе, они психологически не сумели подготовить себя к трудному поединку. Может быть, наши и понимали, что игра будет сложной, но где-то мысленно, подсознательно уже видели себя победителями. А «Спартак» вышел дать нам бой, и каждый игрок в этом матче делал почти невозможное. Вот и получилось, что одна команда здорово выглядела, а вторая — как будто не хотела играть...

Все вроде бы гладко и логично. Но была ли в том его ответе истина? Кого и в чем хотел убедить тренер — меня или самого себя? В этом еще предстояло разобраться.

...В ночь на 7 ноября 1969 года в аэропорту Симферополя было многолюдно. Все спешили улететь, поспеть к празднику домой. Но помешал коварный осенний туман. Он накрепко до утра закрыл воздушные ворота Крыма, сделав погоду нелетной. В кафе аэропорта я встретил Валерия Лобановского. Хмурый, весь какой-то натянуто-серьезный. К чашечке давно остывшего кофе он так, кажется, и не притронулся. Все время о чем-то напряженно думал. Должно быть, события финальной пульки представлялись ему в виде хорошего сна с кошмарным концом. А тут еще какой-то болельщик, узнавший Лобановского, «подлил масла», рассказав, что отдыхавшие в Крыму почитатели «Днепра» после поражения от «Спартака» сразу сочинили частушки и распевали их на мотив популярной украинской песни:

Ти казала, що «Дніпро»
Буде першим на табло.
Підхожу я до табла,
Та и не бачу я «Дніпра».
Ти ж мене підманула,
Ти ж мене підвела...

Да, слишком реальны и близки были столь желанные для команды тренера-дебютанта и ее болельщиков малые золотые медали и путевка в высшую лигу нашего футбола. Поэтому серебряные награды, завоеванные футболистами «Днепра», остались как бы незамеченными. И футбол, призванный дарить радость, наградил эмоциями прямо противоположного характера. Во всяком случае — молодого тренера...

Любопытно, что в ту же ночь долгого ожидания рейса на Киев в аэропорту Симферополя встречал я и некоторых футболистов «Днепра», знакомых мне по их выступлениям еще в составе киевского «Динамо». Удобно устроившись в зале ожидания, они коротали время за картами. Поражали их безучастные, не выражавшие ничего определенного, какие-то невозмутимо-безразличные лица. Вспомнил, что это выражение было таким же, когда бывшие киевляне входили в раздевалку после матча со «Спартаком» и когда рядом с ними со страдальческим лицом и

глазами, полными слез, шел вратарь и комсорг «Днепра» Володя Пильгуй, понуро шагали другие его товарищи, остро переживавшие неудачу...

Я читал, что каждому человеку, не лишенному воображения, в той или иной степени доступен иногда исторический синхронизм — способность «жить мысленно разом в нескольких временных воплощениях, разделенных порой столетиями и тысячелетиями». Не претендую на способность разом переживать события, находящиеся в столь длительном временном разрыве, но через шестнадцать лет после того «загадочного» матча «Днепр» — «Спартак», во время одного разговора я вдруг (впрочем, может быть и не «вдруг», а, скорее всего — по ассоциации) как-то очень остро ощутил снова то, что взволновало меня тогда в Симферополе.

Один из наших замечательных игроков, покоривший всех своим артистизмом и честной игрой, простившийся с футболом в год испанского чемпионата мира, рассказывал мне, с чем он столкнулся, когда сам стал тренером. А говорил он — с горечью и болью — о девальвации взаимного доверия в советском футболе, о договорных ничьих, о тренерах, которые могут друг другу давать «в долг» очки, о падении «курса акций» некоторых судей и еще о многом другом, чем болен наш футбол. И хотя беседа наша была, как в ту пору модно было говорить, «не для печати», помню, посоветовал ему все же:

— Вы обязательно должны написать свою книгу! Честную и правдивую, как наш сегодняшний разговор.

— Нет,— покачал он головой. То, что я напишу, никогда у нас не напечатают.

— Ваши сыновья напечатают! Главное, чтобы было написано, — сказал я.

Замечу, что мы беседовали с ним вдвоем, в одном из номеров одесской гостиницы «Аркадия», где остановилась его команда, 9 мая 1985 года. Беседовали допоздна. В наш светлый праздник говорили о явлениях довольно грустных. Я чувствовал, что ему просто надо выговориться: наболело!

— ...Я вам могу назвать как минимум пять факторов, нейтрализовать которые тренеру практически очень трудно,— запальчиво сказал мой собеседник. И стал загибать пальцы: Есть судьи, которые берут, и способы воздействия на них давно лишены романтической тайны. Есть тренеры, которые этих судей знают и им дают. Прибавьте к этому работников управления футбола, которые влияют на судейские назначения и прочую «кухню». Любопытно, что зарплата у них сравнительно маленькая, но работу, похоже, они менять не собираются — десятки лет

сидят на своих местах... Учтите и подпольный тотализатор, в котором ставки достигают цифр со многими нулями! А как, скажите, вычислить футболистов, которые могут быть втянутыми в эти «игры»? Он перевел дыхание и продолжал свой грустный монолог: Иногда, когда обо всем этом задумываюсь, просто в ужас прихожу! Ведь тренер порой бессилен бороться с такими явлениями. Как бороться? Какими методами и с кем раньше? Ума не приложу. Ну, допустим, вычислю я, что тренеру команды соперников как-то удалось «заинтересовать» судью. Предположим, что мне в самый последний момент удастся добиться замены арбитра. А разве могу я быть твердо уверен в том, что кто-то из моих игроков в том же матче не будет втянут в подпольный тотализатор и не сыграет против своей команды? Разве мало было в нашем футболе случаев, когда вопреки всем объективным факторам выигрывала именно та команда, которой это было нужно? Сколько угодно! И порой такие «сенсации» достигались усилиями определенных игроков...

В этой книге мне уже ничто не мешает назвать имя моего собеседника. В номере одесской гостиницы в тот вечер я беседовал с Давидом Кипиани — земля ему пухом, любимцу Грузии, озарившему светом своей личности и футбол и жизнь,— талантливому и честному Дато. В один из моментов нашего разговора с ним, в мае 1985-го, я вдруг мысленно перенесся в события, очевидцем которых был в Симферополе в ноябре 1969-го! Припомнились и довольно веселые, шумные компании каких-то сановных лиц из Северной Осетии, сопровождавших «Спартак» и занявших чуть ли не все «люксы» в гостиницах Симферополя. Всплыли в памяти и рассказы о крупных пари, заключенных приезжими накануне матча «Днепр» — «Спартак», пари, в которых, как вы уже, вероятно, догадались, дорогой читатель, ставка на команду из Северной Осетии (против более сильной команды «Днепр») не сулила проигрыша...

В футболе, как и в жизни, рано или поздно все тайное становится явным. Уже на следующий день среди специалистов и журналистов, съехавшихся в Симферополь, пошли разговоры о том, что несколько опытных игроков «Днепра» оказались «пятой колонной» в том матче: «сыграли» против своей команды. Разумеется, и — против Лобановского... Он по молодости тренерского стажа, скорее всего, даже не смог предвидеть — а тем более предотвратить! — такой поворот событий. Для него это было первое серьезное испытание игрой в футболе, а не игрой в футбол.

Помню очень хорошего нашего специалиста (с годами ему было присвоено звание заслуженного тренера СССР), с которым

во время финальной пульки в Симферополе я часто обменивался впечатлениями, консультировался по чисто футбольным вопросам. Несколько лет спустя, беседуя с ним, я вспомнил о той злополучной для Лобановского «игре» в Симферополе. На лице собеседника появилась страдальческая гримаса. Обо всех привходящих событиях матча днепропетровцев со спартаковцами он даже не стал распространяться. Только коротко бросил:

— Таое вообще не должно иметь места в нашем футболе. Это надо выжигать каленым железом!

...О че же думал в ту осеннюю ночь в аэропорту Симферополя 30-летний Валерий Лобановский? Накануне нового для него футбольного сезона я задал ему такой вопрос.

— Мыли были разные,— грустно ответил он. Но, в основном, о «мелочах», которые в тренерском деле играют решающую роль. Думал о взаимоотношении людей в футбольном коллективе...

Он аверняка сделал из случившегося выводы, но, как говорится, для себя. Не стал открыто бороться против подобных явлений, не стал их ни с кем обсуждать (и осуждать). Принял это как реальность. Хотя, думаю, внутренне он восставал, возмущался, негодовал. Это ведь тоже был антифутбол. Но почему молчал? Почему не выступил, как год назад в том интервью газете «Советский спорт»? Может, боролся сам с собой: Лобановский против... Лобановского? Не знаю. У меня нет на эти вопросы готовых ответов. Но за это молчание я не осуждаю Валерия, которому в ту пору просто нечего было противопоставить сложившейся системе нашего «любительского» футбола с ее архинесовершенным аппаратом государственных и общественных органов управления. Начни он тогда борьбу — и кто знает, стало бы сегодня известно всему футбольному миру имя Лобановского-тренера?

К слову сказать, Давид Кипиани, возглавивший «Динамо» Тбилиси — команду, в которой с блеском когда-то играл сам, с кем мы так откровенно поговорили в номере одесской гостиницы в мае восемьдесят пятого, по собственной воле вскоре оставил свой тренерский пост. Не смог принять печальные реалии, но и не нашел способов борьбы с различными привходящими «факторами», с которыми столкнулся... Правда, спустя несколько лет, он вновь занял пост главного тренера этой же команды...

Почему сегодня я столь подробно об этом рассказываю? В пору, когда Лобановский только лишь начинал свою тренерскую деятельность, о подобных, скажем, «единичных» в то время явлениях, не принято было говорить вслух (впрочем, как и о многих других порочных вывихах, имевших место в жизни страны). Помалкивание сыграло свою роль, ибо с годами

различного рода «игры» нашим футболом стали куда масштабнее, чем были прежде. Постепенно околофутбольных деятелей всяких мастей расплодилось столько и масштабы их «деятельности» стали до того велики, что об этом уже просто невозможно стало молчать. В апреле 1982 года обозреватель «Известий» Борис Федосов так и назвал свою публикацию: «Играть в футбол, а не играть футболом».

...Настораживает все возрастающая околофутбольная возня некоторых спортивных и хозяйственных руководителей,— писал он. За многими командами по городам и весям странствуют так называемые ответственные за матч. Приезжают заранее, изучают обстановку, знакомятся с судьями... Это футбольные «толкачи», беззастенчиво шастающие целыми свитами за командами... нагнетают ажиотаж, создают нервозную обстановку вокруг игр всесоюзного футбольного чемпионата... Причем этих любителей не играть в футбол, а неуклюже пытающихся играть футболом, становится с приближением лета все больше.

В период утверждения в стране гласности попали на страницы прессы и футбольные судьи-взяточники, и администраторы-взяткодатели (в футбольных кругах, помнится, в сезоне-86 живо обсуждали публикацию об этом в газете «Советская Россия»). Но это, скорее всего, были еще не правила, знаменующие борьбу за чистоту судейских рядов, а исключения из них. Ведь органы юстиции занялись судьями-взяточниками, можно сказать, по воле случая (фамилии судей оказались в записной книжке привлеченного к судебной ответственности администратора футбольной команды, который скрупулезно записывал, кому из арбитров сколько платил!). Читали мы в прессе и о бесчестных деятелях от футбола, гревших руки на спекуляции формой фирмы «Адидас» (спекулируя комплектами для целых команд!), и об их покровителях из Госкомспорта СССР, способствовавших жуликам получать эту форму. Но все это, как считалось в тех же футбольных кругах, были чисто случайные публикации — о тех, кто попался...

У Чингиза Айтматова прочитал и выписал:

вчерашние не могут знать, что происходит сегодня, но сегодняшние знают, что происходило вчера, а завтра сегодняшние

станут вчерашними...

И еще.

Сегодняшние живут во вчерашнем, но если завтрашние забудут о сегодняшнем, это беда для всех...

Известно, что лучший учитель — это сама жизнь. И мне хотелось рассказать, каким прилежным учеником ее был Лобановский во всех периодах тренерской биографии. Рассказать честно, не отворачивая от правды глаз.

...В Киев из Симферополя мы тогда прилетели вместе. Прощаясь, Лобановский тяжело вздохнул и коротко бросил: «Теперь надо засучивать рукава и все начинать с самого начала». А начинать ему действительно пришлось сызнова: почти половина основного состава «Днепра», участвовавшего в финальной пульке, обновилась. И одним из первых, написав заявление «по собственному желанию», ушел из команды ее капитан, заслуженный мастер спорта Андрей Биба.

И на следующий год «Днепр» снова демонстрировал интересный футбол, радовал зрителей (и себя) хорошей игрой. Вновь вел спор за путевку в высшую лигу, но... до заветной черты не хватило ему буквально нескольких миллиметров: у вышедшего в лидеры «Кайрата», который набрал одинаковую с «Днепром» сумму очков, лучшей оказалась разность забитых и пропущенных мячей.

И только с третьей попытки команде Лобановского удалось осуществить заветную мечту — в 1971 году «Днепр» завоевал право выступать среди сильнейших клубов страны. Последний матч счастливого для себя сезона днепропетровцы проводили в Одессе, откуда я продиктовал об этом событии в футбольной жизни несколько репортажей в «Комсомольскую правду». Там и побеседовал с сияющим от счастья симпатичным блондином — новым комсоргом команды Евгением Тороповым. Помнится, попросил его немного рассказать о товарищах по команде, а Торопов заговорил о Лобановском:

— Поверьте, без него не было бы такой команды и таких побед! — сказал Женя. Ведь Валерий Васильевич сумел привить нам вкус к интересному футболу, к умной игре, а не просто к работе на поле.

— Женя, на ваш взгляд, как это ему удалось?

— Вероятно, все дело тут в личном примере, в отношении самого Лобановского к футболу, к своему делу. Помню, на весеннем сборе в Сочи бежали мы кросс на время. Лобановский вышел на старт вместе с нами, и никого не пришлось агитировать пробежать в полную силу — ребята старались вовсю.

— А как бы вы сформулировали игровые принципы, которых придерживается «Днепр»? — спросил я Торопова. Что помогает вам на поле осуществлять задуманное?

— Команда стремится атаковать и защищаться большими силами,— сказал он. Одним словом, держим курс на интенсификацию своей игры. На поле нередко пользуемся, как говорят шахматисты, «домашними заготовками» — комбинациями и связками, которые часами отрабатываем на тренировках. В тактической учебе нам отлично помогает наш видеомагнитофон. Кажется, такого еще нет даже в клубах высшем лиги. Команда на разборах регулярно смотрит свои игры, записанные на видеопленку, детально анализирует все успехи и промахи. Просматривает матчи соперников.

Лобановский одним из первых среди футбольных тренеров в самом начале работы обзавелся не только видеомагнитофоном. Главное, чем он вооружился и что, пожалуй, его выгодно отличало от коллег,— это собственный взгляд на футбол. С первых тренерских шагов он никому не собирался подражать, никого не копировал, не почитал за «передовые позиции» тактику именитых зарубежных клубов или национальных сборных. Вот тому свидетельство — короткий фрагмент беседы с ним:

— Валерий, вы были на чемпионате мира в Мексике...

— ...и не привез оттуда никаких тактических футбольных новинок, — предвосхитил мой вопрос Лобановский. Но нашел подтверждение сложившимся ранее воззрениям на футбол. Весной на теоретических занятиях мы с игроками «Днепра» детально анализировали мексиканские игры. Пришли к общему выводу: футбол стал мобильнее и интенсивнее. Нагрузка в игре распределяется на всех десятерых полевых игроков равномерно. На примере мексиканского чемпионата мы убедились, как большие футболисты относятся к игре. Как, например, великолепный мастер атаки Пеле не брезгует черновой работой в тот момент, когда его команда защищается...

Замечу, что этот разговор с Лобановским состоялся в ноябре 1971 года, когда наша и зарубежная пресса на все лады еще славила фаворитов чемпионата мира в Мексике. Лобановский же, побывавший в качестве туриста там вместе с группой советских тренеров, отнюдь не собирался поддаваться модным в ту пору «мексиканским веяниям». Он шел своим курсом, а игры

мексиканского чемпионата мира лишь утверждали молодого наставника «Днепра» в мысли, что этот курс — правильный.

Тренерский почерк Лобановского не мог не повлиять на успешные выступления подопечной команды. Звание заслуженного тренера УССР, награждение орденом «Знак Почета» — естественные следствия этих заслуг. Примечательно, что в первом же сезоне пребывания «Днепра» в высшей лиге Лобановский вывел команду на шестое место, которое давало право на присвоение футболистам званий мастеров спорта.

Разумеется, на фоне значительных событий, будораживших нашу футбольную общественность, среди которых были футбольные баталии Олимпиады-72, финальные игры чемпионата Европы и, наконец, борьба за европейские кубки, дерзкий рывок днепропетровцев мог для многих остаться незамеченным. Но только не для серьезных специалистов.

Успех «Днепра», дебютанта высшей лиги, свалился как снег на голову,— писал в своем итоговом обзоре заслуженный мастер спорта Виктор Дубинин. Из первой лиги — сразу в группу ведущих клубов! За шумом международных событий в нашем футболе «Днепр» незаметно оказался впереди и если кому и уступал в технических результатах, так разве что будущему чемпиону. Изредка «Днепр» поругивали за тяготение к обороне на чужих полях. Но что спрашивать с дебютанта, задача которого — закрепиться в высшей лиге?

«Днепр» намного перевыполнил этот план, показав умение не столько защищаться, сколько нападать, и напомнил всем о некогда громкой славе родного города. Окончательно суждение о достоинствах «Днепра», поздравляя его с первым большим успехом, выносить не следует до будущего чемпионата...

Правда, в ту же пору бесспорное достижение тренера-дебютанта высшей лиги кое-кем квалифицировалось как... случайность. Впрочем, нечто подобное повторялось и в годы тренерского возмужания Лобановского, когда он (вместе с О. П. Базилевичем) уже возглавил киевское «Динамо»...

Глава 4. Становление

В 1974—1975 годах киевское «Динамо» совершило стремительный взлет к вершинам международного значения, первым из советских футбольных клубов завоевав Кубок кубков и Суперкубок. Но вот парадокс. В Европе не было, пожалуй, другой такой команды, на долю которой — дома, у себя же на родине! — выпало бы столько сокрушительной критики, сколько ее досталось в эти же годы киевской команде и ее тренерам. Динамовцы одерживали одну прекрасную победу за другой, брали командные европейские кубки и личные призы (в том числе и «Золотой мяч», который был присужден Олегу Блохину), а у целого ряда наших известных тренеров (и не менее известных журналистов) игра киевлян то и дело, мягко говоря, вызывала различного рода недоверие, сомнения в ее подлинно высоком международном классе.

К примеру, 9 июня 1974 года, когда киевское «Динамо», опережая ближайшего конкурента на два очка, возглавляло турнирную таблицу чемпионата страны, появилась статья одного заслуженного тренера РСФСР, мастера спорта, опубликованная в еженедельнике «Футбол — Хоккей» и разносившая лидера в пух и прах.

Непонятно выглядит сейчас игра киевского «Динамо»,— писал автор. Команда демонстрирует отнюдь не прогрессивный футбол... более чем десятилетней давности... нет ни простых, ни сложных отработанных вариантов наступления... расчет только на случай...

Подобные нападки сопровождали Лобановского всю его тренерскую жизнь. Но они, пожалуй, в конечном счете не столько ему мешали, сколько, наоборот — в диалектическом смысле помогали. На мой взгляд, именно такого рода «критика» выработала у Лобановского стойкий иммунитет к поверхностным, несправедливым оценкам и отзывам о своей тренерской деятельности. Но почему это происходило? Вот мнение Лобановского:

— Во многом мы сами виноваты,— говорил он мне. Вероятно, не следовало чрезмерно распространяться о научном подходе к футболу. Ведь к этому совершенно не были готовы ни

большинство специалистов, журналистов, ни тем более — болельщиков. Не были готовы и те, кто нас, в основном, критиковал. Хорошо еще, что в семьдесят четвертом и семьдесят пятом годах у нас были победы. А потом вдруг — ра-аз, и провал. И тут началось! Какая еще наука?! Раньше побеждали без науки, а тут-де выдумали какую-то научную программу подготовки... Больше того, нашим людям пытались внушить, что мы на них хотим сделать диссертации. Какая диссертация?! Я для себя твердо решил: прежде чем не закончу с футболом — как тренер! — никакой диссертации защищать не буду.

— Что же, по-вашему, о научном подходе, о совершенно новой методике тренировок, которую вы с Базилевичем применяли на практике, вообще не следовало говорить? — снросил я Лобановского.

— Прежде всего, нужно делать! — воскликнул он. Если ты убежден в своей позиции, следует твердо на ней стоять. Можно об этом и говорить, но исподволь, осторожно и правильно все преподносить. Объяснять людям суть процесса более мягко, разумно, без особой, что ли, рекламы. А что получилось тогда? Мы настолько в лоб преподнесли свои методы работы и так рьяно говорили о научном подходе, что, вероятно, со стороны это выглядело саморекламой. Мы перегнули. Потом за все пришлось расплачиваться...

То, что происходило в киевском «Динамо» в 1974— 1975 годах, на мой взгляд, было одним из самых серьезных экспериментов в отечественном (а быть может, и в мировом) футболе.

У тренеров киевского «Динамо» были триумфы, случались катастрофы, но и то и другое попало в ценнейшую копилку, содержащую всю сумму реалистических представлений и выверенных опытом знаний о большом спорте.

Предвижу, что своим утверждением могу навлечь на себя немало упреков некоторых журналистов, пишущих о футболе, и даже кого-то из специалистов этого вида спорта. Но скажу все же, что постоянные нападки на Лобановского-тренера многих его критиков с их замысловато сформулированными «доводами» и «выводами» все эти годы меня, как правило, не убеждали. Причем закрадывалась мысль, что, обвиняя Лобановского в том, что он исповедует «отнюдь не прогрессивный футбол», они наносят вред не столько Лобановскому лично, сколько нашему отечественному футболу. Думалось, что если уж кто и был консерватором в футболе, так это агрессивно не приемлющие чужого мнения тренеры (даже с очень высокими званиями) и некоторые вторящие им журналисты, об одном из которых метко когда-то

сказал В. А. Маслов: «Большой журналист! Здорово пишет. Жаль только, что полный профан в футболе».

Лобановский еще в 1974 году вместе с Базилевичем бросили вызов таким оппонентам, открыто призывая их перестроиться, повысить свой профессиональный уровень. Кстати, говорили они и о необходимости перестройки в самой организации футбольного дела.

Попробую мысленно вернуться в то время, когда Лобановскому предложили возглавить киевскую команду «Динамо». Было это осенью 1973 года...

— Динамовцы, которых в то время тренировал Александр Александрович Севидов, в том сезоне играли в финале Кубка СССР, а в чемпионате страны завоевали серебряные награды,— вспоминает Лобановский. И я подумал: «Куда же я иду! Ясно куда: здесь нужны только победы...» Вполне понятное настроение. Но я видел людей, видел потенциал команды. Чувствовал, чего можно добиться с этими же людьми. Но при условии, если они поднимутся на совершенно другой уровень. Ощущал, что люди могут это сделать. И шел в «Динамо» сознательно, в общем-то зная, на что иду...

Новый старший тренер Валерий Лобановский сразу же предложил разделить все обязанности по руководству командой между ним и Олегом Базилевичем, которого спортивные руководители республики тоже пригласили в Киев, но на должность «начальника команды» или, как еще этот пост тогда именовали,— «тренера по воспитательной работе». Базилевич дал согласие. Для многих такой его шаг оставался загадкой. Ведь Олег был тогда, что называется, на коне. Старший тренер донецкого «Шахтера», за один сезон вернувший команду в высшую лигу и пробившийся с ней сразу в шестерку сильнейших клубов страны, и — вдруг идет работать, пусть и в сильнейший коллектив, но все же в подчинение к другому старшему тренеру. Помню, узнав об этом, я спросил Базилевича:

— Олег, будешь работать под началом Лобановского?

— Не под началом, а вместе,— спокойно ответил Базилевич.

— Прости, но так не бывает,— возразил я. Во всяком случае, до сих пор пока не было. Я и не представляю себе экипажа, в котором два первых пилота.

— Теперь будет так. И считай, что мы ставим тренерский эксперимент...

Да, это был действительно интереснейший — единственный в своем роде для большого футбола — эксперимент «двоевластия» в команде мастеров. Эксперимент, который, к великому сожалению, не был поддержан в самом его начале. А в

последующем не был как следует изучен, кем-либо подробно описан, не был и завершен, ибо два с небольшим года для подобного эксперимента — это не срок. Но дерзкая попытка Базилевича и Лобановского не канула в безвестность и достойна того, чтобы о ней рассказать подробней. Этот опыт может еще сослужить добрую службу.

Впрочем, работать тандему тренеров было ох как непросто. Многие их нововведения встречались прямо-таки в штыки. Не было обойдено стороной и «двоевластие» в команде.

...20 марта 1974 года (по просьбе Базилевича и Лобановского) я опубликовал в газете «Вечерний Киев» статью под заголовком: «Динамо (Киев); тренерский эксперимент». Начинался этот материал так:

Номинально, по штатному расписанию, начальник киевской команды «Динамо» — О. П. Базилевич. Фактически же начальника команды здесь нет. Вернее, эти функции здесь выполняют два человека — О. П. Базилевич и В. В. Лобановский. Выполняют их в тесном контакте, на равных. Одновременно оба они взяли на себя и более важные обязанности — старшего тренера команды.

Как это случилось? Предыстория этого эксперимента такова...

А через несколько дней мне рассказали, как на совещании редакторов газет и журналов в ЦК КП Украины один ответственный сотрудник аппарата из числа бывших спортивных руководителей, потрясая «Вечеркой», негодовал:

— Это, товарищи, безобразие! Лобановский и Базилевич уже самовольно меняют штатное расписание! Они что, готовятся делить лавры будущих побед? А может быть, они готовят себе тылы для отступления и хотят разделить меру ответственности за будущее поражение поровну? Не позволим! Мы. Лобановскому прямо сказали: «Вы — старший тренер! И спрос в полной мере будет только с вас как со старшего тренера!» С тренерами мы разобрались, а вы впредь смотрите, что печатаете...

Я понимал, что, в общем-то, такая оценка публикации, данная на солидном совещании редакторов, для меня как спортивного журналиста чревата последствиями. Прозвучала она в определенной степени приговором: дескать, думайте, кого печатаете. Решив выяснить достоверность молвы, которая дошла до меня, отправился на прием в ЦК. К тому самому сотруднику аппарата. Твердо для себя решил поговорить с ним, как

коммунист с коммунистом. И вдруг услышал от него:

— С такими выдумками в прессе выступать нельзя!

— Это не выдумка, а факт,— возразил я. Ведь всю информацию я получил у самих тренеров киевского «Динамо». Как же я могу не верить им?

— С ними мы уже разобрались. Я вызывал к себе Лобановского, беседовал с ним и по этой статье. Он со мной согласился и сказал, что «...вероятно, Аркадьев что-то не так понял...» «Вот так сюрприз!» — подумал я. Ведь фактически Лобановский, как принято говорить в таких случаях, меня просто-напросто «подставил». Но поражало другое: как мог я его «не понять», если материал о тренерском тандеме после того, как он был написан, прежде чем нести в редакцию, я завизировал у самих тренеров (да и написал его с их слов, по их же просьбе!)? Но выяснять отношения с тренерами не стал. Правда, для себя решил, что не буду больше заниматься пропагандой их эксперимента (тем более, если они в кабинетах высокого начальства сами от него открещиваются). Но решение свое вскоре изменил.

Недели через две после публикации в «Вечерке» сотрудники спортивного отдела «Комсомольской правды» заказали мне репортаж о подготовке киевского «Динамо» к сезону, высказав при этом пожелание — «представить новое руководство команды». Как тут быть с их экспериментом? Решил с ними поговорить, что называется, в открытую и рассказать о совещании редакторов и о моем визите в ЦК. Предвосхищал даже (на почве «предательства») возможную ссору с тренерами. Но ее не произошло. Базилевич сразу же меня обезоружил:

— Неужели ты думаешь,— сказал он,— что в зависимости от мнения того или иного начальника меняются наш подход к делу, наши принципы? В своей статье ты все абсолютно правильно написал, и мы благодарны тебе за это.

— А как быть с заявлением Лобановского, который там — «наверху»! — сказал, что «Аркадьев чего-то не понял»? — спросил я Базилевича (в присутствии Лобановского).

— Ты просто Васильича за это должен простить: он тебя, как ты считаешь, «подставил» во имя дела,— мягко улыбаясь, сказал Базилевич. А что он мог поделать? Уровень некоторых наших руководителей тебе ведь хорошо известен: такому, хоть тресни, ничего не докажешь. Да и надо ли? Главное, что, несмотря ни на какие его «указания», у нас все остается в силе...

— Сейчас я готовлю репортаж для «Комсомолки». Значит, могу повторить о вашем тандеме? — уточнил я. Все действительно так, как изложено в «Вечерке»?

— Дело твое, мы не возражаем, если повторишь,— сказал Базилевич. У нас все по-прежнему, ничего не меняется.

— Ну, раз уж вы действительно работаете на равных, то фамилии ваши — вопреки указаниям начальника — буду и в дальнейшем писать только в порядке алфавита: Базилевич, Лобановский. А не наоборот, как пишут сейчас почти все.

— Правильно,— одобрительно кивнул головой Лобановский. Мы не возражаем.

Вскоре после этого разговора с тренерами в «Комсомольской правде» был напечатан мой репортаж. Правда, ради интересов дела, которым занимались молодые тренеры, решено было даром гусей не дразнить и на рожон не лезть, но о создании «тандема» все же известить читателей и на всесоюзном уровне. Думаю, в первом же абзаце эта цель была достигнута:

К нынешнему сезону киевское «Динамо» готовят мастера спорта, заслуженные тренеры УССР О. П. Базилевич и В. В. Лобановский (первый занимает пост начальника команды, второй — старшего тренера), — писал я в «Комсомолке». Работают они в тесном контакте, оба на равных участвуют в учебно-тренировочном процессе, сообща решают вопросы быта игроков, их учебы.

Чем же руководствовались молодые специалисты, дерзнувшие вопреки сложившимся устоям футбольных клубов взять на себя роль равноправных и равноответственных «первых пилотов»? Вспомним их футбольное прошлое.

Любителям футбола со стажем известно, что Базилевич и Лобановский, играя в киевском «Динамо», «Черноморце» и «Шахтере», действовали в дружной игровой связке, что они также большие друзья и в жизни. Оба придерживаются сходных взглядов на многие проблемы теории и практики футбольной игры. Но не все берут в расчет и другое: возглавив в конце 60-х годов разные команды, они по-прежнему поддерживали активные творческие связи. Когда их команды встречались на футбольном поле — борьба шла бескомпромиссная, однако на занятиях с игроками «Днепра» и «Шахтера» молодые специалисты часто применяли и проверяли установки, выработанные сообща.

А в 1972—1973 годах Базилевич и Лобановский все чаще задумывались о возможности работать в одной команде. Желание попробовать силы тренерским тандемом возникло как следствие их анализа сложнейших творческих аспектов деятельности

старшего тренера в командах мастеров.

Исходным пунктом этого замысла были становившиеся все более характерными для большого футбола 70-х годов симптомы качественных изменений: участие в наступательных и оборонительных действиях максимального числа игроков, ускорение темпов борьбы,— требующие в свою очередь и новых объемов, и новых, более интенсивных, форм тренировки. Значительно возрастали, следовательно, и объем работы, и общая занятость старших тренеров — на площадке, в учебных классах, да и во всевозможных хлопотах вне команды.

Впрочем, если честно разобраться, Лобановский и Базилевич ничего не ставили «с ног на голову». Когда создавалась нынешняя штатная структура футбольных команд мастеров, она предусматривала коллегиальное руководство старшего тренера и начальника команды. Но постепенно сложилась традиция, по которой главой команды стал старший тренер. Начальник, как правило, выступал в роли заместителя старшего тренера не по спортивным вопросам. Однако как бы он ни старался, все равно без помощи старшего тренера ему нельзя было обойтись. Многие важные вопросы приходилось решать в городских и республиканских организациях, руководители которых хотели говорить непременно с фактическим главой команды.

Вот почему некоторые старшие тренеры оставляли за собой и пост начальника команды. К примеру, в киевском «Динамо», начиная с 1960 года, все наставники, под руководством которых команда добивалась крупных успехов — В. Д. Соловьев, В. А. Маслов, А. А. Севидов,— были и старшими тренерами, и начальниками своего коллектива. Такое совмещение предлагали и Лобановскому. Но он поступил иначе. Почему он это сделал? Никогда об этом его не спрашивал. Но, думаю, скорее всего, потому, что Лобановский отлично знал, с кем именно он собирался работать тандемом, и был уверен в своем единомышленнике. Базилевич, выросший в интеллигентной киевской семье, отличный ученик, гордость школы, с юных лет не мыслил своей жизни без спорта. Как и Лобановский, он был одним из любимых болельщиками игроков киевского «Динамо» начала 60-х годов. Игру Базилевича отличала высокая скорость и острое тактическое чутье в выборе позиций. К тому же он великолепно играл головой и был одним из самых смелых форвардов в нашем футболе.

Закончив Киевский институт физкультуры, он выбрал тренерскую профессию. Пристрастие к чтению, неравнодушие к событиям культурной жизни, круг интересных друзей дома (жена Базилевича — Татьяна — в то время актриса театра имени Леси

Украинки) способствовали формированию качеств, необходимых педагогу. Уже будучи футбольным тренером, он поступил в аспирантуру и весной 1975 года практически закончил работу над диссертацией. Аналитический ум, интерес ко всему новому в спортивной науке, дружба с тренерами по другим видам спорта и учеными-исследователями — все это помогло Базилевичу стать профессионально образованным специалистом высокого класса. Его тренерский почерк отразило выступление донецкого «Шахтера» в 1973 году. Звание заслуженного тренера УССР стало официальным признанием заслуг Олега Петровича.

Объединив творческие усилия именно на базе киевского «Динамо», Базилевич и Лобановский прекрасно понимали, что заняться реализацией общих идей лучше всего не где-нибудь, а в столице Украины, где их осуществление может опираться на потенциал республики.

С первых же дней деятельности новых старших тренеров в киевском «Динамо» с ними рука об руку работал еще один человек. Правда, его фамилия в штатном расписании команды не значилась. Это был консультант наставников «Динамо», кандидат педагогических наук, в то время доцент кафедры теории физического воспитания Киевского института физкультуры, А. М. Зеленцов, в прошлом одиннадцатикратный рекордсмен Советского Союза среди юниоров по прыжкам с шестом.

Любопытно, что первым с ним познакомился Базилевич. Было это еще в 1969 году, когда Олег пришел работать в Киевский институт физкультуры, на кафедру футбола. Свое знакомство и разговор о футболе будущего оба помнят в мельчайших деталях. Он состоялся сразу же после лекции, которую прочел в Киеве московский профессор Д. Д. Донской, известный специалист в области биомеханики движений.

Большое влияние на формирование взглядов и выбор направления научного поиска Анатолия Зеленцова оказал его научный руководитель В. В. Петровский, тренер двукратного чемпиона Олимпийских игр Валерия Борзова. Хотя спортивная биография нашего прославленного спринтера достаточно широко известна, вспомним все же о том, как проходило его становление. Тем более что это, думаю, имеет прямое отношение к теме данной главы. Вот лишь небольшой фрагмент моей беседы с ученым на кафедре легкой атлетики Киевского института физкультуры. Происходила она, когда до Олимпийских игр в Мюнхене, вознесших Борзова на вершину олимпийской славы, оставалось три года.

— С чего мы начали? Петровский задумывается, поправляет очки. Фундамент у Валерия уже был, так что для последующего

строительства нам нужен был каркас. Начались поиски наисовершеннейшей модели спринтерского бега. Изучались кинограммы бега лучших спринтеров мира — прошлых лет и нынешних. Велись расчеты угла отталкивания при беге, наклона туловища при стартовом разгоне, тщательно выверялся еще целый ряд мелких деталей, что в совокупности открывало путь к скорости. Для того чтобы Валерий Борзов пробежал сто метров за десять секунд, целый коллектив вел поиски, похожие на работу, скажем, конструкторов автомобиля или самолета. Расчеты велись в лаборатории нашей кафедры легкой атлетики, в лабораториях других городов страны, в частности в Ленинграде и Омске... Ну а когда модель бегуна «Борзов-70» была математически рассчитана, научно обоснована, мы стали наши схемы и цифровые выкладки наполнять реальным содержанием,— продолжает Валентин Васильевич. Это была работа тонкая и филигранная, похожая на тренаж балерины, ищущей единственно верное и художественно законченное движение.

— Валентин Васильевич, вы считаете спорт наукой? — спросил я Петровского.

— Да! Времена сверхинтуиции тренера прошли. Спорт считаю точной наукой, а тренера — разносторонним ученым. Он должен быть математиком, биологом, врачом, педагогом, психологом, философом наконец. Смею утверждать, что в недалеком будущем состязаться будут не столько бегуны и тренеры, сколько научные лаборатории. Как в науке, как в промышленности...

Теперь вернемся к футболу. Зерна, брошенные Петровским, попали на благодатную почву. Зеленцова, как и некоторых других молодых ученых, давно занимала идея того, что науку не только можно поставить на службу в индивидуальных видах спорта (таких, как легкая атлетика, плавание, штанга), но и применить для тренировки спортсменов в командных видах, например, в футболе. Так вот, после лекции Донского Зеленцов поделился своими мыслями с Базилевичем и... сразу же нашел в нем запальчивого оппонента.

— Скажем, если одна команда тренируется три часа в день, а вторая — только полтора, конечно же, первая подготовится к игре лучше,— утверждал Базилевич.

— Нет, три часа — это уже плохо,— возражал Зеленцов.

— Но почему? — не успокаивался Базилевич. Ведь всегда считалось, что время, затраченное на тренировку, определяет величину нагрузки.

— Это не совсем так,— спокойно парировал Зеленцов. Можно провести всю тренировку, скажем, за один час двадцать минут, а

нагрузку организм получит гораздо большую, чем за трехчасовую тренировку. Дело ведь в начинке тренировочной модели...

Тогда Зеленцов и заинтересовал Базилевича идеей выработки метода научного познания футбольного дела, возможности опираться на программирование учебно-тренировочного процесса и самой игры. С той поры и началось их творческое сотрудничество. А позже Зеленцов стал научным руководителем аспиранта Базилевича.

— Почему я о своей идее сказал именно Базилевичу? — повторяет мой вопрос Зеленцов. Олег уже тогда понимал, что просто тренироваться, просто играть в футбол больше нельзя. Нельзя чисто визуально, на глазок, оценивать состояние игроков и строить тренировочный процесс, рассчитывая лишь на тренерскую интуицию.

В 1971 году Базилевич возглавил команду кадиевского «Шахтера», и в том же сезоне была осуществлена экспериментальная часть идеи тренировочных режимов, рационального использования времени работы и отдыха. Результаты порадовали: из второй десятки команд украинской зоны второй лиги класса «А» за один сезон кадиевский «Шахтер» шагнул на четвертое место!

В это время Базилевич уже познакомил с Зеленцовым Лобановского, который в работе с футболистами «Днепра» также начал использовать опробованные на практике новые модели тренировочных режимов.

— Базилевич и Лобановский — это тренеры совершенно новой формации,— рассказывал мне Зеленцов. Работать с ними интересно и в то же время сложно. В них нет и тени упрямства, присущего порой тренерам, добившимся определенных результатов. Ради эксперимента и интересной идеи они готовы поступиться собственным уже сложившимся мнением.

...Базилевич был в свое время, к примеру, убежден, что матч для футболиста — это утомительнейшая нагрузка.

Зеленцов с этим не соглашался. Решили поставить эксперимент. На весеннем сборе в Ялте во время одной из контрольных игр донецкого «Шахтера», который тренировал в то время Базилевич, в раздевалке поставили тензоплощадку. Выходя на матч, каждый из игроков команды проходил через нее и совершал прыжок с места.

Первый тайм «Шахтер» проиграл — 0:1.

На отдых футболисты шли также через тензоплощадку. К удивлению Базилевича, у каждого игрока результат прыжка был выше, чем до начала матча. «Значит, играли не в полную силу»,— сделал вывод старший тренер.

— Считайте, что вы только лишь провели разминку,— говорил он в перерыве своим подопечным. Теперь покажите игру, подвигайтесь, больше атакуйте!

Почти весь второй тайм «Шахтер» провел на половине поля соперников и забил три мяча.

— Молодцы ребята, играли с полной отдачей,— сказал Базилевич перед финальным свистком Зеленцову. Сейчас и показатели в прыжках снизятся.

— Нет, они должны быть выше первоначальных,— возразил Анатолий Михайлович.

В раздевалку после матча футболисты снова шли через тензоплощадку. И действительно, каждый улучшил свои показатели. Если в среднем по команде высота прыжка до игры была 50 сантиметров, то после матча уже — 56!

— Все правильно,— говорил Зеленцов,— ведь команда на тренировках исподволь готовила себя к такому режиму, в котором будут проходить матчи. Организм футболистов адаптировался к условиям игры, и получалось, что даже тактика команды базировалась на биологических законах...

Весь этот эпизод удалось воссоздать по воспоминаниям моих собеседников.

— Анатолий Михайлович, вы сказали, что с Базилевичем и Лобановским работать интересно и сложно,— допытывался я. В чем же сложность?

— Видимо, вы со мной согласитесь, что оба они одаренные люди,— ответил Зеленцов.

— Согласен. — А работа со всякими одаренными людьми требует огромного напряжения,— продолжал он. Мы встречались почти ежедневно, и к каждой нашей встрече я тщательно готовился. Ведь любая тренировочная модель, прежде чем будет принята, детальнейшим образом обсуждалась и порой вызывала у них десятки вопросов. На каждое «почему» нужно было дать точный ответ.

Так втроем они разрабатывали различные модели тренировок, искали и находили верные пропорции работы и отдыха игроков.

В киевском «Динамо» впервые за все годы истории команды появился серьезный сплав науки с практикой. Но это была не прихоть тренеров или их научного консультанта. Творческий союз не был ими надуман — это диктовалось требованием времени. Ведь когда сами Базилевич и Лобановский были действующими игроками, футбол развивался, можно сказать, автономно, как чуть ли не «культовый» вид спорта, которому все поклонялись и о котором все и всё как будто бы знали. А в то

время теория спортивной тренировки уже обогатила тренеров по различным видам спорта какими-то общими законами, разработанными серьезными учеными (достижения Валерия Борзова и его тренера-ученого Валентина Васильевича Петровского — яркий тому пример!).

Но вот в конце 60-х годов теоретические разработки методики спортивной тренировки исподволь начали проникать в игровые виды, в том числе и в футбол. Интересное тому свидетельство — тесное сотрудничество в начале 70-х годов старшего тренера ворошиловградской «Зари» Г. С. Зонина с ученым М. А. Годиком (позднее доктором наук, профессором, одним из самых серьезных наших ученых в области теории спортивной тренировки). Заметим, что именно в то время (1972 год) «Заря» выиграла звание чемпиона Советского Союза. Правда, уверен, найдутся скептики (особенно в футбольных кругах), которые мне возразят. И, быть может, приведут «аргументы», почерпнутые в «Комсомольской правде», опубликовавшей 2 сентября 1986 года беседу начальника Управления футбола Госкомспорта СССР В. И. Колоскова с читателями. Напомню фрагмент о «Заре»:

...Вячеслав Иванович,— говорит читатель из Ростова-на-Дону, — в одном из интервью вы говорили о том, что «Заря» ворошиловградская стала чемпионом страны в результате неблаговидных махинаций, сделок, и поэтому же случилось ее падение. Что вы конкретно имели в виду?

— Ну, прежде всего «работу» с судьями, — отвечает Колосков. Ведь вы же знаете, что после этого был судебный процесс в этой команде, что пострадали уже в административном порядке многие должностные лица, включая и партийных руководителей. Там обнаружили неучтенные большие суммы денег, которые шли на «обслуживание», будем так говорить, судейского корпуса. Это касалось не только футбольной команды, это касалось и волейбольной команды тоже.

Как видите, просто и категорично. Но так ведь можно перечеркнуть все что угодно. Можно, чего доброго, выплеснуть вместе с водой и ребенка. Кстати, насколько известно, «судебного процесса» в «Заре» вовсе не было. Когда я обменялся своими впечатлениями по поводу такого «резюме» с одним из авторитетных в нашем футболе специалистов, то услышал от

него:

— Такое заявление не делает чести Колоскову. Можно «покупать» судей, можно делать все что угодно, но если команда не будет двигаться, не будет забивать голы, то никакие судьи в ворота мячи сами не забросят! Такого в футболе еще не случалось! Согласен, судья может повлиять на результат, но не может обеспечить уровень подготовки команды. Как же можно сбрасывать со счета все полезное, что было в чемпионский для «Зари» год проделано очень грамотным тренером Германом Зониным и его научным консультантом Марком Годиком?! Перечеркивать их научно-практический вклад в чемпионскую победу команды — значит наносить вред нашему футболу...

Ничего не скажешь, верное замечание. Валить все в одну кучу — это бить по своим воротам.

Когда киевлян возглавил тандем старших тренеров, и команда под их руководством добилась европейского признания, мне не раз доводилось слышать примерно такое рассуждение: «Но позвольте, Лобановский и Базилевич пришли в хорошо укомплектованную, сильную, опытную команду». Говорили и так: «Базилевич и Лобановский делают то же самое, что делал „дед", но они под это подвели теорию». «Дедом» в футбольных кругах называли Виктора Александровича Маслова. О взаимоотношениях В. А. Маслова с Базилевичем и Лобановским ходили легенды. Впрочем, не только «ходили», но и попадали в прессу. Сам однажды читал о том, как Лобановский «...был тогда смертельно обижен на Маслова, его отчислившего». Так ли это было на самом деле? Как в действительности относились молодые тренеры киевского «Динамо» к корифею советского футбола? Прежде чем ответить на этот вопрос, вспомним, каким был Виктор Александрович.

...Маслов стал тренером киевлян в 1964 году, когда в Киеве его мало кто знал. Он не спешил давать широковещательные интервью, излагать свое тренерское кредо. Да и вообще не очень-то охотно шел на контакты с журналистами, считая, что большинство из них своей, как он говорил, «писаниной» только наносят вред футболу. «Дед» был резок в выражениях, часто пересыпая свои фразы словечками, не вошедшими пока ни в один из толковых словарей русского языка. Иному особенно назойливому журналисту мог резко бросить прямо в лицо: «Иди, иди! Заработай свою пятерку на ком-нибудь другом...» Одним словом, тогдашний начальник и старший тренер динамовцев производил впечатление довольно хмурого, замкнутого, строгого и грубого человека. Таким было первое впечатление (к счастью, оно, как это часто бывает, оказалось обманчивым).

Стартовый матч нового чемпионата (уже под руководством В. А. Маслова) киевские динамовцы проиграли московскому «Торпедо». После игры, сложив руки за спиной и наклонив голову, новый тренер широкими шагами мерил взад и вперед раздевалку, бросая обидные слова своей команде. Он словно бы издевался над футболистами:

— Кому вы проиграли?! — бушевал Маслов. Да в этой команде осталось сегодня полтора настоящих игрока, а вы дуете ей на своем поле. Позор!

От журналистов, которые жаждали в этот день взять интервью, получить у Маслова хоть какое-то объяснение поражению, Виктор Александрович вообще отмахнулся. Только пробурчал себе под нос: «Нет, в таком состоянии — это не команда... Надо делать новую».

И началось...

Первым новый тренер посадил на скамейку запасных Лобановского — одного из самых популярных в те годы советских футболистов. И это, разумеется, была сенсация. Динамовскую атаку не представляли без возвышавшегося на левом краю рыжеватого «одиннадцатого номера», который изобрел свой знаменитый «сухой лист» — когда мячи, поданные им с углового удара, влетали прямо в ворота! Как о подлинном мастере футбола писали о Лобановском даже южноамериканцы. А новый тренер киевлян словно бы и не замечал, что у него в коллективе есть такой популярный и очень необходимый команде игрок. И действия свои даже не собирался никому объяснять. Только и бросил одному из журналистов:

— Да поймите вы наконец: мне на краю нужен настоящий боец!

Следующим (за Лобановским) надолго стал запасным киевского «Динамо» не менее популярный у киевлян игрок — Олег Базилевич, что и дало повод одному из обозревателей написать: «Киевская атака сразу потеряла и свой интеллект, и свое стремительное правое крыло».

Представляете, какие громы бушевали над головой Маслова? Но он стоял на своем, как скала. А когда ему сообщали о какой-нибудь новой публикации и претензиях в местной прессе (сам он ее, как правило, никогда не читал), «дед» только отмахивался: «Все это буря в стакане воды!»

Жизнь подтверждала правоту дел В. А. Маслова, и «скала» устояла. А через два года после его прихода в Киев известный обозреватель Лев Филатов, вернувшись с чемпионата мира в Англии, одну из своих статей начал словами:

«...Ходил по Лондону задумчивый, молчаливый человек. На чемпионате к делам нашей сборной он не имел отношения, наблюдал только игру команд одной из подгрупп. В то же время он имеет все права называться лучшим тренером советского футбола шестидесятых годов...» Это строки о В. А. Маслове. Почему статья начиналась именно с упоминания о нем? Л. И. Филатов это объяснил: «Надо ценить мастерство своих тренеров, уважать их мысли, прислушиваться к ним».

Действительно, В. А. Маслов — один из немногих наших специалистов, кто не стал восторгаться «новинками», увиденными на чемпионате мира в Англии:

— Я решительно против того жесткого футбола, который видел на английских полях,— говорил он после своего возвращения из Лондона. Я за артистизм, за зрелищный футбол. Меня радует, что молодые динамовские игроки стоят на таких же позициях. Только игра, а не работа, только свободная импровизация и творчество, а не механическое исполнение задумок тренера. Самое неприятное впечатление оставила у меня команда ФРГ — команда-робот. Атлетизм сам по себе ничего не стоит, если он — не компонент тонкого и ажурного, как вуаль, комбинационного стиля.

За годы работы Маслова в Киеве у меня с ним сложились добрые отношения. Скорее всего, потому, что он знал моего отца — известного довоенного боксера и послевоенного тренера по боксу. Однажды поздним вечером в Гагре, куда я приехал делать большое интервью с Масловым и репортаж о подготовке динамовцев к сезону (к тому времени они уже были трижды кряду чемпионы страны), «дед», пребывая в добром расположении духа, мягко сказал мне: «Ты все-таки свой — спортивная косточка... А был бы чистым журналистиком, я бы тебя в команду не пустил...»

Между прочим, на первых порах Маслов не воспринимал и тренерский тандем Базилевич — Лобановский всерьез. Весной 1974-го откровенно мне в этом признался:

— Не верю я что-то в это начинание. У команды должен быть один хозяин.

Правда, осенью того же семьдесят четвертого «дед» изменил свое мнение. Победа динамовцев на первых двух этапах розыгрыша Кубка кубков не оставила и тени сомнения в истинной силе команды: в четырех встречах с сильными клубами Болгарии и ФРГ — четыре победы «Динамо»! Но дело даже не в счете, а в игре, которую демонстрировали динамовцы в ответственных матчах европейского турнира. Эта игра и дала повод бывшему

тренеру киевлян Виктору Александровичу Маслову, специально прилетевшему в Киев, чтобы посмотреть матч с «Айнтрахтом», еще до начала встречи сказать журналистам:

— Девять лет назад, находясь в хорошей форме, мы дебютировали в европейских турнирах. Все уже тогда ждали от киевлян весомых побед. Но это особые турниры, и, чтобы побеждать в них, надо созреть. Мне думается, что теперь к киевлянам пришла пора зрелости. Я уверен, что сегодня все будет хорошо, хотя «Айнтрахт» — твердый орешек...

А что, интересно, Базилевич и Лобановский, уже став тренерами киевлян, думали о Маслове, который отчислил их из киевского «Динамо» как «несовременных игроков»? С каждым из них на этот счет у нас были довольно откровенные беседы. И ни от одного я ни разу не услышал в адрес легендарного для нашего футбола тренера какого-либо недоброго слова. Откровенно признаюсь, что услышал то, что и хотелось услышать. И это радовало, ибо мысли о корнях наших — и не только в спорте — давно не давали покоя. Базилевич и Лобановский, не позируя, не говоря об этом вслух, наверняка понимали — и это чувствовалось,— что жить, абстрагируясь от мудрости корифеев, значит просто обкрадывать свою теорию и практику работы с командой.

...В одном из очерков когда-то прочел, что у Лобановского-футболиста была «серьезная ссора с Масловым». Когда хотел уточнить, в чем же именно она состояла, Валерий рассмеялся:

— Чушь! Никакой ссоры не было. Это все равно, что спросить меня сегодня: «Какая у вас была ссора с Буряком?» Буряк большой игрок, но сегодня он уже не может делать то, что нужно команде. Другое дело, я, как игрок, мог не понять действия Маслова. Так вы уж меня простите, не мог я, Лобановский-игрок, подняться до уровня Маслова-тренера. Совершенно иной уровень понимания, другой уровень мышления! Но, став тренером, к Виктору Александровичу Маслову я всегда относился однозначно: с глубочайшим уважением. Маслов — умница, и говорил я об этом всюду!

Это действительно так и было. Лобановский-тренер оправдывал действия Виктора Александровича Маслова, отчислившего Лобановского-футболиста из команды.

— Маслов имел полное право на такой шаг,— говорил Лобановский. Он ведь уже замыслил для киевского «Динамо» игру, для которой нужны были не такие футболисты, как Базилевич и Лобановский, а игроки совершенно другого типа. Вот нас иногда упрекают за то, что мы стремимся моделировать игру, вносим в нее порядок, который будто бы ее сушит, лишает

элементов свободной импровизации. Но разве Виктор Александрович Маслов, одареннейший человек, пусть и не знавший научных основ, не пришел своим умом к идее моделирования в том же киевском «Динамо»? Это требования современного футбола, а не чьи-то умствования!

...Между прочим, говорил об этом же В. Лобановский и на торжественном вечере в переполненном Дворце культуры «Украина», когда динамовцам в канун нового 1982 года в очередной раз вручали золотые медали чемпионов страны.

— Виктор Александрович Маслов был одним из первых в футболе, кто попытался создать свой образ игры,— говорил Лобановский. Что это такое? Это совокупность различных основополагающих принципов, в том числе и тактических, способствующих достижению надежности игры на каждом из этапов эволюции футбола. Если создан образ игры, необходимо под него подобрать исполнителей, и те, кто не может выполнять основные требования, вынуждены покидать коллектив. В то время не только футболисты, но и многие специалисты и спортивные журналисты не видели — или не понимали,— что футбол развивается в сторону усиления атлетических качеств, оптимальной универсализации игроков. Маслова критиковали. И только победы, достигнутые трижды подряд в 1966—1968 годах, в том числе в чемпионате страны и на международной арене — над обладателем Кубка европейских чемпионов «Селтиком»,— помогли многим изменить свои взгляды на футбол. Так логика событий меняла мышление и воспитывала игроков новой формации... Однажды спросил Базилевича, что называется, в лоб:

— Олег, много ли вы с Лобановским взяли для своей методики тренировки у Виктора Александровича Маслова?

Вопрос его не смутил.

— Во все времена существовало какое-то накопление информации и трансформация ее в концепции, в которых нуждается следующее поколение,— спокойно сказал Базилевич. «Дед», безусловно, сыграл большую роль в нашей жизни, повлиял на наши мысли. Правда, помимо концепции Маслова мы располагали и другой информацией. И все-таки уже благодаря именно этой информации мы выделяли Виктора Александровича как лидера в то время. Он опередил своих коллег на много лет вперед. Располагая сравнительно широким набором данных, мы получили возможность оценить его вклад и пришли к выводу, что Маслов сделал больше всех остальных...

— Причем сделал все это чисто эмпирически, руководствуясь каким-то особым чутьем, своей тренерской сметкой,— вставил я.

— Безусловно,— согласился Базилевич. И все-таки у него

тоже была своя информация. Маслов, к примеру, ездил в Англию на чемпионат мира и мог что-то с чем-то сравнивать. Жаль, но тренерам его поколения дали подобную возможность слишком поздно. Получи они ее намного раньше, и сделали бы гораздо больше. Увы, мы долгое время были изолированы от классного мирового футбола. Самое большее, что нам «дозволялось»,— товарищеские встречи с европейскими клубами, которые, как правило, отдавали эти матчи нам на откуп.

...На X чемпионат мира, проходивший в ФРГ в 1974 году, наша сборная не попала. И все же некоторые его матчи мы смотрели по телевизору. Чемпионат никого не оставил равнодушным. После него все вдруг заговорили о «тотальном» футболе. Но так уже бывало и раньше. Вспомним, как в свое время после победы сборной Бразилии бывшие руководители нашего футбола чуть ли не в приказном порядке обязывали советских тренеров переводить свои команды на «бразильскую систему» (1 + 4 + 2 + 4), как после победы на «Уэмбли» сборной Англии наши тренеры уже получали новые циркуляры с рекомендациями брать на вооружение «английский» стиль и учить своих подопечных «атлетическому» футболу.

Вместе с группой наших ведущих тренеров Базилевич побывал на играх десятого чемпионата мира. После возвращения из Мюнхена у него был интересный разговор с коллегами по работе в киевском «Динамо».

— Мы на верном пути,— спокойно говорил Базилевич. Организация игры у финалистов, конечно, высочайшая, функциональный уровень игроков — впечатляет, но главное, что мы шагаем в ногу с сильнейшими, а если хотите, даже чуть-чуть стоим на более высоком уровне, чем они.

— А что, Петрович, если, скажем, завтра нам играть с «Баварией»? Как думаешь, выиграем? — спросили Базилевича. Базилевич задумался. Потом твердо сказал:

— В отношении завтра — не уверен, а вот послезавтра, убежден, можем схлестнуться на равных.

Да, взгляды Базилевича и Лобановского на итоги и проблемы, высвеченные чемпионатом, свидетельствовали о том, что они идут собственным путем, не склонны ни к шараханью, ни к подражанию «образцам». Но оба оставались при этом... основной мишенью для критики у себя в стране.

Да и футболисты не сразу почувствовали себя комфортно. По своему содержанию тренировки, которые предложили команде новые тренеры, естественно, отличались от тех, к которым динамовцы привыкли. Ведь раньше как бывало? Даст задание тренер работать «в квадрате». И работают минут тридцать-сорок.

Отдохнут — новое задание. И снова тридцать-сорок минут. Теперь все изменилось, и каждое занятие, которое проводили новые наставники, словно бы в миниатюре вмещало в себя множество тренировок. Футболисты выполняли уже знакомые игровые упражнения, которые знали и в прежние годы, только делали теперь это в меньшие отрезки времени, но с гораздо большей интенсивностью. Те же «квадраты», те же удары головой, но теперь на каждое упражнение тренеры давали десять-пятнадцать минут, а выполнять все нужно было в быстром темпе. Одним словом, занятия максимально приблизились к игровой обстановке.

Нельзя сказать, что новый метод тренировок сразу был принят в команде. Нашлись и ворчуны, которые всю эту работу ставили под сомнение. Бывало, утром, когда проверяли собственный вес каждого, а потом врачи измеряли кровяное давление, кое-кто недовольно бросал:

— Кому это надо? И без давления пять раз чемпионами были...

Интервальный метод тренировки, предложенный команде тренерами, приживался с трудом. Каждое новое занятие давалось ценой больших усилий. Друг Блохина Леонид Буряк рассказывал, как однажды, после очередной тренировки, Олег, хлопнув дверью, вошел в комнату, швырнул бутсы под кровать и, устало плюхнувшись в кресло, бросил:

— Все, Леха, бросаю «Динамо»... Пусть Лобановский свои опыты проводит с другими. Я не могу так больше...

А вечером, после ужина, тренер ровным голосом говорил молодому форварду:

— Захочешь уйти, Олег, уйдешь. Мы никого силой не удерживаем. Понимаю, что тебе, как и всем, сейчас очень трудно перестроиться. Но если ты нам поверишь, если все это выдержишь, то уже через три—четыре месяца не захочешь тренироваться иначе...

В эту первую весну работы под руководством новых тренеров, кажется, полкоманды собиралось бросать «Динамо»...

Да, ко многому привыкали с трудом динамовские футболисты той весной. Поначалу, например, игроки с определенной долей скептицизма относились к тому, что каждая тренировка начиналась с теории. За полчаса до начала занятий тренеры приглашали игроков к макету футбольного поля. Передвигая фишки, Лобановский или Базилевич объясняли задание данного тренировочного занятия. Каждый узнавал свой маневр. Защитники точно представляли себе, что надлежит делать им, форварды усваивали свою работу.

Вера в такой стиль работы, как мы уже знаем, пришла потом.

После первого на своем поле матча сезона-74 футболистов «Динамо» ждало еще одно нововведение.

По окончании игры, уже в раздевалке, Лобановский объявил:

— Все помнят, что сегодня мы едем на базу?

Нельзя сказать, чтобы это сообщение вызвало у команды особый восторг. Матч выигран, дома ждут семьи, друзья. Зачем же снова на базу? Тем более что раньше день после игры был для команды выходным. Но уже на следующее утро новинка была одобрена. Тренеры назвали ее одним словом — восстановление.

...Вечером, вернувшись в Кончу-Заспу, после ужина, игроки занялись кто чем. Одни собрались у телевизора, другие — за бильярдным столом, третьи сели за шахматы. Некоторые с книгами разбредались по комнатам. На базе есть своя библиотека. Инициатором ее создания был, кажется, Михаил Фоменко, большой книголюб. Футболисты и тренеры охотно откликнулись на его предложение и приняли самое активное участие в организации библиотеки.

Отбой был дан в одиннадцать часов. Перед сном футболисты получили от врачей обязательную порцию витаминов. Утром, после зарядки в лесу и сытного завтрака,— курс восстановительных процедур: кислородные палатки, гидромассаж, парная баня. К двенадцати часам свежие, бодрые, вроде бы и не было вчерашнего тяжелого матча, футболисты разъехались по домам.

К методу восстановления команда привыкла быстро. Вот что, например, говорил самый молодой игрок тогдашнего «Динамо» Л. Буряк:

— Эта новинка нам понравилась сразу. Наши ветераны даже удивлялись: и как это раньше обходились без этого?! Ведь, бывало, после трудного матча вернешься домой и еще десятки раз прокручиваешь в памяти события на поле. До трех-четырех ночи не можешь уснуть, а на следующий день ходишь вялый, разбитый...

Тренеры нередко сами участвовали в занятиях и, выполняя те же упражнения, что и футболисты, только подливали масла в огонь. Ведь наставники «Динамо» еще многое умели! Я видел, как ребята засматривались, когда Лобановский учил Веремеева подавать угловые удары. И Базилевичу в отработке ударов головой, в выборе позиции и исполнении самого удара по воротам не один из действующих форвардов может позавидовать.

— То, что мы с Петровичем умеем, никто у нас не отнимет,— говорил обычно в таких случаях Лобановский. Все. останется при нас. Правда, прибавить мы уже не сможем. А вот вы можете! Если

будете работать профессионально...

Сама форма союза старших тренеров-единомышленников в киевском «Динамо» — их интереснейший эксперимент работы тандемом — долго не принималась в спортивных кругах. Телекомментаторы, журналисты, составители программ и футбольных справочников, знавшие, что все обязанности по руководству клубом Базилевич и Лобановский делили поровну, упорно продолжали называть Лобановского старшим тренером, а Базилевича — начальником команды. Если же Базилевич тоже упоминался в печати как старший тренер, то с обязательной оговоркой — «по воспитательной работе».

Лишь после победы «Динамо» в Кубке обладателей кубков равноправный союз тренеров был принят официально (но опять-таки не в спортивных инстанциях). В Указе Президиума Верховного Совета Украинской ССР от 30 мая 1975 года, опубликованном в республиканской прессе, значилось:

За заслуги в развитии отечественного футбола, завоевание Кубка обладателей кубков европейских стран наградить: Почетной грамотой Президиума Верховного Совета Украинской ССР Базилевича Олега Петровича — старшего тренера, Лобановского Валерия Васильевича — старшего тренера...

Как видите, все на равных и — по алфавиту...

Оба тогдашних наставника команды — личности в футболе неординарные. Как же им работалось вдвоем? Как уживались эти двое, бросившие вызов различного рода инструкциям и штатным расписаниям, дерзнувшие взять на себя роль «первых пилотов»? Право, об этом стоит поговорить подробнее, чтобы хоть каким-то образом пролить свет на уникальный эксперимент в отечественном футболе.

Случай коснуться подобного рода темы мне представился в канун нового 1976 года, когда читатели «Недели» назвали моих земляков лучшими тренерами года. Замечу, что за год до этого на традиционный пьедестал почета еженедельника попал лишь один Лобановский. И он тогда откровенно переживал, что читатели обошли своим вниманием его коллегу по работе.

Так вот, в один из декабрьских дней журналисты «Недели» попросили меня побеседовать с Базилевичем и Лобановским, пригласив их «в гости» на 13-ю страницу еженедельника. Тренеры-единомышленники с интересом восприняли это предложение, но сразу поставили условие не раскрывать, кто на

какой вопрос отвечает. «Ответ каждого из нас — ответ двоих»,— сказали они. Их просьба была выполнена.

— Олег Петрович, Валерий Васильевич! — произнес я с пафосом, включив диктофон и начиная нашу беседу. В результате читательского референдума вы оба оказались на пьедестале почета «Недели» — на тех его ступенях, куда поднимают лучших тренеров года.

— Ух какая приятная новость!.. Да, видимо, на все нужно время. Вот и читателям «Недели», среди которых, вероятно, немало любителей футбола, да и некоторым представителям спортивной общественности потребовалось два года, чтобы разобраться в сути нашего творческого содружества и «поставить» нас обоих на этот самый пьедестал...

— На чем же основано ваше тренерское содружество?

— На взаимном уважении друг к другу, уважении тех принципов, которых придерживается каждый из нас. На понимании того, что есть возможность дополнить друг друга по целому ряду аспектов работы.

— И что же, все у вас так гладко? Никогда не спорите?

— Не было бы споров, мы работали бы в разных командах. Если нам порознь приходит одно и то же решение, это нас настораживает: слишком легко и просто. И мы начинаем искать в нем изъян. Более того, в спорах, как нам кажется,— смысл совместной работы. Мы едины, пока спорим!

— Говорят, на одной из первых тренировок в киевском «Динамо» Лобановский как-то заметил: «И голос тут не на кого повысить: куда ни посмотришь, одни звезды!» Наверное, обилие футбольных знаменитостей в одной команде создает трудности?

— Нет. Чем выше класс футболистов, тем быстрее они находят общий язык и тем приятнее и интереснее работать с ними тренерам — старая истина. Да, когда мы пришли в киевское «Динамо», команда была укомплектована очень авторитетными футболистами. Но за два года нашей совместной с ними работы их авторитет вырос еще больше... От души желаем всем тренерам обилия талантливых спортсменов в командах.

— И все же в начале вашей работы в клубе, когда вы применили новую методику, не все футболисты ее приняли.

— Так и должно быть! Мы не ожидали иного. Команде предлагалась принципиально новая программа. Ее и не могли сразу принять «на ура». Почему игроки должны были нам верить, с какой стати? Вера должна была прийти с результатами.

— Известно, что у вас в команде не принято кого-либо выделять. И оценки за игру вы выставляете всем игрокам одни и те же. Кажется, на этот счет один из вас сказал: «Это оценка

нашей общей с ними работы». Однако «Золотой мяч» присужден персонально Блохину.

— «Золотой мяч» присуждаем не мы. Поэтому можем лишь присоединиться к тем, кто поздравляет Олега. Индивидуальные призы иногда затрудняют ситуацию в команде. Но в данном случае мы спокойны. Блохин, услышав столь радостное для него известие, воскликнул: «Спасибо команде!» Он из спортивной семьи, до мозга костей советский спортсмен, то есть спортсмен-коллективист. И потому награждение «Золотым мячом», или «Золотыми бутсами», или «Золотыми гетрами» не сделает из него индивидуалиста.

— После чемпионата мира 1974 года понятие «тотальный футбол» не сходит со страниц спортивной печати. И то, что показывает киевское «Динамо», тоже часто называют тотальным футболом...

— А мы полагаем, что это слово — «тотальный» — надо выбросить из советского спортивного лексикона. Это, как вы можете вспомнить, не наше словечко. Наш спортивный коллективизм множится на коллективизм гражданский. И это определяет благоприятный фон для создания подлинно коллективной тактики. Но к чему эта мишура нашему спорту? Во всяком случае, у нас в команде слово «тотальный» никому не нравится. Мы — за коллективный современный футбол.

К слову сказать, Базилевич после возвращения с X чемпионата мира по футболу в одной из своих статей писал:

В наших командах также уже не первый год ведутся поиски новых усовершенствованных форм футбольной игры. Не хочется быть нескромным, но я должен сказать, что и в киевском клубе осуществляются определенные эксперименты. Мы просто не видели раньше так близко голландцев, не имели возможности убедиться, что в принципе мыслим, так сказать, параллельно. Но я не считаю это нашей личной заслугой. Такова воля самого футбола, который непременно требует более глубокого подхода к нему, модернизации, движения вперед. Разумеется, нам следует еще много поработать для того, чтобы достичь лучших международных образцов, но мы желаем этого, и чемпионат мира помог нам отбросить не нужное, укрепиться в прогрессивных выводах.

— На одной из пресс-конференций вы сказали, что не советуете своим футболистам читать то, что пишет о них пресса. Так?

— Хороший вопрос, нам хотелось об этом поговорить. Ответим на него охотно и как можно подробнее. Так вот, когда мы еще были школьниками и читали на следующий день после посещения футбольного матча в газете отчет о нем, то последний чаще всего занимал несколько строк, сообщавших результат и кто забил голы, интересной или неинтересной была игра в целом. А ведь именно в ту пору сборная СССР выиграла матч с тогдашним чемпионом мира — сборной ФРГ. Сейчас в некоторых местных газетах отчет о матче команд второй лиги занимает чуть ли не треть страницы. Лучше это или хуже? Однозначного ответа на этот вопрос мы дать не можем. Но зато твердо знаем, что футболисты команд-мастеров нуждаются не только в профессионально поставленном тренерстве, но и в профессионально ответственном разборе их выступлений. И если уж футболу уделяется на страницах периодических изданий столько места, то разговор должен идти на профессиональном уровне, кстати, очень интересном для читателя. Недосказанные похвалы, как и недоказанные порицания действий того или иного спортсмена или всей команды, незаслуженно обижают, огорчают, нервируют футболистов, дезориентируют молодых игроков, не выработавших еще критического отношения к такого рода отчетам и обозрениям. Мы вовсе не хотим заявить, будто все отчеты и обозрения легковесны, несерьезны и непрофессиональны. Нет! Но игрокам, которым, кстати сказать, в первую очередь адресуются эти отчеты, нелегко найти в огромном числе репортажей те, что написаны с пониманием причин неуспеха и действительно обнаруживают истоки ошибок. Вот почему мы советуем игрокам вовсе не читать отчетов на следующий день после игры и сами не читаем.

— В нашем клубе специально подбираются все толковые материалы,— продолжали тренеры,— и затем в спокойной обстановке мы знакомимся с отчетами специалистов и тех журналистов, чьи оценки, на наш взгляд, представляют профессиональный интерес, вне зависимости от того, согласны мы с ними или нет. Порой используем репортажи во время установок на матч: читаем ребятам «негативный» отчет и предлагаем доказать на деле, что они не такие, как о них написали... Думается, что если футболистов так строго критикуют за ошибки и неудачи, то и отбор журналистов, пишущих о футболе, должен быть строже! Пусть за свои суждения и оценки отвечают так же, как отвечают за свои ошибки спортсмены и тренеры... Однако подчеркиваем, что, говоря так, мы имеем в виду лишь некоторых журналистов, только тех, о которых в своей книге «Не сотвори себе кумира» сказал еще известный

спортивный журналист Аркадий Галинский: тех, которые «...врываются в футбольные раздевалки с той же легкостью, что и в редакционные буфеты».

— Раз уж мы с вами заговорили о прессе, то есть еще один, на мой взгляд, любопытный вопрос. В журналистских кругах — и небезосновательно! — часто говорят, что вы всячески избегаете интервью и тому подобное. Но поскольку сегодня вам уже от этого не уйти, не могли бы вы объяснить, в чем тут дело?

— С удовольствием объясним, ибо это для нас вопрос вопросов. Жизнь спортивных тренеров такова, что хотят они того или нет, а говорить с журналистами все-таки приходится, хотя интервью для наставников очень опасны. Почему? Хвастаться, выдавать какие-то прогнозы — значит гадать на кофейной гуще. Умалчивать о чем-то интересующем людей - значит обижать читателей. Отвечать на вопросы ничего не значащими банальными фразами — «отбывать номер» — тоже нетактично. А профессия спортивного тренера, в частности — в большом футболе, такова, что она связана с определенными «производственными» тайнами. Особенно когда команда готовится к международным турнирам. Они-то — самые интересные в жизни футбольной команды, и о них как раз хотелось бы больше всего рассказывать. Но ведь эти тайны пока в лабораторном процессе, и еще неизвестно, что получится. А когда что-то получается, об этом уже все и так знают. Вот в чем сложность тренерской профессии, если рассматривать отношения с прессой.

— Можно ли, на ваш взгляд, моделировать игру?

— Пока мы делаем первые шаги в этом направлении: пытаемся моделировать отдельные моменты игры. Но, полагаем, в дальнейшем каждая игра станет совершенно новой моделью — с учетом действий соперника, который перед этим будет тщательно изучен.

— Вас интересует будущее игроков вашей команды?

— Еще бы! Очень хочется, чтобы время нашего творческого сотрудничества с сегодняшними подопечными не пропало зря. Футбол развивается, ему нужны квалифицированные специалисты. Хотелось бы, чтобы талантливые спортсмены, с которыми мы работаем, наши единомышленники, внесли достойный вклад в развитие советского футбола. И нам приятно, что многие в киевском «Динамо» проявляют живой творческий интерес ко всему, чем мы сейчас занимаемся.

— Ожидаете трудностей в своей работе в новом сезоне?

— Естественно, предвидим их. Сезон будет намного сложнее предыдущего: перед нашей командой стоят большие задачи.

Сделаем все от нас зависящее и уверены, что футболисты тоже приложат максимум усилий, чтобы достойно представлять советский футбол на международной арене...

А сезон оказался даже более сложным, чем они предполагали. И трудности на их долю выпали такие, что, пожалуй, не могли бы им присниться даже в кошмарном сне. Просто потому, что таких драматических по своей сути событий, какие уготовила Базилевичу и Лобановскому их тренерская судьба в сезоне-76, до этого не происходило ни с одним их коллегой.

К этому времени Базилевич и Лобановский возглавляли не только «Динамо», но и сборную страны. В Киеве о создании сборной на базе динамовского клуба узнали задолго до того, как об этом сообщила печать. Дело в том, что в конце декабря 1974-го вместе с киевлянами уже тренировались вратарь московского «Динамо» В. Пильгуй, защитник из «Зенита» В. Голубев, центральный защитник из «Шахтера» В. Звягинцев, центрфорвард из «Пахтакора» В. Федоров.

Хотя в прессе официально было объявлено, что «старшим тренером сборной, которая будет участвовать в отборочных играх чемпионата Европы, утвержден В. Лобановский, старший тренер „Динамо" (Киев), начальником команды — О. Базилевич», на самом деле все оставалось так, как было в клубе, и оба на равных приняли руководство главной командой страны.

Почитатели футбола со стажем, видимо, хорошо помнят, сколько огорчений доставила нам сборная в те времена. Основываясь на результатах товарищеских и официальных встреч, сыгранных в 1974 году, популярный французский еженедельник «Франс футбол» составил своеобразную футбольную табель о рангах. И что же? Сборная СССР по футболу оказалась в этой европейской футбольной иерархии лишь на 24-м месте. Правда, таблица, составленная еженедельником, достаточно условна. Но факт остался фактом: своей игрой сборная нанесла серьезный урон престижу советского футбола.

Вот почему в первых числах января, придя на тренировку киевского «Динамо» (читай «сборной СССР»), один из репортеров в шутку спросил у Базилевича и Лобановского:

— Вас поздравлять или выражать соболезнование?

— Принимаем только поздравления,— сказал Базилевич. Работать со сборной страны — это ведь большая честь, тем более для нас — сравнительно молодых специалистов.

— А ответственность?

— Так нас же двое, и все делится пополам,— отшутился Лобановский. Потом уже серьезно добавил: Совместная работа

испытание временем, мы думаем, выдержала. Даже поссориться ни разу не успели! А приобретенный опыт только поможет в решении более сложных задач.

Задачи перед сборной действительно стояли очень сложные и, по мнению некоторых футбольных авторитетов, почти невыполнимые. Ведь молодые тренеры фактически приняли в наследство от К. Бескова не команду, а только проигранный ею в Дублине матч и три «сухих» мяча в свои ворота. Так что, как говорится, дальше отступать было некуда, и все последующие отборочные игры чемпионата Европы надлежало лишь выигрывать.

Могли ли тренеры киевлян отказаться от предложения возглавить главную команду страны? Разумеется, да. Назначение их на этот высокий пост состоялось только после обоюдного согласия наставников. Почему же не отказались?

Лобановский:

— Мы должны были пойти на это. Ибо в противном случае рисковали на длительное время расстаться со своими подопечными. Ведь большинство киевлян так или иначе играли бы в сборной...

У динамовцев Киева, надевавших футболки главной команды страны, были особые претензии к К. Бескову. В опубликованном в газете «Советский спорт» пространном интервью («Когда же будет 3:0 в нашу пользу?»), отвечая на вопросы читателей, тот назвал игроков киевского «Динамо», составляющих костяк сборной, чуть ли не главными виновниками поражения в Дублине. Помню, как переживал это Блохин.

— Что называется — с больной головы на здоровую! — в сердцах сказал Олег. Константин Иванович обвиняет меня в том, что я за два года в матчах на уровне сборной забил всего один гол... А как можно было забивать, если вся система подготовки сборной хромала на обе ноги!? Состав все время менялся, играли мы по старинке — каждое звено выполняло свою узкую задачу. И это — теперь, когда, кажется, и мальчишкам ясно, что нужны коллективные целеустремленные действия всей команды.

— А теперь дела пойдут иначе? — спросили Олега.

— Во всяком случае, нам не придется больше мотаться почти всей командой из Кончи-Заспы в Новогорск,— ответил Блохин. А подготовка в привычных условиях, в знакомом режиме работы — большое дело! Вот увидите, сборная заиграет...

А пока что киевляне готовились к решающим матчам Кубка кубков. Большинство журналистов сошлись на том, что им фортуна улыбнулась, избрав в соперники по четвертьфиналу скромный турецкий клуб «Бурсаспор». Обозреватели писали

также, что эти матчи помогут Базилевичу и Лобановскому лучше изучить турецкий футбол и сделать разведку боем перед встречей в ранге отборочного турнира чемпионата Европы сборных СССР и Турции (она должна была состояться в Киеве спустя две недели после повторного поединка с «Бурсаспором»). Но тренеры киевлян и сборной страны это мнение журналистов не разделяли.

«Мартовские кубковые встречи больше на руку руководителям сборной Турции, чем нам,— говорил Лобановский. „Бурсаспор" — это ведь не сборная Турции, а вот киевское „Динамо" — это сборная СССР. Так что в марте не мы будем изучать соперника, а он нас...»

Лобановский не ошибся.

К берегам Босфора команда прибыла, проделав длинный и утомительный воздушный путь (в Турцию киевляне прилетели из турне по Бельгии и Франции, где провели несколько товарищеских встреч), после чего их ждало путешествие в автобусах на побережье Эгейского и Мраморного морей. Проехав по дорогам Турции 240 километров, 4 марта динамовцы наконец очутились в Бурсе. До их матча с «Бурсаспором» оставалось менее суток...

Вопреки своим принципам — все делать по заранее намеченной программе — тренеры все же отменили запланированную тренировку. Занятия были заменены легкой разминкой. Но даже за ней внимательно следили все игроки сборной Турции во главе со своим тренером Д. Озары. Тот привез в Бурсу всех 19 кандидатов в сборную страны и дал им задание внимательно изучать своего соперника, оценить его силу перед матчем 2 апреля в Киеве.

Вечером накануне игры гостей ждал сюрприз: под окнами одного из лучших отелей Бурсы — «Челикпалас», где разместились динамовцы, болельщики устроили настоящий шумовой концерт, усиленный к тому же беспрерывными гудками автомобилей. Эту «психологическую атаку» не сорвал даже сильный дождь, хлеставший всю ночь и прекратившийся лишь перед матчем. Он испортил поле, сделал его вязким и тяжелым. Но настроение у динамовцев осталось боевым. Тем более, что почти в таких же условиях проходил их тренировочный матч с «Араратом» в середине февраля в Адлере. Кстати, встреча киевлян с ереванцами, которые в те дни готовились к четвертьфинальным матчам в Кубке чемпионов со знаменитой «Баварией», выходила далеко за рамки просто контрольного матча: «Арарат» принял новый тренер — В. А. Маслов. Именно он в свое время отчислил из киевского «Динамо» вначале Лобановского, а затем Базилевича.

Был у этого матча еще и такой подтекст: в афишах и прессе встреча подавалась как матч первой сборной СССР с «Араратом» (отметим, что, кроме динамовцев Киева, в первом тайме играл В. Федоров из «Пахтакора»). Словом, футболисты «Арарата», соответствующим образом настроенные своим новым тренером, вышли атаковать. Но это было только на руку динамовцам! Предугадав установку Маслова, наставники «Динамо» дали задание своей команде провести первый тайм в тактическом ключе так называемой выездной модели, когда вся команда активно участвует в обороне и даже нападающие отходят чуть ли не к линии своей штрафной площадки.

Атаки «Арарата», словно морской прибой, волна за волной накатывались и обрушивались на ворота «Динамо», но — тщетно! Динамовцы защищались четко и хладнокровно. От длительного штурма ереванцы, видимо, подустали. А киевляне в перерыве получили от своих тренеров новую установивку: резко изменить тактику, применив домашнюю модель игры. Теперь уже любому футболисту «Арарата», владеющему мячом, всюду противостояли два-три киевлянина — даже на половине поля соперников. Динамовцы откровенно прессинговали, и команда Маслова оказалась скованной, а затем пропустила гол в свои ворота. Забил его Онищенко.

В Бурсе переполненные трибуны стадиона, носящего имя основателя Турецкой Республики Кемаля Ататюрка, встретили гостей оглушительным шумом. По неизвестным причинам матч начался минут на тридцать позже намеченного времени, но задержка была только на пользу киевлянам: они успели хорошо размяться и в какой-то мере вжиться в истошный гвалт на трибунах. Но болельщики «Бурсаспора» вскоре притихли: динамовцы, захватив инициативу, перевели игру на половину хозяев поля. В первом тайме Рудаков почти не касался мяча. А вот страж ворот «Бурсаспора» и сборной Турции Расим трудился в полную силу. И все же во время одной из контратак гостей и он оказался бессилен: удар Онищенко был неотразим! Финальный свисток арбитра зафиксировал победу «Динамо» — 1:0.

Ответный матч с «Бурсаспором», проходивший спустя две недели на Центральном стадионе Киева, стал своеобразной вехой в летописи клуба: стартовав десять лет назад в европейских официальных турнирах, команда всякий раз добиралась лишь до четвертьфинала и давно мечтала нарушить эту традицию. Футболисты «Бурсаспора» прилетели в Киев с надеждой на реванш. Их тренер Абдула Гегич сказал журналистам, что, несмотря на поражение в первом матче, у его команды есть шансы поправить свои дела.

— Мы сделали все возможное, чтобы не повторить ошибок первой встречи,— говорил Гегич накануне поединка. В составе «Бурсаспора» произошли некоторые изменения.

Киевляне экспериментов с составом не проводили. В двух товарищеских встречах, проведенных в Чехословакии за неделю до ответственного матча с турками, у «Динамо» вновь были задействованы почти все игроки, выступавшие в Бурсе.

И вот соперники снова на поле.

Гости сразу же бросаются в атаку. Правый крайний Али издали бьет по воротам Рудакова. Мяч — у вратаря. После чего динамовский голкипер примерно с полчаса не вступает в игру. Киевляне безраздельно владеют инициативой. Атака следует за атакой. Однако результата все нет. То хорошо сыграет вратарь «Бурсаспора» Расим, то самоотверженно остановят атаку защитники. Играют они жестко, порой даже слишком. И арбитр встречи Ченчер (ФРГ) дважды показывает гостям желтую карточку.

На перерыв команды ушли при счете 0:0. А во второй половине игры бесспорное преимущество хозяев поля было материализовано: Колотое (с пенальти) и Мунтян забили по голу. Почти 100 тысяч болельщиков, пришедших в этот день на первую встречу с «Динамо»-75, радовались успеху своей команды.

В полуфинале Кубка кубков динамовцам противостоял более твердый орешек — голландский клуб ПСВ «Эйндховен», который по дороге в полуфинал остановил «Бенфику». «Эйндховен», которому еженедельник «Франс футбол» на протяжении всего сезона в классификации клубных команд Европы постоянно отводил первое место. Киевляне продемонстрировали умение блестяще выполнять установку тренеров на «игру изо всех сил в обоих таймах». А иначе с голландцами играть просто было нельзя.

В Киев футболисты «Эйндховена» прилетели без страха и сомнения. Еще в аэропорту Борисполь они дали это понять. Тренер «Эйндховена» Рийверс заявил, например, советским журналистам, что главная цель его команды — победа в чемпионате Голландии, а что касается встречи в Киеве, то он надеется на хороший спектакль и не возражает против счета 2:2, 3:3, 4:4...

— Жаль, что жребий свел наши клубы в полуфинале,— заявил президент клуба ПСВ «Эйндховен» Гроневелд. Лучше бы встретились в решающем матче за Кубок. «Динамо» — сильная команда, но наши парни сейчас близки к заветной цели — стать чемпионами страны и взять европейский приз. Вряд ли они упустят этот шанс...

Опережая таких грандов мирового футбола, как «Фейенорд» и «Аякс», «Эйндховен» в то время лидировал в чемпионате Голландии и, как известно, стал впоследствии чемпионом страны! А в розыгрыше Кубка обладателей кубков команда успела зарекомендовать себя довольно агрессивным гостем. В Варшаве, например, голландцы легко обыграли польскую «Гвардию» — 5:1, а в Лиссабоне взяли верх над португальской «Бенфикой» (за которую выступал знаменитый Эйсебио) — 2:1. Шесть игроков клуба входили в национальную сборную Голландии, двое футболистов «Эйндховена» защищали цвета сборной Швеции.

Динамовцы Киева вышли на игру в своем основном составе. Киевляне хорошо знали сильные стороны соперника: накануне Лобановский летал в Голландию и смотрел матч чемпионата страны, в котором «Эйндховен» одержал очередную победу над «Телстаром» из города Велзен.

С первых минут поединка всем стало ясно: соперники достойны друг друга. Непринужденные и точные пасы, удары с дальних дистанций, хорошие скорости — все это так украшало встречу! А гол, забитый капитаном киевлян Виктором Колотовым, достоин самой высшей похвалы. Второй мяч в ворота гостей провел Владимир Онищенко, третий — Олег Блохин.

После матча, когда на электрическом табло Центрального стадиона ярко светились на фоне вечернего неба цифры 3:0, наставник гостей Рийверс рассеянно отвечал на вопросы журналистов.

— Мои игроки не выполнили установку — забить хотя бы один гол в ворота «Динамо»,— говорил он. У вас хорошая команда, ни одного посредственного футболиста я в ней не увидел. Что думаю о повторном матче? Я оптимист...

Но оптимизм наставника голландцев не помог его питомцам. И на следующий раз, после повторной встречи, проходившей на стадионе в Эйндховене, местные газеты отметили «уверенную игру советской команды, о которую разбились хаотичные атаки голландских футболистов». Окончательные надежды хозяев поля рухнули примерно за четверть часа до финального свистка, когда в их штрафной площадке, подобно молнии, сверкнула стремительная двухходовка, и Леонид Буряк, использовав прострельную передачу Владимира Веремеева, головой в падении, забил великолепный гол.

Благодаря двум голам, забитым Ральфом Эдстрёмом,— писала на следующий день газета «Альхемейн дахблад»,— ПСВ удалось добиться победы — 2:1. Однако во время этого матча не

появилось надежды на победу со счетом 4:0 или 5:1 — сенсацию, обещанную тренером Рийверсом.

Причины срыва наступательного плана футболистов Голландии, а также их общее поражение в двух встречах с «Динамо»,— резюмировала газета «Де фолькскрант», — надо прежде всего искать в отличной игре динамовцев Киева, в ошибочном представлении о нынешнем классе советских футболистов.

Поединки с «Эйндховеном» (особенно первый матч в Киеве) сыграли важную роль в психологическом настрое динамовцев, помогли команде обрести уверенность. Не случайно в конце сезона, отвечая на вопросы корреспондентов «Молоді України», Валерий Лобановский сказал:

— Самым трудным считаю киевский матч с «Эйндховеном». Нам пришлось, кроме всего прочего, вести серьезную психологическую подготовку. Должен сказать, что полностью освободить игроков от преувеличенного представления о возможностях соперника нам так и не удалось. Даже счет 3:0 не убедил до конца в том, что с прославленными голландцами мы можем не только играть на равных, но и побеждать их. Нельзя недооценивать соперника. Опасно желание забросать его шапками, а не голами, но еще хуже, когда переоцениваешь его возможности и истинную силу. Полной мерой это проявилось в киевском матче с «Эйндховеном», хотя, к счастью не отразилось на результате...

Команда вышла в финал! Только один матч! Матч на нейтральном поле в Базеле, которое наверняка и динамовцы, и их соперники из венгерского клуба «Ференцварош» хотели превратить в свое.

Накануне Лобановский был в Будапеште, изучал игру «Ференцвароша» в матче чемпионата Венгрии, а также на одном из занятий по тактике встречи «Ференцвароша» с югославской «Црвеной звездой». Соперник был изучен.

Перед вылетом в Базель динамовцы давали скупые интервью, смысл которых сводился к одному: «Будет трудно!»

«Ференцварош» тоже мечтал о победе. Ведь по дороге в финал венгерский клуб вывел из розыгрыша довольно грозных соперников — обладателей кубков Уэльса, Англии, Швеции и Югославии. Наставники «Ференцвароша» — опытный Ене Дальноки и знаменитый обладатель «Золотого мяча» Флориан Альберт — знали вкус побед в подобных играх. Они надеялись на

успех. И Дальноки сразу же после окончания второго полуфинального матча с «Црвеной звездой» уверенно заявил журналистам:

— Думаю, что игра с «Динамо» в финале для нас будет легче этого матча с обладателем Кубка Югославии. Мы должны победить. Казалось, в тот день, 14 мая 1975 года, время тянулось очень медленно, пока наконец на экранах наших телевизоров не вспыхнула картинка стадиона «Сант-Якоб». Вот комментатор читает составы команд. Внимательно ловим каждую фамилию: Рудаков, Коньков, Матвиенко, Фоменко, Решко, Трошкин, Мунтян, Колотое, Онищеко, Буряк, Блохин.

Шотландский арбитр Р. Дэвидсон привычным движением подбросил монетку. Колотов угадал, ему выбирать. Но решил посовещаться с товарищами. Они выбрали ворота, в которых разминался Рудаков. Протяжный свисток — и болельщики вскоре вздохнули с облегчением: динамовцы уверенно диктовали «Ференцварошу» свои условия, умело меняя ритм атаки, тараня оборону соперников то на одном фланге, то на другом.

Наконец и гол — в динамовском стиле, после кинжальной трехходовки (Коньков — Блохин — Онищенко).

После приезда в Киев Стефан Решко рассказывал:

— В общем-то мы, конечно, волновались и даже чуть-чуть нервничали. Венгры уступали нам в классе, в скорости, но все это они могли с успехом компенсировать волевым настроем, неуемным желанием победы, жесткой игрой. После первого гола стало легче...

Потом еще два — Онищенко и Блохина. 3:0! После матча, на пресс-конференции, тренер «Ференцвароша» Дальноки говорил журналистам:

— Победили сильнейшие. Превосходство киевских динамовцев в финальном матче розыгрыша Кубка кубков было неоспоримым.

По его словам, обладатель Кубка Венгрии явно недооценил силы своих соперников, не разгадал плана игры советских футболистов.

— Что прежде всего обеспечило успех «Динамо»? — задали вопрос советским тренерам.

— Тщательная подготовка ко всем матчам, создание моделей игры с конкретными соперниками, а также то, что все игроки четко выполнили намеченную программу на финальное состязание,— говорил Лобановский. Мы выиграли финальный матч, прежде всего благодаря хорошо разработанной тактике...

В начале августа стало известно, что руководство УЕФА приняло решение провести матчи между обладателем Кубка

чемпионов мюнхенской «Баварией» и победителем турнира Кубка кубков киевским «Динамо». После обмена телеграммами клубы установили сроки двух встреч: 9 сентября игра в Мюнхене, ответный матч 6 октября в Киеве.

...В день 9 сентября болельщики напрасно изучали радио- и телепрограммы: репортажа с Олимпийского стадиона в Мюнхене, где встречались «Бавария» и «Динамо», там не значилось. И только около полуночи по московскому времени, в «Последних известиях» мы дождались короткого сообщения: «В первом матче на Суперкубок киевское „Динамо" со счётом 1:0 победило мюнхенскую „Баварию". На 67-й минуте гол забил Олег Блохин».

Поражение «Баварии» в родных стенах для футбольной Европы стало сенсацией номер один. Редактор западногерманского «Киккера» Хайман сказал накануне второго матча на Суперкубок:

— Для нас победа «Динамо» в Мюнхене была как гром в ясный день. Ну кто мог подумать, что советский клуб так выстрелит! Ведь ваш футбол в последние годы прямо зачах, и вдруг — такое «Динамо»! В сентябре я отдыхал и не видел первого матча, но наборщик моей типографии говорил, что это лучшая советская команда из всех, побывавших в ФРГ, а гол, забитый Блохиным, самый красивый гол из тех, которые он видел за свой сорокалетний стаж футбольного болельщика...

Легко понять, с каким настроением прилетели баварцы в Киев на ответный матч и что означала для них эта встреча на Центральном стадионе столицы Украины. Взлет или падение? На карту был поставлен высокий престиж клуба. Надо ли говорить, как тщательно готовились обладатели Кубка чемпионов ко второму поединку с динамовцами? Вот, к примеру, текст телеграммы, присланной президентом клуба «Бавария» Найдеком в киевский совет «Динамо» за четыре дня до матча:

«Прибываем воскресенье, 5 октября, 18.10 — время посадки в Киеве. Просим организовать тренировку в 19.00, ужин — в 20.30: борщ, бифштекс, салат из свежих овощей, помидоров, жареный картофель и свежие фрукты...»

Советские журналисты встречали «Баварию» в аэропорту Борисполь. За сутки до начала матча. В 18.10 точно по расписанию лайнер «Аэрофлота» подрулил к зданию вокзала, к его серебристому боку медленно подкатил трап, и западногерманские футболисты в темно-синих клубных пиджаках, слегка поеживаясь от холода, спустились с заоблачных высот на землю, где им предстояло провести очень трудный матч, может быть, самый трудный за всю 75-летнюю историю.

Футболисты из ФРГ не выглядели озабоченными. Они

улыбались и охотно давали интервью. И даже шумно радовались, когда увидели среди встречающих Льва Яшина. И все же журналистам показалось, что кроме багажа, который обычно возят в самолетах футбольные команды, баварцы привезли с собой и тяжелый груз неудач, которые преследовали команду на протяжении последнего времени.

...Но до матча еще было время. И футболисты улыбались. Давали интервью, позировали фото- и кинооператорам. И только Франц Беккенбауэр, отвечая на один из вопросов, вдруг на секунду согнал улыбку с лица:

— Да что там говорить! Думаю, наша задача — не проиграть здесь, в Киеве, с крупным счетом. «Динамо» — хорошая команда.

Тренер «Баварии» Д. Крамер отвечал на вопросы по-деловому четко:

— Да, задача у нас трудная. Но без надежды не стоило садиться в самолет. Сожалею только, что с нами нет Мюллера, Хенесса и Андерсена. Они поправляются после операций. Состав на игру? Никогда не делаю из этого секрета: Майер, Хорсман, Дюрнбергер, Шварценбек, Беккенбауэр, Рот, Вундер, Шустер, Вайс, Руммениге, Каппельман.

Вратарь «Баварии» и сборной ФРГ Зепп Майер, конечно же, первым заключил в свои объятия Льва Яшина. У них состоялся свой, особый разговор.

— Скажите,— спросил Майер,— сколько вам было лет, когда вы стояли в воротах сборной ФИФА?

— Сорок.

— Слышишь, Зепп,— крикнул ему Крамер,— ты можешь играть еще целых девять лет!

— А как вам нравится Олег Блохин? — спросили у Майера.

— Лучше бы он играл в нашей команде...

Выгрузили багаж «Баварии». Огромные кованые сундуки с бутсами, футболками, мячами, аварийным запасом продуктов... Среди них метровая картонная коробка с надписью: «Не кантовать».

— Между прочим, в этой коробке Суперкубок,— сказал Крамер. Пока, как видите, он у нас. Что будет завтра, не знаю...

— Суперкубок? — сдвинул брови президент УЕФА Артемно Франки, прилетевший чуть позже рейсом из Вены. Если говорить официально, то его нет. Но я не возражаю, если приз, пожертвованный частными лицами, будет вручен победителям. Я же вручу им медали УЕФА. Впрочем, не исключена возможность, что придется ограничиться просто рукопожатиями. Чемодан с медалями застрял где-то в Вене при пересадке.

Прямо с аэродрома, даже не заглянув в предоставленные им

апартаменты, футболисты «Баварии» отправились на Центральный стадион. И были приятно удивлены, увидев на трибунах тысячи болельщиков. Многие из них, так и не сумев достать билета, решили посмотреть хотя бы тренировку баварцев.

...У динамовцев тоже царила деловая обстановка. Тренеры остались верны своим принципам: во всем следовать строгой, заранее продуманной программе. В пятницу, за три дня до матча, футболисты «Динамо» уехали на свою базу в Кончу-Заспу и... вздохнули наконец с облегчением: теперь-то им не придется заниматься проблемой доставання билетов для друзей и знакомых. Телефон на базе тренеры отключили.

— Хотите снять излишнее напряжение? — спросили у Базилевича.

— Нет,— ответил он. Мы вовсе не пытаемся его снимать. Психологический фон команды должен соответствовать уровню предстоящего матча. Напряжение пусть будет. А вот излишнего ажиотажа ребята чувствовать не должны.

Интерес к поединку действительно превзошел все ожидания. Уже за три недели до матча согласно официальным заявкам цифра желающих попасть на стадион достигла полумиллиона. За день до матча в Киев приехали несколько тысяч болельщиков из ФРГ.

А у команды динамовцев были свои заботы.

— Нас в основном беспокоит проблема состава,— говорил Лобановский. Тревожит состояние Колотова, получившего травму в матче с ЦСКА. В игре на Кубок чемпионов с греческим «Олимпиакосом» были травмированы Матвиенко и Онищенко... Но ничего, в Мюнхене положение было еще хуже. Одним словом, десять полевых игроков наберем...

Наступил день поединка. Кто победит в главном матче европейского сезона? Этот вопрос незримо витал над улицами города, когда поток автобусов, троллейбусов, автомобилей и могучий вал пешеходов надвигались на Центральный стадион столицы Украины.

И вот наконец настал долгожданный миг. На поле выбежали команды — киевляне в белых футболках, баварцы в красных. Игра началась!

Динамовцы начали ее в таком составе: Рудаков, Коньков, Зуев, Фоменко, Решко, Трошкин, Мунтян, Онищенко, Буряк, Веремеев, Блохин.

Казалось, поначалу команды избрали одинаковую тактику: главное внимание — защите ворот, контрвыпады малыми силами в расчете на успех быстрых и пробивных форвардов. Особенно плотно гости опекали Блохина и Онищенко, стремясь лишить их

свободы маневра. И если возникали критические ситуации, защитники баварцев действовали не всегда изобретательно, порой даже сбивали наших форвардов с ног. Впрочем, Блохин, кажется, не знал страха. Получив мяч, он уверенно шел вперед, оставляя за спиной одного защитника, другого — будь то знаменитый Шварценбек, который персонально опекал Блохина, или легендарный Беккенбауэр. С середины первого тайма преимущество киевлян стало очевидным.

Наконец минут за пять до перерыва Блохин получил длинную передачу из глубины обороны, рывком ушел от Шварценбека и послал мяч в сетку мимо метнувшегося навстречу голкипера Майера. 1:0! Тут же последовал удар Онищенко в правый нижний угол, и Майер с трудом отбил мяч на угловой.

На 53-й минуте Блохин прорвался к воротам в одиночку, хотя перед ним был щит из пяти защитников. Им удалось остановить нашего форварда только... сбив его с ног.

Баварцы выстроили «стенку» в штрафной площадке, но она оказалась дырявой — Блохин со штрафного удара забил второй мяч.

Поняв, что дела плохи, баварцы провели несколько ответных атак, но все они разбились о стойкую защиту киевлян...

Финальный свисток зафиксировал победу динамовцев — 2:0! «Молодцы!» — скандировал стадион.

Корреспондент боннской газеты «Экспресс» прямо из ложи прессы продиктовал в свою редакцию концовку отчета:

Временами создавалось впечатление, что киевляне играют с баварцами в кошки-мышки. Героем дня был Олег Блохин. Суперзвезда!

...Матч окончен. Вокруг стадиона пусто: 100 тысяч зрителей остались на своих местах. Футболисты киевского «Динамо» и мюнхенской «Баварии» выстроились набеговой дорожке стадиона. Баварцам было холодно, они переминались с ноги на ногу, то и дело поглядывали на темный тоннель стадиона: поскорее бы уйти в раздевалку. Киевские футболисты были возбуждены, они крутились волчком и поднимали вверх руки, отвечая на несущийся с четырех сторон приветственный гул стадиона. Наконец наступил долгожданный торжественный миг: вручение Суперкубка. Но тут оказалось, что президент УЕФА синьор Франки физически не в состоянии передать из рук в руки эту пудовую чашу из золота и серебра, которая все 90 минут стояла

на столике, покрытом бархатной скатертью. Короткое замешательство и синьор Франки нашел выход из положения: он жестом подозвал футболистов к столу. Фоменко и Коньков взяли приз за ручки, ощутив приличную тяжесть. Все-таки Суперкубок! А медали УЕФА в этот день не были вручены, поскольку чемодан синьора Франки где-то застрял по маршруту Рим — Вена — Киев.

Баварцы убежали в раздевалку, а киевляне совершили с Кубком круг почета. Но вот почетный круг был совершен, и игроки с Кубком ушли в раздевалку. Болельщики нехотя покинули стадион.

Наконец футболисты оказались в раздевалке. Плюхнувшись в низкие кресла, они стаскивали футболки и вытирали ими пот с лиц. Им трудно говорить: сбито дыхание. Обменивались между собой лишь односложными репликами, смысл которых сводился к одному: «Порядок!»

...В зале, где проходила пресс-конференция, как и на стадионе, тоже светили прожекторы, но только поменьше, для кинохроники. Их лучи были направлены на тренеров киевского «Динамо» В. Лобановского и О. Базилевича, тренера «Баварии» Д. Крамера и президента УЕФА А. Франки. Наставники «Динамо» держались спокойно. А вот тренер гостей был оживлен и, казалось, доволен, что все наконец кончилось. Первым взял микрофон Дитмар Крамер:

— Я поздравляю наших соперников. Киевское «Динамо» сегодня доказало, что это лучшая команда Европы.

Кто-то из журналистов спросил:

— Не повлияло ли на исход матча то обстоятельство, что вы выступали без трех основных игроков?

— Не люблю после поражения искать оправданий. Конечно, Мюллер это Мюллер, но сейчас «Динамо» просто сильнее нас.

— Кто в «Динамо» вам понравился больше всех?

— Блохин.

— Понравился за голы?

— Нет. Если бы он ушел с поля не забив мяча, я бы все равно назвал его лучшим.

— А что вы скажете о защите «Динамо»?

— Достаточно того, что она надежна.

— Этим вы хотите подчеркнуть коллективизм игроков «Динамо»?

— Это качество отличало много советских команд из тех, что я видел. Но о киевском «Динамо» должен сказать, что это в высшей степени коллектив. Он объединяет игроков с высоким индивидуальным мастерством.

— Почему Блохина опять опекал Шварценбек, который и в

первом матче уступал ему в скорости, проигрывал единоборства?

— Потому что в моей команде нет защитника лучше Шварценбека. Его должен был страховать Беккенбауэр, но и тот не поспевал за Блохиным.

— Что вы скажете об условиях, в которых проходил матч?

— Отличное поле, безукоризненное судейство. А главное, зрители. Перед таким объективным, доброжелательным зрителем приятно играть.

Микрофон Валерию Лобановскому:

— «Бавария» — грозный соперник, и, несмотря на поражение, команда остается одной из лучших в Европе. Согласны с Крамером в том, что киевский матч был интереснее мюнхенского.

Олег Базилевич:

— Матч был гармоничен по организации игры. Мне трудно оценить действия наших игроков, а вот баварцы на протяжении двух таймов демонстрировали высокую мобильность, взаимопонимание. Нам приятно, что тренер «Баварии» очень высоко оценил игру Блохина, хотя мне кажется, что он чуть-чуть пристрастен. Как бы ни был талантлив футболист, он все же мало чего добьется, если не будет хорошо играть вся команда.

Слово президенту УЕФА Артемио Франки:

— Я счастлив от имени 36 национальных футбольных федераций, входящих в состав УЕФА, приветствовать победителей матча на Суперкубок. Сегодняшний матч — лучшая реклама футбола. Победа досталась действительно сильнейшей команде, и Кубок вручен ей по праву.

В канун нового 1976 года все наши газеты опубликовали короткое тассовское сообщение:

«Традиционный референдум, проводимый французским еженедельником „Франс футбол", назвал 23-летнего форварда киевского „Динамо" и сборной СССР Олега Блохина лучшим футболистом Европы 1975 года. Блохин опередил Франца Беккенбауэра (ФРГ) и Йохана Круиффа (Голландия).

Олегу Блохину, победившему в двадцатом по счету опросе футбольных обозревателей европейских стран, будет вручен „Золотой мяч".

Журналисты, участвовавшие в референдуме, назвали фамилии 32 футболистов из восемнадцати стран. Блохин набрал 122 очка. Следующие за Блохиным Беккенбауэр, Круифф, Берти Фогте и Зепп Майер (оба ФРГ) не набрали этой суммы вместе».

Об итогах этого референдума Олег узнал довольно неожиданно. Он принимал участие в предновогодней телевизионной передаче «Старт», и вдруг ведущий, который хотел сделать сюрприз, сообщает о телефонном разговоре с Парижем:

Блохин назван лучшим футболистом Европы!

Глава 5. В августе семьдесят шестого

...Сразу же оговорюсь. Рассказывая о событиях, происходивших в в 1976-м в киевском «Динамо» и в сборной страны, которыми руководили Базилевич и Лобановский, я решительно отказываюсь от роли судьи. Не оправдываю и не обвиняю тренеров-единомышленников (задним умом мы все бываем крепки!). Моя единственная цель — рассказать правду о некоторых событиях сезона-76.

В том году все было подчинено одной главной цели — победе футболистов сборной СССР на XXI Олимпийских играх. Ради этого даже отменили традиционную двухкруговую систему чемпионата Советского Союза. Вместо этого (как 40 лет назад!) было проведено два однокруговых первенства страны — весеннее и осеннее. Причем в весеннем чемпионате киевскому «Динамо» было разрешено участвовать дублирующим составом.

Вновь, как и в предыдущие два сезона, подготовка команды осуществлялась по заранее разработанной программе, которая и должна была принести положительные результаты. Футболистам было трудно (нагрузки по сравнению с предыдущим сезоном возросли еще больше), но они не роптали и все предложенное тренерами воспринимали, как говорится, на веру. Да и как можно было в чем-то сомневаться, если за спиной были громкие успехи команды в славных сезонах 1974—1975 годов. Разьве мог кто-нибудь предположить, что после такого взлета наступит резкий спад и те же самые игроки — в футболках киевского «Динамо» и сборной СССР — начнут терпеть одно фиаско за другим.

Так или иначе, а, готовясь к Олимпийским играм в Монреале, команда Базилевича и Лобановского в официальных матчах проиграла все, что только можно было проиграть. Сначала киевским «Динамо» был проигран матч четвертьфинала Кубка европейских чемпионов французскому «Сент-Этьену». Затем, уступив в четвертьфинале сборной Чехословакии, выбыла из чемпионата Европы сборная СССР. Потом киевские динамовцы «пожертвовали» Кубком Советского Союза (киевляне проиграли «Днепру»). Как воспринимали эти поражения сами футболисты? Не сказал бы, что они особенно переживали. Дело в том, что ко всем этим играм команда не вела специальной подготовки. Со слов тренеров игроки знали, что, к примеру, «через матчи» с «Сент-Этьеном» и другими знатными и менее именитыми соперниками команда готовится к главным событиям года — к Олимпийским играм! Чего же ради станут игроки убиваться по

поводу поражений от французов, сборной Чехословакии или днепропетровского «Днепра», если встречи с этими командами не возводились в степень «серьезных», а лишь служили «подспорьем»?!

На XXI Олимпиаде, как известно, сборная СССР завоевала бронзовые медали. Но дело не в наградах, а в слабой игре, которую продемонстрировала в Монреале наша команда. Игроки ее (по их собственному признанию) не чувствовали той легкости в движениях и уверенности в своих силах, которые им — согласно программе подготовки — сулили тренеры. А ведь столько времени было затрачено на подготовку, такие тяжелейшие тренировки выдержаны (они не прекращались и в ходе Олимпийского турнира), что диву даешься, как это все люди могли выдержать. Судя по всему, они и не выдержали.

— Нам явно не хватало скорости и легкости, ловкости и координированности,— рассказывал мне после возвращения из Монреаля Олег Блохин. По себе чувствовал, что буквально измотан тренировками, которые продолжались и в Монреале. Думал о чем угодно, только не о футболе. Порой выходил на поле и не знал, что мне делать! Попадал ко мне мяч, а я старался поскорее от него избавиться. Главное, отсутствовала жажда борьбы.

...И специалисты, и болельщики в один голос признали выступление сборной в сезоне 1976 года неудачным. В прессе появились острые критические статьи.

Всю основную подготовку к ответственным соревнованиям сборная проводила в ходе, назовем вещи своими именами, гастрольных поездок. Она готовилась к борьбе, фактически избегая борьбы,— писал обозреватель еженедельника «Футбол — Хоккей» Валерий Винокуров. Длительный отрыв от дома к тому же плохо повлиял на моральное состояние игроков, на их психику...

Команда, заделавшись туристской группой, мало-помалу стала сдавать, — писал Лев Филатов в своей книге «Ожидание футбола», вышедшей через год после монреальской Олимпиады. Ее молодые, способные тренеры О. Базилевич и В. Лобановский во главу угла поставили определенный метод тренировочных занятий и поверили в него, как в волшебный эликсир, с помощью которого можно команду безошибочно готовить к тому дню, когда она должна дать решительный бой и победить. Верили они и в систему стимулирования, считая ее верной гарантией хорошей игры и успехов.

Клуб, которому надлежало вести за собой вперед, оказался изъят из футбола,— писал Лев Яшин. Его как бы вынули из футбольной почвы, пересадили в оранжерею, укрыли стеклянным колпаком, предоставив всем прочим лишь любоваться им издали... Восторжествовал неумолимый закон футбола, закон спорта, обязательный для всех — и для ведущих, и для ведомых: чтобы играть, надо играть. Играть с сильнейшими как можно больше, бороться с ними и, пусть ценой неудач, извлекать уроки, тянуться, накапливать опыт и мастерство.

В различные редакции газет и журналов шли потоки, как это уже не раз бывало, огорченных, раздраженных и гневных писем болельщиков. В прессе высказывались журналисты и специалисты, справедливо считавшие, что только искренняя нелицеприятная критика способна принести пользу футболу. Претензий к сборной и ее тренерам было высказано более чем достаточно.

А что же сами старшие тренеры? Как они реагировали на критические стрелы, выпущенные по ним? Я в те дни с интересом прочитывал все, что писали о футболе газеты и журналы, но так, кажется, нигде и не встретил хотя бы какой-то самокритики тренеров. Напротив, они считали себя правыми. К примеру, в статье мастера спорта Алексея Леонтьева «Разговор начистоту» прочел о Лобановском, что «...тренер сборной уверял своих коллег, будто работа по подготовке команды к столь сложному сезону, к столь сложным соревнованиям проводилась правильно, что все, намеченное планом подготовки, выполнялось неукоснительно. И в доказательство своей правоты он приводил данные комплексной научной бригады, руководимой М. Годиком».

Что же на самом деле произошло? Почему — меньше, чем за год! — команда, блиставшая дома и за рубежом, потеряла свою игру? Поговорим с вами, уважаемый читатель, откровенно, ибо откровенность, по словам поэта Евгения Евтушенко, есть признак силы. Но не только ради того, чтобы ощутить нашу с вами силу, нужен этот разговор. Нам очень нужны знание и понимание прошлого (даже в жизни отечественного футбола, который, как известно, явление социальное). Без этого нельзя двигаться вперед. Особенно в большом спорте, где ничто не учит сильных спортсменов и сильные команды так хорошо, как поражения. Ведь они дают возможность взглянуть на себя как бы заново, убедиться в том, что творческий потенциал не исчерпан. Если такой анализ сделан, если есть умение отделить зерна от плевел, значит, есть и

надежда, что, приступив с удвоенной энергией к решению новых задач, ты обязательно добьешься и более высоких целей.

В ту пору о программе подготовки, разработанной тренерами киевского «Динамо» и сборной страны, говорилось и писалось много. Но, вероятно, прежде чем открывать огонь критики, журналистам и специалистам футбола следовало точно наметить цель, в которую надлежало направлять критические стрелы. Думаю, в данном случае выбор цели был критиками Базилевича и Лобановского сделан абсолютно неверно, ибо программирование учебно-тренировочного процесса, над которым усердно и вдумчиво работали в киевском «Динамо» и сборной страны тренеры-единомышленники, само по себе не могло служить мишенью для критики. Почему?

Дело в том, что именно скрупулезным выполнением научно обоснованной программы объяснялись, например, громкие успехи 1974—1975 годов, когда команда играла легко, быстро, технично и красиво. Игроки тогда пребывали в отличной спортивной форме. Достигали они ее ценой огромных нагрузок. Но примечательно, на мой взгляд, другое. В первом из двух счастливых для динамовцев сезонов не все футболисты одинаково справлялись с нагрузками. Тренеры, видя это, советовались с врачами, вносили коррективы в программу подготовки.

Еще один характерный штрих. В первые год-два работы в киевском «Динамо» (где, как вы помните, собрались одни «звезды») Базилевич и Лобановский не раз терпеливо объясняли своим подопечным правильность избранной ими методики. Правда, не сказал бы, что сами они стопроцентно были уверены в успехе. И в этом ничего страшного нет. Людям творческого труда свойственно сомневаться. Неслучайно ведь одним из любимых девизов Карла Маркса было: «Все подвергай сомнению». Но, вероятно, и в своих сомнениях тренерам следовало оставаться искренними до конца.

Однажды весной семьдесят четвертого года на сборах в Гантиади динамовский форвард Владимир Онищенко подошел к Лобановскому.

— Мы здесь проделали огромный объем работы,— сказал футболист. Ребята буквально валятся с ног. Конечно, все это должно вылиться в какой-то результат. Но для успеха нужно еще и спортивное счастье. Бывают ведь спортсмены-неудачники, может быть и команда-неудачница... Жаль, Васильич, если мы окажемся такой командой. Может ведь такое случиться?

— Да, Володя, может быть и такое,— ответил Лобановский. Но полтора года спустя, когда команда приехала на свою базу с Кубком кубков и по этому случаю был устроен праздничный обед

с шампанским (это ведь было задолго до появления в стране известного указа), Лобановский, вспомнив об этом разговоре с Онищенко, поднялся из-за стола и торжественно произнес:

— Вот Володя Онищенко задал мне в семьдесят четвертом году вопрос... Сейчас я на него отвечаю...

Тренер напомнил команде, в чем именно состоял вопрос Онищенко, а в качестве своего ответа поднял красавец Кубок. Но... не сказал игрокам тех правдивых слов, которыми он действительно ответил тогда, в Гантиади. Лобановский против... Лобановского?

Успехи клуба укрепляли тренеров в верности избранному ими пути, и они все меньше прислушивались к мнению самих футболистов и даже врачей. «В нашем деле надо всерьез ориентироваться на состояние спортсменов,— рассказывал мне один из заслуженных мастеров спорта, игрок киевского „Динамо" и сборной страны тех лет. Тренерам, видимо, с большей гибкостью следует относиться к своей программе. Но Лобановский в семьдесят шестом году, бывало, не считался даже с мнением врача, и если между ним и доктором возникал какой-то спор, то он обычно длился недолго и тренер одерживал победу».

К слову сказать, в своей книге «Бесконечный матч», анализируя события 1976 года, Лобановский, стараясь быть объективным, пишет:

Наверное, следовало бы нам в самом начале подготовки поговорить серьезно всем вместе с позиций творческого содружества единомышленников. Это способствовало бы главному — достижению взаимопонимания. Возможно, мы отступили бы от каких-то положений своей программы (но не от главного, разумеется, не от программы!), возможно, подобная мера перенастроила бы игроков, спустила бы их с небес на землю. Но разговор не состоялся.

Разрушался контакт. Росла взаимная раздражительность.

И все-таки, думаю, до полной объективности в упомянутой книге Лобановскому еще далеко. Вот и в приведенном выше фрагменте, полагая, что откровенный разговор с футболистами «перенастроил бы игроков», «опустил бы их с небес на землю», автор почему-то не задумался: а может быть, в том сезоне и самих

тренеров-единомышленников в чем-то занесло на те же «небеса»?

...С первых же дней сборов в Болгарии, в условиях среднегорья, куда коллектив выехал в ранге сборной СССР, нагрузки для всех футболистов были такими, что могли, как сказал Евгений Рудаков, «только присниться в кошмарном сне, но лучше бы они и не снились». Сразу пошла работа «на пульсе 180—200 ударов в минуту». Правда, большинство киевлян со всем этим справились: все-таки за плечами были и закалка, и опыт двух предыдущих сезонов. А вот тем, кто был приглашен в сборную из других клубов, пришлось гораздо труднее. Опытные футболисты Ловчев и Саух, к примеру, в процессе тренировок, бывало, теряли сознание. Одним словом, если в 1974 году тренеры в своей работе учитывали состояние футболистов и в чем-то могли отступить от своих требований, то уже в 1976 году они строго-настрого придерживались своей программы. Быть может, в этом и был один из главных просчетов? Уверовав в собственную непогрешимость, они перестали сомневаться в своей методике и слепо доверились ей.

Как тут не привести в пример мнение знаменитого наставника «Аякса» Штефана Ковача.

— В мире многие тренеры думают,— сказал он,— что если им установить метод тренировки, то они будут совершать с ним чудеса. Они неправы в том, что создают из метода догму, тогда как существуют тысячи методов, и самое главное заключается в том, чтобы выбрать из них те, которые больше всего подходят для того или иного игрока.

Вероятно, в этом тоже заключается особый талант тренера. Это как больной, который входит в аптеку. Если у него нет медицинского предписания, он не знает, какие медикаменты из сотен других ему надо выбрать. Но похоже, что тренеры киевского «Динамо» и сборной страны в семьдесят шестом не особенно затрудняли себя избирательным подходом. И знаменитый советский вратарь заслуженный мастер спорта Евгений Рудаков снова с грустью вспоминает о том периоде:

— Индивидуального подхода у нас не было. Я в свои тридцать четыре года должен был столько же раз таскать штангу, сколько Олег Блохин в свои двадцать четыре. Неужели Яшин в моем возрасте тоже истязал себя штангой или дважды за тренировку выполнял тест Купера — из кожи вон лез, чтобы пробежать не меньше трех километров?! Что же тут удивительного, что после таких сборов выглядели мы как загнанные лошади...

Молодые наставники, на мой взгляд, оказались и не слишком мудрыми педагогами. В семьдесят шестом году с первых же дней

работы команды в горах Болгарии тренеры порой вели себя так, что между ними и отдельными игроками уже наметились первые трещины, превратившиеся со временем в глубокие пропасти...

Один из популярнейших и самых техничных за всю историю советского футбола игроков заслуженный мастер спорта Владимир Мунтян приехал на этот сбор с рекомендацией врачей о щадящем режиме тренировок: его беспокоила незалеченная травма колена. Но в «общем строю» ему скидок не делали. С первых тренировок Мунтян громоздил те же необъятные «стога» работы, что и все остальные игроки сборной. После таких занятий колено распухло. Володя решил поговорить с руководителями. В комнате, куда он вошел, было многолюдно: Лобановский, Базилевич, Морозов, Петрашевский, врачи, представители спортивной науки... Мунтян обратился к Лобановскому:

— Васильич, я хочу с вами поговорить. Чувствую, что дело плохо... Я же просил вас хотя бы первые десять дней дать мне щадящий режим, как рекомендовал врач.

Лобановский напряженно слушал сбивчивую речь Мунтяна. Потом тихо сказал:

— Понимаешь, мы не можем к каждому подходить отдельно. Есть общая программа...

Остальных слов тренера Мунтян не стал слушать.

— Много вас здесь собралось на каждого из нас... Как же вы можете так поступать по отношению к футболисту?! — бросил Мунтян в сердцах, хлопнул за собой дверью.

На следующий день Мунтяна отправили со сборов. Причем Базилевич довольно своеобразно напутствовал заслуженного мастера спорта:

— Главное, Володя,— сказал Олег Петрович,— чтобы ты себя сохранил...

Сам футболист понял это так: дескать, не остаться бы тебе в жизни калекой, о большом спорте и помышлять нечего. Через два дня после того разговора, 23 января 1976 года, тридцатилетний Мунтян лег на операцию к киевскому профессору Левенцу с единственной мыслью: «Во что бы то ни стало вернуться на поле и обязательно попасть на Олимпиаду!»

Через месяц, опираясь на палочку и чуть прихрамывая, Мунтян появился на киевском стадионе «Динамо». Тренеры видели его, но говорить с футболистом не стали... В марте он уже тренировался в полную силу, а 10 апреля под аплодисменты трибун отлично — как в лучшие свои годы! — сыграл за дублирующий состав «Динамо» в матче против московского «Локомотива». Мунтяна снова включили в сборную. Через пять дней после игры с железнодорожниками Москвы заслуженный

мастер спорта Стефан Решко мне рассказывал:

— Сегодня Володя Мунтян тренировался с нами. Вот кто молодец! По нему не скажешь, что перенес операцию,— на поле выглядит лучше и свежее нас всех! А ведь готовился самостоятельно...

Кстати, именно так (легко и уверенно) на фоне несколько утративших свежесть своих партнеров выглядел Мунтян и в матче сборных СССР — ЧССР на поле в Киеве, когда его игру отметили не только обозреватели, но и сами тренеры. И все же команда вылетала на очередные зарубежные сборы без Мунтяна. Но сам он не терял надежды. Тренировался с дублерами, играл в матчах чемпионата страны. Иногда предпринимал попытки откровенно поговорить с Лобановским. Бывало, подойдет к нему и скажет:

— Вы мне прямо скажите, что у меня плохо, и я буду над этим работать.

Но тренер ни на один вопрос футболиста так и не дал вразумительного ответа («Ну как тебе объяснить, Володя? Если ты не понимаешь, значит, мы говорим на разных языках»). Да, похоже, что они явно не понимали друг друга. Спортсмен, после операции ценой огромных усилий самостоятельно вернувшийся в строй и, по мнению специалистов, выглядевший отлично подготовленным, и тренер, во главу угла ставивший научно обоснованную программу подготовки. Это не субъективное мнение автора, а, как говорится, «медицинский факт». Отмечу, что когда бригада московских научных работников накануне отъезда сборной на Олимпиаду проводила углубленное медицинское обследование, то, как сказали Мунтяну, его показатели были одними из лучших в сборной! И все же в день отъезда футболистов на XXI Олимпийские игры Лобановский пригласил в свою комнату Мунтяна и глухо сказал ему:

— Володя, знаешь, ты не попадаешь в состав... Футболист почувствовал комок в горле. Еле сдерживая слезы, он только и выдавил из себя:

— Ну, вы хотя скажите — ведь мне самому интересно: какие же просчеты в моей подготовке? По каким качествам я не подхожу? Лобановский несколько раз качнулся на стуле, глядя в какие-то бумаги, бросил:

— У тебя прыжки слабые...

После неудачного выступления на Олимпиаде в Монреале многие обозреватели отмечали слабость морально-волевой подготовки команды. В своих статьях они справедливо указывали на то, что только в сложной и трудной борьбе, а не в товарищеских играх с заштатными командами (пусть даже на зарубежных стадионах) мужает характер футболистов, закаляются

их бойцовские качества.

На мой взгляд, спад морально-волевой подготовки начался чуть раньше — еще в счастливые для клуба годы. Класс «Динамо» повышался, функциональные возможности игроков улучшались, но все-таки здоровый организм команды исподволь... подтачивался изнутри некоторыми действиями самих тренеров.

...В 1974 году на стадионе в Одессе зрители наблюдали за матчем местного «Черноморца» с киевским «Динамо». Между прочим, на том самом милом моему сердцу «...стадионе у моря, стадионе на фоне моря», который в одном из своих рассказов воспел Юрий Олеша. Счет уже был 3:3, матч еще продолжался, а болельщики, освистывая футболистов, возмущенно вставали со своих мест и покидали трибуны.

Этот матч я смотрел вместе со своим давним другом, впоследствии народным артистом СССР, Михаилом Григорьевичем Водяным, по выражению журнала «Театр»,— «королем советской оперетты». Давний поклонник обеих команд, он не скрывал своего удивления, раздражения, обиды...

— Ты можешь мне объяснить, что происходит? — глядя на поле, толкал меня в бок Водяной. Они что, тоже уже играют по сценарию?! Или считают нас за дураков...

— Не нервничайте, Михаил Григорьевич,— успокаивал я его. Считайте, что вы не на футболе, а действительно на премьере, скажем, новой оперетты, поставленной по сценарию тренеров.

— Плохое сравнение,— хмуро сказал он. Какая премьера? Какая оперетта? Это даже не цирк... Балаган, да и только.

Я обратил внимание, что служебная ложа, где мы в самом начале матча сидели стиснутые со всех сторон людьми, тоже уже наполовину была пуста. А Водяной не унимался:

— Интересно, сами тренеры хотя бы понимают, что они делают? Ну хорошо нам с тобой — прошли в эту ложу бесплатно. А каково зрителям, которые заплатили свои трудовые рубли?!

— Согласен. Им обидно вдвойне...

— Но дело даже не в рублях: футболисты оскорбили лучшие чувства болельщиков! — воскликнул Водяной. Люди шли получить удовольствие от футбольной игры, а с ними сыграли такую неприличную шутку. Зрителей просто-напросто обманули. После этого они еще будут обвинять болельщиков в непостоянстве, непонимании игры... Если вы уж действительно хотите поднять уровень культуры болельщиков, так поднимите прежде всего уровень собственной порядочности и честного отношения к своему делу.

— В театре такого не бывает?

— Бог с тобой! Чтобы актеры вместо настоящей игры выдали

такой суррогат?! Да ведь после этого они сами себя уважать перестанут... Настоящий актер прежде всего дорожит профессией и отношением зрителей, а посему — в любом спектакле! — выходя на сцену, играет, как говорится, словно он в первый раз вышел на сцену. С волнением, а не с холодным носом и вялыми ногами.

— Ну вот, вы, кажется, и сами себе ответили,— сказал я,— футболисты-то у нас, в отличие от вас, актеров, не профессионалы, а любители. С них и взятки гладки...

И мы оба от души рассмеялись.

А после игры я зашел к своему приятелю, тренировавшему в ту пору «Черноморец». В раздевалке царило оживление. Футболисты (чуть было по привычке не написал: «не остыв от игры», что было бы неправдой) беззаботно между собой переговаривались. Кто о чем. Но только не о футболе, не о матче, который закончился десять—пятнадцать минут назад. Я подошел к тренеру:

— Договорились?

Он отвел глаза и ухмыльнулся:

— Тебя не обманешь.

— Их ты тоже не обманул,— кивнул я в сторону трибун. Только зачем все это нужно?!

— Они предложили, и мы согласились... Все-таки верное очко...

На том матче присутствовал и тогдашний редактор еженедельника «Футбол — Хоккей» Лев Филатов, который со свойственной ему тонкостью и мастерством так описал эту игру:

«Нет, не клюнули одесские болельщики на роскошный счет того матча. Да и не такими уж мастерами водевиля оказались мастера футбола. Обеим командам пришлось не раз исполнить возле своих ворот этюд „всеобщее оцепенение", когда приходила очередь противника забивать гол. Было это так ненатурально, так примитивно, что и в школьный драматический кружок никого из них, пожалуй, не взяли бы. Правда, это, к счастью, хуже будет, если они хорошенько отрепетируют эту самую сценку — „гол в наши ворота". А одесситы на трибунах тут же дали наименование увиденному — „жмурки"».

Читатель, видимо, догадался, что речь идет о договорных ничьих. Этот термин, кажется, впервые появился в «Правде». Об играх, когда «договаривающиеся стороны» еще до начала матчей делили «по очочку», писали и другие газеты и журналы. Ни на одну такую публикацию опровержения не последовало. А договоры... продолжались. И год от года число их росло. В частных беседах тренеры киевлян, помнится, даже пытались

объяснить необходимость подобного рода «игр». Они утверждали, что команда на протяжении всего сезона не может держать хорошую форму и подобного рода ничьи — какая-то попытка управлять формой...

Как сами футболисты относились к такого рода играм? Надо сказать, что иные верили в их необходимость.

— Я не много провел таких игр,— как-то сказал мне заслуженный мастер спорта Виктор Колотов,— но ведь были моменты, когда нам просто нужна была передышка...

А заслуженный мастер спорта Владимир Онищенко убеждал:

— Нельзя ведь два года подряд проводить все игры на одном дыхании. Правда, в Киеве договорных матчей не было...

— А в других городах?

— Были, были.

Но, к счастью, большинство футболистов (а ведь они, как правило, после ухода из большого футбола сами становятся тренерами) внутренне не принимали всякого рода компромиссы.

— Володя, интересно, с каким чувством вы выходили на поле, когда еще до игры знали, что она обязательно должна закончиться вничью? — спросил я однажды Мунтяна.

— Выходил с жутким настроением и, если мог, забивал специально! Бывало, меня за это ругали, «казнили», ненавидели, но я шел всегда против.

— А давно ли в подобных матчах вам пришлось участвовать?

— Только начиная с семьдесят четвертого года, а до этого, помнится, я лично в таких матчах не играл.

Заслуженный мастер спорта Евгений Рудаков:

— Играть в этих встречах — это ужасно! Невозможно настроиться на игру. А как может быть иначе, когда знаешь, что если пропустишь два гола, то их обязательно отыграют, пропустишь пять — отквитают пять... Кому это все нужно? Явная дискредитация футбола!

Заслуженный мастер спорта Давид Кипиани тоже был категоричен:

— Не могу подобрать таких слов, чтобы спокойно говорить о подобных футбольных сделках. К чему они советскому футболу? Я их никогда не понимал, они мне не нравятся...

Неужели тренеры действительно не понимали, что все эти странные «игры» оборачиваются не только против футбола, но и против футболистов, против команды? Верно по этому поводу писал Л. Филатов: «...футболист, разок-другой получивший очки ни за что, неминуемо деквалифицируется, если не в жонглировании с мячом, то в душевной готовности к борьбе».

Что против этого возразишь? В подобных матчах команды не

приобретают ничего, а теряют очень многое! Давно известно, что футболист улучшает свою игру, совершенствуется и растет только в борьбе. Это — закон спорта. И те тренеры, которые идут на договорные ничьи, вместе с очками наверняка отдают еще очень многое от класса своей команды. За все это приходится расплачиваться в других матчах, когда команда и хочет собраться, для того чтобы «дать бой», а не может. Это весьма тонкие процессы человеческой психологии. И управлять ими при наличии различного рода футбольных сделок невозможно, ибо сыгранные футболистами договорные матчи дают впоследствии совершенно неожиданные реакции.

Всегда хотелось верить, что уж кто-кто, а киевские тренеры одними из первых в стране осознают, наконец, всю пагубность такого горе-изобретения, каким были всякого рода компромиссы. За ними всегда мучительно стыдно было наблюдать с трибун стадионов, в кассы которых стекались сотни тысяч трудовых рублей. Забегая вперед скажу, что однажды даже душа порадовалась: 11 декабря 1981 года в газете «Советский спорт» прочел слова Лобановского о том, что он вообще-то не против ничьих в футболе, а только лишь против договорных ничьих.

Но, видимо, дело не в словах, а в поступках. Почти через год в той же газете «Советский спорт» (2 октября 1982 года) автор футбольного обозрения В. Винокуров ничьи киевлян с харьковским «Металлистом» и днепропетровским «Днепром» метко назвал «отрыжками прошлого». Взяв на вооружение практику проведения столь странных «игр», тренеры наверняка не учитывали один серьезный аспект своего футбольного дела: не думали о зрителе! Есть точный барометр, показывающий рост или снижение интереса к футболу,— заполнение трибун стадионов. Статистики подсчитали, как в среднем посещался каждый матч чемпионата страны. Интересно, что цифры начиная с 1965 года шли по нисходящей. Если, к примеру, в шестьдесят пятом году один матч в среднем посещало 34 тысячи человек, то в 1974 году — уже только 25 тысяч, а в 1982-м — всего 19 тысяч... Думается, что договорные ничьи в определенной степени тоже повлияли на этот регресс. И неслучайно газета «Советский спорт» в том же номере, где было опубликовано обозрение Винокурова, поместила письмо болельщика М. Зайцева из Чернигова. Вот его полный текст:

Не могу скрыть своего возмущения, посмотрев по телевидению матч между харьковским «Металлистом» и киевским «Динамо». Это была полная профанация футбола: команды не играли, а

отбывали номер. Поэтому почти весь матч и проходил под непрерывный свист харьковских любителей футбола. Полное впечатление, что игроки заранее знали, как закончится встреча. Очень жаль, что в дни, когда еще продолжается обсуждение итогов чемпионата мира, команда, которую тренирует новый старший тренер сборной СССР В. Лобановский, преподнесла нам образец антифутбола.

Лобановский против... Лобановского? В это не хотелось верить. И всегда в глубине души таилась надежда, что когда-нибудь мы услышим от него, ну что ли, раскаяние за эти «странные матчи», сыгранные командой, которую он приводил (и не единожды) к европейским вершинам. Ведь в подобного рода «играх» не раз приходилось идти против самих себя выдающимся мастерам футбола. Миллионы телезрителей-болельщиков наверняка помнят эпизоды, когда заслуженные мастера спорта Блохин или Буряк, участвуя в этих выездных «спектаклях» и выполняя на последних минутах игры пенальти (при ничейном счете!), тщательно старались не забить гол в ворота хозяев поля. А после возвращения домой на недоуменные вопросы друзей, не очень-то сведущих в футбольной «кухне», только коротко бросали: «Так надо было...»

Что же касается их тренеров, то ни о чем таком ни звука не было от них ни в частных разговорах, ни прилюдно (в печати или по телевидению), и о своей причастности к договорным встречам они вообще старались... молчать. Раскаяния не наступило. Почему? Не мог я этого объяснить. С годами объяснение подсказал... Чингиз Айтматов. Своими строками из «Плахи»:

Раскаяние — одно из величайших достижений в истории человеческого духа — в наши дни дискредитировано.

Сказано точно и емко. Правда, теплится надежда на то, что нравственный мир моих современников все же изменится. Должен измениться, ибо дальше мы читаем:

Но как же может человек быть человеком без раскаяния, без того потрясения и прозрения, которое достигается через осознание вины — в действиях ли, в помыслах ли, через порывы самобичевания или самоосуждения?.. Путь к истине —

повседневный путь к совершенствованию...

Не без некоторой грусти прочитал я в декабре 1986 года в газете «Советский спорт» суждения Олега Базилевича:

Поставлен вопрос о бескомпромиссности поединков и вновь сделан намек или кивок в сторону игр, которые с чьей-то легкой руки стали называться договорными. Категорически заявляю, что такие попытки поднимать на страницах прессы этот вопрос выглядят неправомерными. Такие публикации сводят на нет всю нашу большую работу по пропаганде здорового образа средствами физкультуры и спорта, пропаганде основополагающих принципов нашего спортивного движения. Футбольные сделки противоречили бы всем нашим моральным принципам, и потому делать ничем не подтвержденные намеки — это вести антипропаганду футбола.

Это была тоже своего рода «отрыжка прошлого»: сказать полуправду, а истину спрятать за звонкими словами! И в последующих выступлениях в печати «категоричность» высказывания Базилевича его же коллегами по профессии была сведена к нулю. У меня не шел из памяти доверительный, как принято говорить, разговор с одним из известных советских тренеров по футболу. Помнится, в день какого-то футбольного матча в Киеве его команды мы говорили с ним по телефону о различных проблемах футбола. Но как только я невольно коснулся «договоров», сразу услышал от него традиционное в таких случаях: «Ну, это не телефонный разговор!»

— Нас сейчас подслушивает ЦРУ,— пытался пошутить я...

Но он был серьезен: «Нет-нет! На эту тему я могу поговорить с тобой тет-а-тет». В тот же день вечером мы встретились после матча, на стадионе, и он сам, словно бы продолжая прерванный по телефону разговор, сказал мне:

— Что же касается договорных матчей, то это — реальность, от которой не уйти. Об этом знают все тренеры. Такие матчи не нами придуманы. Договариваются во всем мире! Даже на чемпионатах мира были договорные игры...

Тренер говорил об этом довольно грустным голосом, и в глазах его мне почудились печаль и безысходность. Словно говорил о какой-то стихии, которую внутренне не приемлет, но с которой в своей повседневной жизни вынужден считаться, как с любым непоправимым явлением. Похоже, что мой собеседник кое

в чем был прав.

В январе 1987 года к нам в страну приезжал известный западногерманский тренер Дитмар Крамер. В качестве тренера-советника ФИФА 62-летний Крамер выступал на традиционном семинаре тренеров команд высшей и первой лиг. С ним много беседовали и вне семинара. Кстати, во время этих бесед возник вопрос и о договорных играх в футболе.

— Увы, они существуют,— сказал Крамер. У нас в ФРГ мы, правда, избавились от них еще несколько лет назад применением огромных штрафов по отношению к заподозренным игрокам, тренерам и футбольным функционерам...

Так что, как видим, не Базилевич с Лобановским (в чем их не раз обвиняли в прессе) придумали все эти «странные матчи». Не они прямые их родоначальники и изобретатели в нашем футболе. Тогда кто? А может быть, правомерно ставить вопрос не кто, а что? Быть может, виновата система нашего до 1989 года «любительского» футбола, в котором и штрафы-то нельзя было ввести (попробуй оштрафуй «любителей»!)? А что, если Базилевич и Лобановский (впрочем, как и любой другой их коллега) просто не хотели (а может быть, и не могли) быть белыми воронами среди своих собратьев по профессии?

...Лобановский всегда страшно возмущался, когда в прессе появлялась очередная публикация о договорных матчах (особенно если в ней указывались игры с участием киевского «Динамо»). «Вот, пожалуйста, опять полил нас грязью...» — цедил он сквозь зубы в адрес того или иного журналиста. Зря, думаю, возмущался. Ведь у спортивной журналистики отнюдь не одни информационные и популяризаторские задачи. Ее обязанность и в том, чтобы бороться за моральную чистоту нравов в спорте, нетерпимо относиться ко всему, что выходит за рамки чести, справедливости, порядочности. А ведь «договоры» в футболе — одна из этических проблем большого спорта.

Но вот вопрос: почему больше всех остальных команд за «договоры» доставалось киевлянам? Это, пожалуй, можно легко объяснить: сильным не прощают слабостей. Но все-таки нельзя было понять и позицию иных журналистов, которые эти «странные матчи» стали выдавать чуть ли не за собственное изобретение Лобановского. А ведь справедливости ради скажем, что подобные «игры футболом» (правда, быть может, гораздо в меньших масштабах) имели место, повторяю, и раньше — когда Лобановский с Базилевичем еще сами играли в футбол. Очевидно, именно поэтому от обсуждения подобных тем с журналистами Лобановский вообще всегда старался уйти. А если уж говорил, то весьма осторожно и в основном намеками...

В ноябре 1985 года, в благополучное для Лобановского время, когда киевское «Динамо» завоевало Кубок СССР и стало чемпионом страны, мы вместе с журналистом Николаем Долгополовым готовили большое интервью для «Комсомольской правды». В числе множества вопросов тренеру задали и такой:

— Иногда ходишь на футбол, и ситуация некоторых матчей такова, что исход их прямо-таки видится еще до игры... У вас такого ощущения нет? Бывают иногда какие-то заданные результаты?

Лобановский пожал плечами.

— Дело в том,— медленно начал он,— что бывают ситуации, когда команда достигла уже какого-то результата и последующие игры проводятся с пониженной мотивацией, то есть в данной ситуации эта игра для игрока как товарищеская. Мы ведь наблюдаем за товарищескими матчами. Одним словом, команды проигрывать не хотят, но и не играют на пределе своих возможностей, не выкладываются. Нет мотивации.

— Бывают договорные игры? — прямо спросили мы.

— Мне трудно сказать, бывают или нет,— уклончиво сказал Лобановский. Немного подумал и добавил: Возможно, бывают, если они устраивают двух соперников... Игры, которые ничего не решают, проводятся не так, как хотелось бы зрителям. И игроки не получают удовлетворения от этих игр.

...Как проходят игры, которые «ничего не решают», нынче хорошо известно всем. Думаю, надолго запомнили болельщики, к примеру, финиш чемпионата страны 1982 года. Вот как его описал в своей известной статье «Игра в футбол» Юрий Рост в «Литературной газете»:

Были открытия, были радости. Но были и загадки. Ну, какой, скажите, оракул мог предсказать результаты двух последних, особенно веселых туров чемпионата, когда выигрывали именно те, кому это было нужно? Абсурдной покажется любому уважающему себя предсказателю мысль, что «Черноморец» (которому в таблице ничто не угрожало) сознательно не сопротивлялся «Арарату». Что «Арарат», забив в ворота одесситов 6 голов и обеспечив себе пятое место, не особенно напрягался в матче с динамовцами Киева, которым нужна была только победа (киевляне выиграли 3:2). Тем временем минчане, чуть ли не впервые выйдя на искусственное поле, где постоянно тренируются их соперники, разгромили московских одноклубников со счетом 7:0, вызывающим, мягко говоря, смущение у оракулов.

Финальный матч «Спартак» — минское «Динамо», тоже 7 голов. Команда Лобановского ждала его исхода, закончив в Ереване матч на час раньше. В случае, если питомцы Бескова выигрывают, киевляне становятся чемпионами. Но «Спартак» не выиграл на своем поле, и в результате Эдуард Малофеев увел свою команду тоже с необходимой победой — 4:3, опередив Лобановского на одно очко.

Задолго до того, как Юрий Рост написал эту статью, общался я как-то с одним специалистом из «кабинета Лобановского», толкуя на эту же тему — о морально-этических нормах в нашем футболе. И вот, прочитав «Литературку», вспомнил и тот давний телефонный диалог. Здесь, думаю, уместно привести небольшой его фрагмент, записанный на диктофон.

— Вы знаете, когда ваш шеф только начинал свою тренерскую деятельность в «Днепре»,— сказал я,— писатель Аркадий Арканов написал о нем хвалебную статью в журнал «Юность», считал его одним из честнейших тренеров.

— Честнейших тренеров не бывает,— услышал я голос своего собеседника.

— Совсем не было? Или уже нет? — уточнил я.

— Конечно, нет! Весь спорт стал таким. Я знаком, например, с художественной гимнастикой,— сказал мой приятель. Там просто мафия. Мы по сравнению с ними еще ходим в коротких штанишках! Там, например, если тебе запланировали одиннадцатое место, то выше десятого ты не поднимешься. Уже перестали быть честными учителя и директора школ.

— И все-таки,— перевел я тему разговора снова на футбол,— в вашем родном виде спорта еще остались честные тренеры.

— Какие? — громко прозвучало в трубке.

— Честные,— повторил я. Которые не покупают игры, не играют договорные матчи...

— Где он живет, такой тренер? На Марсе?

— Нет, в Москве.

И я назвал фамилию одного из наших известных тренеров.

— Кто?!

Я снова повторил ту же фамилию и добавил:

— Он матчи не продает и не покупает: у его клуба просто нет для этого денег...

— Дэви Аркадьевич, вы не обидитесь, если я вам скажу, что вы — абсолютно наивный человек. Помните, в прошлом году команда вашего московского тренера выиграла в Донецке у «Шахтера» — 2:0? Вы сидите?

— Да-да. И держусь за стул... Я не упаду!

— Так вот, вы — человек, который еще во что-то верит... «Шахтеру» в прошлом году в ту пору уже нечего было терять, а команда вашего честного тренера из Москвы еще пыталась нас достать. Они приехали и говорят тренерам «Шахтера»: «Надо отдать два очка!» Те заупрямились. Как же, честные ребята! А им говорят: «Хотите поехать в Марокко?»

— Это молва или проверенный факт? — спросил я.

— Это было известно нашим ребятам уже на следующий день после матча в Донецке... Игроки же у нас — большие «хранители» производственных и государственных тайн. А чем же им еще делиться, как не такой информацией? Я сам все это пропустил тогда мимо ушей. Но через три недели открыл газету «Советский спорт» и глазам не поверил: донецкий «Шахтер» совершает поездку по Марокко... Так что, вы уж меня простите за прямоту, но вы выбрали себе в качестве эталона не очень-то подходящую фигуру — одну из самых нарицательных в нашем футболе.

...Без осознания и анализа выводов прошлого нельзя двигаться вперед. Кажется, капля по капле, а с годами наши специалисты футбола (да и сами футболисты) стали об этом говорить все настойчивей и более открыто. Сказывалось нарастание процессов перестройки в стране, отражаемых на страницах центральных газет и журналов. Во всяком случае, уже в 1986—1987 годах коллеги Базилевича и Лобановского по футбольному делу довольно определенно высказались в печати по этой теме. Приведу, в частности, опубликованные мнения трех заслуженных мастеров спорта, известных советских тренеров.

Эдуард Малофеев:

Мне, например, не понравилась позиция отдельных наших футбольных руководителей, которые, пытаясь перенести вину с больной головы на здоровую, упрекают прессу в преувеличенном якобы интересе к тем матчам, которые вся спортивная общественность дружно окрестила договорными. Выходит, мы должны придерживаться страусиной политики и вынуждать журналистов говорить эзоповым языком? Разве не ясно, что матчи с фиксированным результатом воздвигают стену между клубами и болельщиками, разве не ясно, что такие матчи наносят ущерб прежде всего самим футболистам!

Валентин Иванов:

Разговоры ведь о матчах, которые называют и «миролюбивыми», и «странными», и просто договорными, ведутся не первый год. Имеют ли под собой почву обвинения? Видимо, да. Как говорится, нет дыма без огня.

Константин Бесков:

Сейчас немало говорят о так называемых договорных играх. Что скрывать, случается и такое. А как мы с этим боремся? При Федерации футбола создана даже экспертная комиссия. Где же плоды ее работы? Нужна жесткость, даже жестокость в борьбе с футбольными дельцами... Не уверен, что хвалебные высказывания принесут больше пользы, чем серьезный разговор о нерешенных задачах. Их, увы, у нас еще немало.

Актуальность подобного рода критики в своей статье, опубликованной 7 февраля 1987 года в «Правде», по-своему признал председатель Федерации футбола Б. Топорнин:

Федерацию футбола СССР справедливо критиковали за слабую борьбу с безобразным явлением — так называемыми договорными играми. Экспертная комиссия ограничилась просмотрами видеозаписей матчей, президиум Федерации — обсуждениями. Ни разу не было использовано наше право аннулировать результат игры.

Так или иначе, а с годами киевское «Динамо» проводило все меньше и меньше подобных игр. Но каждая из них не могла уже укрыться от внимания его почитателей, которых у нас в стране (и за рубежом) становилось все больше и больше. Повторюсь, сильной команде не прощали «слабостей»! Помнится, когда 20 февраля 1987 года газета «Советский спорт» опубликовала интервью с начальником Управления футбола Госкомспорта СССР В. Колосковым (оно было сделано по письмам читателей), то по итогам сезона-86 киевляне были упомянуты лишь дважды. Вот фрагмент из этого интервью:

Оценивая итоги сезона, большинство специалистов и любителей футбола резко критически высказывались по поводу договорных матчей.

— Считаю и сам, что отдельные игры в прошлом году прошли без должной спортивной борьбы и уважительного отношения футболистов к зрителям. На президиуме Федерации футбола СССР к числу таких игр были отнесены матчи «Шахтер» — «Динамо» (Киев) и «Арарат» — «Динамо» (Киев).

...Футбол — мужская игра. Нужно уметь делать проходы, прострелы, подкаты, приходится играть при плотной опеке, сыграть «на корпус», рисковать. Но делать все это полагается честно. Немало всемирно известных тренеров, рассказывая о себе, признавались, что их учителя прежде всего старались обучать их честности и прививать им гуманность футбола, отвращение к махинациям и мошенничеству, ибо не может существовать спортивной педагогики без этики. И каждый тренер должен быть в этом убежден.

Однако вернемся в год семьдесят шестой. В том печально-памятном сезоне наставники киевского «Динамо» и сборной страны, увы, поступались порой законами спортивной педагогики. Не сказал бы, что они в те годы уже постигли все механизмы формирования личности в коллективе. Впрочем, было бы странно, если бы они, не имевшие за плечами достаточного опыта работы с людьми, уверенно владели вопросами педагогики и действовали абсолютно безошибочно. Методы, которыми в своей «воспитательной работе» пользовались тренеры-единомышленники, были, как правило, характерны не только для использования в футбольной команде, но и для применения в любом коллективе вообще — школы, вуза, фабрики, завода или ЖЭКа... В футбольной команде мастеров отношения между тренерами и футболистами — это ведь слепок с общественных отношений: тренеры — начальство и футболисты — подчиненные. Вторые выполняют волю первых. Подчиненные, известно, должны знать «свое место». И некоторые заметные личности из числа игроков киевского «Динамо» в таком коллективе стали постепенно чувствовать дискомфорт. Между тренерами и футболистами мало-помалу назревала конфликтная ситуация.

...В феврале семьдесят шестого года после одного из товарищеских матчей в Швейцарии, когда игра (в очередной раз!) не пошла у всей команды, тренеры прямо в раздевалке стали

«выговаривать» Блохину. Правда, он был виноват в том, что перед самым финальным свистком немного поспорил с арбитром, который, как показалось Олегу, судил явно в пользу хозяев поля. Результат — 1:1. Но дело не в счете.

Не было игры. Довольно самолюбивый, уже знающий себе истинную цену Блохин (только-только ставший обладателем «Золотого мяча»!), стаскивая с себя мокрую футболку, сцепив зубы, молча слушал нападки тренеров. Особенно усердствовал Базилевич. По его словам выходило, что Блохин чуть ли не один из главных виновников слабо проведенной игры всей команды. При этом тренер не был особенно разборчив в выражениях. И тут Блохин взорвался, тоже дав волю своим эмоциям.

— Петрович, если я начну выражаться, кое у кого уши повянут,— зло сказал он и в сердцах резко стукнул бутсой о пол, выбивая застрявшие меж шипами комья дерна.

— Ах, ты та-ак?! — отпрянув назад, выкрикнул Базилевич. Ты что, на меня лаптем замахиваешься? Ну, погоди, возвратимся домой...

Чаще всего взаимные выпады такого рода кончались мирно. Но на этот раз за словами наставника последовали дела. После возвращения в Киев в Конча-Заспе было проведено собрание команды, на котором обсуждалось «поведение» Блохина. Суть выступлений тренеров состояла в том, что им, дескать, в команде звезды не нужны! Наставников поддержали несколько игроков. К примеру, капитан Виктор Колотов предложил: «Лишить Блохина звания заслуженного мастера спорта!» А ветеран клуба Евгений Рудаков, то ли в шутку, то ли всерьез (этого, кажется, никто не понял), сказал, что Олега следует вообще отчислить из киевского «Динамо» и «отправить служить в часть»...

Но были выступления и в защиту Блохина.

— Я перешел в вашу команду из «Шахтера»,— сказал Звягинцев,— и очень обрадовался, что буду играть и тренироваться вместе с Олегом Блохиным. Мне с ним приятно вместе работать и выступать. Два месяца назад его назвали лучшим игроком в Европе и присудили «Золотой мяч», а мы тут, кажется, сами бьем по своим воротам...

В тот момент, как вспоминал потом сам Блохин, упоминание о «Золотом мяче» было для тренеров словно красная тряпка для быка. Выступавшего футболиста прервал Базилевич и обратился к «подсудимому» Блохину:

— Олег, ты хотя бы понимаешь, что лучшим игроком Европы ты стал только благодаря нам?

Блохин с удивлением взглянул на тренера, А Базилевич, повысив голос, продолжал:

— Да, да! Благодаря тому, что мы с Лобановским организовали матчи с «Баварией» на Суперкубок, ты и стал обладателем «Золотого мяча».

Слова тренера больно резанули слух, — вспоминал об этом эпизоде Блохин. Я уже почти не различал, что говорили Матвиенко и Трошкин, но понял, что они выступали в мою защиту.

Так оно и было. Трошкин в конце своего выступления прямо спросил: «Объясните, что мы здесь обсуждаем? Мне это не совсем ясно».

Теперь уже поднялся Лобановский:

— Как? — громко произнес он. Володя, ты понимаешь, какие задачи перед командой поставлены? Ты отдаешь себе отчет в том, что нам в этом году надлежит решать?!

В самом конце собрания слово предоставили Блохину. Он не мог спокойно говорить, настолько слова Базилевича выбили его из равновесия. Ком стоял в горле, кровь стучала в висках. Взглянув на тренеров, Олег еле слышно выдавил из себя:

— Большое вам спасибо, что вы сделали игру на Суперкубок и помогли мне стать лучшим игроком в Европе...

— Вот видите! — вскричал Базилевич. Опять он ничего не понял и ставит себя превыше всех!

Как тут еще раз не вспомнить Юрия Роста, который в уже названной статье в «Литературной газете», словно бы имея в виду подобную ситуацию, написал:

«Звезд» надо растить требовательно, но нежно, и ничего, если они доставляют хлопот больше, чем любой другой футболист. Они ведь и пользы и радости приносят больше.

Приведу еще мнение профессионала — западногерманского тренера Дитмара Крамера:

Конфликты? — говорил он. Они бывают — жизнь есть жизнь. Но регулировать их надо с глазу на глаз, не афишируя их и не пытаясь восстановить команду против выдающегося футболиста, и тем самым поднять свой авторитет.

Сразу после собрания Блохин позвонил на работу своему отцу. Кому-то близкому хотелось излить душу. Потом приехал к нему и все изложил, как было.

— В этом надо серьезно разобраться,— сказал Блохин-старший. Если виноват, стоит тебя наказать.

— Но в чем я виноват, батя?

— А это сейчас узнаем.

И отец Олега позвонил Базилевичу. Тот разрешил Владимиру Ивановичу Блохину приехать на базу (правда, в часы, когда «команда будет спать»). Но их долгий разговор так и не внес ясности, и на свои вопросы, в чем же все-таки симптомы звездной болезни сына и какие конкретно факты свидетельствуют об этом, отец Олега вразумительных ответов не получил.

Эта история так подействовала на обладателя «Золотого мяча», что для себя он твердо решил... закончить играть в футбол. Слава богу (и какая удача для отечественного футбола), что руководителям Спорткомитета Украины, обстоятельно побеседовавшим с самим Блохиным, удалось его убедить, что «по молодости» он может сделать опрометчивый шаг, расставшись с футболом. Олегу посоветовали «не закусывать удила».

— Вспоминая о том давнем конфликте,— рассказывал Блохин,— с годами я понял, что в напряженный период подготовки к Олимпиаде в Монреале подобными «воспитательными мерами» тренеры, на мой взгляд, не сплачивали нашу команду, а только лишь разобщали ее. Поражения киевского «Динамо» от «Сент-Этьена» в Кубке европейских чемпионов и от «Днепра» в Кубке СССР, проигрыш сборной страны футболистам Чехословакии в первенстве Европы — все это тоже не прибавило «бойцовских качеств» нашим игрокам.

Одним словом, выполнить «задачу года» — завоевать «золото» на Олимпийских играх в Монреале — мы, думаю, не были готовы ни физически, ни морально.

Согласен с Олегом и разделяю его точку зрения. В одной статье, рассказывающей о совещании по итогам выступления сборной СССР на Олимпиаде-76, говорилось:

Несколько характерных примеров неуважительного отношения друг к другу привели выступавшие, назвав при этом и О. Блохина, и В. Трошкина, и В. Веремеева. Естественно, что при таких взаимоотношениях в команде трудно было рассчитывать на успех. Ведь любой промах воспринимался партнерами как неисправимый,

вызывал приступ нервозности, разрывал внутрикомандные связи.

Горький упрек, но справедливый. В том олимпийском турнире наша сборная не выглядела монолитным коллективом. А что может быть важнее для командного успеха? Неслучайно после победы в финале XII чемпионата мира 55-летний тренер сборной Италии Энцо Беарзот, когда его спросили, как он сам оценивает случившееся, ответил:

— История мировых чемпионатов свидетельствует, что в финале одна из команд, как правило, доминирует из-за того, что другую подстерегает психологический провал. Морально наша команда была сильна, психологический баланс прочен. Сила нашей команды в ее духовном единстве... Конечно, если бы наши игроки конфликтовали вне поля, то они бы эти взаимоотношения перенесли и в игру. Но они были едины всюду, вот почему у нас получилась монолитная команда в этом чемпионате. И здесь вся суть.

...В семьдесят шестом году Базилевич и Лобановский заверяли всех (и в первую очередь игроков киевского «Динамо» и сборной страны), что к Олимпиаде команда подойдет на «пике формы». Вероятно, наставники в чем-то просчитались. Вот на этот счет мнение Олега Блохина:

По своему самочувствию, да и по виду моих партнеров, я полагаю, что в дни олимпийских баталий вместо обещанного тренерами и их научными консультантами «пика формы» у нас наступил «пик спада». Все игры — даже с откровенно слабыми соперниками! — мы проводили буквально «через не могу». Ни легкости, ни свежести, ни жажды борьбы у команды не было.

Вот когда, думаю, тренерам-единомышленникам следовало всерьез, а главное, честно и самокритично во всем разобраться. Но еще в Монреале во всех грехах тренеры стали обвинять игроков. Один из них недоработал, второй потерял кондиции, у третьего — недостаточно сильная мотивация. Одним словом, каждый футболист чему-то не соответствовал. Ведь именно по причинам этих «несоответствий» и остались дома, не поехали в Монреаль в составе олимпийской сборной такие замечательные виртуозы, как Рудаков и Мунтян. А когда команда возвратилась с Олимпийских игр, тренеры сразу же предложили расстаться с динамовским клубом еще двум заслуженным мастерам спорта —

Трошкину и Матвиенко. Что же получалось? Люди, внесшие свою лепту в славные победы киевского «Динамо», еще полные сил футболисты, которые могут играть, вдруг — в середине сезона! — должны расстаться с клубом? Игрокам (впрочем, не только тем, кого отчисляли, а всему коллективу!) такое трудно было понять. Между командой и тренерами возник стихийный конфликт.

Вспоминая этот беспрецедентный в нашем футболе случай, Юрий Рост в «Литературной газете» писал:

...вернувшись домой, тренеры решили провести ревизию команды, а команда в ответ отказалась от тренеров.

Что же произошло?

В один из августовских дней 1976 года динамовцы всей командой пришли к руководству Спорткомитета Украины и выдвинули довольно категоричное требование: «Мы или они!» Команда настаивала на отставке старших тренеров. В своих высказываниях игроки подчеркивали, что Базилевич и Лобановский в общем-то хорошие специалисты, но из-за отсутствия чисто человеческих контактов между ними и командой сложилась такая ситуация, что вместе больше работать невозможно. В этом своем требовании команда была едина до тех пор, пока... вся целиком находилась в одном помещении. Но потом, вероятно, кто-то посоветовал руководителям Спорткомитета «не разговаривать со всей командой вместе, а приглашать игроков по одному». А тут еще на помощь руководителям спортивным поспешил довольно большой начальник (с генеральскими погонами) из динамовского ведомства (а большинство ведь игроков — рядовые). Он-то и приказал «писать каждому — в отдельности — рапорт». И тут, как и стоило ожидать, не все динамовцы остались при своем первоначальном мнении. Результат? Требование команды было отклонено.

Все это происходило накануне календарного матча чемпионата страны с днепропетровским «Днепром». Несколько дней подряд на динамовской загородной базе в Конча-Заспе проводились многочасовые собрания команды с участием многих чинов высокого начальства. Но даже в их присутствии футболисты откровенно высказывали тренерам — прямо в глаза! — многие нелицеприятные вещи. А наставники в своих выступлениях продолжали обвинять во всех неудачах только игроков. Больше всех досталось Володе Мунтяну. Он тогда был

единственным в команде членом КПСС, и Базилевич обвинил его даже в том, что вроде бы, не попав в состав олимпийской сборной, «обиженный Мунтян остался дома и подготовил весь этот сыр-бор».

В день матча с «Днепром» ни на базе, ни на стадионе Базилевича и Лобановского с командой не было (еще накануне футболисты прямо заявили руководству Спорткомитета: «Если они в день игры будут с командой, мы на поле не выйдем!»). Командой формально руководил тренер дублеров А. Пузач. Но, учитывая сложившуюся обстановку, он даже не пытался это делать. К матчу готовились сами, сами же футболисты определили состав на игру (ветеран команды Евгений Рудаков бросил клич: «В бой идут одни старики!» — и без особенно долгого обсуждения был назван стартовый состав и запасные). Матч «Днепру» динамовцы проиграли со счетом 1:3. Вероятнее всего, именно это поражение внесло окончательные коррективы в решение вопроса: мол, результат показал, что не может команда, даже состоящая из одних заслуженных мастеров спорта, оставаться без опытного старшего тренера...

Рассказывали, что когда во время этого конфликта о сложившейся в киевском «Динамо» ситуации по телефону доложили одному из руководителей весьма высокого ранга, отдыхавшему в это время в Крыму, он грозно сказал: «А кто персонально ответит за развал лучшей команды Европы?!» И якобы рекомендовал «постараться сохранить одного из двух старших тренеров», назвав при этом фамилию Лобановского.

Несколько лет спустя в одной из книг, рассказывающей об истории киевского «Динамо», о тех бурных августовских днях семьдесят шестого года, были написаны такие строки:

Тем не менее, в коллективе киевского «Динамо» возникла конфликтная ситуация, обнаружившая серьезные недостатки в воспитательной работе, вследствие чего был освобожден от своих обязанностей О. Базилевич.

Так печально закончился эксперимент старших тренеров-единомышленников, попытавшихся работать вдвоем. И мне от души было жаль их обоих. Жаль было и великолепную команду, которая, на мой взгляд, так и не смогла полностью реализовать свои возможности. Ведь таким составом, какой сложился в киевском «Динамо» в 1975 году, команда могла еще года три-четыре (как минимум!) задавать тон на футбольных полях

Европы. Что ни игрок — личность! И у каждого, как говорил одессит Леня Буряк,— «своя изюминка». Но, опережая многих своих коллег во внедрении новаций в футбольное дело, Базилевич и Лобановский, думаю, проигрывали некоторым из них (особенно нашим тренерам-ветеранам) в сфере налаживания в коллективе чисто человеческих отношений. Впрочем, что они могли знать о такой «науке»? Этого ни в школе, ни в вузах они «не проходили», такого им «не задавали»... Жесткий урок преподала сама жизнь. Похоже, что оба из «жаркого лета» семьдесят шестого сделали верные выводы... Лобановский остался на своем посту. И, по свидетельству самих игроков, несколько изменился. Изменил он и характер тренировок. Особое внимание было уделено восстановительным мероприятиям, и команда постепенно выходила из кризиса. В осеннем чемпионате-76 динамовцы завоевали серебряные награды, а на следующий год выиграли первое место. Примечательно, что Мунтян, Трошкин, Матвиенко, которых старшие тренеры накануне было «отпели», в числе других динамовцев Киева тоже были удостоены медалей чемпионов СССР.

С годами в киевском «Динамо» создавался свой особый психологический микроклимат. И, думается, события 1976-го помогли окончательно отказаться от воспитания людей на лжи и полуправде, преподали динамовцам уроки истины, высветили подлинные ценности в сфере человеческих отношений. Уроки эти помогли и самому Лобановскому (быть может, даже больше, чем всем остальным!).

Это не просто слова. Это — факты.

— Как вы сами с дистанции прожитых лет рассматриваете семьдесят шестой год? — спросил я Лобановского уже в 1987 году.

— Любое событие дает очень много,— задумчиво сказал он. Положительное или отрицательное. Эйфория семьдесят пятого сменилась неудовлетворенностью семьдесят шестого. Почему? Считаю, что нами были допущены просчеты.

— И вы, как тренеры, допустили ошибки? — не выдержал я.

— А как же, не ошибается, как известно, только тот, кто не работает.

— Какие же именно ошибки?

— Главным образом, педагогические.

Да, события августа семьдесят шестого — это был довольно жесткий жизненный урок для футболистов и тренеров. «Мы почернели тогда от переживаний,— напишет позже в своей книге „Бесконечный матч" Валерий Лобановский,— но теперь я понимаю: в жизни обязательно должно произойти нечто похожее

на эту послемонреальскую историю. Она закалила всех ее участников. Меня, во всяком случае, точно».

Пожалуй, верно. Через одиннадцать лет после «послемонреальской истории» передо мной был уже совсем не тот Лобановский, которого я знавал в период его становления. Теперь почти во всем угадывался крепкий профессионал до мозга костей. Изо дня в день, из месяца в месяц, из года в год он совершенствовал свои методы работы и — что, пожалуй, главное — твердо отстаивал свои принципы.

Глава 6. Принципы

Порой Лобановский своим отношением к делу напоминал тренера национальной сборной Италии Энцо Беарзота. Того в свое время тоже немало критиковали и упрекали. А перед чемпионатом мира в Испании настоятельно требовали, чтобы тренер изменил состав «Скуадры адзуры», значительно его омолодив. Но Беарзот не хотел этого делать, стоял на своем и не шел ни на какие уступки. Он объявил войну не только коллегам-тренерам и журналистам, нападавшим открыто на него в печати, но чуть ли не всей нации. И выиграл сражение: под руководством Беарзота, как известно, сборная Италии стала чемпионом мира.

Говорили, что случай помог итальянцам. Возможно. Но только лишь отчасти. А в основном, пожалуй, результат дала их завидная целеустремленность. Беарзот однажды предпослал довольно точное определение своему виду спорта:

— Футбол,— сказал он,— это самый волнующий театр из всех существующих в мире. Любой, даже самый захватывающий, кинодетектив не сравнится с ним, если все актеры на поле решили играть свои роли с полной отдачей. Да, футбол — это волнующий театр, и его спектакли должны волновать и радовать людей...

«Но позвольте,— возразит иной читатель. Какой резон сравнивать? Лобановский не привел нашу сборную к победе на чемпионате мира». Верно. Но Лобановский, его коллеги-тренеры и футболисты киевского «Динамо» несколько раз совершали спортивные подвиги: выигрывали престижные призы европейского клубного футбола! Что же до сборной, то тут есть существенное неравенство условий, состоящее в том, что «режиссеру» Лобановскому было неимоверно сложнее, чем итальянцу Беарзоту или его коллегам из ФРГ, Бразилии, Аргентины, Голландии, Франции (и еще десятка стран), добиваться от своих «актеров» исполнения на поле «своих ролей с полной отдачей»: от Лобановского зависело далеко не все.

На Западе футбол давно уже стал самостоятельной отраслью индустрии зрелищ — отраслью, не имеющей аналогов по своим масштабам. В советском футболе все было далеко не так, и, если бы Лобановский привел нашу сборную к успеху на мировом чемпионате, это стало бы чудом, но отнюдь не закономерностью: нашим «любителям» трудно было на равных состязаться с профессионалами. Ибо хотя статус — фикция, но до подлинно профессионального отношения к делу нашим было ох как далеко.

После Великой Отечественной войны некоторые наши деятели, обладавшие реальной властью и получившие прозвище «меценаты», попытались было усовершенствовать отдельные футбольные «хозяйства». Вспомните, к примеру, знаменитую «команду лейтенантов» — ЦДКА, задававшую тон на всесоюзной футбольной арене именно в те годы. Но все же, все же... Те легендарные личности футбола своего времени по своему статусу были не футболистами, а «лейтенантами». Ну а их собратья по футбольному делу в других командах числились «инструкторами физкультуры», «шахтерами», «моряками», «металлургами», «фрезеровщиками» и даже «колхозниками».

Пока они играли в футбол, все для них в жизни складывалось как нельзя лучше: любимцы общества! Но приходило время (век футболистов в командах мастеров чрезвычайно короток: 10—12 лет максимум) проститься с футболом. Что потом? Потом, как правило, неизвестность, неопределенное, порой не престижное положение в обществе, ибо в действительности они не умели командовать ротами, рубить уголь, варить сталь, выращивать хлеб. Им надо было где-то «устраиваться», искать доброхота, который где-нибудь приткнет. Такое не могло не отразиться на психологии наших игроков.

И отразилось. Более двадцати лет наблюдая спортивную жизнь многих известных советских футболистов, что называется, вблизи, я убедился в том, что подавляющее большинство этих людей, по сути своей давно уже ставших профессионалами, так и не расстались с психологией любителей. И, попадая в команду мастеров в свои лучшие футбольные годы, эти молодые люди не столько думали, как им лучше развить свое мастерство и талант, сколько о том, как успеть — по выражению самих футболистов! — лучше «упаковаться»: больше скопить на черный день, который наступал вслед за последним финальным свистком. И это не вина их, а беда. Беда футбола нашего. Подобная психология дала в руки различного рода руководителям соответствующие «инструменты управления» игроками в виде всякого рода премий, смены квартир и машин, приобретения дефицитных товаров, престижных зарубежных турне и т. д. и т. п. И всегда горько было читать фельетоны о той или иной нашей зарвавшейся звезде футбола, где говорилось об этих самых квартирах, автомобилях и прочих благах, которых неблагодарная знаменитость («бесясь с жиру») не оправдала. Да, то была не вина, а беда звезд футбола. Всем тем, что было нормой жизни в их футбольные годы, их продолжали попрекать, когда они, закончив играть, вдруг «оступались», «зарывались», «зазнавались» и даже «спивались». Авторы фельетонов, порой путая причину и следствие, превратно

формируя общественное мнение подобными публикациями, били «по своим воротам» и только отодвигали решение серьезных проблем советского футбола на неопределенно далекий срок...

Перестройка — это прежде всего перестройка мышления. Помню, с каким живым интересом в футбольных кругах обсуждали «Размышления о футболе» Леонида Зорина. «Правда», опубликовавшая 7 апреля 1986 года заметки писателя, ходила по рукам, зачитывалась до дыр. Зорин просто и ясно изложил то, что у многих специалистов футбола давно уже было на устах.

Компетентность — вот главное требование времени,— писал он. Все устали от случайных людей, занятых не столько тем, чтобы дельно исполнять порученные обязанности, сколько тем, чтобы удержаться на плаву в той сфере, в которой, к несчастью, им выпало функционировать.

И, словно имея в виду таких неординарных тренеров, как Лобановский, далее писатель говорил:

Однако и там, где у руля стоят истинно даровитые люди, легка ли тренерская судьба? Значительно чаще бывает, что талантливому человеку трудней. Ибо талант — всегда характер, а это значит, что сложней контакты.

Леонид Зорин со страниц «Правды» призывал перестать метаться из стороны в сторону в футбольном деле, которому, как и везде, необходимы порядок, последовательность и преемственность, раз и навсегда покончить с «административными судорогами».

После чемпионата мира в Мексике-86, во время которого о сборной Советского Союза заговорил весь футбольный мир, в прессе, с новой силой пошел разговор о назревших переменах, в которых давно нуждался футбол в стране. И сами специалисты футбола повели его в духе времени, открыто говоря о наболевшем, ни на кого не озираясь, ничего не скрывая.

— Кого мы обманываем? — вопрошал заслуженный тренер СССР Нодар Ахалкаци, беседуя с Юрием Ростом на страницах «Литературной газеты» в июне 1986 года. И продолжал: У меня игрок приходит из дому утром, вечером домой спать идет. Тренировки, занятия, опять тренировки, разъезды... Мы ставим

его в ложное положение. Раз прав никаких (а какие у них права?), то и к обязанностям отношение иное. Футболист должен знать, что его труд принят обществом на законных основаниях, что футбол — профессия.

После окончания футбольного сезона-86 редакция газеты «Советский спорт» повела на своих страницах интересную дискуссию о перестройке футбольного хозяйства страны. В обсуждении наболевших тем приняли участие более 10 000 читателей! Почти месяц появлялись на страницах газеты материалы дискуссии. Разумеется, особый интерес представляло мнение компетентных людей — знающих, осведомленных, авторитетных в области футбола специалистов. Многие из них высказывались за скорейшие перемены.

Валерий Лобановский:

— Ну не странно ли: в научном методическом плане мы вроде бы «впереди планеты всей», а по части прямо-таки удручающего состояния нашей материально-технической базы занимаем одно из последних мест. Разьве можно воспитывать и готовить Марадон и Заваровых на асфальте или бетоне? Разве не грустен тот факт, что на каждых 300 футболистов у нас в стране приходится лишь по одному полю? Но ведь поля делать куда легче и проще, чем опережать зарубежных соперников в футбольной науке... Без резкого общего улучшения материально-технической базы нашего футбола, в том числе и массового, мы далеко не продвинемся. Невозможно учить учеников, не имея ни парт, ни учебников... О будущем футбольных клубов, клубов нового типа, сказано немало, хочется верить, что здравый смысл в конце концов победит, что наша высшая футбольная лига станет объединением самостоятельных, хозрасчетных, обладающих всеми правами социалистических спортивных предприятий. Сама жизнь этого требует.

Но меня не оставляла мыслишка, что кто-то из тех, кто держит «руку на пульсе» нашего футбола, еще не «созрел» для перестройки привычного, но ветхого — довоенного образца! — футбольного хозяйства страны. Когда познакомился, все в той же газете «Советский спорт», с ответами начальника Управления футбола Госкомспорта СССР В. И. Колоскова на вопросы читателей, такие предположения усилились.

Что касается организации в нашей стране самостоятельных футбольных клубов, тут мы далеко не убеждены в актуальности такого предложения,— говорил Колосков. Конечная идея ясна — создание лучших условий для роста мастерства футболистов. Но

разъве исчерпали мы те возможности, которые предоставляет нам нынешняя организация нашего футбола?

Между прочим, в том же интервью В. И. Колосков «успокоил» нас, заявив, что «по сути, только с формальной точки зрения наш футболист остается любителем, фактически же он уже сейчас профессионал». И «предостерег», что упаси боже, не надо нам идти по пути «западноевропейского или южноамериканского профессионализма, где игрок становится предметом купли и продажи...» (хотя, заметим в скобках, никто из дискутировавших на эту тему такого пути и не предлагал). Общеизвестно, в не столь уж старые и, увы, не очень-то добрые времена после такого интервью одного из руководителей советского футбола на обсуждении проблемы была бы поставлена точка. Кто из подчиненных решился бы перечить начальнику? Вопрос о хозрасчетных клубах, возможно, был бы снят с повестки дня. Но... Времена настали иные. Противоборство оппонентов только усилилось.

Лобановский, теперь уже явно рискуя «подразнить гусей», но на этот раз не испугавшись начальства, проявил завидную настойчивость. Во многом благодаря Лобановскому дискуссия не закончилась на публикации интервью с Колосковым.

Оправданно и энергично используя свой пост главного тренера сборной страны, он где только мог (на послематчевых пресс-конференциях, в печати, по телевидению) высказывался о необходимости скорейших перемен во всем футбольном хозяйстве страны. Говорил об этом открыто, но главное — аргументированно, компетентно.

Занятие футболом на уровне команд мастеров давно стало профессиональным делом,— сказал Лобановский в мае 1987 года корреспонденту «Труда». Речь должна идти о юридическом обеспечении этого занятия. Мы нанимали, нанимаем и будем нанимать футболистов на работу, а это значит, что мы должны признать в них государственных служащих со всеми вытекающими отсюда последствиями. Наши сегодняшние отношения с мастерами футбола строятся на ведомственных инструкциях, не имеющих силы закона, и на признании их инструкторами физкультуры. Это — отношения взаимной необязательности, из-за чего наш футбол реализует в лучшем случае половину своего потенциала.

В этом же интервью Лобановский нарисовал довольно стройную картину, какой ему видится структура хозрасчетного футбольного клуба. Кроме новых стимулов в решении главной

задачи — подготовки игроков и команд международного класса — тренер предусмотрел и расширение иных возможностей клуба.

— Мы подсчитали,— говорил Лобановский,— что можем оказать до 30 услуг любителям футбола при штатном расписании соответствующих подразделений в восемь единиц и иметь только на этом свыше миллиона рублей прибыли в год. Речь идет о массовых спортивных праздниках, лекционной пропаганде, культурных программах, видеотеке, выпуске сувенирной и печатной продукции, выступлении команды ветеранов, абонементных группах, прокате инвентаря и формы, устройстве лотерей и многом другом.

А уже в июне восемьдесят седьмого года на прямой вопрос корреспондента «Правды»: «Готово ли, на ваш взгляд, киевское „Динамо" к переходу на хозрасчетную деятельность?» — Лобановский ответил:

— Мы готовы настолько, что даже разместили заказы на некоторые виды продукции хозяйственной деятельности клуба. Создан его устав, разработан статус тренера и игрока, сверстаны планы работы, сделан расчет доходов и расходов, подобраны кандидатуры служащих. Не хватает лишь одного - разрешения приступить к работе по-новому...

Забегая вперед, скажем, что за это самое «разрешение» Лобановскому и его единомышленникам пришлось вести серьезную борьбу. И только с января 1989 года киевское «Динамо» стало первым в стране футбольным клубом, перешедшим на полный хозрасчет и самофинансирование.

Впрочем, такой ли уж совсем неизвестной была в нашей стране идея создания футбольных клубов? Таким ли новым явился разговор об этом на страницах печати? Оказывается, все это — и мысли, и публикации, и даже кое-какой опыт! — уже существовало и раньше.

О самостоятельных футбольных клубах мечтал еще В. А. Маслов. Особенно после того, как в зарубежных турне киевского «Динамо» легендарный тренер познакомился с принципами организации профессиональных клубов.

— У них есть что позаимствовать,— рассказывал однажды Виктор Александрович. Все четко, все до копеечки просчитано. Трудятся, конечно, как черти, но все в радость. И себе и людям. Болельщики там тоже постоянные члены клуба. Что ж тут удивительного, когда их зритель на играх словно монолит. Там клубы не то что форму, значочки-вымпелочки или знамена свои имеют... Для них даже написаны собственные гимны. И болельщики на трибунах дружно их во время матчей распевают. Представляете, какая это моральная поддержка команде! А,

думаете, мы бы не могли у себя организовать добротные футбольные клубы? Еще как могли бы! Не только себя прокормили бы, но еще давали бы доход.

Потом, вероятно, что-то вспомнив, Виктор Александрович вдруг замолк, лицо его стало задумчивым, глаза — грустными. И, сделав досадливый жест рукой, он тяжело вздохнул:

— Ох-хо-хо... Мечты, мечты... Нет, с нашими крючкотворами, инструкциями, циркулярами да запретами каши не сваришь. Так и будем всю жизнь кого-то догонять.

Выходит, не умели (а может быть, и не могли) «смотреть в корень». Не стали даже пробовать что-то изменить. Практически нигде. Кроме киевского «Динамо». Именно здесь, как раз в пору очередной волны дискуссий о футбольных клубах, в феврале 1974-го был начат эксперимент, который фактически длился... до января 1989 года.

Начался он с того, что в январе 1974 года президиум Украинского совета «Динамо» одобрил предложение О. Базилевича и В. Лобановского о создании при киевском совете «Динамо» специализированного футбольного центра (по этому вопросу было принято соответствующее постановление президиума). Динамовцы столицы Украины взяли на себя инициативу практического поиска новой структуры большого футбола, которая бы в большей степени отвечала задачам и требованиям современной подготовки футболистов высших разрядов. Идея создания футбольного центра, принадлежащая Базилевичу и Лобановскому, родилась не на песке. В те годы в нашей стране и за рубежом уже обновлялись и совершенствовались спортивные базы, их инвентарь и оборудование, изменялись и организационные структуры во многих олимпийских видах спорта. Только в советском футболе положение дел десятилетиями оставалось неизменным. И сложные задачи, с которыми сталкивались команды мастеров (селекция талантливых юных игроков и подготовка резерва, медико-биологическое и материально-техническое обеспечение, сбор и обработка необходимой информации, научное обеспечение тренировочного процесса, международные связи команды и множество других), выполняли различные службы и организации, существующие вне самих команд. Отсюда разнобой или параллелизм в работе, всякого рода накладки и неурядицы.

А что, если все эти службы, действующие, скажем прямо, порой вхолостую и вокруг да около команды, объединить одним штатным расписанием, заставить работать на одно общее дело, синхронно, без холостых оборотов? И управлять всеми службами из одного центра! Это было заманчиво...

— Почему же все таки центр, а не клуб? — спросил я однажды Лобановского о тех начинаниях семьдесят четвертого года.

— Клубы тогда не признавались,— грустно ответил он. О них и слышать не хотели. Поэтому мы решили поменять название.

— Но ведь ваш центр фактически был переходной формой на пути к футбольному клубу. Какие цели вы перед ним ставили?

— Довольно высокие,— спокойно ответил Валерий Васильевич. Клуб, или, скажем лучше, наш динамовский центр, должен был готовить футболистов высших разрядов на уровне мастеров спорта международного класса, постараться создать команду, способную достойно защищать честь советского спорта на международной арене.

Здесь уместно напомнить, что именно в эти годы динамовского эксперимента команда киевского «Динамо» семь раз становилась чемпионом Советского Союза, пять — выигрывала Кубок СССР, дважды — Кубок обладателей кубков европейских стран, один раз — Суперкубок. Десятки игроков выполнили нормативы мастеров спорта международного класса, не говоря уже о том, что более двадцати из них было присвоено самое высокое в советском спорте звание — «заслуженный мастер спорта СССР», а двое (Олег Блохин и Игорь Беланов) стали обладателями «Золотого мяча», который, как известно, присуждается лучшему футболисту Европы! Надо ли после такого перечисления основных достижений команды в период с 1974 по 1989 год говорить, насколько эксперимент себя оправдал?

— И это притом, что сплошь и рядом нам не удавалось решить множество различных проблем,— говорил мне Лобановский летом 1988 года. Мы выполнили только частицу того, что было задумано общей программой при создании нашего футбольного центра.

— Что же помешало осуществить все или хотя бы большую часть задуманного?

— Масса инструкций, запрещающих эту деятельность! — воскликнул Лобановский. Многое делали нелегально. Потом расхлебывали. Ну как, например, можно было объяснить проверяющим из состава различных комиссий, почему инструктор по пожарно-прикладным видам спорта, кем официально числился Михаил Ошемков, летал за границу с видеокамерой? Почему у всех команд один врач, а у киевского «Динамо» — два? «Да нет,— говорим,— у нас тоже один. Второй врач — работник горсовета „Динамо", а нам сейчас просто помогает». Почему в команде работает машинистка? Не положено! И еще десятки «почему» и «не положено». Что нам

оставалось делать? Ловчили, изворачивались, оправдывались.

— Но главное, что не стояли на месте!

— Да, идея обрастала приверженцами, хоть с огромным трудом, но пробивала себе дорогу в жизнь,— соглашался Лобановский. Сейчас мы создали еще один проект. Привлекли специалистов, просчитали финансы, возможные доходы и расходы. Расчеты отдали руководству. Хотим, чтобы нам передали ресторан, бар, кинотеатр. Одним словом, положили клуб на финансовую основу. Все продумано — спортивные базы, поля, подготовка смены начиная с детского возраста. Все в комплексе! Команда — это только частица футбольного клуба. А клуб должен существовать для людей! Заплатил человек взносы, стал членом клуба — должен получать какую-то отдачу и с удовольствием сюда приходить — в свой клуб! Да не только сам, а вместе с семьей. Отдыхать, заниматься спортом, общаться с теми же игроками своего клуба... Уже все понимают, что футбольные команды мастеров давно выросли из коротеньких штанишек собственно командной структуры, это уже достаточно многофункциональные хозяйственные единицы со своими экономическими задачами и интересами.

О киевском «Динамо» шестидесятых — восьмидесятых годов написана целая литература. Немудрено: именно в этот период команда выдвинулась в лидеры отечественного и европейского футбола. Причины объяснялись по-разному. «Талантливые игроки», «сильные тренеры», «длинная скамейка запасных», «сборная Украины», «здесь умеют поощрять игроков». И все в таком духе. Успехи объяснялись разными людьми по-разному. Однажды я спросил, что думает на этот счет сам Лобановский. Ответил сразу, не колеблясь:

— На мой взгляд, один из главных и основных факторов многолетних успехов — неослабевающее внимание партийных, советских, других организаций к тому, чтобы в Киеве была команда высокого класса. Поверьте, я уже не в том возрасте и далек от того, чтобы делать реверансы в сторону начальства. Говорю это искренне. Кто-то, может быть, считает, что киевскому «Динамо» все эти годы «везло» на хороших тренеров, высококлассных игроков. Но, согласитесь, это «везение» не что иное, как продукт логического мышления руководителей, которые почти всегда приглашали в команду тренеров, обладающих обостренным чувством нового, профессионалов своего дела. Именно поэтому здесь в свое время работали Вячеслав Дмитриевич Соловьев, Виктор Александрович Маслов. А уже творческий поиск тренеров стимулировал рост бесспорно талантливых футболистов.

С этим действительно трудно не согласиться. Кто знает, заговорили бы в 1986-м в стране и в Европе о киевском «Динамо» так восторженно, не сохрани кто-то из руководителей республики Лобановского (для киевской команды и советского футбола) в августе 1976-го? Заговорил бы о советской сборной весь футбольный мир после Мехико-86, если бы осенью 1984-го (когда киевское «Динамо» скатилось на 10-е место и в самой команде, а еще больше — вокруг нее, уже пошли шатания и разброд) кто то из серьезных руководителей вновь не оказал доверия Лобановскому, а динамовский коллектив не поддержал бы его?

Однажды коллега из Москвы, уже после того, как мы пообщались с Лобановским, вдруг разоткровенничался:

— По правде говоря, многие наши ребята из числа московских журналистов почему-то терпеть Лобановского не могут.

— По-моему, он их тоже,— сказал я. Так что «любовь» у них взаимная.

— Чем-то он все-таки раздражает,— сказал мой коллега.

— Может быть, своей компетентностью? — предположил я. Знаниями, осведомленностью, авторитетом в мире футбола? К тому же он довольно резкий и прямой. Твердо отстаивает свои принципы. Категоричный, а потому и для очень многих, как принято нынче говорить, неудобный.

— Да нет, не то. Он, конечно, профи, но в смысле компетентности журналисты сейчас тоже поднаторели. Тут, видимо, дело в другом. Слишком уж он высокомерен. Обратите внимание даже на его манеру разговора: «Мы подумаем», «Мы считаем», «Мы посоветуемся»... Да кто мы-то? Мы, Николай Второй?

Признаться, раньше — до разговора с этим журналистом я даже не придавал значения этому «мы». Просто за долгие годы знакомства и общения привык к его манере разговора. Знал, что свое «мы» он употребляет не только в частных беседах или интервью, но выступает так и на официальных совещаниях, на пресс-конференциях, пленумах. Даже на коллегии Госкомспорта СССР. Со временем понял, что его «мы» — это не просто поза. Это — позиция, если хотите, даже один из его принципов. В жизни у многих людей как-то вошло в привычку по поводу и без повода говорить «мы» и прятаться за неопределенностью этого слова. Но когда говорил «мы» Валерий Васильевич, он словно бы хотел подчеркнуть, что сегодня футбольную команду международного класса никакой «я», даже сам Лобановский, сделать просто не в состоянии. Команду такого уровня могут сделать только «мы» — игроки, тренеры, врачи, массажисты. Словом, мы — все вместе! За

«мы» Лобановского всегда стояло выношенное мнение не только Валерия Васильевича, а еще очень многих людей, с ним работающих. И здесь впору сказать о «кабинете Лобановского», который складывался с первых дней его прихода в киевское «Динамо».

«Кабинет Лобановского» — это люди очень разные. По образованию, возрасту, интеллекту, характерам, вкусам, привычкам. Большинство из них и составили штаб так называемого «специализированного футбольного центра», созданного в киевском совете «Динамо» еще в 1974 году.

Как и игроки клуба, они стали духовными соратниками Лобановского. Это не красивые слова, а реальный факт. Помнится, как после окончания труднейшего для себя, но счастливого сезона-86 об этом сказал тогдашний капитан команды Анатолий Демьяненко:

— Мы все единомышленники с Лобановским, а он для нас — Тренер с большой буквы!

А потом капитан стал называть людей, внесших свою лепту в общую победу коллектива: начальника команды В. Веремеева, второго тренера А. Пузача, тренера дублеров В. Колотова, ответственного за информацию М. Ошемкова, врачей В. Малюту и В. Берковского, массажистов П. Швыдкого и В. Евлантьева, администраторов А. Чубарова и А. Пикузу, сапожника Н. Кушнира, водителей Н. Календу и Н. Потапальского, хозяйку базы в Конча-Заспе О. Подуран. Характеризуя их, капитан нашел очень теплые и проникновенные слова для каждого. По всему чувствовалось, что это искренние, идущие от сердца слова человеческой благодарности труженика-футболиста за труд других людей.

Состав «кабинета», как говорится, одним махом и не перечислишь. Входили сюда, к примеру, и такие специалисты, как тренеры-селекционеры А. Сучков и М. Коман, чей многолетний кропотливый труд почти всегда оставался в тени (их фамилий не встретишь в парадных отчетах о славных победах киевского «Динамо»). Но сколько интересного и нужного было сделано этими людьми, исколесившими республику и страну в поисках футбольных талантов. Эти специалисты давали Лобановскому первую информацию о «способных мальчиках», какими они в свое время увидели, к примеру, Бессонова, Балтачу, Баля, Кузнецова, Раца и многих других ныне заслуженных мастеров спорта.

В состав «кабинета Лобановского» все годы входил и кандидат педагогических наук А. М. Зеленцов. Оценка его трудового вклада в футбольных (а тем более околофутбольных) кругах всегда резко колеблется: от «блестяще!» до «ужасно!». То

Зеленцов сидит в свете прожекторов в президиуме вместе со всем руководством команды на торжестве по случаю вручения золотых медалей и ему аплодирует спортивное начальство. То вдруг, после очередного поражения динамовцев, внутри стадионного дворика, где обсуждения сыгранных в Киеве матчей идут, как говорится, с пылу с жару, из уст того же начальства можно услышать и примерно такое: «Пока такие Зеленцовы командуют футболом, толку не будет. Гнать его пора из „Динамо"».

Одним словом, все зависит от набранных командой очков и забитых голов.

Откровенно говоря, сами игроки на первых порах его работы в 1974—1975 годах весьма настороженно относились к любой «науке». Да и к своим тренерам, в устах которых не раз звучали мудреные для футболистов, не имеющих специальной подготовки, слова («системность», «мотивация», «коррекция», «модели», «поливалентность функций»). Случалось, выходила команда после теоретических занятий и кто-нибудь из бывалых чемпионов зло цедил:

— Вешают лапшу на уши. Кому это все нужно? Брали «золото» и без науки.

Припоминаю, что первые усилия тренеров овладеть в контакте с наукой сложнейшим процессом управления спортивной формой давались непросто. И далеко не все, как вы уже знаете, получалось «по науке». Тут уместно привести слова тренера чемпионов мира — сборной ФРГ — Юппа Дерваля:

— Мне не по душе те тренеры, которые без конца напыщенно обсуждают бесконечные проблемы, которых на самом деле в футболе не существует. На мой взгляд, чутье — самое важное и ценное качество в карьере футбольного тренера. Надо его иметь.

Кто станет отрицать, что у Лобановского это чутье было? Но и к научному подходу в тренерском деле все эти годы у него отношение однозначное. И, думаю, во всем достигнутом Лобановскому помогло не столько чутье футбольного тренера, сколько выручил его пытливый инженерный подход к делу. И ясная логика мышления.

Непонятное всегда настораживает. Урок скептикам дали сами А. М. Зеленцов и В. В. Лобановский в своей монографии «Моделирование тренировки в футболе», изданной в 1985 году киевским издательством «Здоровье».

Современные научные методы исследования не позволяют нам «увидеть» информацию,— писали они. Даже анализ регуляции сложных функций организма, процесс, который называется

информационным, не дает возможности показать движение информации. Можно увидеть взаимодействие материальных веществ, наделенных энергией, а информация — вещь нематериальная. Это понятие было создано для объяснения невидимых процессов.

Между прочим, предисловие к монографии Зеленцова и Лобановского написал кандидат физико-математических наук, старший научный сотрудник Института кибернетики имени В. М. Глушкова АН УССР А. И. Кондратьев, а эпиграфом к своей монографии авторы поставили известное изречение академика Н. А. Амосова: «Чтобы управлять, нужно знать».

Примечательно, что в Москве годом раньше выхода в свет монографии состоялась защита кандидатской диссертации третьего участника совместных исследований — О. П. Базилевича. Ее тема — «Управление подготовкой высококвалифицированных футболистов на базе моделирования учебно-тренировочного процесса». До сей поры идея была лишь «на слуху» и, как говорится, витала в воздухе. С появлением научных трудов у нее уже появился иной статус, тем более что теоретические разработки тренеров-исследователей и их коллег-ученых оказались блестяще подтвержденными при внедрении их на практике — в команде киевского «Динамо», обернулись отличным результатом и великолепной игрой, которой не раз аплодировал весь футбольный мир.

Со многими людьми из «кабинета Лобановского» я знаком многие годы. Встречаясь и беседуя с ними, невольно проецировал услышанное на характер и образ мыслей их «шефа», как кое-кто за глаза любил называть Лобановского. И всякий раз убеждался не только в бесспорном признании «подчиненными» его тренерских способностей, но и в сильном обаянии его качеств организатора, проявленных в сложнейшем процессе жизни футбольного коллектива. Однажды на эту тему мы разговорились с одним из врачей команды — кандидатом медицинских наук Владимиром Игоревичем Малютой.

— Я уже давно понял, что у Лобановского есть проблемы «важные» и «очень важные»,— говорил Малюта. Но нет так называемых «второстепенных». Теперь и мы, кто с ним работает, понимаем, что в футболе нет мелочей. Именно мелочи, прямо скажем, могут загубить хорошее дело. Привезите футболиста плохо на игру или плохо расселите его в гостинице. Испортите матч! Плохо отдохнувший человек не сможет выполнить на поле гигантскую работу. В этом-то и заключается заслуга

Лобановского, что он сумел организовать рабочий процесс во всех его деталях.

— Заставил работать по-новому?

— Я бы не говорил «заставил». Это слово тут не подходит. Васильич вдохновил людей — каждого на своем участке — на максимальную отдачу, привил профессиональное отношение, чувство личной заинтересованности в продвижении дела вперед. В том-то и сила Лобановского, что он не только хороший тренер, но и прекрасный организатор.

— Доктор, вы хорошо знакомы с коллегами Лобановского из других клубов высшей лиги. Разве у них не так?

— Назову вам некоторых известных, как говорится, на всю страну и даже за ее пределами специалистов,— и Малюта назвал фамилии двоих. Первому, скажем, все равно, кто у него в команде работает врачом или водителем. Этим-то он и отличается от Лобановского. Второй — прекрасный тренер, но в этих вопросах он иногда становился просто самодуром. Вот так, за здорово живешь, мог взять и выгнать квалифицированного врача. Только за то, что тот ему когда-то что-то не так ответил. Не понравился человек, и все! Потом мог взять на его место дурака, но который не будет перечить.

— Согласен с вами в том, что тренеру сейчас мало быть только тренером,— сказал я. Он должен быть педагогом, психологом, организатором. И всегда в первую очередь ставить интересы дела выше собственных амбиций.

— И Лобановский умеет это делать,— перебил меня Малюта. Думаете, в его «кабинете» работают все контактные, легкие, великолепные люди? Ни в жизнь! У каждого свой характер, свои плюсы и минусы. Но если у человека больше плюсов, Лобановский его ценит. Больше минусов — увольняет.

— И что, лично у вас не бывает с ним конфликтов по работе?

— Бывает,— Малюта поправил очки. У меня с шефом случались очень трудные беседы по профессиональным вопросам. И я его прекрасно понимал уже потом, когда эмоции уходили, оставалась забота о деле. Невольно думалось, что, если бы я вот так принципиально не соглашался с тем вторым из названных мной знаменитых тренеров, тот бы меня давно уже выгнал. Прямо сказал бы: «Малюта, вон из команды — не хочу тебя видеть!» И это было бы для него вполне нормальное явление.

Как видим, весьма своеобразно складывались взаимоотношения старшего тренера киевского «Динамо» с подчиненными по работе.

А с игроками? Этот процесс, думаю, намного сложнее. Что ни игрок, то — неординарная личность в футболе, и порой

своенравная, но зато — собственная жизненная позиция. Известный игрок — это не то, что врач или сапожник в команде. От знаменитостей того и гляди можно ожидать любых сюрпризов или капризов. На поле и в быту. Они ведь кое с кем из начальства запросто общаются. Не забудем, что звезды то и дело позируют фотокорам, дают интервью, что общественность всюду считается с их мнением. И все-таки, на мой взгляд, Лобановский за долгие годы своей тренерской работы достаточно постиг всю сложность таких взаимоотношений, научился тонко выбирать позицию в нелегких коллизиях типа — игрок и тренер, команда и личность. В чем-то, бывало, шел на компромиссы (мог даже сознательно закрыть глаза на отдельные нарушения спортивного режима тем или иным заслуженным мастером спорта, если только тот, выходя потом на поле, как говорят футболисты, «пахал вовсю»). Но если того требовали интересы дела, Лобановский закручивал гайки покрепче. Однажды в разговоре с ним довелось коснуться этой темы.

— Вы требовательный,— сказал я. Даже жесткий. Считаете ли вы, что без этих качеств тренеру не обойтись?

— Стойте, стойте,— Лобановский с удивлением взглянул на меня. Почему вы путаете жесткость с принципиальностью?

— Будь по-вашему,— согласился я. Так вот, как раз учитывая вашу принципиальность, хочу спросить: бывают, ли у вас конфликты с игроками? Я имею в виду — уже после семьдесят шестого года.

— Конечно, бывают,— спокойно ответил Лобановский. Без конфликтов вообще быть не может. Каждый человек вправе по-разному воспринимать определенные ситуации, даже требовательность свою проявлять по-разному. Игрок тоже анализирует свою игру, однако оставаться объективным по отношению к себе и к товарищам ему, на наш взгляд, удается далеко не всегда. Потому и возникают вопросы. Вы их хотите назвать конфликтами? Ваше право. Мы их называем вопросами, в которых надо искать общее решение.

— И как они, интересно, решаются в киевском «Динамо»?

— Я, например, за двусторонний разговор: давайте, предлагайте! Если в чем-то стороны не согласны, обсуждаем и, в конечном счете, вырабатываем коллективное мнение. Но представьте, что будет, если каждый футболист начнет на поле действовать так, как нужно только ему! Люди должны подстраиваться под определенные игровые принципы, не теряя при этом своих сильных индивидуальных качеств и «собственного лица». Принципы не должны убивать личность. Наоборот, обязаны способствовать ее развитию.

— Валерий Васильевич, сказано красиво, но уж больно общо. Нельзя ли обратиться к конкретным примерам?

— Можно. Думаю, лишь в последние годы игры в киевском «Динамо» по-настоящему раскрыл свой талант Саша Заваров. Главное, что он постепенно уразумел, что и почему от него требуют. Вспомните, раньше часто призывали освободить нападающих от оборонительной работы. Бытовало даже такое выражение: «Форвард должен входить в штрафную соперника на свежих ногах!» Но Заваров понял: хочешь добиться результата, значит, надо уметь и обороняться, и атаковать. Он и в прежние годы мог сделать голевую передачу, мог забить сам. Но нынче Саша работает на команду, а раньше, бывало, команда работала на него.

— А когда он забивал, это тоже было «на себя»?

— Поймите же принципиально разные вещи. Мы против такого подхода: отдайте мяч Блохину, допустим, он с ним разберется. К Блохину предъявляются те же требования, что и ко всем: отбирать мяч, вести единоборства, отходить назад, создавать ситуации для других, перехватывать, прессинговать. Если хоть один форвард не участвует в прессинге, прессинга не существует. Только полное участие абсолютно всех игроков в коллективных действиях дает шансы на успех.

Были в советском спорте тренеры (и Лобановский, бесспорно, в их славной, хотя и немногочисленной, когорте), от которых ждали лишь побед. Только первого места! Любое иное рассматривалось как неудача, даже провал. Вспомните, к примеру, бронзовые медали нашей сборной на Олимпиаде в Монреале. Другой тренер за точно такое же достижение на Московской Олимпиаде был награжден орденом, а Лобановский — за монреальское — получил выговор и очередную отставку!

Вот и спросил Валерия Васильевича:

— Не давит ли этот повышенный критерий ответственности на психику? Не сковывает ли в творчестве?

— Разьве груз когда-нибудь облегчает? — задумчиво ответил Лобановский. Но, по-моему, ставить перед собой максимальную задачу необходимо. Если ее нет, если нет трудностей, работать, наверное, скучно. Ради большого дела отказываешься от многого.

— От чего, к примеру?

— Хотя бы от личной жизни. Но в своем вопросе вы упустили важный момент.

— Валерий Васильевич, собеседник вы интересный, но, право, придирчивый.

— Уж какой есть. Все-таки должен подчеркнуть, что нельзя рассматривать в футболе тренера как изолированную,

действующую по собственному наитию фигуру. Тренера без игроков не бывает. И когда у тренера единое с футболистами понимание цели — только обязательно по максимуму! — самые серьезные задачи решать не страшно. Я стараюсь и пытаюсь убедить игроков: мы — участники творческого процесса, в котором могут быть и неудачи. Но если есть твердое направление — обязательно будет стабильность. Нет, не в достижении результата — тут не исключены любые неожиданности: травмы игроков, ошибки судей. Кочка на поле — и та вносит свои поправки. Я говорю о стабильности в игре. Надо не шарахаться при поражениях из стороны в сторону, а верно выдерживать свою игровую линию. Стараемся привить подобное умение нашим футболистам, вселяем в них веру в принципы, в себя, в коллектив. У меня эта вера в команду есть. И другое мне ни к чему. Закончу ответ моими любимыми строками из Пастернака: «Но пораженье от победы ты сам не должен отличать».

Его имя стало широко известно всему футбольному миру. И когда в январе 1987 года журналист «Известий» попросил тренера-советника ФИФА Дитмара Крамера назвать тройку или пятерку лучших на сегодня, по его мнению, футбольных тренеров, многоопытнейший специалист из ФРГ ответил:

— Одним из первых, безусловно, должен быть Валерий Лобановский. Я лишний раз убедился в этом на парижском «Парк де Пренс», когда его команда с блеском переиграла хозяев поля...

Талантлив ли Лобановский? По Станиславскому, талант — это сила жить. А жизнь его, как вы уже знаете, складывалась непросто. И шел порой против всех, и восстанавливал всех против себя. Боролся. Проигрывал и побеждал.

Постоянно совершенствовался. С годами понял, что силой, окриком, угрозой мало чего добьешься в работе с людьми. Качество работы ставил превыше всего и требовал его в коллективе от каждого на своем месте. Прослыл неудобным человеком, но в этом плане не стал себя переделывать. Не подлаживался под общие «правила», хотя они в том мире, в котором ему приходится работать и жить,— это далеко не правила «уличного движения», которые почти любой легко может понять и освоить (хотя бы вследствие их логики, основанной на целесообразности). В его же деле чье-то мнение может подавлять логику и попасть в «аварийную ситуацию» ничего не стоит. Одним словом, он жил. Выжил и выстоял. Так что, если по Станиславскому, то, бесспорно, Лобановский талантлив.

О его профессиональных качествах здесь уже достаточно много говорилось. Если добавим к тому же, что Лобановский был деловым, компетентным во многих жизненных вопросах, в меру

экономически грамотным и предприимчивым человеком, тоже не отступим от правды. Ко всему, еще и осмотрительным. Можно даже сказать: осторожно-осмотрительным. Будь то в организационных делах или в творческих задумках, он всегда стремится обеспечить полную надежность продуманного им варианта. С началом перестройки в стране он тоже заметно изменился. Стал назойливо, требовательно, громко — на всю страну! — просить, увещевать, настаивать, чтобы перестройка коснулась, наконец, и его Дела. Его футбола. И не останавливался на общих призывах, как бывало раньше, а конкретно бил в цель, не боясь «дразнить гусей».

В августе восемьдесят седьмого года Лобановский, адресуясь к многомиллионной аудитории популярной телепередачи «Футбольное обозрение», заявил, что многолетние разговоры о том, чтобы создать необходимые условия для команд, которые выступают в европейских турнирах, а самое главное — оптимальные условия для подготовки игроков в главную команду страны, остаются разговорами. На деле же ничего не меняется.

Получается парадокс,— говорил перед телекамерой Лобановский. Все решения принимает Федерация футбола страны, ее президиум. Но кто туда входит? Юристы, экономисты, служащие, пенсионеры. Ведь кому-то было удобно, чтобы общественность отвечала за футбол. С кого спросить? Думаю, что настало время, когда должен быть создан Союз футбола, в котором должны работать профессионалы...

На мой взгляд, в этом своем выступлении он и прав и неправ. С одной стороны, молодец Лобановский, что поднял такую острую проблему. Но зря, думаю, невольно поставил под сомнение компетенцию буквально всех, кто входил в президиум Федерации футбола СССР. Помнится, один из тех, кого, возможно, имел в виду Лобановский, говоря о «пенсионерах», не менее остро, но более точно, чем главный тренер сборной, писал о проблеме руководства футболом в стране. И, кстати сказать, в унисон с Лобановским, хотя и гораздо раньше Валерия Васильевича. Говорю о тогдашнем члене президиума Федерации футбола страны Льве Ивановиче Филатове. В одной из своих статей он откровенно констатировал: «...все, что я видел, работая в футболе, на что натыкался, обо что спотыкался, из-за чего пожимал плечами, над чем горько смеялся, вынуждает прийти к выводу что футболу требуется самостоятельное руководство».

Нашим футболом в Госкомспорте руководят по совместительству, одновременно с другими разделами,— писал

Лев Филатов. Совместителям не обязательно вникать в глубины предмета, тем более что он взрывоопасен и на нем можно сломать если не голову, то карьеру. Им удобнее сосредоточиться на чем-либо ином, приносящем прочные дивиденды. В то же время в Управлении футбола есть люди, которые знают немало, но им не дано решать: субординация!

Мне всегда было искренне жаль, что такие люди, как Л. Филатов и В. Лобановский, профессионализм которых (каждого в своем деле) широко известен, никогда не объединяли своих усилий. От этого уже давно наш футбол только бы выиграл. И когда 23 июля 1989 года в Москве в конференц-зале гостиницы «Юность» на Учредительной конференции Союза футбольных лиг СССР был принят его Устав, избран Административный совет и президент (заслуженный мастер спорта Виктор Понедельник), Лобановского многие коллеги поздравляли словно бы с личной большой победой. И в чем-то это было справедливо. Он (разумеется, вместе с единомышленниками) своими доводами и делами очень много сделал, чтобы настал наконец день, которого ждало не одно поколение советских тренеров и футболистов,— день создания в стране профессиональной — по статусу! — футбольной организации. Правда, справедливости ради вспомним, что этот знаменательный для советского футбола день приближали и такие его рыцари и подвижники, как А. П. и Н. П. Старостины, В. А. Маслов, О. А. Ошейков, К. И. Бесков, Н. П. Симонян, В. Д. Соловьев, О. П. Базилевич и многие-многие другие. И той же справедливости ради нельзя забыть о вкладе в это бесспорное завоевание таких журналистов, как Лев Филатов, Аркадий Галинский, Борис Федосов, Лев Лебедев и других их собратьев по перу, тоже исподволь готовивших подобную перестройку в отечественном футболе...

Глава 7. Как зажигаются «звезды»

Поистине неисповедимы судьбы футбольные. В восемьдесят пятом году Игорь Беланов вместе с командой киевского «Динамо» стал обладателем Кубка СССР и чемпионом страны. Но был ли он в свой первый «хрустально-золотой» сезон особо заметной фигурой в нашем футболе? Конечно же, нет. Лучшее доказательство — результаты традиционного референдума еженедельника «Футбол — Хоккей». Когда 209 футбольных обозревателей, представляющих 138 печатных изданий, ТАСС, АПН, радио и телевидение, издательства и другие журналистские организации, определяли лучшего футболиста Советского Союза сезона 1985 года, то ни один из них в свою «тройку» Игоря даже не включил. В числе 20 футболистов из 10 клубов высшей лиги, фигурировавших в этих предновогодних журналистских анкетах, фамилия Беланова не значилась.

Прошло всего полгода, и вдруг из сообщения агентства Ассошиэйтед Пресс во всем мире узнали, что Игорь Беланов зачислен в символическую сборную мира, которую назвали журналисты, освещавшие XIII мировой чемпионат в Мексике. Теперь его фамилия стояла в одном ряду с десятью звездами мирового футбола из Аргентины, ФРГ, Бразилии, Франции, Дании. А месяцем позже игрок символической сборной мира Беланов вошел в состав уже реальной сборной «остального мира», игравшей против сборной Америки. Этот матч был организован ФИФА и детским фондом ООН — ЮНИСЕФ и посвящен 40-летию образования этой организации. Весь сбор от игры на стадионе американского города Пасадена шел в фонд помощи мексиканским детям, пострадавшим от землетрясения.

Несмотря на высокую цену билетов, все 70 тысяч мест стадиона в Пасадене были заполнены. Шоу есть шоу. Задолго до футбольного матча известные американские певицы и певцы под аккомпанемент оркестра дали на импровизированной эстраде концерт. Потом начался церемониал представления и на поле вышли две сборные.

Каждый игрок — в футболке под тем номером, под которым играл на недавнем чемпионате мира. Беланов — под номером 19. Диктор называл фамилию футболиста, страну, которую он представлял, и после этого соперники обменивались вымпелами. По словам Беланова, ему повезло («Поменялся вымпелом с Марадоной»).

На установке Франц Беккенбауэр призывал игроков

«остального мира» показать красивый футбол, играть в пас, стараться держаться вместе в обороне, подстраховывая друг друга. Называя Беланова в стартовом составе, Беккенбауэр сказал ему:

— Будешь играть опорного полузащитника, но иногда меняйся с Рошто, который должен действовать больше впереди.

— Хорошо,— кивнул головой Игорь, все-таки привыкший в своем клубе и в сборной больше действовать на острие атаки.

— Мастер есть мастер,— мягко улыбаясь, добавил Беккенбауэр.

— Честно говоря, такое даже не ожидал услышать,— рассказывал Беланов. Я много читал о блистательной игре самого Беккенбауэра на чемпионатах мира. Как об игроке, о нем писали: универсальный мастер! И вдруг Франц Беккенбауэр меня тоже называет мастером.

В первом тайме Ринат Дасаев сидел на скамейке запасных. Вот какой он увидел эту 45-минутку:

— Сборная «остального мира» чаще атаковала, и в первом тайме игра складывалась не в пользу американцев. Игорь хоть и выполнял роль опорного полузащитника, но быстро вошел во вкус и в самом начале игры несколько раз опасно атаковал ворота, которые защищал Пумпидо. После одного из ударов Беланова мяч пролетел чуть ли не задев перекладину, и стадион взорвался аплодисментами. Но сразу после этого я заметил, как Игорь начал прихрамывать. На перерыв команды ушли при счете 1:0 в пользу «остального мира». Гол забил англичанин Батчер.

Во втором тайме уже Беланов со скамейки запасных наблюдал за игрой Дасаева, который заменил в воротах голкипера из Северной Ирландии Дженнингса. На 59-й минуте Росси забил в ворота американцев второй гол.

— Кажется, только после этого игра сборной Америки преобразилась,— рассказывал Беланов. Одна атака американцев следует за другой. И в эти минуты все снова увидели великолепную игру Диего Марадоны, который был главным организатором почти всех атак сборной Америки. Техника у Марадоны своеобразная. Не сказал бы, что он скоростной игрок, но за счет своих нестандартных действий производит впечатление довольно быстрого футболиста. Ведет мяч, и его вроде бы качает из стороны в сторону, а защитники теряются, не зная, в какую сторону его «качнет», куда он ринется в обводку. И главное, что в это время он легко держит мяч на контроле. Здорово в воротах играл Дасаев, но даже он был не в силах отразить мощные удары парагвайца Кабаньяса и Марадоны, сравнявших счет в последние десять минут игры. Итак, в основное

время ничья — 2:2. А в серии послематчевых пенальти точнее была сборная Америки — 4:3. Я рад был за Рината, который ровно отыграл весь тайм, а во время серии послематчевых одиннадцатиметровых отразил один пенальти. Американские газеты писали, что Дасаев был одним из лучших на поле.

Когда Беланов возвратился в Киев, расспрашивая его об игре в Пасадене, я поинтересовался личными ощущениями Игоря. Спросил:

— Как себя чувствовали среди звезд, впервые в жизни попав в их компанию?

— Честно говоря, я даже удивился, что у меня не было, как мы говорим, никакого мандража,— спокойно ответил Беланов. Страшно пожалел, конечно, что подвела травма. Они играли в линию — столько пространства! Чувствовал, что мог бы выскакивать один на один, но ускоряться уже из-за боли боялся. А вот чтобы какого-то волнения или переживания, боязни ошибиться — нет, этого не было.

— Может быть, сыграл свою роль опыт участия в чемпионате мира?

— Может быть. Во всяком случае, я бы не сказал, что все они прямо-таки суперзвезды, перед которыми надо шляпу снимать. Хорошие футболисты, но у каждого есть свои недостатки.

— Но чем же все-таки, на ваш взгляд, они отличаются от ваших партнеров по клубу и сборной? — допытывался я.

— Поверьте мне, наши ребята не слабее! — воскликнул Игорь. Саша Заваров, Вася Рац, Паша Яковенко... Да, впрочем, могу назвать еще многих, которые по своим чисто футбольным игровым качествам ни в чем не уступают зарубежным звездам, а по многим компонентам игры даже превосходят их. Просто на Западе им дают хорошую рекламу — вот они и звезды.

Слушал я Беланова и невольно вспоминал рассказ Олега Блохина, который за семь лет до игры Беланова в Пасадене сыграл в Дортмунде свой первый матч в составе сборной мира против «Боруссии». Блохин признался, что, улетая в ФРГ, чувствовал «неприятный холодок и какую-то скованность». Нашему популярному форварду предстояло выйти на поле в составе «гуманных звезд» (так именовали сборную мира, поскольку и тогда весь сбор от игры шел в детский фонд ООН — ЮНИСЕФ), и он немного нервничал: получится ли у него игра в одной команде со звездами? Блохин рассказывал:

«Я пытался избавиться от скованности, но... Психология в спорте вещь серьезная. „Корой" я убеждал себя, что могу сыграть не хуже, чем приглашенные в сборную именитости, но „подкорка", видимо, брала свое: на протяжении двух десятков лет

футбольной жизни я только и слышал о необыкновенной силе профессиональных клубов и их звезд».

После этого Блохин довольно часто играл в составах сборных команд мира и Европы в честь уходящих звезд. А 28 июня 1989 года в Киеве состоялся прощальный матч-бенефис уже самого Олега. На поле Республиканского стадиона в присутствии 100 тысяч зрителей сборная СССР сыграла против сборной звезд мира (3:3). Это событие явилось признанием заслуг подлинно выдающегося советского форварда. Не раз пребывая среди мировых асов, Блохин давно понял то же, что и Беланов в Пасадене: «Наши не хуже!» В 1982 году, в бурном потоке критики по поводу слабой игры нашей сборной на чемпионате мира в Испании Блохину «досталось», пожалуй, больше всех остальных. У читателей даже могло сложиться впечатление, что он и есть основной виновник всех неудач нашей сборной. Но не прошло и месяца со дня окончания чемпионата мира в Испании, и именно Олега пригласили в Нью-Йорк для участия в матче под эгидой ФИФА: сборная Европы — против сборной «остального мира». Блохин вышел на поле в одной команде с десятью другими футбольными звездами континента: Зоффом, Кролом, Пеццайем, Стойковичем, Коэльо, Беккенбауэром, Антониони, Тарделли, Росси и Бонеком. Специалисты футбола и пресса США очень высоко оценили игру Блохина.

Потом прямо из Нью-Йорка, не заезжая домой, Олег вылетел в Испанию, где в городе Ля-Корунья в составе киевского «Динамо» участвовал в представительном международном турнире. Киевляне завоевали главный приз — Кубок «Терезы Эрреры», а Блохина назвали лучшим игроком турнира в Ля-Корунье и вручили приз — «Золотую бутсу».

Но разве нечто похожее не случалось в истории нашего футбола еще за двадцать лет до испанского чемпионата мира? Бывало и не такое.

Вспомним чемпионат мира 1962 года. Сборная СССР потерпела обидное поражение от сборной Чили — 1:2. И чуть ли не основным виновником проигрыша наши обозреватели считали Льва Яшина.

Яшин запоздал с броском,— писал один из них. Пропускать такие мячи для него непростительно.

Чилийский чемпионат мира,— вторил ему другой,— по всей

вероятности, был у Яшина лебединой песней.

А что же сам Яшин?

Лишь когда мы приземлились дома, я впервые узнал, что чемпионат мира проиграл Яшин,— пишет о себе сам Лев Иванович в книге воспоминаний «Счастье трудных побед». Уже ничто не могло удовлетворить трибуны, мстившие главному виновнику поражения сборной. И однажды, не выдержав, я сказал старшему тренеру «Динамо» Александру Семеновичу Пономареву: «Больше играть не буду!»

Но Яшин остался. А меньше чем через год после своего чилийского «фиаско» он был приглашен в состав сборной мира и блестяще сыграл на «Уэмбли» в «Матче века», посвященном 100-летию английского футбола. Между прочим, тренер ФИФА Фернандо Риера, поставивший Яшина в ворота сборной мира, касаясь встречи СССР — Чили, сказал о выступлении советского вратаря в том злополучном для него матче:

— Яшин играл безупречно, и два мяча, которые он пропустил, не взял бы никакой другой вратарь.

Уместно напомнить, что в том же 1963 году, когда состоялся «Матч века», Яшину — первому из советских футболистов! — был присужден «Золотой мяч».

Грустно и больно (даже сегодня) читать такие, к примеру, строки из воспоминаний Льва Ивановича Яшина, обаятельного и мужественного человека, которому жизнь уготовила нелегкие испытания:

...Лишь известие, что я признан за рубежом, заставило журналистов и публику окончательно «реабилитировать» меня дома.

В ноябре 1986 года в знаменитом парижском варьете «Лидо» состоялась торжественная церемония вручения очень престижных в Европе призов, учрежденных еженедельником «Франс футбол» и фирмой «Адидас». Нашему Олегу Протасову первому из советских бомбардиров была вручена «Серебряная бутса».

— Побывав в Париже на торжестве, в котором участвовали

футбольные знаменитости, я лишний раз смог убедиться, какой огромный интерес вызывает в Европе советский футбол,— рассказывал Протасов.

«Серебряную бутсу» ему вручил известный в прошлом французский футболист Роже Пьянтони. Он попросил советских журналистов обязательно передать привет Игорю Нетто и Льву Яшину, с которыми он встречался на футбольном поле.

В свое время в футбольном мире гремело имя форварда мюнхенской «Баварии» и сборной ФРГ Герда Мюллера, появление которого на поле повергало в ужас вратарей, приводило в восторг зрителей. Команды, в составе которых он выступал, праздновали одну победу за другой. С ними он становился чемпионом мира и Европы, победителем Кубка европейских чемпионов и чемпионом страны. «Мое призвание — забивать мячи»,— любил говорить о себе Мюллер.

Но вот встретились в первом матче за Суперкубок-75 киевское «Динамо» и мюнхенская «Бавария». На Олимпийском стадионе, на том самом футбольном поле, где многие игроки «Баварии» в составе сборной ФРГ выиграли труднейший финал X чемпионата мира, шла упорнейшая борьба. Напомним, что победа в том матче досталась киевлянам со счетом 1:0 (гол-красавец забил Олег Блохин). По единодушному мнению западногерманских обозревателей, «не повезло» в этом матче Мюллеру, который так и не смог ни разу создать реальной угрозы воротам «Динамо». Дело в том, что опеку звезды мирового футбола тренеры киевлян поручили великолепному защитнику Стефану Решко. И сделал это он по всем правилам высшего футбольного искусства, начисто переиграв всемирно известного бомбардира. А еще за год до этого динамовцы в матче 1/8 финала розыгрыша Кубка кубков встретились на «Лесном стадионе» во Франкфурте-на-Майне с фаворитом чемпионата ФРГ «Айнтрахтом». В этом матче Решко была поручена персональная опека 28-летнего Хельценбайна, который тоже, как и Герд Мюллер, был игроком сборной ФРГ, чемпионом мира 1974 года. И против этой звезды Решко сыграл блестяще. Поединок закончился в пользу «Динамо» — 3:2. Западногерманская пресса, комментируя игру «Айнтрахт» — «Динамо», констатировала как бы полное отсутствие в этом матче Хельценбайна, потому что Решко «спрятал его от зрителей».

В памяти наших любителей футбола навсегда запечатлелась мягкая и надежная манера игры Стефана Решко, пришедшего в киевское «Динамо» из «Черноморца». В первый же свой «киевский» сезон он провел на поле в основном составе все 30 матчей чемпионата страны. И кажется, ни в одной игре его

партнеры на поле не видели Стефана растерянным. Уравновешенный, расчетливый, техничный футболист, он умел отдавать поединку на футбольном поле всего себя. До конца! Мне всегда нравилось беседовать со Стефаном, который профессионально грамотно и довольно просто объяснял любые сложные коллизии футбольной игры. А много ли у нас в свое время писали о Стефане, великолепном защитнике киевского «Динамо» и сборной СССР? О том, как он своей надежной мастерской игрой «прятал от зрителей» не только звезд западногерманского футбола, но и других маститых форвардов, которых хорошо знал весь футбольный мир? Увы, никаких публикаций, сколько-нибудь достойных яркой биографии, сложившейся в большом футболе у заслуженного мастера спорта Стефана Решко, вы не найдете. А вот о тех, кого он «прятал» в игре, в нашей прессе было написано предостаточно.

Когда в групповом турнире мексиканского чемпионата мира наша сборная сыграла с французами вничью, некоторые их звезды, обладавшие в то время титулами чемпионов Европы, признались журналистам, что побаивались сборной СССР и были довольны результатом — 1:1.

Ален Жирес так и сказал:

— Да, я этой игры страшился. Случилось такое со мной впервые. Да и как себя будешь чувствовать, когда такую сильную команду, как венгерская, буквально растерзали. Теперь, к счастью, страхи позади.

— Я удовлетворен результатом,— говорил капитан французской сборной Мишель Платини,— и для меня это был лучший матч за последние полгода. Советская сборная — серьезный соперник.

Футбольный коллектив — это люди. Тренеры, врачи, массажисты, научные консультанты. И, разумеется, футболисты. Все они очень разные по характерам, взглядам, интеллекту, вкусам, образованию, наконец, по возрасту и профессиональной технико-тактической подготовке, с которой игроки приходят в команду и которую там совершенствуют. Нет, не гладко и не просто складывалась судьба у «Динамо» и у каждого отдельного его футболиста. Познакомившись с некоторыми игроками поближе, вы сами убедитесь в том, каким тернистым бывает путь к пьедесталу, как трудно удержаться наверху.

С первых дней восемьдесят седьмого года имя форварда киевского «Динамо» и сборной страны Игоря Беланова не сходило со страниц европейской прессы. Шутка ли, ведь «Золотой мяч» он «отобрал» у самого Мишеля Платини, который владел этим почетным призом три года кряду! Причем победу советского

футболиста в традиционном референдуме самого популярного в футбольном мире еженедельника «Франс футбол» журналисты назвали «чистой»: Беланов набрал 84 очка и на 22 очка опередил форварда сборной Англии и испанской «Барселоны» Гарри Линекера — лучшего бомбардира XIII чемпионата мира.

Для самого Беланова весть о том, что именно он стал лауреатом «Золотого мяча», в общем-то, не была неожиданной. Дело в том, что еще в начале декабря 1986 года в Киев приезжали репортеры из еженедельника «Франс футбол». Они фотографировали Игоря во время заключительного матча 49-го чемпионата страны, когда динамовцы столицы Украины встречались со своими московскими одноклубниками. Французские журналисты беседовали с ним на следующий после игры день, не скрывали, что Беланов лидирует в их традиционном референдуме и по очкам опережает Линекера, а также игрока сборной Испании и мадридского «Реала» Эмилио Бутрагеньо. Покидая Киев, гости из Парижа пообещали Беланову сообщить об окончательных итогах конкурса еще до выхода в свет предновогоднего номера «Франс футбола», в котором по традиции публикуются результаты референдума. И сдержали слово: позвонили в Одессу, где Беланов в родительском доме проводил отпуск. Как раз вся семья была в сборе, и первую радость разделили с футболистом близкие ему люди — мать, отчим, жена. Даже дочурка Кристина, которой в те дни минул год, увидев, как ликуют взрослые, захлопала в ладоши.

А как воспринял свою победу сам новый лауреат «Золотого мяча»? Когда мы вскоре встретились, мне показалось, что он скорее озабочен, чем обрадован. Спросил его об этом. А Игорь со свойственной ему прямотой и не стал скрывать.

— Вы правы,— сказал он. Когда узнал, что «Золотой мяч» присудили мне, сразу испытал, пожалуй, больше озабоченности, чем восторга. Первые мысли были о команде, о ребятах. И закралось в душу сомнение: а имею ли я моральное право называться лучшим футболистом Европы, могу ли, играя в таком сильном коллективе, лично владеть «Золотым мячом»?

— И что же вы себе ответили?

— Ты одессит, Игорь,— сказал я себе. А это значит, все должен воспринимать с юмором. Твердо для себя решил не придавать особого значения этому референдуму журналистов. Понимал, что слишком уж в прессе расписали мои достоинства.

— А если бы вы были журналистом и приняли участие в конкурсе, кого бы сами поставили на первое место?

— Сашу Заварова! Я очень обрадовался, когда узнал, что по итогам сезона-86 его назвали лучшим футболистом Советского

Союза. Это справедливо. Считаю его лучшим игроком не только в нашем клубе или в стране, но и в Европе. У меня, например, нет такого фантастического дриблинга, как у Саши. А пас! Играть с ним рядом — удовольствие.

— В различных матчах минувшего сезона в составе сборной страны и киевского «Динамо» вы забили немало красивых голов. Какой вам лучше запомнился?

— Если откровенно, то я чаще вспоминаю гол, который не забил. Это было на чемпионате мира в Мексике в том злополучном для нас матче против сборной Бельгии. Вася Рац мне отлично выложил мяч под удар. Я бил головой. Казалось, точно в ворота, но мяч попал в штангу. Обидно было до слез. Стал бы счет 2:0, и, возможно, игра сложилась бы по-иному.

Слушал его, а сам думал: могла ли сложиться по-иному футбольная судьба обладателя «Золотого мяча»?

Киев. Январский день 1985 года. На заснеженном поле стадиона «Спартак» проходит двухсторонняя тренировочная игра футболистов киевского «Динамо». Поеживаясь от холода, небольшая группа болельщиков внимательно следит за необычным матчем: основной состав играет вперемешку с дублерами. Завсегдатаи стадионных трибун в тот морозный день, помнится, терялись в догадках: кто есть кто? То и дело переспрашивали друг друга: «А этот, небольшого росточка, кто такой?» «А вон того худенького откуда взяли?» После двух подряд прямо-таки провалов киевского «Динамо» в чемпионатах страны почитателям команды не терпелось предугадать, что ждет их любимый клуб в предстоящем сезоне. И болельщики, толпившиеся у заснеженного поля, с легким удивлением (а может быть, и с тревогой?) присматривались к вчерашним дублерам и новичкам из низших лиг нашего необъятного футбольного хозяйства. Первым из значительных «приобретений» в списке «Динамо»-85 фигурировал нападающий Игорь Беланов из «Черноморца»: все-таки, выступая в основном составе одесского клуба высшей лиги, он забил 26 голов.

Те, кто мысленно поставил одессита во главе списка, не ошиблись. Первый же свой сезон в знаменитой команде Беланов вместе с динамовцами отметил золотой медалью чемпионата страны и званием победителя в Кубке СССР! А ведь триумфальный дубль — явление редкое. До этого динамовцы Киева подобного успеха добивались только дважды — в 1966 и 1974 годах. Но награды наградами, а такое зрелище, как футбол, тем и замечательно, что команда и отдельные ее игроки получают признание зрителей (и специалистов) не только за добытые ими медали да призы. Не менее важный критерий оценки достоинств

футболиста или команды — сама игра. И, как мы уже об этом говорили, в первый свой «хрустально-золотой» сезон Беланов как бы выпал из поля зрения и для многих ценителей почему-то не стал особо заметной фигурой в нашем футболе. А буквально через полгода, как вы об этом тоже уже знаете, имя Беланова стало известно всему футбольному миру.

Между прочим, когда в пресс-центре XIII мирового чемпионата был распространен список лучших игроков мира, и фамилия Беланова появилась в числе звезд мирового футбола, об Игоре писали: «Его отличают реактивная скорость, неплохой дриблинг, мощные удары с обеих ног».

— Игорь, как вы восприняли сообщение о том, что попали в символическую сборную мира? — спросил я Беланова.

— Мне наши ребята сказали, динамовцы, когда мы уже были на своей базе в Конча-Заспе. Они по радио об этом услышали. Я не поверил. Думал, разыгрывают. «Почему я? — мелькнула мысль. Не может быть такого!» И сразу об этом забыл. А на следующий день, когда просматривал свежие газеты, вдруг увидел свою фамилию в составе символической сборной мира и, признаться, даже немного удивился: столько замечательных футболистов было в Мексике, и вдруг я среди звезд.

Примечательно, что Дасаев и Беланов в канун Нового года были включены и в символическую сборную мира, которую определила итальянская «Гадзетта делло спорт». Причем это не были «новогодние забавы» журналистов. Авторами состава команды были известные в мире тренеры: Билардо и Менотти (Аргентина), Дерваль (ФРГ), Идальго (Франция), Беарзот (Италия), Михелс (Голландия). Накануне каждому из них было предложено по пять кандидатов на ту или иную позицию, и специалисты проставляли номера — от первого до пятого. Тот футболист, у которого показатели были выше, и попадаа в сборную мира-86. К примеру, на позицию ударного форварда вместе с Белановым претендовали такие звезды, как испанец Бутрагеньо, итальянец Альтобелли, датчанин Лаудруп, аргентинец Вальдано. И в этой авторитетной компании Беланов набрал высоких мест больше всех.

Игорь пришел в футбол, пожалуй, как все мальчишки, которые родились и выросли в Одессе на Молдаванке. Играл за свой двор, потом за родную улицу Комитетскую. Мать не очень-то одобряла увлечение сына («В школе троек больше, чем четверок, а ноги побьет и ботинок не напасешься!»). Но отец, человек мягкий и добродушный, футбол очень любил. Казалось, он даже радовался, что сынишка так увлекается именно этим видом спорта. Однажды сам и привел Игоря в специализированную

школу футболистов, которая была организована при команде мастеров одесского «Черноморца». Но как же Иван Радионович Беланов злился, когда после просмотра, устроенного для желающих поступить в школу, его Игоря «забраковали».

— А может быть, и хорошо, что так получилось,— вспоминает о том случае Игорь Беланов. Ведь часто родители чуть ли не насильно толкают своих детей в спортивные школы сызмальства, а ребята к этому еще не готовы, и бывает, что так себя и не находят.

«Искать себя» он снова стал в мальчишеских играх. Играл во всех командах, которые его принимали в свой состав,— за двор, за улицу, за школу. Но чаще всего — за юношеские команды «Локомотива», на стадионе которого он пропадал почти все свободное время. Так продолжалось несколько лет. Пока на каких-то городских соревнованиях Игоря не приметили специалисты из той самой школы «Черноморца», в которую его раньше не приняли. Теперь пригласили сами. Его первым тренером в этой школе стал мастер спорта Эдуард Иванович Масловский.

— Прекрасный человек,— сказал о своем первом наставнике Беланов. Очень много мне помогал. Впрочем, не только мне, но и всем своим ученикам, которых любил, наверное, так же крепко, как и футбол.

Поскольку я тоже родился и вырос в Одессе, Масловского хорошо помнил по играм 60-х годов. Он тогда выступал на левом краю защиты в составе одесского СКА. Отличался надежной игрой в обороне и смелыми рейдами к воротам соперников.

— Каким вам вспоминается ваш теперь уже знаменитый подопечный? — спросил я Масловского, когда мы встретились летом в Одессе после мексиканского чемпионата мира, на котором Беланов стал самым результативным форвардом сборной СССР.

— Был, пожалуй, как все дети,— сказал Эдуард Иванович. Ничем особым не отличался. Разве что чуть большей, чем у других ребят, настойчивостью. Трудно ему приходилось: учился в ПТУ, в вечерней общеобразовательной школе и в нашей футбольной. Мальчиком он был очень веселым и озорным. Но случившееся в их семье горе его словно бы подменило. Стал не по годам серьезным и замкнутым.

Ту жуткую ночь Игорь часто вспоминает как сплошной кошмарный сон. Его разбудила мать. Он еще не видел ее такой растерянной. Мама подсела к нему на кровать, крепко обняла сына, и он почувствовал, как она вся дрожит. По ее щекам текли слезы.

— Что же мы теперь будем делать, сынок,— почти шепотом причитала Ниониля Вениаминовна, еще крепче прижимая к себе Игоря. Горе-то какое, горе... Нет больше нашего папочки.

Отец был настоящий глава семьи. О таких говорят, что на нем дом держится. И руки у него были мастеровые, умелые во всем. Работал водителем на автобазе, где его очень уважали, но и вне ее не расставался с техникой: имел свой мотороллер, потом сменил его на мотоцикл. А беда случилась из-за чьей-то халатности. Ночью Иван Радионович возвращался с работы на мотоцикле. На трассе стоял МАЗ с выключенными фарами. На полной скорости мотоциклист в него и врезался. Случилось это на Пересыпи.

— Я видел, как тяжело было матери,— вспоминал о днях детства и юности Беланов. Впрочем, и мне было несладко. Учился тогда в 25-м строительном училище, что в поселке Котовского. Далековато приходилось ездить. А еще учеба в вечерней школе. Плюс футбол, который забирал все остальное время. После окончания училища пошел работать каменщиком-монтажником. Трудновато пришлось. Но зато сколько было радости, когда принес матери первую зарплату — 180 рублей!

— Любопытно, как в сравнении с трудом каменщика вы ощущаете свой труд игрока? — спросил я Игоря.

— Бывает, что только после одного дня трехразовых тренировок чувствуешь себя так же, как после трудовой недели работы каменщиком.

Прибавьте к этому всевозможные травмы. Разумеется, каждодневные ссадины, синяки и шишки не в счет. Но вот только в минувшем сезоне у игроков киевского «Динамо» было девять сложных переломов. А моральные перегрузки — жизнь вне семьи! Примерно по 330 (или что-то около этого) дней в году! Когда подошло время срочной службы в армии, судьба вновь свела Игоря с его первым наставником: Беланов попал в одесский СКА, а Масловский в те годы был уже тренером этой команды. В пору игры в составе армейцев Одессы за молодым форвардом чуть ли не закрепился ярлык «всадник без головы». А сам Игорь, носивший футболку с номером десять, помнит, как его за слишком прямолинейные набеги поддразнивали: «Шел трамвай десятый номер...» Но ведь кроме скорости у этого паренька были тогда, вероятно, и другие, не менее ценные, качества, которые и помогли стать подлинным мастером футбола. Какие же именно?

Вот что на этот вопрос ответил Эдуард Масловский: На тренировках и в игре он действовал с полной отдачей сил. Не щадил себя. А матчи были для нас порой очень трудными. Особенно на футбольных полях Средней Азии. Но я не припомню

случая, чтобы в игре Игорь где-то мог убежать от борьбы. Правда, это вовсе не значит, что он всегда побеждал в жестких единоборствах. Напротив, порой отлетал от соперников, словно мячик,— для нападающего он ведь легонький. Но перед трудностями не пасовал. На него всегда можно было положиться и быть уверенным, что не подведет. Чистоплотный парень. И на футбольном поле, и в жизни. И цели перед собой, наверное, всегда ставил высокие. Однажды я даже удивился, услышав, как Игорь вполне серьезно кому-то из товарищей по армейскому клубу сказал: «Все равно буду играть в сборной!»

Когда Беланов заканчивал службу в армии, ему посыпались заманчивые предложения, ибо в первой лиге он уже вполне созрел как игрок, готовый шагнуть на следующую ступень. Его просто трудно было не заметить. В этот период присматривались к Игорю и селекционеры киевского «Динамо». Даже приглашали в Киев. Но, демобилизовавшись из армии, Беланов предпочел остаться в Одессе и играть в «Черноморце».

В те голы это была интересная команла. Ее наставник Виктор Прокопенко, сам не так давно игравший в нападении одесского клуба, сумел создать в коллективе хороший, творческий микроклимат. Помню, как однажды научный сотрудник кафедры психологии Одесского госуниверситета В. Подольский, работавший с «Черноморцем» в качестве психолога, рассказывал о старшем тренере:

— Я уже давно собираю материал для монографии «Психология футболиста». Есть у меня тема «Тренеры». Так вот Прокопенко, по моим наблюдениям, исповедует свою концепцию управления футбольной командой. Он яркий представитель своей профессии. Это демократичный тип руководителя, который в коллективе помогает развиваться личности.

Примечательно, что именно в этот период в «Черноморце» происходило возмужание и становление характера футболиста Беланова. Его снова пригласили в Киев, куда он явно не торопился.

— С переездом в Киев я действительно не спешил, хотя приглашали меня дважды,— рассказывал Беланов. Принял только третье предложение, когда поиграл уже в высшей лиге в основном составе «Черноморца». Оказалось, что это к лучшему. Я окреп, почувствовал, что такое высшая лига, и, наконец, решил: киевское «Динамо» — мой шанс. Правда, тогда только и слышал от приятелей: «Куда ты собрался?! Там же — имена! Посмотри на себя, с твоей-то выносливостью о киевском „Динамо" и думать нечего». Наверное, эти разговоры только помогли мне. Я разозлился. Понимал, конечно, что разница есть, но уверен был,

что смогу.

В свой первый киевский сезон, повторюсь, Беланов не стал заметной фигурой в нашем футболе. Он сверкнул яркой звездочкой фактически в одном матче в Киеве, когда динамовцы в первом круге принимали московский «Спартак».

К бомбардирам, забившим голы вратарю московского «Спартака» и сборной страны Ринату Дасаеву, волей-неволей возникало особое расположение. Неслучайно именно после этой игры Беланова пригласили в сборную страны.

Он дебютировал в ее составе в Лужниках. Вышел на замену за пятнадцать минут до конца игры со сборной Швейцарии. А в отборочном матче чемпионата мира против сборной Дании Беланова поставили уже в основной состав. Но ту встречу сборная СССР проиграла со счетом 2:4. И вот парадокс: проиграла-то команда, а досталось за все, пожалуй, одному Беланову. Игорь вспоминает об этом с незабытым еще чувством обиды:

— На собрании команды Эдуард Васильевич Малофеев учинил настоящий разнос. Сказал даже, что играть «вдесятером» было сложно. (Подразумевалось, что я вообще отсутствовал на поле.) Обвинил меня в трусости. Не знаю, может ли в таком тоне тренер сборной говорить с игроком.

Игорь, очевидно, прав. Устраивать разнос одному игроку, когда проиграла команда,— такое не делает чести тренеру сборной. Хотя в этой ситуации в какой-то степени можно понять и Малофеева. Вероятно, после игры с датчанами он злился не столько на Беланова, который его «подвел», сколько сам на себя за то, что все-таки согласился включить этого игрока в сборную. Откуда у меня такое предположение? Оно возникло после одного интервью начальника Управления футбола Госкомспорта СССР В. Колоскова, когда мы узнали, что руководители сборной ввели в ее состав Беланова чуть ли не под нажимом, а не по собственной воле.

— Кстати, что касается Игоря Беланова, то главный тренерский совет уже давно и весьма настойчиво рекомендовал прежнему руководству сборной присмотреться к этому нападающему,— говорил Колосков в том интервью. Но нам неизменно отвечали, что он будто бы не соответствует современным требованиям и в довершение всего лишен бойцовских качеств.

Представляете, с каким настроением возвратился Беланов в Киев после неудачной игры главной команды страны против сборной Дании. Партнеры по клубу и сборной Анатолий Демьяненко и Сергей Балтача как могли успокаивали дебютанта. Но слова товарищей служили слабым утешением. Неудачный

дебют в сборной морально надломил Беланова. До конца сезона он и в «Динамо» показывал не очень-то ровную игру.

А Лобановский продолжал в него верить. И это не журналистский штамп, а действительность.

— Для Беланова киевское «Динамо» — новый коллектив,— говорил мне старший тренер киевлян в июле восемьдесят пятого. Иные требования, совершенно новая для него программа подготовки. Нужно время для того, чтобы как следует адаптироваться. Мы верим в этого футболиста, и, думаю, настанет время, когда он снова выйдет на стабильно высокий уровень игры.

Игорь Беланов возвратился в сборную Советского Союза уже вместе с ее новым главным тренером. За три недели до старта XIII чемпионата мира.

— Я во многом обязан Валерию Васильевичу Лобановскому,— рассказывал мне Беланов, когда мы встретились после его возвращения из Мексики. Он помог мне раскрыться. У этого тренера нет любимчиков. Он со всеми одинаков — жесткий и требовательный. Поэтому-то футболист у него просто растет на глазах. Возьмите, к примеру, Ваню Яремчука, Васю Раца или Пашу Яковенко. Кто они? Футбольные дарования? Яркие таланты? Конечно, теперь это так, но почему же еще полтора-два года назад о них никто всерьез не говорил? Да и по себе чувствую. Я никогда не думал раньше, что смогу так играть в футбол. Бегать два тайма, совершать рывки, атаковать и помогать защите. И главное — где? На чемпионате мира, в условиях жары и высокогорья.

Я напомнил Игорю о самой драматической для нашей сборной игре в Мексике:

— Представляю, как лично вам было обидно уходить с поля после поражения от бельгийцев. Вы-то забили в ворота Пфаффа три гола и стали подлинным героем проигранного командой матча! И после финального свистка арбитра вы, как я узнал из репортажа в «Комсомолке», упали на траву и заплакали. Верно ли это?

— Так и было. Рыдал и, кажется, первый раз в жизни не скрывал своих слез. Но из Мексики мы все же уезжали без особой горечи. После игры с Бельгией Лобановский собрал команду, и я в точности запомнил его слова. «На этом футбол для вас не кончается,— говорил Валерий Васильевич. Вы молодые, и основные игры у вас впереди. Кто бы ни был тренером сборной, вам нужно думать о будущем, нужно готовить себя к чемпионату Европы, к новым серьезным испытаниям. Это главное».

В конце сезона-86 многие из тех журналистов, которые еще

год назад в референдуме еженедельника «Футбол — Хоккей» даже не упоминали фамилии Беланова в своих анкетах, теперь называли его в числе лучших футболистов страны. Заговорили о нем и в европейской прессе. «Франс футбол» на своей суперобложке поместил фотографию: Игорь Беланов рвется в атаку. А на развороте этого номера — рассказ о новом обладателе «Золотого мяча» под броским заголовком: «Наследник Яшина и брат Блохина».

В тот день, когда киевские динамовцы, победив своих московских одноклубников, в двенадцатый раз завоевали золотые медали чемпионов страны по футболу, в ложе прессы Республиканского стадиона в Киеве я разговаривал с тогдашним заместителем главного редактора еженедельника «Франс футбол» Дени Шевье.

— Надеюсь, что приезжаю в Советский Союз не в последний раз,— сказал Шевье. Ваш футбол становится все более популярным в Европе и, в частности, во Франции. Сборная СССР — одна из сильнейших команд мира. И неслучайно в нашем традиционном референдуме на звание лучшего футболиста Европы, которому мы вручаем «Золотой мяч», вместе со звездами европейского футбола — такими как Бутрагеньо, Линекер, Альтобелли, Тигана, в анкетах часто встречаются имена киевлян Беланова, Заварова, Яковенко. К слову сказать, Беланов стал всеобщим любимцем во Франции.

— А когда же, интересно, Беланов успел стать популярным у вас в стране? После победы сборной СССР над вашей командой на «Парк де Пренс» или после чемпионата мира в Мексике, где он забил четыре мяча?

— Да нет, чуть раньше, после Лиона, где ваше «Динамо» блестяще победило «Атлетико» в финале Кубка кубков.

Французское телевидение транслировало матч на всю страну.

Когда в киевском Дворце спорта Беланов вместе с товарищами получал свою вторую золотую медаль чемпиона Советского Союза и мастера искусств давали большое представление в честь динамовцев, я познакомил Игоря с нашим земляком Михаилом Водяным. Потом провожал их в Одессу. А через несколько дней Водяной позвонил мне оттуда.

— Этот наш и ваш обладатель «Золотого мяча» отличный парень,— восторженно говорил актер. Я еще не встречал в своей жизни футболиста, который был бы так скромен, как Игорь. Мне кажется, что он даже не понимает, что с ним произошло. Думаю, от зазнайства Беланов застрахован: как и каждый одессит, он обладает достаточным чувством юмора.

Любопытно, что сам Беланов в одном из своих интервью на

вопрос: «А какие интересные встречи вне футбольного поля подарил лично вам год мексиканского чемпионата мира?» — ответил:

— Представляете, как раз за два дня до нового, 1987, года в киевском Дворце спорта, где нас приветствовали мастера искусств, я познакомился с выдающимся мастером оперетты — своим земляком, народным артистом Советского Союза Михаилом Григорьевичем Водяным. Он мне посоветовал поскорее забыть о своем «высоком положении» обладателя «Золотого мяча» и предостерег, что среди завсегдатаев трибун есть немало таких, которые с удовольствием наблюдают не столько за взлетом своих кумиров, сколько за их падением...

Глава 8. Игра в открытую

В конце октября восемьдесят шестого года мне позвонили из спортивного отдела «Комсомольской правды».

— Хотим предложить вам сделать интервью с Александром Заваровым,— услышал я в трубке знакомый голос. Готовы?

— Сейчас? — удивился я. Ведь сезон еще не закончен...

— Именно сейчас. Этот сезон наиболее яркий для Заварова, и он — один из самых вероятных кандидатов в лучшие футболисты.

— Согласен с вами,— ответил я.

— И вот еще почему: очень много писем! Помните, Колосков во время «прямой линии» о нем сказал несколькими словами, что вот, дескать, пил, а сейчас все нормально.

— Гласность?

— Да, гласность,— услышал я раскатистый смех своего собеседника. Но ведь этот сезон для него действительно — всплеск! Были также звонки в редакцию после игры с «Селтиком». Помните, он там жест сделал некрасивый? Эмоциональный парень. Этакий гусар на футбольном поле! Хорошо бы, чтобы он сам объяснил прошлое. Одним словом, желательно не обходить молчанием «острые углы» в футбольной биографии Заварова. Уж слишком много на эту тему было писем и звонков в «Комсомолку».

— Я от этого разговора не собираюсь уходить, но вы-то ведь понимаете, все зависит от самого Саши.

С Заваровым мы подробно беседовали по телефону поздним вечером. Условились, что наш разговор запишу на магнитофонную ленту, а после расшифровки, быть может, задам еще дополнительные вопросы. Беседа состоялась как раз за сутки до ответного матча киевского «Динамо» с шотландским «Селтиком» в розыгрыше Кубка европейских чемпионов. Кстати сказать, в тот же день почти каждый из шотландцев — будь то тренер, футболист или журналист, у которых мне довелось брать интервью, говорил, что особенно опасается Заварова. Но он уже знал, что не выйдет на поле из-за недолеченной травмы. Вспоминали его фамилию и на послематчевой пресс-конференции. Тренер «Селтика» Дэвид Хей назвал Заварова «самым опасным» игроком в составе «Динамо». И Лобановский, обычно сдержанный в своих оценках, согласившись с шотландским коллегой, сказал в тот вечер: «Личность футболиста, бесспорно, влияет на общую картину на поле. Когда играет Заваров, то тактические принципы команды лучше

реализуются. Сегодня нам Заварова не хватало».

Впрочем, и прежде, и позже пример становления этого игрока как яркой футбольной индивидуальности в команде главный тренер динамовцев приводил не раз, в том числе и в своей книге «Бесконечный матч».

Интервью было опубликовано в «Комсомольской правде» 11 ноября 1986 года под заголовком «Игра в открытую». Здесь же жирным шрифтом были набраны слова: «Наш собеседник — один из претендентов на звание лучшего футболиста года Александр Заваров» — и помещена фотография: Саша в спортивной куртке с гербом СССР на груди.

Приведу отдельные фрагменты этого интервью:

— Давно знаком с вами,— говорю Заварову,— но вы никогда не рассказывали, как пришли в футбол...

— В первом классе. Увидел объявление о наборе в детско-юношескую спортивную школу при ворошиловградской «Заре».

— А свои первые соревнования помните?

— В 1973 году играл в турнире на приз клуба «Кожаный мяч». Это была команда ЖЭКа, учеников ворошиловградской 1-й средней школы, а мы заняли тогда в своей возрастной группе второе место на республиканских соревнованиях.

— И вы, Саша, учились в школе №1?

— Может быть, об этом не будем говорить?

— Думаю, надо. В «Кожаном мяче», где играть ребятам из ДЮСШ запрещено, такое, к сожалению, случается. Мне хотелось бы, чтобы разговор у нас был честным и открытым. Как ваша игра на поле.

— Согласен. Так вот, учился я тогда в 37-й средней школе. А команду 1-й мной, как говорится, «укрепили».

— А когда вы попали в команду мастеров?

— В 1977 году. Йожеф Сабо, тогдашний тренер «Зари», пригласил меня в дублирующий состав. На следующий год меня зачислили в штат команды.

— Выходит, уже почти девять сезонов в большом футболе. Интересно, какой из них считаете для себя самым ярким?

— Конечно, нынешний: победа в Кубке кубков, звание заслуженного мастера спорта. Но мне дорог и 1985 год, когда произошло мое становление как футболиста.

— Любопытно получается. Начали играть в футбол в семь лет, а становление произошло только в двадцать четыре.

— Вы думаете, и об этом надо?

— Думаю, надо. И не только вам или мне. Нужно и тем мальчишкам, которые мечтают стать такими же, как Блохин, Заваров, Беланов.

— Верно. Это поучительная история. Ее стоит вспомнить. В киевское «Динамо» меня приглашали еще в 1979 году, когда мне было восемнадцать. Но я побоялся, что попаду в дубль и буду сидеть на скамейке запасных. Впереди тогда у киевлян играли Блохин, Евтушенко, Слободян. А «Заря» как раз выбыла из высшей лиги. И я, как говорится, «за компанию», перешел с группой ворошиловградских футболистов в ростовский СКА. Сегодня горько вспоминать мои ростовские футбольные годы.

— Не чересчур ли вы сгущаете краски, Саша? Именно в Ростове к вам пришла первая большая победа: вместе с командой вы стали обладателем Кубка СССР.

— «Хрустальный» сезон? А вспоминать его все равно не хочется. И осадок от него горький.

— Ну, видимо, горечь воспоминаний у вас наверняка не от победы в Кубке страны, а от того, что стали пить?

— Да, это правда. Горькая, но правда. И годы эти считаю вычеркнутыми из своей футбольной карьеры. Да что там футбольной — вообще из жизни. К счастью, все это давно уже в прошлом.

— Не пытались разобраться для себя, почему это все-таки произошло?

— Не встречал особого сопротивления со стороны старших. Всегда думал, что как мальчику мне все простят. И прощали. А я этим пользовался. Потом появилась семья. Жена Ольга здорово поддержала в сложные для меня годы.

— Саша, какую черту характера вы в себе цените?

— Думаю, что я все-таки волевой человек, если сумел после всего, что со мной было, подняться и встать на ноги.

Заставил сжать себя в кулак, добиться цели, порвать с дурной привычкой. Так что ценю в себе волю и думаю, что у человека это одно из главных качеств.

— А есть такие черты, которые вам в себе не нравятся?

— Есть, конечно. Излишняя нервозность. Слишком уж я «заводной».

— И на поле?

— И на поле, и в жизни. Порой это мешает в семье.

— Саша, а может быть, без этой «заводки» и не было бы сегодня Заварова-футболиста?

— Может быть.

Прочел я в тот день газету и, по правде говоря, больше огорчился, чем порадовался. Но такова уж журналистская судьба: далеко не все попадает на страницы газеты. Многое, как принято говорить у газетчиков, остается «за рамой», а кое-что сокращается еще в рукописи. Так оно и случилось. И все-таки знакомые

журналисты материал (пусть даже напечатанный с сильными сокращениями) одобрили, и вероятно за то, что наконец-то советский футболист заговорил для печати нормальным человеческим языком, правдиво и задушевно.

Из «Комсомольской правды» мне сообщили, что интервью положительно отмечено редколлегией и попало на «доску лучших материалов», и разьве мог я предположить, что именно из-за этой публикации вскоре буду чуть ли не три недели глотать валидол.

Вечером, в день выхода «Комсомолки» с публикацией материала «Игра в открытую», позвонил Заваров. По голосу я понял, что он очень расстроен.

— Спасибо вам, конечно. Читал я,— сказал Заваров. Но только не пойму: за что же меня избирать лучшим футболистом?

— Послушайте, Саша,— как можно спокойнее сказал я. Вы, конечно же, правы в том, что материал выглядит несколько однобоко. Не моя вина, что его подсократили.

— А мне каково, представляете?! — перебил меня Заваров. В «Кожаном мяче» играл подставной. Потом пил. Дома — нервозность. И где же я в этом интервью хороший?

— Хороший вы уже тем, что имели мужество сказать о себе правду! И, уверен, вас за это еще больше станут уважать.

— Кто? Кому она нужна, такая правда? — в сердцах бросил он.

Почему же публикация в «Комсомолке» так расстроила Заварова? — размышлял я. Напоминание о горьком прошлом? Но ведь Саша сам пошел на откровенный разговор, знал, что он появится в печати (для этого журналист с ним и беседовал). Конечно, подвели меня коллеги, прилично подсократив материал и оставив лишь «негативные» (как считал сам Заваров) места в спортивной биографии претендента на звание лучшего футболиста года. Но только ли в этом дело? Ведь писала когда-то та же «Комсомольская правда» (да и республиканская пресса Украины) в острокритическом плане о Заварове в пору его «нарушений спортивного режима».

Многое прояснилось, когда через день позвонила жена Заварова — Ольга. Говорила она взволнованно, нервно и, в основном, теми же словами, что и накануне Саша («А где же он там хороший?», «Кто же теперь его изберет лучшим футболистом?» и т. д. и т. п.).

Молча и терпеливо я слушал ее, не перебивая. Потом сказал:

— Ольга, но там же все правда.

— А кому она нужна, та правда? — перебила она. Нам все звонят, возмущаются: как это советская пресса могла такое написать о советском футболисте? Вы знаете, что он появился

сегодня на базе, а ему ребята с ухмылочкой и говорят: «Саша, а мы и не знали, что ты был алкоголиком». Вот она, ваша правда.

Она еще долго мне выговаривала, возмущалась («Все они там пьют, а написали только про нас...»). А закончила и вовсе категорично:

— Вы нам больше не звоните и никаких интервью не берите!

Вот оно как все обернулось. После этого звонка и положил под язык первые таблетки валидола, кляня себя за то, что причинил людям своей публикацией боль, обиду, ненужную нервотрепку. Но на Сашу и Олю не сердился. Понимал их. Заваров (с его-то простотой и заводным характером) не смог по-философски мудро относиться к подначкам в команде, где всегда надо держать ухо востро. Ну и «завелся».

Понимал я и Ольгу, которая пеклась о муже, о семье, оберегая их от всяческих неприятностей. А тут вдруг («на нашу голову») интервью и звонки всякого рода «доброжелателей».

Но, как оказалось, телефонные звонки Саши и Оли мне — это были лишь «цветочки» во всей этой истории. А с первыми «ягодками» столкнулся буквально через пару дней после опубликования интервью. Произошло это прямо во дворике стадиона накануне календарного матча киевского «Динамо» с харьковским «Металлистом».

— Что вы там пишете?! — с ходу налетел на меня один спортивный начальник республиканского масштаба. Это же безобразие — позволить такое печатать о советском футболисте.

Не очень-то хотелось вступать с ним в полемику. Тем более что нас уже стали обступать завсегдатаи стадионного дворика. Да и разговаривал он рыком, довольно громко и грубо. Брань вылетала, как говорится, что на выдохе, что на вдохе.

— Да я, б..., за неделю выпил больше, чем этот пацан за всю свою жизнь. Вы об этом тоже напишете?

Вот тут он был искренен. Мне динамовцы рассказывали, что такое он смог себе позволить, даже будучи однажды руководителем их футбольной делегации за рубежом («Мы в одиннадцать утра спускаемся на тренировку, а он в холле сидит уже „пополам"»).

— Нет, о вас писать не буду,— как можно спокойнее отвечал я. Вами читатели не интересуются.

Тут он не на шутку вскипел и заговорил еще громче:

— Этим, б..., своим интервью вы нанесли удар не только Заварову или киевскому «Динамо», а всему украинскому футболу!

Один из спортивных работников, вероятно желая подыграть начальству, а может быть, просто из собственной убежденности, протянул мне руку со словами:

— Могу с вами заключить пари на все что угодно: теперь Заварова ни в жизни не сделают лучшим футболистом года! Вы ему перекрыли кислород.

— Вы что, с Заваровым пили? — почувствовав поддержку, еще больше распалился спортивный начальник. Можете это доказать? Кто, б..., докажет? Значит, клевета.

— Зачем доказывать то, что известно самому Заварову? — сказал я. Он ведь сам об этом говорит. Смело и открыто, как Раймонд Паулс, который сказал об этом же честно на всю страну — по телевидению.

— Да что вы мне со своим Паулюсом голову морочите. Его, наверное, снимали скрытой камерой такие же, б..., жуки, как вы. И кто знает вашего Паулюса?! А Сашу Заварова знает вся Европа! Весь мир!

После игры Лобановский, выйдя из раздевалки, с ухмылочкой произнес:

— Как же так можно, Дэви? Вы бы еще написали, что Заваров вступил в общество борьбы за трезвость, и все было бы понятно.

Вокруг послышались смешки.

— Вы читали интервью? — спросил я его.

— Нет, не успел еще,— ответил он. Но мне только что в раздевалке прочел выдержки...

И он назвал по имени и отчеству того самого человека, который еще до игры учинил мне «разнос».

— Это непрофессионально! — нарочито громко, чтобы услышал не только Лобановский, но и те; кто хихикал за его спиной, сказал я.

— Что? — Он сразу переменился в лице, и улыбку как ветром сдуло.

— Непрофессионально судить об интервью по отрывкам, не прочитав его полностью самому,— отчеканил я.

Во время следующего матча, как раз в тот день, когда динамовцы Киева на своем поле проиграли «Жальгирису» (0:3), я почувствовал явно странное к себе отношение со стороны некоторых коллег. Одни журналисты, глядя в мою сторону, как-то загадочно улыбались, другие здоровались довольно сдержанно, с явно соболезнующим видом. Что-то произошло. Но что? И тут один приятель из типографии, завсегдатай ложи прессы, протянул мне газету «Молодь Укріни» за 16 ноября. Осторожно спросил: «Читали?» В этом номере было опубликовано интервью с Заваровым. В нем не было ничего необычного. За исключением одного вопроса, а точнее — ответа на него. Приведу этот фрагмент полностью (в дословном переводе с украинского языка).

— Разные игроки, разные характеры. А какие качества ты ценишь в человеке?

— Честность. Если на футбольном поле — то корректную спортивную борьбу. В жизни — честное отношение, прежде всего к своим поступкам. Совсем недавно я получил, без преувеличения, тяжелую моральную травму. Мне позвонил один журналист и попросил дать интервью. Старательно ответил на все его вопросы. Когда же прочитал это интервью в одной из газет, мягко говоря, удивился. Это были не мои ответы. Большинство фактов или выдуманные, или перекрученные, причем в неприятном для меня свете. Очень переживал из-за такого «интервью», стыдно было перед родными, друзьями. Не знаю законов журналистской этики, но уверен, что они не расходятся с общечеловеческими. Я с уважением отношусь к журналистам, понимаю, что они делают нужное и полезное дело, пропагандируя мою любимую игру, и очень жаль, что один из них оказался не очень честным. Пожалуй, вам неприятно слушать такое о своем коллеге, но замалчивать этот факт тоже нельзя.

В нашей беседе возникла пауза. Александр, взволнованный неприятными воспоминаниями, пребывал в нервном напряжении. Мне тоже было неловко потому, что знаю Заварова с детства и, естественно, читал упомянутое интервью.

А еще через несколько дней в редакцию «Комсомольской правды» из Киева пришло письмо, в котором были фотокопия интервью с Заваровым в газете «Молодь України» и русский его перевод. Примечательно, что такие же «документы» были посланы и в высокие инстанции, а к ним были приложены письма «доброжелателей» с требованиями: «Запретить Аркадьеву писать! Прекратить его печатать!»

Как на это реагировали в «Комсомольской правде»? Никак. Дело в том, что в редакции к этому времени уже была магнитофонная кассета нашей с Заваровым беседы, и сотрудникам «Комсомолки» нетрудно было понять, кого и куда заводят страсти, замешанные на местном ура-патриотизме.

Как к этой истории отнеслись в самой команде? По-разному. Одни одобрили публикацию («Все нормально. Такое интервью только на пользу Сашке!»). Другие — осудили («Зачем Сане такое было говорить? Кто эту правду поймет?»). По-разному была воспринята публикация и людьми из «кабинета Лобановского».

Мнения тоже были полярными («Прежде чем печатать, могли посоветоваться с нами, показать материал, чтобы мы почитали. А так — нанесли моральную травму человеку, семье». Или: «Хорошее интервью, но для него надо созреть. Оно несколько опережает наше время. Вы ведь знаете уровень большинства футболистов. Маловато у них духовности, маловато»).

А что же Лобановский? Он публикацию так и не одобрил («Ну что это за уровень? Бульварная газета!»). Мне рассказали, что после опубликования материала «Игра в открытую» на собрании команды Валерий Васильевич вообще строжайше запретил футболистам давать всякого рода интервью («Только с нашего ведома! Видите, к чему это привело?»). Кстати сказать, за долгие годы журналистской деятельности мне не раз довелось беседовать с выдающимися тренерами и игроками зарубежных клубов и сборных. На первых порах, желая поговорить с тем или иным футболистом, прежде всего всегда спрашивал разрешения на это у его тренера. Со временем понял ненужность подобной деликатности: в подавляющем большинстве профессиональных клубов игрок волен сам решать, беседовать ему с журналистом или нет. И никакой тренер не пользуется правом вето на интервью своих подопечных.

Талантливого и честного по натуре мальчика Сашу Заварова взрослые дяди врать приучали сызмальства, хотя бы уже тогда, когда сделали подставным игроком в соревнованиях на приз клуба «Кожаный мяч». И почему же вокруг было равнодушие, почему Саше прощали, когда («за компанию»!) юноша стал пить («Пальчиком погрозят и простят»)? Впрочем, понятно почему: голы забивал, нужен был команде, точнее — ноги его были нужны, а духовный мир — не в счет. А стал сбиваться с пути, ну что же, не он первый, не он последний («Все пьют»). Атмосфера лицемерия и обмана отравила немало хороших людей. Но, увы, к ней привыкают, как к наркотику. Вот и Саша Заваров: сказал чистую правду и... спохватился!

Позиция Лобановского мне тоже была понятна. Не осуждал я его (какое у меня на это право?), принимал таким, каков есть. Он в своей работе руководствовался лишь повседневными реалиями. А они в данном случае были таковы, что публикация в «Комсомолке» вывела из равновесия того игрока, с присутствием которого на поле «тактические принципы команды лучше реализуются». Я и не стремился переубедить Лобановского. Поздно. Только понял, что у него и его команды (впрочем, как и у нашего футбола) есть еще внутренние резервы для того, чтобы подняться на новый, более высокий уровень. Ведь мораль — один из основных способов регуляции действий и поведения человека с

помощью норм. Время достаточно скоро все расставило по своим местам. Заваров, который в первые недели после публикации интервью отводил при встрече глаза, постепенно оттаял, начал здороваться. А перед самым его отпуском, когда чемпионат страны уже финишировал, мы вновь с ним обстоятельно поговорили (и снова записали разговор на магнитофон). О футболе, о жизни, о честности и порядочности. Он не ушел от прямого разговора, а я был рад, что не ошибся в мужестве и искренности этого человека.

16 декабря 1986 года в «Комсомольской правде» было напечатано письмо в редакцию «Нужны футболу перемены». Вот некоторые основные фрагменты.

Хочу и должен сказать о честном отношении к своему долгу, о правде, которую, к сожалению, не все у нас воспринимают одинаково. 11 ноября сего года «Комсомольская правда» опубликовала интервью со мной «Игра в открытую». В открытом и честном разговоре я не стал, как это порой бывало в подобных случаях, обходить «острые углы». Ведь за годы своей жизни в большом футболе я менял клубы, пока не нашел «свой» — киевское «Динамо». До этого, как говорится по молодости лет, случалось, ошибался и оступался. Сказал об этом в интервью так, как и было в жизни. Но когда оно появилось в «Комсомолке» мне довелось испытать немало волнений. От одних слышал: «Молодец, Саша, что сам правдиво и честно обо всем рассказал!» Другие журили: «Зачем разоткровенничался, кому нужна твоя честность?» Те, кто корил меня за излишнюю откровенность, словно бы не заметили одной очень важной для меня фразы из того интервью: «К великому счастью, все это давно уже в прошлом».

Говорят, время — самый лучший и справедливый лекарь и судья. Страсти утихли. О многом за это время передумал сам. Я не сожалею о том интервью в «Комсомолке» и благодарен газете, что она его опубликовала. Правда о нас, футболистах, нужна не только нам самим. Она нужна, например, моему Сашке, которому только четыре года. Нужна мальчишкам, которые только-только приходят в мой любимый футбол. Они не должны повторять наших ошибок.

Под этим письмом в «Комсомольскую правду» стояла

подпись: Александр Заваров, заслуженный мастер спорта, член ВЛКСМ...

Вся эта нашумевшая в те дни в футбольных и журналистских кругах Киева «околофутбольная» история уже стала забываться. Но в канун Нового года мне о ней напомнили. Жена Лобановского Ада поделилась «новостью», которую ей сообщили московские журналисты. Дескать, из-за того моего интервью начальство «дало команду» не «делать» Заварова лучшим футболистом года.

Молва, молва... Кто тебя порождает и есть ли в тебе истина? «Неужели такое возможно? — думал я. В наше-то время...» Нет, раньше — куда ни шло. Самому однажды, выполняя указание начальства, пришлось срочно вносить «коррективы» в итоги республиканского конкурса. Так что пора раскрыть одну редакционную тайну.

Работал в то время заведующим отделом спорта газеты «Комсомольское знамя». И решила наша редакция путем опроса определить лучшего футболиста Украины. Такой конкурс проводился впервые, и на него охотно откликнулись спортивные журналисты республики. По нашим подсчетам, победителем становился заслуженный мастер спорта, капитан киевского «Динамо» тех времен и ветеран клуба Василий Турянчик. На второе место выходил молодой Владимир Мунтян. Мы уже рассылали приглашения на вечер-встречу с лауреатами нашего конкурса, готовили к печати итоговые материалы, когда в редакцию позвонил тогдашний председатель Федерации футбола республики.

— Слушай,— без вступления начал он разговор. Мне правильно доложили, что вы собираетесь делать лучшим футболистом Украины Турянчика?

— У нас же конкурс,— уточнил я. Лучшим мы его не «делаем», а так распределились голоса...

— Это безобразие,— прервал он меня начальственным тоном. Мы его собираемся на пенсию отправлять, а у вас он будет лучшим! Понял, какая петрушка? А кто у тебя там второе место занимает?

— Володя Мунтян.

— О! Вот этот подходит. Значит, слушай сюда: делаешь Муню первым, а Вася, хрен с ним, пусть будет вторым.

Мне был известен крутой нрав того председателя Федерации. В футбольных кругах о нем ходили довольно забавные легенды. При рождении одной из них даже довелось присутствовать. Это было на каком-то футбольном совещании. В ту пору, когда на сельскохозяйственных полях страны активно насаждалась

кукуруза, а на футбольных — «бразильская система» 4+2+4. Председатель федерации делал доклад и, коснувшись «передовой в мире тактики», которую никак не могли освоить наши команды, поругал даже киевлян.

— Возьмите, к примеру, нашу сильнейшую на Украине команду «Динамо» (Киев),— говорил он с трибуны представительного совещания. Выходят на поле, становятся до свистка на свои места. Все четко! Вижу: четыре — два — четыре, — сделал энергичный жест рукой. Прозвучал свисток, началась игра. Побежали и... куда, спрашиваю я вас, девается их система?

И все-таки, решив быть до конца принципиальным, я ответил ему, что итоги конкурса мы переделывать не будем.

— Ладно,— услышал я в трубке,— ты еще молодой, горячий. Тебе твой начальник все объяснит.

Буквально через час в кабинете редактора мне было сказано, что лучше нам «не плевать против ветра», или что-то в этом роде. Приняли компромиссное решение, и победителями первого на Украине конкурса стали двое: Василий Турянчик и Владимир Мунтян, «набравшие» одинаковую сумму очков.

В первые дни нового, 1987 года истина (опубликованная в первом номере еженедельника «Футбол — Хоккей») развеяла мифы: Александр Заваров был назван журналистами лучшим футболистом минувшего сезона! 5 января 1987 года «Вечерний Киев» опубликовал мою довольно обстоятельную беседу с Александром. Думаю, что отдельные фрагменты из нее представляют интерес и для читателя, ибо в этом интервью удалось восстановить то, что было сокращено при подготовке злополучного для нас обоих материала в «Комсомольской правде».

— А как вы пришли в футбол?

— В футбол пришел, когда учился в первом классе. У меня был замечательный первый наставник — заслуженный тренер Украины Борис Васильевич Фомичев. Два года назад он умер. Этот человек воспитал в Ворошиловграде целую плеяду хороших футболистов и оставил о себе светлую память.

— Запомнился вам первый ваш сезон в высшей лиге?

— Еще бы! Мне было восемнадцать, а я выходил на поле с

игроками, которые были на двенадцать—четырнадцать лет старше меня. Начал забивать голы! Семь мячей забил, но «Заря» в том сезоне выбыла из высшей лиги.

— Вам сейчас только двадцать пять, и рано пока спрашивать, что впереди. И все-таки не задумывались ли порой: а что же после футбола?

— Наверное, снова... футбол. Я заочно учусь на факультете физвоспитания Ворошиловградского пединститута. Осталось сдать только госэкзамены. Думал сдавать их в этом году, но сроки совпали с чемпионатом мира в Мексике. Надеюсь, что будущей весной получу диплом...

Так оно и было. Весной 1987 года, не прекращая тренировок и выступлений в киевском «Динамо» и сборной страны, Заваров, совершая «челночные» рейсы Киев — Ворошиловград — Киев, летал на госэкзамены. Теперь он дипломированный преподаватель физвоспитания.

После всего, что стряслось у нас с Заваровым, однажды спросил его:

— Саша, положа руку на сердце, не жалеете о том интервью, о своем письме в «Комсомолку»?

Он посмотрел прямо в глаза и спокойно ответил:

— Нет, все нормально.

А я, вдруг расчувствовавшись, сказал ему:

— Саша, говорю вам искренне, как сказал бы своему старшему сыну. Не слушайте советов всяческих доброжелателей и будьте в жизни таким же умным, как в игре на поле.

— Спасибо,— ответил он и понимающе улыбнулся.

Размышляя о Заварове, иногда с грустью думаю: послушайся он, 18-летний талантливый юноша, Лобановского и окажись в киевском клубе в 1979 году, не попади он («за компанию») в Ростов, и как знать — не говорил ли бы футбольный мир не о Марадоне и сборной Аргентины, а о Заварове и сборной Советского Союза. Кстати сказать, специалисты, которые видели парня на юниорском чемпионате мира 1979 года в Токио, утверждали, что Заваров сыграл тогда ничуть не хуже, чем выделявшийся в составе чемпионов мира — сборной Аргентины на том же чемпионате Диего Марадона.

Глава 9. Путь в свою команду

В среде болельщиков об успехах динамовцев столицы Украины кое-кто рассуждал примерно так. Что же тут удивительного, что киевляне при Лобановском семь раз брали «золото»! Чемпионат Советского Союза — это марафонское состязание. И коль скоро в стране, если подойти по международным меркам, нет по-настоящему высококлассных команд (разве что за исключением тбилисского «Динамо» образца 1981 года), то чемпионат СССР, как правило, выигрывают те клубы, у которых больше хороших игроков, длиннее скамейка запасных. Длиннее же скамейки, чем у киевского «Динамо» семидесятых—восьмидесятых годов, никогда не было (и, наверное, никогда не будет) ни у одной другой команды в мире — это ведь сборная Украины! И говорившие это обычно перечисляли десятки фамилий игроков из других украинских команд, «ограбленных» Лобановским.

Главного тренера киевского «Динамо» (особенно в те годы, когда он возглавлял и сборную страны) не раз обвиняли в «переманивании» не только иные спортивные функционеры, но и многие журналисты и телекомментаторы.

Вспомните, к примеру, нашумевшую в начале сезона 1989 года историю перехода в киевское «Динамо» молодого форварда ленинградского «Зенита» Олега Саленко. Напомню, что за этот переход киевский футбольный клуб уплатил ленинградскому 37 тысяч рублей. На мой взгляд, в советском футболе это был первый шажок к подлинному профессионализму, хотя бы в вопросе переходов. Но многие журналисты и телекомментаторы (вероятно, в силу инерции мышления и сложившихся «отечественных традиций») подавали и этот факт не иначе как очередной «грабеж» или «переманивание».

Что тут сказать? Прежде всего, думаю, уместно привести слова самого Лобановского из его книги «Бесконечный матч».

Переманивание,— пишет он. Странное слово, когда речь идет о взрослых людях, которые только тогда «переманиваются», когда хотят этого. Переходы игроков — естественный и крайне нужный футболу процесс. Вспомним, как в первостатейных московских клубах расцвели дарования Аликпера Мамедова, Юрия Кузнецова, Никиты Симоняна, Анзора Кавазашвили... Футбол только выиграл от того, что Андрей Зазроев из команды Перми перешел в киевское

«Динамо», а Виктор Колотов переехал в Киев из Казани. Футбол кое-что потерял от того, что Эдгар Тесс из душанбинского «Памира» перешел в московский «Спартак» чуть позже, чем нужно было, а Виктор Колядко явно засиделся в грозненском «Тереке». И, наверное, совсем было бы нелепо, если бы Ринат Дасаев до сих пор оставался в Астрахани.

Признаюсь, что в свое время я вел скрупулезный подсчет приглашенных в киевское «Динамо» игроков из других клубов республики. Получалось, что только за первые семь лет работы Лобановского на поле в основном составе киевского «Динамо» выходили, а потом оставались в команде либо, спустя какое-то время, отчислялись 45 футболистов из различных команд-мастеров Украины. Мне тогда казалось, что это подлинное футбольное богатство, которым в Киеве не всегда умело могли распорядиться, отчего страдал наш футбол и его зритель. Тем более что за периоды работы в том же «Динамо» В. А. Маслова или А. А. Севидова сравнительные цифры подобных переходов были значительно ниже. А тут — 45! Однажды назвал эту цифру Олегу Базилевичу, который вместе с Лобановским и начинал этот «грабеж». И услышал от него:

— Вполне возможно, что столько. Мы не подсчитывали. Но ведь именно так и ставилась задача, а я в этом тоже принимал участие. Согласись, что не может быть в одной республике пять-шесть команд-лидеров! Злопыхатели пусть' себе говорят и подсчитывают что угодно. Они не могут понять, что идет постоянный поиск лучших вариантов и максимально используются резервы и возможности всей Украины. Не надо бояться никаких цифр «отсева». В вопросах селекции это и есть объективный подход.

После этой беседы с Базилевичем сделал для себя вывод, что, вероятно, все зависит от того, на какие позиции встать в подобных вопросах. Лев Филатов, например, еще в 1978 году в одном из своих футбольных обозрений, опубликованных в «Огоньке», писал:

И если в киевском «Динамо» давно уже пришли к выводу, что суперклуб (а там, пусть и неофициально, но считают себя именно таким клубом) должен иметь игроков, которым полагается пройти мелкое взыскательное сито, должен привлекать в свои ряды талантливых юниоров, то это лишний признак работы с размахом, с заделом.

На извечные восклицания критиков в адрес киевского «Динамо» в годы его триумфа: «Что удивительного, что они первые, когда у них игроков на два состава и их дубль способен выступать в высшей лиге и последнего места не занял бы!» — Филатов метко отвечал: «...это опять-таки звучит укором не киевлянам, а остальным клубам, хронически страдающим от недоукомплектованности».

В интервью для «Комсомольской правды» осенью 1985 года Лобановскому был задан вопрос:

— Затронем тему, для вас не из приятных. Болельщики (естественно, не ваши) пишут в редакцию: киевское «Динамо» — по существу, сборная Украины, кого хотят, того и берут. Согласны с утверждением, или, точнее, обвинением?

— Думаю, вопрос поставлен не совсем верно,— ответил Лобановский.

— Но такая проблема существует,— настаивали журналисты. Правда, касается она не одного киевского «Динамо».

— Мы не занимаемся заманиванием и переманиванием,— продолжал Лобановский. Для нас главное, первичное — идея, направление, образ игрового мышления, которых мы придерживаемся и которые мы воплощаем на поле. Да, «Динамо» интересуют футболисты, разделяющие наши взгляды. Новички улучшают игру клуба и повышают свой класс. Скажем, Яремчук в состоянии помочь нам и вырасти при упорной работе над собой в мастера. Он нужен клубу точно так же, как наш клуб нужен этому парню. Вспомним московские команды. И они совершенствуются не только благодаря улучшению игры, но и за счет подбора игроков. Забыть о необходимости комплектования? А можно ли тогда добиться успеха в европейских кубках?

А действительно, как советской футбольной команде, выходя на международную арену, на равных противостоять таким грандам европейского футбола, как мадридский «Реал», «Барселона», «Ливерпуль», «Ювентус», «Бавария», «Порто» или им подобным — богатейшим клубам, способным за баснословные суммы скупать футбольных звезд со всего мира?

Но вот что интересно. Всякого рода критики киевского «Динамо» никогда не изучали, так сказать, обратной стороны селекции киевлян. Не интересовались, к примеру, сколько игроков, прошедших сквозь «мелкое взыскательное сито» и поигравших в дублирующем либо в основном составе киевского «Динамо», но не подошедших клубу, выступают в других командах? Когда я однажды задал такой вопрос людям из

«кабинета Лобановского», то ответа на него сразу не получил: «Никогда не подсчитывали!» По моей просьбе подсчитали. И оказалось, к примеру, что в основных составах команд-мастеров только в сезоне 1987 года играли 35 футболистов, выходивших в свое время на поле в футболках киевского «Динамо» (причем 16 из них в сезоне-87 играли в клубах высшей и первой лиг).

С годами в киевском «Динамо» принципы подбора игроков менялись.

— Начиная с конца семидесятых годов мы начали вести целенаправленный поиск и привлекать в команду перспективных футболистов, но совсем еще юных,— говорил мне Лобановский. Именно в таком возрасте пришли к нам, например, Бессонов, Балтача, Хапсалис, Журавлев, которые проходили подготовку в дубле не менее трех лет! Вася Рац обижался, что «пересидел» в дублирующем составе. Но с ним терпеливо работали и говорили: «Будешь играть!»

Как же попадали в поле зрения киевских селекционеров игроки? По каким признакам их подбирали? Однажды на эту тему подробно беседовал с одним из представителей «кабинета Лобановского» — мастером спорта Анатолием Андреевичем Сучковым, который с 1974 года кропотливо занимался в киевском «Динамо» этими вопросами.

Киевские болельщики со стажем наверняка помнят левого защитника Толю Сучкова. Светловолосый худощавый паренек с аккуратным коротко подстриженным чубчиком играл не очень-то броско, но зато всегда надежно и добротно. В 1961 году в числе 14 динамовцев Киева, впервые в истории своего клуба получавших золотые медали чемпионов Советского Союза, был и Анатолий Сучков. Примечательно, что на групповом снимке «Динамо»-61 он рядом с Валерием Лобановским...

— Анатолий Андреевич, по каким признакам вы отбираете кандидатов в команду?

— Один из главных — скорость,— говорит Сучков. Изучаем также его технику, диапазон действий, игровое мышление. Бывает ведь так: игрок, к примеру, быстрый, но малотехничный. А без техники в футболе свою скорость не проявишь.

— А как вы узнаете, кого именно надо «посмотреть»?

— Благодаря информации. У нас деловые контакты с тренерами юношеских, молодежных сборных республики и страны, с наставниками школ-интернатов. Много перекрестной информации: звонят нам, звоним мы.

— Много приходится ездить?

— В среднем шесть-семь командировок в месяц.

— А бывает так, что приезжаете смотреть одного, а

открываете для себя совсем другого — не того, которого вам рекомендовали?

— Случалось и такое. Смотрел, к примеру, матч юношеского первенства Украины, в котором наши динамовцы играли с командой харьковской школы-интерната. Мне рекомендовали присмотреться к одному нападающему. После матча тренер спрашивает: «Ну как, понравился?» «Нет,— отвечаю. Однако у тебя такой худой и длинный, еле двигался, но, по-моему, у него что-то есть». И взял его на заметку. А через год снова харьковчане приехали в Киев. Спрашиваю тренера: «У тебя тот худенький играет?» «Играет,— отвечает. Но он немного приболел». Значит, решаю для себя, увижу паренька в новом качестве, когда надо и с соперником побороться, и себя превозмочь. Понравился. Было ему семнадцать. После игры переговорил с ним и его тренером. Условились, что после окончания интерната он в конце сезона приедет к нам. Парень сразу согласился. Это был Сергей Балтача.

— Но это, вероятно, единичный случай?

— Нет. Смотрел и в кировоградской «Звезде» одного, а понравился другой — шустренький и смугленький, как цыганенок. Стали его наблюдать и пригласили к себе в тот период, когда его имя не было широко известно даже во второй лиге. Сейчас этого футболиста хорошо знают — Вадим Евтушенко. Точно так же случилось, когда приезжал я в Чернигов, где просматривал рекомендованного нам футболиста из «Десны», но «открыл» совсем другого парня — Олега Кузнецова.

— Анатолий Андреевич, позвольте вопрос, так сказать, не футбольного плана. Юные малоизвестные футболисты, которых вы просматривали, а затем привозили (в семидесятых — начале восьмидесятых годов) в Киев, стали популярными футбольными личностями. Нынче — это респектабельные молодые люди, заслуженные мастера спорта, фотографии которых мелькают на страницах нашей и европейской прессы. В футбольном мире знают, что динамовцам, в общем-то, живется неплохо. И слава богу, что это так: все это они заслужили честным и тяжелейшим (порой с риском для здоровья) трудом. Но вот что интересно: когда вы впервые ведете разговор о переезде молодого игрока в Киев...

— То никаких сверхобещаний ему не даем,— поняв, к чему я веду, сказал Сучков. Ни ему, ни его родителям. Было бы с нашей стороны даже неэтично выдавать какие-то авансы, не зная, что этого игрока и нас ждет впереди. Просто говорим парню: «Сам понимаешь, „Динамо" (Киев)! Все это зависит только от тебя самого. Будешь трудиться, попадёшь в основной состав, значит, решишь многие свои проблемы».

— Думаю, для каждого из заслуженных мастеров 70—80-х годов киевское «Динамо» стало той единственной командой, вне которой он себя вроде бы и не мыслил. А интересно, сколько — разумеется в среднем — длился у них путь в эту «свою» команду?

— Здесь даже что-то среднее трудно вывести,— ответил Сучков. Только одно могу сказать с уверенностью: легкого пути не было ни у одного из них.

— Ну, а самый долгий и трудный у кого?

— Пожалуй, у Васи Раца.

В марте 1986 года в постоянной рубрике «Разговор у кромки поля» газеты «Советский спорт» с интересом прочел публикацию журналиста Г. Борисова о Василии Раце. Сделал оттуда выписку понравившегося фрагмента:

Закарпатье. Железнодорожный вокзал в Виноградове. Раннее утро. К перрону подкатывает поезд из Львова. Из вагона выпрыгивает невысокого роста парнишка с тяжелой спортивной сумкой через плечо. Не оглядываясь по сторонам, вприпрыжку бежит через пути к темнеющей вдали лесопосадке.

— Эй, хлопчик! — кричит дежурный. Ты куда?

— Как куда? До дому, в Фанчиково!

— Вот чудак, так через час же туда дизель пойдет.

— Да сдался мне этот дизель, я на своих двоих быстрее до дома доберусь! Подумаешь, семь километров!

Этот эпизод хорошо проецируется на редкую выносливость и поразительную работоспособность Раца, хотя по виду он среди своих партнеров по команде, что называется, не атлет.

— Мне кажется, что с самого детства был моторным,— рассказывал о себе Василий Рац. На месте не любил сидеть. Пусть не покажется это нескромным, но признаюсь, что ни в одной из команд, где я выступал, никому еще ни разу не проиграл в традиционном трехкилометровом кроссе.

— Взглянешь на Васю, и кажется, что уставать в игре он должен больше нас всех,— рассказывал о Раце капитан команды Анатолий Демьяненко,— а он словно бы неутомим. И удар у него такой, что даже самые опытные вратари теряются. Передачи же под завершающий удар — как на блюдечке мяч подает. Я играл

«под ним» и, уходя в атаку, был спокоен, взаимозаменяемость у нас отличная! И чувство ответственности у Василия совершенное — из последних сил, но добежит, закроет зону прорыва.

Начиная с 1986 года в самых лестных тонах высказывались о Раце не только наши, но и зарубежные журналисты и специалисты. Однако вернемся мысленно на много лет назад в Закарпатье — край, где очень любят футбол. И не просто в Закарпатье, а в село Фанчиково, где 25 марта 1961 года в семье Марии Адальбертовны и Карла Александровича Рацев родился первенец, которого назвали Василием. Фанчиково — село довольно большое: 500 дворов, до двух тысяч жителей. Есть своя школа-десятилетка. Но что, пожалуй, сыграло особую роль в будущей судьбе Васи Раца — здесь есть свой хороший стадион, который рядом, ну буквально в пяти минутах ходьбы от дома. И мама всегда знала, где искать своего Васятку: он стал играть в футбол раньше, чем научился читать и писать. Не изменил своей привязанности и во время учебы в школе («После уроков, бывало, сумку бросишь, перекусишь и — на стадион. Гоняем мяч до самой темноты!»). Но согласитесь, что это был еще не «тот» футбол.

По-серьезному увлекся, когда был в четвертом классе,— рассказывал Рац. Поступил в ДЮСШ в Виноградове, и моим первым тренером стал Павел Иванович Пребуш. Во время тренировок и двусторонних игр старался точно выполнять все его указания. Играл на левом краю и, бывало, забивал по два-три гола за матч. Ребята меня даже поддразнивали: «Це наш Блохин!» В восьмом классе прочел в газете объявление об очередном наборе во львовскую спортивную школу-интернат. Приехал, а там на два места чуть ли не до полусотни претендентов. Думал уже поворачивать домой, но остался. Сдал все испытания и оказался одним из двух счастливчиков. Окончил интернат, и мой тренер Валентин Иванович Борейко посоветовал идти в команду «Карпаты». Играл в дубле. Если выходил в основном составе, то минут на десять — пятнадцать. На замену. У львовян в восьмидесятом году играла очень сильная линия полузащиты: Баль, Суслопаров, Думанский, Броварский, Дубровный... Куда мне, совсем еще юнцу, было тягаться с ними! В это время и получил письмо от своего давнего друга, который играл в винницкой «Ниве». Он приглашал приехать. А тренеры «Карпат» не возражали. Сказали: «Поезжай. Тебе у нас в основной состав не пробиться». Попал в Винницу к тренеру Ивану Ивановичу Терлецкому, который сыграл в моей жизни особенно важную роль. Он меня, можно сказать, лелеял, доверял мне и постоянно ставил в основной состав. Хотя, признаюсь, игра у меня не всегда получалась. А когда меня стали приглашать команды рангом

выше «Нивы», Иван Иванович удержал от соблазна. «Нет,— всякий раз слышал я от него. Твоя команда тебя еще не пригласила». Я даже не помышлял о киевском «Динамо», но в разгар сезона 1981 года оказался именно в этой команде.

Рассказывая о себе, Василий не раз подчеркивал, что ему очень везло на хороших тренеров: каждый из них внимательно относился к простому пареньку, не отмеченному в футболе печатью особого таланта, но очень трудолюбивому. Все это верно. Но, думаю, Васе еще больше повезло (если позволительно здесь употреблять это слово) с родителями. Однажды его слова о них вызвали у меня умиление.

— А знаете,— сказал тогда Василий Рац, уже заслуженный мастер спорта, хорошо известный всей футбольной Европе игрок, — я ведь своими успехами в большом спорте во многом обязан родителям. И отец, и мама всегда во всем, что касалось футбола, шли мне навстречу. Они меня, наверное, очень хорошо понимали. Теперь, должно быть, гордятся тем, что их сын играет в такой команде.

И мне после этих слов очень захотелось познакомиться с кем-либо из его родителей. А в августе восемьдесят седьмого года такой случай представился: в Киев, в гости к сыну («Заготовить ему на зиму огурчиков с чесночком, в уксусе — по-закарпатски»), приехала его мама — Мария Адальбертовна. Мы пообщались, и передо мной словно бы заново пролег весь его трудный путь в «свою» команду: от закарпатского села Фанчиково — до киевского «Динамо». Слушал ее и порой ловил себя на волнующей мысли: до чего же прекрасна эта душевная, простая сельская женщина, жена рядового шофера Виноградовского межколхоздорстроя, без малого тридцать лет просидевшего за баранкой своего ЗИЛа. Сама всю жизнь проработала за учетным столом в сельсовете. От ее простых слов и искренних рассуждений веяло мудростью народной педагогики.

— Вася в детстве был очень худеньким мальчиком,— рассказывала Мария Адальбертовна. У меня даже душа за него болела, когда стал ходить пешком — туда и назад! — на тренировки в Виноградове. Бывало, пыталась его не пускать: учиться же надо, а он только и знает, что футбол да футбол. Но тут за Васю и дед вступился — мой отец Адальберт Юльевич, который внука очень любил и во всем поддерживал. И чуяло мое сердце, что не имею я права мешать сыну.

— Беспокойство матери нетрудно понять,— сказал я. И это притом, что он жил еще дома! А как, интересно, вы с мужем решились отпустить пятнадцатилетнего Васю — одного! — на учебу во Львов?

— Очень, конечно, нервничала, переживала,— вздыхает Васина мама. Но старалась не подавать виду, чтобы не надрывать ему душу. Жаль было его до слез. Никогда ведь один не уезжал из дому. А тут — во Львов, в интернат. Но что было делать, если сын сам выбрал себе такую дорогу в жизни? Пусть уже по ней, думаю, идет.

А теперь, прервав рассказ матери, перенесемся в Винницу, куда для того, чтобы увидеть Раца в игре, специально из Киева приехал Сучков.

— Почему я поехал смотреть Раца? — повторяет мой вопрос Анатолий Андреевич. Нам о нем рассказывал Иван Иванович Терлецкий, который опекал Васю словно отец родной. Он-то и пригласил нас его посмотреть. Говорил, что парень неплохой и может нам подойти.

— И каким же вы его увидели?

— Смотрел его летом. Увидел немножко монотонным и однообразным. Несколько прямолинейным и ограниченным в своих действиях. Задатки, конечно, были у парня хорошие, но их еще надо было развивать. «Многое зависит от тебя,— сказал я Василию после игры. Думай, играй, а главное — постарайся расширить свой диапазон действий на поле».

— Как воспринял сам Вася возможный переезд в Киев?

— Очень настороженно. «Не знаю,— говорит,— как еще будет. Получится ли у меня?»

— Приняли меня в Киеве хорошо,— вспоминает Рац. Особенно опекал Андрей Валь, с которым мы были знакомы еще по львовским «Карпатам». Играл я, разумеется, в дубле. Но не сказал бы, что все получалось. Порой выходил на игру словно бы на ватных ногах. Скован был до предела. Лишь с годами я понял и оценил, почему Валерий Васильевич Лобановский в самом конце сезона поставил меня в основной состав. Отыграл я тогда полный матч против московского «Динамо» и один тайм — со «Спартаком». После этих встреч ко мне и пришла какая-то уверенность в своих силах, которую, неудачно играя в дубле, я начал было уже терять, Правда, все равно потом, еще очень долго — почти три года! — довелось ожидать «своего» места в основном составе. Порой было очень трудно. Морально и физически... Мама тому свидетель.

— Вдруг получили мы от Васи письмо, что его забрали в Киев,— рассказывала Мария Адальбертовна. Ой, думаю, что же это будет? Жалко мне его стало. В Виннице уже все было хорошо, и Терлецкий Иван Иванович очень нам всем понравился. Ходил за Васей, словно батька. Бывал у нас в гостях, в Фанчиково. А тут вдруг — Киев! По письму поняла, что неспокойно у сына на душе.

Приехала к нему. Вижу, что очень усталый. Весь как-то даже сник. И говорит мне: «Ой, мама, не выдержу я тут. Такие здесь нагрузки, как нигде». А я и сама это вижу, что еле живой ходит. Защемило мое сердце. Заберу, думаю, домой. Ну а потом что? Может, будет об этом всю жизнь жалеть и маяться? И постаралась сына успокоить: «Ты ж, Василек, сам себе дорогу в жизни выбрал, — так спокойно говорю ему. Успокойся, сынок. Наверное, это у тебя просто с непривычки. Може, надо перетерпеть, а после и полегчает». Потом сколько раз приезжала, вижу, а ему уже лучше и веселее. Привык, значит.

— Хороший он сын, Мария Адальбертовна?

— Очень! Душевный, внимательный. А характером весь в отца — спокойный, терпеливый, громкого слова от него никогда не услышишь.

Размышляя о Раце, подумал вот о чем. Богат все-таки наш футбол резервами, если обыкновенный сельский хлопчик из Фанчиково сумел дойти до национальной сборной страны, снискать признание на международной футбольной арене! Но как у нас еще несовершенна его (футбола) система, если путь в «свою» команду этого несомненно одаренного игрока оказался столь долгим и трудным. Напомню, что он по-серьезному начал заниматься футболом в ДЮСШ с 10 лет, но только в 24 — в пору футбольной зрелости! — занял место в основном составе «своей» команды.

Все, вероятно, потому, что основы футбольных навыков, которые надлежит закладывать в детском и юношеском возрасте, у Раца оставляли желать лучшего. Их пришлось доводить до нормы уже в команде мастеров высшей лиги.

Глава 10. …Словно Феникс из пепла

Хотите увидеть и прочувствовать, как обстоят дела у футбольной команды? Постарайтесь после игры пробиться если не в саму раздевалку (святая святых!), то хотя бы в крошечный предбанник перед нею. И уж если клуб на взлете, будь то команда Киева или Москвы, Одессы или Днепропетровска, уверяю вас, атмосфера везде окажется абсолютно одинаковой.

Какой? Ею мне пришлось подышать осенью восемьдесят пятого года на Республиканском стадионе Киева после матча динамовцев с бакинским «Нефтчи». Эта заключительная для киевлян игра чемпионата страны на своем поле была скорее нервозной, чем трудной. «Нефтчи» — многолетний аутсайдер, но возможности этой необыкновенной команды неисчерпаемы. И пошла молва накануне игры, что бакинцы «увезут» из Киева два очка. Пошла, возможно, потому, что все видели, как переживает и нервничает киевское спортивное руководство. А во время игры заметили, что и Лобановский больше обычного «бил поклоны», то есть раскачивался корпусом в нестерпимом нервном напряжении — взад-вперед — на скамеечке у поля, словно творя молитву. Но все обошлось, гостям не удалось навязать хозяевам свою игру, и динамовцы победили — 2:1.

Стало ясно: окончательная победа в чемпионате Советского Союза 1985 года практически завоевана. Ликовали раздевалка и предбанник, заполненные десятками людей, близких или считающих себя близкими к команде. Словно нож по маслу проходили сквозь толпу и исчезали в комнате для футболистов серьезного вида аккуратно одетые товарищи (иные из них — в парадных мундирах, с генеральскими погонами). Очень широко улыбался, отвечая на приветствия, председатель Спорткомитета республики. Переминались с ноги на ногу выставленные из раздевалки (перед приходом начальства!) местные и специально приехавшие из Москвы спортивные репортеры — мы с моим коллегой Николаем Долгополовым из «Комсомолки» в их числе.

В тот вечер суровые тренеры киевлян отважились на широкий жест: отпустили футболистов по домам, а не повезли (как это было после каждой игры) на базу, опостылевшую в конце сезона. Наиболее верные и предусмотрительные болельщики, встречая футболистов у выхода из предбанника, вручали им не букеты — охапки неизвестно как сохранившихся летних цветов. И радость, счастье на осунувшихся лицах игроков. Ведь они доказали: в них верили не зря. Раздевалка пустела.

И только Олег Блохин методично и привычно выводил короткую фамилию в блокнотах, на вымпелах, программках и книжках, просто на листках бумаги, которые ему протягивали сияющие от счастья мальчишки и люди постарше. Заметив нас, устало улыбнулся:

— Кажется, все. Слава богу, что выиграли! Мальчик, давай сюда свою тетрадочку. Смелее, смелее! — Снова нам: Перед игрой три дня сплошной нервотрепки. Кто-то пустил слух: «Динамо» отдает игру. Собрания и начальники замучили. И вновь собирателю автографов: Вам на вымпеле? Тогда надорвите целлофан. На нем «шарик» не пишет. Ага, и на мяче тоже? И опять нам: А представляете, если таких матчей только во внутреннем чемпионате — тридцать четыре?!

Лобановский ликование скрывал, однако выходило это у него слабовато. В тот счастливый для тренеров киевского «Динамо» звездный час им можно было позавидовать: до чего же безгранична народная любовь к футболу и к ним, тренерам, тоже! Впрочем, задумайтесь: стоит ли завидовать? Да, профессия у тренеров творческая. Действительно, они на виду. Конечно, за время многотрудной деятельности некоторые обзаводятся массой полезных знакомств. Но кого еще у нас снимали с работы так часто и так стремительно, с такой легкостью, как футбольных тренеров?

Сегодня — огромное интервью на половину газетной полосы. Завтра — поражение на выезде, и через неделю команду выводит на поле кто-то другой. Кстати, в тот счастливый для Лобановского «хрустально-золотой» год из наставников, работавших в восемнадцати клубах высшей лиги, до конца сезона «не доиграли» сразу шестеро его коллег. На финише того «хрустально-золотого» для киевлян сезона-85, когда киевское «Динамо» после двухлетних кряду бесславных провалов возникло словно Феникс из пепла, так и напрашивались удобные гипотезы о принесшем пользу обновлении, о животворности притока свежих сил. Но будем до конца искренними: тогда, на старте сезона, цели, которые были поставлены перед командой,— быть в тройке призеров чемпионата страны и выйти в финал Кубка СССР — казались специалистам нереальными. Верно, что молодые (не по возрасту — по стажу игры в высшей лиге) получили отличный шанс закрепиться в основном составе, показать себя в игре. Но разве были гарантии, что шанс ими будет обязательно использован?

Тренировались неистово. Даже Толя Демьяненко, славившийся могучим здоровьем, и тот однажды поразил своим признанием:

— Когда в 1979 году только пришел в команду, было ощущение, что вряд ли потяну. Нагрузки на сборах страшные. Потом немного привык, но все равно сейчас тяжко.

Во время январского сидения в Гантиади произошло незаметное событие, ощутимо сплотившее команду Как рассказал мне об этом Саша Заваров, вечером, собравшись в холле, киевские футболисты смотрели передачу «Футбольное обозрение». С экрана капитаны команд — призеров прошлогоднего первенства любезно называли телекомментатору предполагаемых триумфаторов грядущего чемпионата. По мнению Бирюкова, Дасаева и Литовченко, за места на пьедестале почета должны были поспорить между собой «Спартак», «Днепр», «Зенит», «Шахтер», минское «Динамо». О некогда грозном киевском «Динамо» не упомянул никто из капитанов.

— Достоинство было задето. Неужели нас запросто сбрасывают со счетов? — недовольно морщился, рассказывая мне это, взрывной Заваров. Восемьдесят третий год — неудачный, следующий — тоже. Сколько можно? Это, конечно, нас раззадорило, самолюбие ребят взыграло.

Разумеется, не в одном этом эпизоде дело. Не было бы его — все равно случилось бы то, что случилось. Неудачи сплотили. Уже на старте сезона из разрозненных групп и группок, характерных для команды недавнего прошлого, стал складываться сильный духом коллектив. И это была заслуга всех, кто сумел осознать себя и других единомышленниками. Характер сложного организма команды мужал не только в борьбе на футбольном поле.

Динамовцы открывали сезон 1 марта на выезде матчем с «Днепром». Было холодно, мерзлое, кое-где покрытое ледяной коркой поле таило в себе опасность для футболистов обеих команд. Травм особенно опасались днепропетровцы, которым через пять дней предстояло провести матч в Кубке УЕФА. Вероятно, именно поэтому в футбольных (да и в болельщицких) кругах поговаривали о «ничейке», которая вполне устроит соперников. Матч действительно оказался очень мирным и закончился предполагаемой ничьей. Следующую игру (10 марта) киевляне проводили в Одессе. Здесь-то и произошел еще один существенный, но малозаметный в жизни команды эпизод, который, на мой взгляд, дал коллективу ощутить свою боеспособность, почувствовать себя, как говорится, командой с характером.

В порядке отступления отмечу, что в киевском «Динамо», как и в любой другой команде мастеров, был тренерский совет, в состав которого, как правило, входили самые опытные,

пользующиеся авторитетом и поддержкой, игроки. Обычно это капитан команды и несколько его помощников. Выборы в тренерский совет происходили на общем собрании команды накануне каждого сезона, а сам этот орган — довольно боевая ячейка футбольного коллектива. Когда, например, определялся состав на игру, то тренеры утром в день матча обсуждали его на тренерском совете. В киевском «Динамо» наставники и игроки, как они мне сами об этом рассказывали, во время подобных собеседований чаще всего чувствовали себя не как начальники и подчиненные, а как коллеги-единомышленники. А теперь вернемся в Одессу, где динамовцам предстояло провести свой второй по счету матч сезона-85.

Во время беседы опытные игроки, члены тренерского совета команды, поняли, что руководство клуба, как и в матче с «Днепром», не против «ничейки» и в Одессе. Но на этот раз члены тренерского совета, мягко говоря, довольно настороженно отнеслись к позиции своих наставников. Кое-кто из игроков даже высказался довольно категорично: «Пусть лучше проиграем, но играть надо только боевую игру. На выигрыш! У кого же тогда выигрывать, если не у „Черноморца"?» Но от Лобановского в ответ они услышали: «А вы берете на себя ответственность за результат?» Мнения «сторон» разошлись. И тогда вопрос (скажем так: «о коллективной тактике» на игру с «Черноморцем») был вынесен на собрание команды. А команда поддержала не свое руководство, а ведущих «спорщиков» из тренерского совета.

Коллектив «взял ответственность на себя» и решил, что с «Черноморцем» надо играть не «ничейку», а боевой матч. На выигрыш! И очень здорово — во всех отношениях! — что так решила команда: динамовцы уверенно обыграли одесситов, забив в ворота хозяев поля три «сухих» гола.

Этот матч, проведенный на старте сезона, подтвердил: к большой игре готовы. А когда летом в Киеве забили два безответных гола «Спартаку», таящаяся в душах футболистов надежда потихоньку начала перерастать в уверенность.

В разгар сезона киевляне завладели Кубком СССР, и сразу шесть игроков клуба впервые выполнили нормативы мастеров спорта. Обозреватели и специалисты в один голос заговорили о «возрождении» некогда славного «Динамо».

После же победы во втором круге над спартаковцами в Москве сомневавшихся в высоком предначертании судьбы киевлян не оставалось. Динамовцы могли сыграть в каком-то матче лучше или хуже. Однако всегда видно было, что появилось особое взаимопонимание игроков, без которого любой сильный клуб остается сильным клубом, но не становится чемпионом.

Накануне старта Иван Яремчук и Олег Блохин воспринимались нами, журналистами, пишущими о футболе, словно два полюса. Прославленный бомбардир с его 193 голами и четырнадцатым сезоном в высшей лиге и новичок из новичков, выступавший раньше даже не в первой — во второй лиге. Сначала их сближало единственное: к Блохину тренеры относились с той же суровой требовательностью, что и к Яремчуку. И не было такого игрового задания, которое было бы обязательно для Ивана, а для Олега оставалось бы чистой формальностью. Они играли не для себя — для команды. И свои способности, возможно и таланты, отдавали на пользу общему динамовскому делу. Прессинг, отбор и перехват мяча, отходы назад — все это с равным старанием выполняли и 33-летний форвард, и дебютант полузащитник. Как ни горько писать, 33 в футболе — далеко не молодость. Но Блохин, казалось такой изученный и досконально знакомый, поразил новизной. Стиль Олега стал чем-то напоминать стиль Беккенбауэра. Только забивал он побольше: 12 голов за сезон — лучший результат в «Динамо»-85. Как известно, Олег вышел на «космический» уровень — 205 забитых мячей в играх чемпионата страны. Смею предположить: не было бы в киевском «Динамо» звезды типа Блохина — взлет Ивана Яремчука наверняка бы задержался. Выходит, между двумя полюсами возникла сила тяготения.

По нынешнему времени с его акселератами и гигантами Ваня Яремчук совсем маловат — рост всего 168 сантиметров. Чересчур худощав — 65 килограммов. Физические данные, как видите, не выдающиеся. И рос Ваня в стороне от проторенно-гладких футбольных дорог. Его родное село Большой Бычков Раховского района Закарпатья в мире спорта пока известно мало. Как-то повелось, что считается футбол игрой больше городской, и из сельских мальчишек в этом виде спорта редко кто привлекает внимание. И до чего же приятно — не сробел хлопчик, доказал: стоит и тут селекционерам посмотреть во все глаза. Со стадиона Больших Бычков попал в республиканскую школу спортивного профиля. Выпускник школы, полузащитник киевского СКА приглянулся тренерам «Динамо» благодаря сочетанию двух обычно не сочетаемых качеств: техничности и фантастической работоспособности. Яремчука называли открытием сезона. А не открытие ли и вся динамовская линия полузащиты? Ничто, казалось, было не в силах остановить Раца, Яремчука, Яковенко, Заварова, Бессонова, Кузнецова, когда они начинали свое бесконечно-непривычное челночное движение по полю.

Словом, молодость не подвела. И награда новичкам — не только золотые медали, которые восемь из пятнадцати

динамовцев получили впервые. Стиль «Динамо», некогда заклейменный как излишне рациональный и сухой, совершенствовался и получил признание. Глядя на динамовцев, за полчаса раскромсавших оборону румынской «Университати» в матче 1/8 финала Кубка обладателей кубков, помню, приходил к мысли, что десять лет назад никто у нас так быстро и мощно, как киевляне в восемьдесят пятом, не играл. Правда, было трудно убедить в этом сердце, в котором навсегда сохранилась любовь к киевским виртуозам, выигравшим в 1975 году Кубок кубков и Суперкубок в придачу. Та команда была техничнее и, к чему кривить душой, интереснее команды восьмидесятых. И хоть сравнения здесь рискованны, замечу: Олег Блохин, единственный футболист того чудо-клуба, доигравший до 85-го, и теперь выделялся на поле подлинной элегантностью и ярчайшей индивидуальностью.

А что, интересно, сам Блохин думал о своих молодых партнерах по команде «Динамо»-85?

— На мой взгляд, как мастеров высокого класса вполне можно назвать Демьяненко и Заварова,— говорил Олег. В смысле бойцов? Наверное, Володю Бессонова, который после серьезной травмы сумел восстановить себя полностью и очень здорово помог команде. Работал на поле по максимуму! Просто приятно и радостно за парня. Я бы еще отметил нашу среднюю линию, назвал бы Раца, Яремчука, Яковенко, Кузнецова, которые добавили команде скоростное движение. Динамику! А вообще можно сказать, что вся команда сыграла здорово.

— Может ли Демьяненко, на ваш взгляд, претендовать на победу в референдуме журналистов, которые будут определять лучшего футболиста сезона-85? — спросил я Блохина.

— Вполне! — ответил он. Скорее всего, Толя и станет победителем. Я бы, например, тройку лучших назвал так: Демьяненко, Черенков, Протасов...

Мудро расставил всех по местам ветеран: по итогам референдума Демьяненко действительно был назван лучшим футболистом сезона-85.

Моя «тройка» в том референдуме выглядела так: Блохин, Демьяненко, Протасов. Почему лавры лучшего футболиста года я отдал Олегу Блохину? Разумеется, не из личных симпатий. И вовсе не за двухсотую отметку в реестре забитых голов, которую он первым преодолел в отечественном футболе. Тогда за что же? За преданность своему любимому делу! За его полную самоотдачу на тренировках и в игре, за неувядаемые мастерство и стабильность, которыми он радовал своих почитателей — в стране и за рубежом! — четырнадцать сезонов кряду.

Несколько лет подряд мне посчастливилось работать с Олегом бок о бок за литераторским столом. Вслед за нашей первой совместной книгой «Право на гол», которая вышла в издательстве «Физкультура и спорт» в 1984 году, в 1988-м была выпущена вторая — документальная повесть «Футбол на всю жизнь» (киевское издательство «Вэсэлка»). В эти-то годы творческой дружбы я по-настоящему почувствовал высокую требовательность этого замечательного советского спортсмена к себе, а потому и глубже осмыслил его требовательность на поле к партнерам, за что его частенько поругивали обозреватели и болельщики, укоряя за «жесты», «покрикивания» и «поругивания» товарищей по команде. Но интересно, что сами партнеры Блохина за это никогда на него не обижались!

— Без Олега выходить на поле тяжелее,— сказал однажды капитан киевского «Динамо»-85 Сергей Балтача. Блохин есть Блохин. Когда он в составе, то соперники боятся даже его имени. Вышел Блохин на поле, значит, надо быть более внимательным. И партнеры, играя с Олегом, иначе себя чувствуют. Конечно, есть и у него отрицательные моменты. Может и прикрикнуть на партнера — это в его характере. Но обид на него нет. В игре всякое бывает. Мы ведь понимали, что Блохин делает это, искренне желая принести пользу общему делу команды.

Обычно сдержанный в своих оценках Лобановский тоже отдал должное Блохину на исходе сезона-85.

— Я думаю, что Олег один из немногих футболистов, который с возрастом продолжает свой творческий рост,— говорил мне Валерий Васильевич. Блохин — это личность, которая продолжает набирать силу. В его действиях на поле в нынешнем сезоне мы видели много новых спортивных ходов, на тренировках он самозабвенно работает над совершенствованием своего спортивного мастерства. Поэтому очень хотелось бы, чтобы Олег сохранил себя для большого футбола как можно дольше.

Олег, как никто другой, имел право на сравнение своей команды восьмидесятых годов с замечательным коллективом семидесятых. Но в суждениях своих не был категоричен.

— Сравнивать, думаю, нельзя,— говорил Блохин. По подбору игроков, по их классу, индивидуальности каждого, конечно, «Динамо»-75 было выше, но вот по мобильности в игре, по динамике команда восьмидесятых сильнее. Но правомерны ли такие сравнения? В свое время играл Всеволод Бобров. Все говорят и пишут — великий футболист! А по поводу нашей игры ворчат: «Не тот нынче футбол!» А он ведь и вправду не «тот». Ведь даже за те десять лет, что пытаемся сравнить «мои» команды, футбол очень изменился. Но, быть может, еще через десять лет,

вспоминая «Динамо»-85, постаревшие болельщики будут уже восторженно говорить о нем и ставить в пример команде-95, которой тоже будут... недовольны.

Но чудо-команда жила не только в памяти болельщиков. Осенью 1985 года интересными воспоминаниями поделился наставник экс-чемпионов страны — зенитовцев Ленинграда Павел Садырин.

— То была страшная команда. Для соперников страшная. Я тогда с ними наигрался. Выходишь на поле, не знаешь куда бежать. Вправо, влево — везде динамовцы. Все перекрыто. Получаешь пас, а перед тобой неизвестно откуда сразу трое. Пасуешь свободному игроку, а он уже закрыт. И какой дриблинг! Бежит на тебя защитник, а финт у него не хуже, чем у форварда. А с сегодняшним «Динамо»,— продолжал Садырин о команде киевского «Динамо»-85,— бороться можно. Нет, я правду говорю. Ту команду вообще ни с какой не сравнишь.

Что думал на этот счет Лобановский? Мы с Долгополовым во время беседы осенью 85-го задали ему такой вопрос:

— Какая команда вам ближе, роднее: та или сегодняшняя? Он недовольно поморщился.

— Это все равно,— ответил Валерий Васильевич,— если бы вы спросили, кто сильнее: московское «Динамо», разгромившее в 45-м англичан, или теперешняя команда?

— Считайте, что такой вопрос задан,— не отступали мы.

— Московское «Динамо», бьющееся за право остаться в высшей лиге, гораздо сильнее той, легендарной,— твердо сказал Лобановский. Ну а с 75-го пролетело десять лет — для футбола очень много. В игре масса изменений. Нельзя сравнивать несравнимое. Поэтому отвечу вам по-иному: уровень индивидуального, технического мастерства футболистов из команды 75-го был, конечно, выше. Сегодняшние игроки, которые видели предшественников, не обижаясь, признают это. Во всем остальном — в мышлении, быстроте принятия решений, скорости, эффективности коллективных действий — идет постоянное совершенствование.

Главный тренер. Как его труд соизмерить с трудом его коллег? Советские статистики делали это довольно просто — оценивали работу тренеров в условных баллах: за первые три места в чемпионатах страны тренерам дается пять, три и два балла, за выигрыш Кубка СССР — четыре. Пользуясь этой нехитрой системой подсчета, статистики и составили таблицу — своеобразную табель о рангах советских тренеров. И вот в 1985 году, то есть ровно через год после того, как наставник киевлян долго походил в «исполняющих обязанности старшего тренера»,

список десяти лучших тренеров Советского Союза — за все годы нашего футбола! — неожиданно для многих (а для иных спортивных руководителей, думаю, в первую очередь) возглавил Валерий Лобановский — 57 баллов. На балл от него отставали сразу трое корифеев отечественного футбола — Борис Аркадьев, Михаил Якушин и Виктор Маслов. Заметим, что Борис Андреевич тренировал команды высшей лиги 24 сезона, Михаил Иосифович — 23, Виктор Александрович — 25, а Валерий Васильевич набрал свои победные баллы, работая в киевском «Динамо» лишь 12 лет. Прибавьте к этим достижениям Лобановского баллы за победу киевского «Динамо» в чемпионате страны 1986 года и розыгрыше Кубка СССР — 1987, серебряные медали — 1988, бронзовые — 1989. Так что Лобановский с каждым годом в этой табели о рангах становился все более недосягаемым для своих коллег (и это, заметим в скобках, без учета достижений его команды на международной арене).

Нравилась мне у Лобановского (как бы поточнее сказать?) его постоянная, что ли, неудовлетворенность тем, чего уже достигла руководимая им команда. Но это ли не свидетельство его творческой натуры? Вот и той осенью, когда команда уже выиграла хрустальный Кубок, а потом, как любят говорить футболисты, «положила» в него золотые медали чемпионов страны, да еще успешно взяла старт и в Кубке кубков, Валерий Васильевич очень спокойно, без каких-либо особых ноток удовлетворения рассуждал о принципах игры «Динамо»-85.

— Мы за коллективный футбол,— говорил он. Его суть можно было бы сформулировать одной фразой: «Все в атаке — все в обороне». Иными словами, при любой ситуации на поле нужны коллективные решения, коллективные действия. Пока мы не можем сказать, что нам удается полностью реализовать свои принципы. В прошедшем сезоне было всего несколько матчей, в которых наша команда сумела приблизиться к поставленной задаче. Но коллективный футбол — это футбол будущего, и мы будем продолжать стремиться к нашей цели.

Еще не закончился сезон-85, еще шла борьба за «серебро» и «бронзу», еще изо всех сил бились аутсайдеры, пытавшиеся удержаться в высшей лиге, еще виделась чем-то далеким январская жеребьевка Кубка обладателей кубков, а Лобановский уже примерялся, прикидывал: кто в возможных соперниках? Михаил Ошемков уже получал конкретные задания. Он — словно «глаза и уши» команды! До жеребьевки оставалось еще много времени, а он уже начинал поиск видеокассет с записью игр ведущих европейских клубов для коллективного просмотра.

К весенним матчам четвертьфинала Кубка кубков киевляне

начали готовиться загодя. И все, кто имели отношение к замечательной команде, в третий раз в своей истории сумевшей сделать на отечественной футбольной арене заветный «дубль» — завоевать Кубок и золотые медали сезона-85,— затаили надежду повторить в будущем году и триумф 75-го. Скажу точнее: делалось многое, чтобы мечта стала явью.

Глава 11. Лион. Май. Победа!

Речь пойдет о второй в истории киевского «Динамо» замечательной победе в Кубке кубков. В воспоминания об этом событии всегда наряду с радостью невольно вторгаются и горькие раздумья. Ведь финал Кубка был сыгран в самом начале мая 1986 года, когда весь мир уже облетело страшное, сжимающее сердце от боли и жалости слово: «Чернобыль».

Как кому, а нам, киевлянам, авария на АЭС, обернувшаяся всенародной бедой, запечатлелась в памяти словно в двух временных измерениях. Нам не забыть дней, когда по образцам прошлых лет беспредметные и скупые тассовские информации повергали нас в полное неведение, способствуя порождению всяческих слухов. И потом вся эта угнетающая, леденящая душу глухота вдруг сменилась целым потоком репортажей в центральной прессе, по радио и телевидению, статьями, комментариями специалистов и пресс-конференциями, в которых звучала хоть и горькая, но долгожданная правда.

На финальный матч Кубка кубков во французский город Лион динамовцы Киева улетали 30 апреля, ничего толком не зная о трагедии Чернобыля. Но в это время средства информации на Западе уже развернули «разнузданную антисоветскую кампанию», о чем говорил потом в своем выступлении по телевидению в мае восемьдесят шестого года Михаил Сергеевич Горбачев. И хотя неприятно упоминать здесь обо всем этом, но надо. Пусть и любители спорта знают, с чем пришлось тогда столкнуться, к примеру, и нашим футболистам, попавшим во Францию.

В связи с этим я невольно вспомнил свои встречи с участниками 39-й Велогонки мира, стартовавшей в Киеве тоже в самом начале того горького для нас мая. С нее мне ежедневно надлежало передавать отчеты в «Комсомольскую правду». Пресс-центр гудел словно улей (шутка ли, если здесь было аккредитовано более 200 журналистов!).

Француз Патрик Хосотт, занявший в «Прологе» лишь 34-е место, беседовал со мной так восторженно, будто ему предстояло продолжить гонку в желтой майке лидера.

— О-о, это город-красавец! — воскликнул Патрик, когда я попросил гостя поделиться своими впечатлениями от Киева. Даже во время гонки я успел это заметить. И вот еще что меня поразило — тысячи и тысячи жизнерадостных людей, которые стояли по всей трассе.

— Что же в этом удивительного? — не понял я француза.

Лицо моего собеседника стало серьезным.

— Дело в том, что мы еще дома слышали об аварии на Чернобыльской атомной электростанции,— сказал Патрик. Об этом писала наша пресса, передавали радио и телевидение.

— Что же вы узнали из своих газет? — спрашиваю гостя.

— Сплошные ужасы,— хмурится французский велогонщик. Газета «Франс-суар», например, писала, что ваши подразделения солдат, специально подготовленных для ведения атомной и химической войны, блокировали все подходы к вокзалам, чтобы воспрепятствовать жителям окрестных сел эвакуироваться, что узники тюрем под дулами автоматчиков собирают по полям трупы погибших. В других газетах я читал, что даже в Киеве большие материальные разрушения и тысячи человеческих жертв.

Специальный корреспондент газеты «Унзере цайт» (ФРГ) Дитер Адольф из Дюссельдорфа диктовал новости из Киева прямо из пресс-центра. Нас познакомил корреспондент газеты «Юнге вельт» Манфред Хенель из ГДР — мой приятель, с которым познакомился еще десять лет назад в Берлине.

— Как вы озаглавили свой первый репортаж? — спросил я Дитера Адольфа.

— «Жизнь в Киеве вполне нормальна»,— ответил он. И дал еще такой подзаголовок: «Наш специальный корреспондент разоблачает сказки и ложь».

Кого же разоблачал коллега из Дюссельдорфа? Он показал целую кипу привезенных из ФРГ газет с кричащими о чернобыльской аварии заголовками и аншлагами. «Бильдцайтунг», например, сообщила своим читателям, что «...над Мюнхеном радиоактивное облако из Советского Союза!».

Похоже, что как раз в те дни, когда журналист из Дюссельдорфа собственными глазами видел благоухающий в весенней зелени, залитый солнцем многолюдный и шумный Киев, антисоветская шумиха, перешедшая всякие границы, крепко заморочила головы и западногерманским властям.

Дитер рассказал, что в гостинице встретил группу земляков из двенадцати человек и узнал, что еще 42 туриста, уже имевшие на руках путевки, остались дома, поддавшись общей панике. «Рискнувшую» же выехать в Киев дюжину туристов их соотечественники ежедневно будоражили звонками: «Как вы там? Живы ли все? А то здесь пишут, что в Киеве уже двадцать тысяч погибших от радиации». И услышав вполне благополучные ответы, незадачливые туристы, оставшиеся дома, сетовали, что им сейчас в ФРГ очень плохо: «из-за радиации» все сидят дома, не выходят на улицу.

Чтобы предотвратить панику у себя в стране, на Рейне, как

известно, вынуждены были наконец сделать опровержение. Министр внутренних дел ФРГ Ф. Циммерман, выступивший по телевидению и радио, заверил своих соотечественников, что «...в ФРГ не было и нет никакой радиационной опасности для жизни населения».

А как с радиационной опасностью в Киеве? Разве могли не думать об этом динамовские футболисты, находясь уже далеко от дома, там, во Франции, когда еще по дороге в Лион какая-то радиоволна, на которую был настроен приемник водителя автобуса, каждые пятнадцать-двадцать минут прерывала музыкальную программу экстренными сообщениями, в которых тревожно звучало слово «Чернобыль»? Откуда наши игроки могли знать, «пропаганда» это или действительность? В вестибюле гостиницы среди множества местных изданий, разложенных на столе, на глаза киевлян попался один еженедельник. На первой странице обложки — карта Европы, словно паутиной покрытая густой красного цвета сеткой с нанесенными на ней цифрами, указывающими уровень радиации. Зона Киева на этой карте была обозначена белым грибом — символом атомного взрыва. Все остальные страницы пестрели различными комментариями и интервью. Всю четвертую страницу обложки занимал фотомонтаж в чисто французском стиле — симпатичная обнаженная блондинка и через весь снимок броская предостерегающая надпись: «Осторожно: она — русская, радиоактивна!»

Молва подкреплялась и воочию увиденными бытовыми сценками, сеявшими тревогу. Жены и тещи футболистов своими глазами видели, например, как начиная с 28 апреля к их домам по вечерам то и дело подкатывали черные «Волги» с номерами спецгаражей. В машины в спешном порядке (с вещами!) усаживались дети с мамами да бабушками и под покровом ночи срочно покидали Киев. По вечерам были темны глазницы многих окон этих домов, где вместе с футболистами проживало немало высокого начальства. В городе (в «осведомленных кругах») поговаривали, будто академик Б. Е. Патон даже подал на имя одного из руководителей республики докладную, в которой настаивал, чтобы в Киеве была отменена первомайская демонстрация, а население широко бы информировали о радиационной обстановке, о мерах защиты. Тем не менее демонстрацию провели. Население не информировали: это были еще дни полного неведения и умолчания о действительной трагедии на Чернобыльской АЭС.

А у команды киевского «Динамо» накануне решающего матча за Кубок кубков, кроме естественной тревоги за родных и близких, было немало и своих чисто футбольных проблем.

Впрочем, возникли они не скопом и не вдруг, а накапливались из месяца в месяц, с того дня, как динамовцы в самом начале года собрались все вместе после очень короткого отпуска.

— Задачи перед командой самые серьезные,— говорил мне, помнится, морозным январским днем Лобановский. Чтобы их решать, нужен полноценный игровой ансамбль. А как в такой ситуации его создать? Пока даже не представляю. Ведь полным составом — вплоть до чемпионата страны и матчей на Кубок кубков — наша команда, похоже, так и не соберется.

7 января киевские футболисты вылетели на первый тренировочный сбор в Гантиади. Но то был далеко не чемпионский состав. Из 15 человек, которые в минувшем сезона стали обладателями золотых медалей, на юг прибыли только трое. Семеро динамовцев (Михайлов, Бессонов, Балтача, Кузнецов, Демьяненко, Заваров и Блохин) в это же время в составе первой сборной страны вылетели на сборы в Испанию. Пятеро (Рац, Яремчук, Беланов, Баль, Евтушенко) в составе второй сборной СССР — на турнир в Индию.

— Люди будут тренироваться и проводить контрольные матчи в нескольких командах, у разных тренеров, работать по различным программам подготовки,— говорил Лобановский. Удастся ли нам после этого объединить их в один игровой ансамбль? Пока даже не представляю.

Но так уж складывалась в том сезоне судьба, что чем больше выпадало на долю киевских тренеров и футболистов проблем, связанных с частыми выездами игроков клуба в сборные, с травмами, полученными многими из них, чем труднее был очередной соперник в розыгрыше Кубка кубков, тем лучше играло «Динамо». И накануне финала европейская пресса довольно лестно отзывалась о киевской команде, прошедшей нелегкий путь в 227 дней, отделявших финальный матч за почетный европейский трофей на стадионе «Жерлан» в Лионе от стартовой встречи этого розыгрыша с голландской командой в Утрехте.

Между прочим, тот исходный матч с «Утрехтом» киевляне в гостях проиграли — 1:2, но это было первое и последнее поражение динамовцев, мечтавших (и в этом многие из них откровенно признавались) о победе в Кубке. Гол, забитый в Голландии Анатолием Демьяненко, вселил надежду на успех дома.

В Киев возвращались добрые времена, когда казалось, что весь город желает непременно попасть на свой красавец-стадион. Еще за несколько дней до повторного матча с «Утрехтом» в окошечках касс Республиканского стадиона появились таблички, извещающие о том, что все билеты проданы.

За сутки до игры, наблюдая за тренировкой голландцев, я спросил президента их клуба, с каким настроением прилетел «Утрехт» в Киев и верит ли он в окончательный успех?

— Все наши парни здоровы,— ответил мистер Аальберс. Они не боятся «Динамо» и прилетели в Киев за победой.

Это не было обычной бравадой. Той осенью 85-го мало кто мог опасаться киевлян: слишком долго они не заявляли о себе на футбольных полях Европы. Вот почему на установке перед матчем Лобановский в свою очередь призывал команду «не бояться голландцев».

— Прессинг и еще раз прессинг! — говорил он. Темп, инициатива, атака. Атаковать и верить в успех! Показать настоящую игру.

Но уже на восьмой минуте этого матча в Киеве счет стал 1:0 в пользу «Утрехта»: точный удар Крюйса головой вывел гостей вперед. Около сотни голландских болельщиков и почти два десятка журналистов, прилетевших вместе с командой, ликовали. И на фоне тишины, царившей среди ста тысяч наших болельщиков, это было особенно заметно. Впрочем, ликование гостей длилось чуть меньше двух минут. На десятой минуте Блохин великолепным ударом сравнял счет. После этого инициативой прочно завладели хозяева поля. Высокий темп, умелый прессинг по всему полю, острые комбинации киевлян, завершавшиеся хлесткими ударами по воротам,— все это радовало глаз. От уверенности голландцев к концу игры не осталось и следа. Точные удары Яремчука, Заварова и Евтушенко были неотразимы. Победный счет — 4:1!

Но главное, пожалуй, не в счете. В том матче уже просматривался яркий динамовский почерк, который во всех своих проявлениях раскрылся в последующих играх — с румынской командой «Университатя» из Крайовы, венским «Рапидом», пражской «Дуклой». Это были игры высокого международного значения, которые стали отличной школой для подавляющего большинства вчерашних новичков клуба, до осени 85-го никогда не участвовавших в матчах такого ранга. Динамовские новобранцы европейских кубковых баталий оказались ребятами не робкого десятка. Достаточно сказать, что кроме Блохина и Демьяненко, уже имевших опыт участия в таких турнирах, голы забивали Заваров, Беланов, Рац, Яремчук, Яковенко и Евтушенко, в послужном списке которых это были едва ли не первые официальные игры Кубка кубков.

27 апреля в матче чемпионата страны киевляне принимали на своем поле московский «Спартак». Это для динамовцев стало

генеральной репетицией накануне финала в Лионе. И киевляне в хорошем стиле переиграли москвичей — 2:1. Стадион в тот день был заполнен почти до отказа. И один мой знакомый секретарь райкома партии, повстречавшийся в ложе прессы, как-то загадочно сказал:

— Если мы с вами и они,— он кивнул в сторону переполненных трибун,— здесь и пока еще живы, то, может быть, все не так страшно?

— Вы о чем? — не понял я.

— А вы ничего не знаете? Лицо его выражало крайнее изумление. В Чернобыле взорвался реактор.

— Бог ты мой! Есть жертвы?

— Пока нам официально ничего не сообщили,— ответил мой собеседник.

Да, в то самое время, когда трибуны киевского стадиона ликовали, радуясь очередному успеху своего «Динамо», совсем неподалеку от столицы Украины вовсю разыгралась великая трагедия и уже были первые человеческие жертвы атомной катастрофы. Но мы об этом узнали значительно позже. А в тот вечер, не придав особого значения словам знакомого секретаря райкома, которому (опять-таки «по секрету»!) кто-то что-то сказал, я продолжал заниматься своим делом. Знал, что в Киев на этот матч прилетел «разведчик» из Мадрида, и после игры сразу же его разыскал.

— Хейсус Мартинес Хайе,— представился черноволосый, худощавый, невысокого роста мужчина средних лет — второй тренер «Атлетико», с которым киевскому «Динамо» предстояло сыграть в финале Кубка кубков.

Известный профессиональный мадридский клуб весь путь до финала прошел без поражений. Михаил Ошемков к этому времени уже раздобыл видеозапись полуфинального матча «Атлетико» с командой «Байер» (ФРГ). Внимательно изучив ее, киевские тренеры поняли, что в финале их ожидает сильный соперник, игра которого хорошо сбалансирована. Впрочем, и сам старший тренер «Атлетико» Арагонес был настроен весьма оптимистично и в своих интервью заявлял, что его команду не волнует игра с любым из претендентов на заветную награду.

Правда, недели за две до финального матча на Кубок кубков в беседе с испанскими журналистами он посетовал на то, что не очень-то информирован о спортивной форме киевского «Динамо», но пообещал, что к финалу обязательно изучит его игру.

— И не только по видеозаписям, которые мы уже раздобыли, — добавил Луис Арагонес.

Поэтому-то 27 апреля во время матча динамовцев со

«Спартаком» и появился на киевском стадионе второй тренер «Атлетико» Хейсус Мартинес Хайе.

— Как вам сегодняшняя игра «Динамо»? — спросил я его после матча.

— Ваши имели полное преимущество,— спокойно сказал гость из Мадрида. Они особенно сильны в середине поля, где их власть над мячом безраздельна.

— А кто из наших игроков вам особенно понравился?

— Трудно кого-то выделить. Команда сильна коллективной игрой и делает ее на сто процентов! Впрочем, наши парни тоже не играют на кого-то одного, а действуют всей командой. Особенно когда надо обороняться. Так что и мы умеем играть коллективно. Может получиться интересный финал. Как думаете?

— Может,— ответил я. И снова спросил: А что, у «Атлетико» нет никаких проблем в подготовке к финалу?

— Никаких проблем! — воскликнул испанский тренер. Ведь в финалы европейских кубков вышли три наши команды, и федерация футбола Испании создала отличные условия для их подготовки. Все игроки нашей сборной страны были отпущены в свои клубы, и их снова соберут вместе только после финальных игр европейских кубков. Для престижа испанского футбола кубковые финалы — это событие номер один!

Как все это было непохоже на положение дел в нашем футболе, на отношение тогдашних руководителей сборной СССР к проблемам ведущего клуба страны — киевского «Динамо», добившегося права представлять советский футбол в одном из престижных на континенте кубковых финалов.

23 апреля сборная СССР в румынском городе Тимишоаре в товарищеском матче проиграла национальной сборной Румынии — 1:2. На 26-й минуте второго тайма этой игры Олег Блохин, для которого это был сотый матч в составе сборной страны, как подкошенный рухнул наземь. Причем это случилось в тот момент, когда он на высокой скорости рвался к воротам соперников и его никто не толкал и не сбивал.

«Серьезна ли травма?» — подумал я в ту минуту, когда на телеэкране нам показали, как Блохин, опираясь на плечи врача и массажиста, покидает поле. А после окончания телетрансляции сразу позвонил Лобановскому, который тоже наблюдал за этой встречей дома, по телевизору. И я услышал от Валерия Васильевича настоящий монолог вконец расстроенного и огорченного человека.

— То, что я видел, если судить по динамике движения,— звучал в трубке взволнованный голос Лобановского,— это порыв одной из мышц задней поверхности бедра. Значит, под вопросом

не только финал Кубка, но и чемпионат мира в Мексике. Человек попал в сборную после ряда серьезнейших игр, а его включают в общую программу. Думаю, здесь то же самое, что с Заваровым. Просто счастье, что Заваров получил повреждение на первой же тренировке и сразу вернулся в Киев. Сейчас мы его пытаемся вернуть в строй, а иначе потеряли бы, как и Блохина. А что с Рацем? Ему ведь сегодня тоже прилично угодили в голеностоп. Как так можно? Шестнадцатого апреля в Праге наши люди проводят тяжелейший матч с «Дуклой», семнадцатого — весь день в пути, ночь не спят, а восемнадцатого летят в Симферополь и уже утром выходят на тренировку и попадают на программу сборной. Прыжки, рывки... «Давайте! Давайте!» Какие могут быть прыжки? Людям надо легко бежать трусцой, восстанавливаться после такой игры, которую команда провела шестнадцатого. Наши сейчас совершенно на ином уровне, а их включают в общую программу.

— Значит, на ваш взгляд, сборная СССР в сегодняшнем матче с Румынией вполне могла бы обойтись без киевлян? — спросил я.

— Конечно! — воскликнул Лобановский. Ну, обыграли бы, допустим, второй состав сборной Румынии со счетом 6:0! Разве это что-то решает?! Ровным счетом ничего. Играли ведь против второго состава, и все это видели. Правда, наш комментатор почему-то не давал общественности информации о том, что бухарестская «Стяуа» сейчас серьезно готовится к финалу Кубка чемпионов, который состоится даже не второго мая, как у нас, а шестого. А ведь из «Стяуа» семь игроков входят в национальную сборную Румынии. Почему бы им не сыграть сегодня, 23 апреля, против сборной Советского Союза? Не-ет, люди понимают, что после такой игры, которую «Стяуа» провела с «Андерлехтом», игрокам надо создать условия для того, чтобы восстановиться и подготовиться к финалу. Поэтому-то сегодня сборная Румынии — это второй состав.

Я слушал Лобановского и представлял, что творится в душе тренера, в команде которого из-за чьей-то глупости лучшие игроки выбывали из строя один за другим. А он взволнованно продолжал:

— Вот насколько разумный подход к делу у румын. Государственный подход! Попала «Стяуа» в финал Кубка чемпионов — значит, надо создать команде все условия для подготовки. Это вовсе не означает, что она обязательно выиграет Кубок: «Барселону» в финале можно и не обыграть. Но для подготовки сделано все. Пожалуйста! Решение принимает союз футбола Румынии, и никакой тренер сборной Луческу поломать это решение не может. Общегосударственный интерес — это

самое главное! А сегодня мы теряем Блохина, не знаем, что еще будет с Заваровым, Рацем. Сами себе вредим, что ли?

Забегая вперед, скажем, что армейский клуб из Бухареста «Стяуа» в финальном матче Кубка европейских чемпионов, который проходил в Севилье, в упорнейшей борьбе с испанской «Барселоной» превзошел соперника в тактике, не уступил ему и в технике. А в решающий момент (основное время закончилось вничью — 0:0) команда из Румынии проявила и более высокие морально-волевые качества, победив «Барселону» по пенальти. Впервые один из самых почетных трофеев европейского клубного футбола — кубок чемпионов отправился, как подчеркивала наша пресса, «в социалистическую страну!». А теперь снова возвратимся к телефонному разговору с Лобановским.

— Да, без Блохина вам в финале будет худо,— сказал я.

— Порыв — это все,— услышал я тяжкий вздох Лобановского. Обычно при такой травме человек на два месяца выбывает из строя. Поэтому я так расстроился. Блохин для нас в финале — это... Даже если он не сыграет хорошо, но возьмет на себя столько внимания! Столько оттянет на себя игроков. Он в Вене на матче с «Рапидом» был не в лучшей форме, но за счет отвлечения на него сил соперника активно работали другие наши люди. А теперь из-за чьей-то глупости мы попадаем в такую страшную ситуацию.

— У вас до финала еще семь дней.

— За это время многое сделать очень тяжело.

— Да, разрушать легче.

— Готовили, готовили команду, постепенно подвели. Сейчас вроде бы состояние великолепное, а тут вдруг раз-раз — и все убрано! Поэтому сегодня я страшно расстроен. Страшно.

Через два дня после этого разговора с Лобановским, на динамовской базе в Конча-Заспе в медицинской комнате, сплошь уставленной медэлектроприборами, я наблюдал, как врач команды Малюта осторожно изучал травму Блохина.

Блохину, конечно же, не терпелось узнать, сколько дней потребуется на залечивание этой травмы. Но Малюта не отвечал.

— Каков ваш диагноз, доктор? — спросил я его.

— Микроповреждение двуглавой мышцы бедра,— ответил он.

— Надо же! — не удержался я. Лобановский еще позавчера поставил точный диагноз. По телевизору. Представляете?

— С его-то опытом,— спокойно сказал Малюта.

Сотый матч за сборную — это событие! В мире таких игроков, кто его удостоился, единицы. Например, Пеле сыграл за команду Бразилии «только» 85 встреч. Наши рекордсмены прошлого: Альберт Шестернев — 91 матч, а легендарный Лев Яшин — 78. Но, увы, настоящего праздника у юбиляра Блохина в Румынии не

получилось. И по его возвращении нашу беседу с ним для «Комсомольской правды» я начал с вопроса на злобу дня:

— О чем вы, Олег, сразу подумали, упав на травяной газон?

— Что получил эту травму не вовремя. Понял: 27 апреля — важную игру чемпионата со «Спартаком» — пропускаю. Как будет 2 мая? Ведь финал Кубка кубков.

— Значит, первая мысль снова о футболе?

— Пока играю, иначе и быть не может! Но потом, когда врач и товарищи помогали мне уйти с поля, подумал о близких: наверняка ведь смотрят телевизор, переживают.

— Все походило на какой-то несчастный случай. Ведь никого из соперников в тот момент рядом не было.

— Разве только в этом дело? В Румынии я проводил свой шестой по счету матч за 23 апрельских дня. Прибавьте к этому девять мартовских игр в клубе и сборной. Плюс перелеты, переезды. Смену часовых поясов, режима питания, самой пищи, недосыпания. Через каждые три с половиной дня — игра. Да и в самолетах силы не восстановишь. Накопилась усталость, организм не выдержал. Что-то здесь не продумано у нас до конца.

Кроме Блохина и Заварова немало и других динамовцев в те дни зачастили к врачам. Когда команда улетала в Лион, я, например, так и не выяснил у тренеров: смогут ли пятеро (!) игроков основного состава выйти на поле в финале Кубка кубков?

Как томительно тянулось с утра время 2 мая 1986 года до того момента, пока, наконец, поздним вечером на экранах наших телевизоров не вспыхнула картина гудящего, словно растревоженный улей, лионского стадиона «Жерлан». Финал Кубка кубков! Комментатор назвал состав киевского «Динамо»: Чанов, Бессонов, Балтача, Кузнецов, Демьяненко, Рац, Яковенко, Яремчук, Заваров, Беланов и... Блохин.

«Ай да медики! — невольно подумалось многим в тот момент. Все травмированные ребята в строю!» Но мы тогда не знали и не могли знать, любуясь блистательной их игрой, о том, что вопрос о выходе некоторых наших игроков на поле решался едва ли не в последние часы, а у Блохина — даже минуты! Это не надуманная драматизация, а достоверный факт.

Утром в день финала во время зарядки Лобановский поинтересовался состоянием Блохина, который после полученной в Румынии травмы так и не провел ни одной тренировки (Олега лишь интенсивно лечили и чуть ли не каждые три часа меняли процедуры).

— Как я себя чувствую? — повторил Блохин вопрос тренера. Не знаю, Васильич. Пробовал, но еще не разобрался: то вроде бы не чувствовал травмы, а то вдруг казалось, что дает себя знать.

— Хорошо бы сыграть, Олег,— только и сказал Лобановский в то утро.

Я вышел на разминку вместе со всеми,— рассказывал мне после возвращения из Лиона Олег Блохин,— но футболку с номером «11» надевать не стал: смогу ли играть? Надо было до конца все проверить, осознать. Дать согласие выйти на поле, а потом во время игры отказаться, сказать: «Не смог...»? Это означало бы подвести команду. Невольно вспомнил финал Кубка кубков 1975 года, когда мы встречались с «Ференцварошем». Почти похожая ситуация. Тогда тоже была едва залеченная травма и фиксирующая повязка на ноге. Правда, в тот раз, в Базеле, я еще утром знал, что смогу играть. А сейчас?

До начала финала оставалось минут пять-семь. Вадик Евтушенко разминался тоже. Изредка мы посматривали друг на друга: кому из нас двоих выходить в стартовом составе? Я легко побегал, сделал привычную разминку, несколько легких ускорений, пожонглировал мячом и даже побил по воротам. Боли вроде бы не было. «Пора!» — сказал сам себе и подбежал к бровке, где стоял Лобановский, внимательно наблюдавший за нашей разминкой. «Буду играть!» — сказал я ему. Лобановский одобрительно кивнул головой и ничего не ответил. Да и нужны ли были слова, когда мы, как мне показалось в тот момент, очень хорошо друг друга понимали.

В Лион поддержать свою команду приехали почти двадцать тысяч испанских болельщиков. Истошный гвалт, песни, пестрые испанские флаги, трубы, барабаны, трещотки. Все так и было, как предвидел Лобановский, который еще на установке призывал своих подопечных: «Не обращать внимания на зрителей! Их гвалт вас не должен смущать. Надо игрой привлечь трибуны на свою сторону. Своей игрой!»

Так оно и случилось в действительности.

— Когда приехали на стадион, думал, будет тяжко: крики, шум, треск, барабанная дробь,— рассказывал о финале Василий Рац. Но начался матч, и я сразу понял, что публика футбол понимает. Фрагментами мы показывали отличную игру, и на трибунах нас поддержали. К концу второго тайма мы уже чувствовали себя как дома.

Рац, на высокой скорости обыграв на правом фланге двух защитников, выполнил острую прострельную передачу. На нее

первым среагировал Игорь Беланов, сумевший из неудобного положения нанести сильный удар по воротам Филлома. Удар был настолько силен, что вратарь «Атлетико» сумел лишь парировать мяч. На добивание уже спешил Александр Заваров. Удар головой — гол! Шла 6-я минута матча.

С каждым последующим отрезком времени преимущество динамовцев становилось очевидным. И нервы испанцев не выдержали. Они начали играть жестко, а порой и жестоко. Минут за шесть-семь до конца первого тайма в разных участках поля на траву «уложили» сразу двоих: Балтачу и Беланова. Доктор Берковский несколько мгновений пребывал в растерянности: к кому раньше мчаться? Выбрал Балтачу. Динамовский врач хорошо знал, что у Сергея было только одно уязвимое место — «ахилл». Так спортсмены называют самое сильное в нашем теле сухожилие. И на 39-й минуте игры сухожилие не выдержало напряжения.

— Перед отъездом команды я говорил Лобановскому, что с Балтачей будет, пожалуй, даже больше проблем, чем с Блохиным, — сказал мне доктор Малюта, наблюдавший за финалом Кубка дома по телевизору, когда я позвонил ему в перерыве между таймами. Так оно и случилось. Теперь, думаю, речь будет идти не просто о воспалении, а о надрыве волокон. Значит, мы теряем игрока очень надолго. Но все равно Сережа достойно, ценой сверхусилий свое дело сделал. Отработал почти весь первый тайм и, считаю, здорово помог команде.

— А как Блохин, доктор? Как думаете, до конца продержится? — спросил я Малюту.

— Думаю, да.

Наш легендарный форвард не только «продержался». В этой игре, как, впрочем, и одиннадцать лет назад в своем первом финале Кубка кубков, Олег был просто великолепен. А за шесть минут до финального свистка он мастерским ударом опередил выбегавшего из ворот голкипера — 2:0! Еще немного спустя Вадим Евтушенко (он на 70-й минуте заменил Заварова) головой технично перебросил мяч через отчаянно бросившегося навстречу вратаря «Атлетико» — 3:0. Блестящая и убедительная победа!

Каковы же были первые ощущения победителей? О чем думали они в те счастливые для команды мгновения?

Александр Заваров:

— Хотя до этого я в финале ни разу не играл, но твердо знал, что он требует полной самоотдачи. Предполагал, что победит тот, кто на поле будет спокойнее и умнее: финал есть финал! Этим все сказано. Ночами не спишь, все думаешь, как игра сложится. И во время матча с «Атлетико», честно признаюсь, думал только об

одном: «Как бы победить!»

Перед нами была высокая цель, и мы ее достигли. Мне хочется от всей души сказать спасибо команде — коллективу! — за эту нашу победу.

Бесспорно, это была подлинно коллективная победа, поделенная на всех. И все-таки даже в таком слаженном футбольном ансамбле, каким выглядело в тот вечер киевское «Динамо», Блохин по праву занимал особое место. И не только потому, что это для него — единственного советского футболиста! — был второй миг обладания европейским Кубком. На поле он являл собой пример мужества, воли и мастерства. И, думая в ту майскую ночь о Блохине, я благодарно отдавал в душе дань высокопрофессиональной работе динамовских медиков. Впрочем, не мне одному приходили такие мысли. Их разделяли все, кто знал положение в команде накануне финала. Буквально через неделю после лионской встречи я прочел и выписал такие строки заслуженного мастера спорта Никиты Симоняна:

Сложно выделять по такой игре кого-либо из футболистов: все играли ярко и здорово. Но особо хотелось бы сказать о Блохине. Думается, если бы он был здоров, ему бы ничего не стоило использовать еще два-три момента, которые он имел, особенно в первом тайме. Надо отдать должное медицине, сумевшей за такой короткий отрезок времени практически поставить Блохина на ноги. Надо отдать должное и мужеству Олега, игравшего без оглядки на травму и все сделавшего для того, чтобы вместе с командой завоевать в своей футбольной жизни второй Кубок обладателей кубков. Надо отдать должное Лобановскому, который понимал, что одно лишь присутствие Блохина на поле партнерам прибавит уверенности, а соперникам — нервозности.

Забегая вперед, скажем, что труд динамовских медиков в том памятном для команды 1986-м был отмечен Указом Президиума Верховного Совета Украинской ССР «О присвоении врачам футбольной команды „Динамо", г. Киев, почетного звания заслуженного врача Украинской ССР».

Этого Виктор Иванович Берковский и Владимир Игоревич Малюта удостоились, как говорилось в Указе, «за заслуги в развитии здравоохранения, значительный вклад в медицинское обеспечение футбольной команды „Динамо"».

Вот как Олег Блохин рассказывает в нашей совместной документальной повести «Футбол на всю жизнь» о первых

счастливых для киевского «Динамо» минутах в Лионе:

Победа! Мне на всю жизнь запомнится миг этой славной победы, когда, положив руки на плечи друг друга, крепко обнявшись, мы уходили с поля всей командой: коллективом!

В нашей раздевалке были в те минуты рукопожатия, объятия, поцелуи, смех и слезы (разумеется, радости!). Я долго неподвижно сидел в кресле и только теперь, после матча, стал ощущать пульсирующую боль под фиксирующей повязкой на левой ноге: травма давала о себе знать. Смотрел на моих радостно возбужденных партнеров. Они ликовали, а я в тот момент подумал: «Неужели и я был так же безмерно счастлив тогда, в семьдесят пятом?» Не стану кривить душой: радость и на этот раз была. Но она все же чуть-чуть притупилась.

Впрочем, все правильно. Так, наверное, и должно быть. И первая радость всегда сильнее, первое чувство — острее. Добавьте к этому, что к нашей радости, которая пришла к команде в Лионе, я лично шел через боль, нервное напряжение и неизвестность. Неделю командных тренировок мне заменили «индивидуальные» процедуры и томительное ожидание их результата. А он был, как говорится, налицо: удалось все-таки выдержать 90 минут такой Игры! Еще, помню, в раздевалке лионского стадиона «Жерлап», когда красавец-приз стоял уже на столе, подумал: «Какая же все-таки неизведанная машина — человек, и как мало мы еще знаем о резервах собственного организма».

Да, мы еще очень мало об этом знаем — о резервах Человека, которого в наш суровый век жизнь то и дело проверяет на прочность. И проверяет порой не в игре, похожей на сражение, а в подлинном страшном бою. В те самые часы майского вечера, когда миллионы советских людей прильнули к экранам своих телевизоров и динамовцы Киева дарили нам радость, на четвертом энергоблоке Чернобыльской АЭС люди вели отчаянную борьбу с вышедшей из-под контроля ядерной стихией, сражались за нашу с вами жизнь.

На послематчевой пресс-конференции западные журналисты среди множества вопросов, заданных Лобановскому, не преминули спросить:

— Ваши футболисты выглядели сегодня очень спокойными. Их что, не волнуют судьбы их детей, жен, матерей, которые

сейчас в Киеве, где очень опасная радиационная обстановка?

— Наши футболисты уже из Лиона позвонили в Киев,— спокойно сказал Лобановский. Они поговорили с родными и поняли, что здесь, на Западе, слухи об опасности для жизни в нашем городе сильно преувеличены.

Во время той пресс-конференции тренер, как и мы все, еще ничего не знал об уже брошенном жителями городе энергетиков Припяти, о тридцатикилометровой зоне, и об эвакуации из нее почти стотысячного населения, и о многом другом. Его спокойствие не было наигранным.

После победного финала в Лионе Лобановский стал единственным советским тренером, команда которого дважды выигрывала Кубок кубков. Но, судя по рассказам очевидцев, в тот счастливый час повторной победы он не был похож на ликующего человека, празднующего осуществление своей высокой мечты. Вероятно, все дело в том, что ему, как никому другому, было понятно, какой ценой достигнута эта победа, каких духовных и физических сил, каких нервных затрат и, наконец, упорства она стоила. А может, такой сдержанной и должна быть реакция человека, который шел к своей цели, преодолевая сплошные препятствия и трудности? Ведь подобный путь (лишающий сна при одном лишь воспоминании о нем!) нередко опустошает. Физически и духовно. И тогда уже не остается больше сил на праздник души. В первом же интервью после победы киевского «Динамо» в Лионе в словах тренера не было излишней эмоциональности и восторженных оценок. Лобановский оставался самим собой. Суховатым, немногословным, четко формулирующим свои мысли.

— Победа всегда приятна,— сказал Валерий Васильевич. Хорошо, что выиграли один из почетных европейских призов, но самое главное, что хотелось бы подчеркнуть сейчас,— не сам факт нашей победы в финале. Главное в любом процессе — это идея, направление поиска. И то, что нам удалось подтвердить правильность нашей методики подготовки, принципы организации игры, наверное, это и есть самое главное. Мы очень признательны нашим ребятам, которые в самую трудную минуту поддержали руководство команды, пошли за ним. Но не следует забывать, что основное событие нынешнего года — чемпионат мира в Мексике. И нам очень хотелось бы, чтобы наши ребята, динамовцы, внесли бы в выступление сборной команды Советского Союза такую же лепту, какую они внесли в играх за свой клуб. И мы надеемся, что сборная страны достойно будет представлять советский футбол на чемпионате мира в Мексике.

Когда старший тренер киевского «Динамо» говорил эти слова,

он, вероятно, даже не предполагал, какие разительные перемены ожидают сборную страны. Наверняка не думал, что уже через неделю после этого интервью вся ответственность за выступление сборной СССР на XII чемпионате мира ляжет на его, Лобановского, плечи.

Глава 12. Срочная замена

Чем меньше дней оставалось до начала чемпионата мира 1986 года в Мексике, тем хуже становилось настроение игроков сборной СССР (не говоря уже о зарождении мрачных прогнозов в недрах многомиллионной армии ее болельщиков и в среде самих специалистов футбола). Шутка ли, наша «главная команда страны», готовясь к мексиканским баталиям, потерпела поражения в товарищеских матчах от сборных Испании, Мексики, Англии, Румынии и, наконец (за две недели до отъезда на чемпионат мира), сыграла в Лужниках со сборной Финляндии вничью — 0:0. После этого статистики подсчитали, что:

Начиная с 12 сентября 1984 года сборная СССР провела восемь отборочных и пять товарищеских игр (здесь учитываются товарищеские матчи только 1986 года): 4 победы, 3 ничьи, 6 проигрышей, соотношение мячей — 14:14. За это время в сборной выступали 30 футболистов из восьми клубов.

Находясь в то время в тесном общении с Олегом Блохиным, с которым мы работали над книгой «Футбол на всю жизнь», я был удостоен прочесть некоторые его дневниковые записи, сделанные во время тренировочного «мексиканского цикла». Блохин на одной из страниц пометил для себя: «Настроения нет, хорошей игры — тоже. Ужасно хочется домой. Может быть, бросить это дело? Не было бы хуже, чем в Испании».

— Что же все-таки происходит со сборной, Олег? — спросил я своего соавтора, когда до отъезда нашей команды на чемпионат мира в Мексику оставалось чуть меньше месяца.

— Честно говоря, оптимизма никакого,— ответил он довольно грустным голосом. Я, в принципе, не паникер, но реально смотрю на сложившуюся ситуацию.

— Неужели положение не лучше, чем перед отъездом в Испанию, на чемпионат мира восемьдесят второго года?

— Хуже! Тогда хоть некоторые были травмированы, но ребята играли и готовы были биться за победу. Главное — было в той сборной взаимопонимание. Сейчас можно сказать, что в сборной просто есть группа хороших игроков. Но их надо объединить! А если нет в коллективе нормального психологического микроклимата, как это сделать? Многое ведь зависит от старшего

тренера...

Напомню, что в ту пору сборную Советского Союза возглавлял Э. В. Малофеев. Забегая несколько вперед, приведу выдержку из интервью Вячеслава Колоскова журналу «Сельская молодежь» уже после чемпионата мира в Мексике.

Эдуард Васильевич Малофеев прекрасно проявил себя, когда работал в минском «Динамо», — сказал глава Управления. Он создал сплоченный, очень интересный коллектив и вывел его в лидеры нашего футбола. Поэтому молодому тренеру доверили возглавить сперва олимпийскую, а затем и национальную сборную страны. Кстати, замечу: это назначение тогда горячо приветствовали и наши футбольные обозреватели — те самые, которые теперь столь же горячо критикуют Управление футбола за «очередное непродуманное решение»... Мы сознавали, что идем на определенный риск. Однако верили, что Малофеев с его энтузиазмом и при поддержке опытных помощников сумеет сделать новый важный шаг в своем профессиональном становлении. А потому не торопились, как бывало прежде, с категорическими выводами. Увы, минувшей весной стало ясно: наши надежды не оправдались.

— А вы, как ветеран сборной, не пытались откровенно поговорить с Малофеевым о наболевшем? — спросил я Блохина в том же разговоре, который был только что прерван цитатой.

— Это, думаю, бесполезно. К тому же чувствую, что он меня недолюбливает и не пойдет на контакт. Какой же смысл в откровенном разговоре, если эта откровенность может потом обернуться только против меня?!

— Вы ведь один из ведущих игроков команды, Олег! Тренеру, вероятно, интересно узнать вашу позицию, ваши взгляды.

— Увы! По-моему, Малофеев на меня вообще не рассчитывает... Благоволит к своим минчанам. Потренировался, к примеру, после травмы Алейников — и слышим от тренера:

«Давайте ему похлопаем!» Но ведь в сборной так нельзя: это коллектив, и людей надо объединять, а не разобщать.

— А как, на ваш взгляд, все ли футболисты по своему уровню игры соответствуют сборной страны?

— Я считаю, не все. На днях, например, тренеры каждому из нас предложили записать фамилии 22 человек, которые должны поехать на чемпионат мира. Я в свой список внес весь основной состав киевского «Динамо» и двенадцатым еще добавил Вадика

Евтушенко, который пока у нас в клубе выходит часто на замену. А из других клубов в «свою» сборную включил Чивадзе, Сулаквелидзе, Бубнова, Морозова, Родионова, Литовченко, Протасова.

— И «ваша» команда, думаете, будет способна показать другую игру?

— Только при одном условии: если поменять старшего тренера. С нынешним многие ребята не хотят работать.

— И вы, как игрок сборной, готовы об этом открыто сказать руководителям Госкомспорта СССР?

— Не только как игрок, но и как коммунист...

Да, накануне мексиканского чемпионата, как любят говорить футболисты, кажется, даже ежику было понятно, что нет у нашей сборной полноценного тренера. Да и была ли сама боеспособная сборная? Во всяком случае, той команды, которую замыслил Малофеев и о которой широковещательно налево и направо заявлял, что она едет в Мексику занимать первое — и только первое! — место, фактически не существовало. Мне казалось, что, формируя главную команду страны, Эдуард Васильевич набрал в ее состав, в основном, только тех людей, которыми мог управлять. Разумеется, это (для Малофеева) имело смысл и было вполне логично. Но было ли этого достаточно? Очень уж средние игроки в малофеевской команде составляли большинство. Для успеха в противоборстве клубов на чемпионате страны их усердия и сыгранности порой вполне хватало, но на международной арене...

Но виноват ли в таком подборе только лишь Малофеев? На мой взгляд, здесь обнаружилась скорее не вина его, а беда. А основными виновниками были те, кто его на этот пост поставил. Кто же это сделал? Их имена всегда оставались неизвестны. «Анонимы». Им было невдомек, что хороший клубный тренер, каким показал себя Малофеев в Минске,— это еще не руководитель сборной. При всей внешней похожести установок, тренировок внутренняя суть обязанностей и сама повседневная работа тут совершенно иные. Постепенно Малофеев стал просто тренером при сборной, которой руководили из-за кулис «анонимы». Однако же и определенная доля вины Малофеева, коль скоро он с назначением на роль старшего тренера согласился, безусловно, была.

Весной 86-го на фоне блистательной игры киевского «Динамо» на международной арене выступления сборной Советского Союза выглядели особенно блекло. Правда, наша пресса, как правило, об этом контрасте умалчивала. А за рубежом не стеснялись. После убедительной победы киевлян над пражской

«Дуклой» газета «Млада фронта», к примеру, одарила чемпионов Советского Союза таким комплиментом: «Киевское „Динамо" под руководством опытного и бескомпромиссного тренера Лобановского является командой, превосходящей по стилю и силе игры сборную СССР».

О необходимости замены тренера сборной думали и говорили между собой не только болельщики, раздраженные ее бездарной игрой, но и сами футболисты и специалисты. Пресса молчала (разговоры велись ведь «не для печати»). Правда, мне рассказывали, что московские ветераны отечественного футбола, озабоченные тревожным положением дел в сборной СССР, написали в очень высокую инстанцию коллективное письмо, в котором прямо-таки требовали замены Малофеева Лобановским.

Многие игроки сборной, с которыми мне довелось в ту пору беседовать, считали, что игру их команды в какой-то степени могут исправить только два человека: Бесков или Лобановский. Личности, по мнению самих игроков, полярные. У каждого свои методы, но главное, каждый из них способен повести к одной большой цели. В конце апреля, когда в Киеве динамовцы встречались со «Спартаком», я рассказал об этих суждениях футболистов сборной Николаю Петровичу Старостину. Он тоже высказался о необходимости замены тренера. Правда, кандидатуру Бескова «отвел» по той причине, что в спартаковском коллективе происходила очередная смена поколений и игра команды явно оставляла желать лучшего. Побеседовал и с Бесковым. Поведал ему, между прочим, что даже сами игроки видят только в нем или в Лобановском тех людей, которые еще способны исправить положение дел.

— Я думаю, что сейчас ближе к этой цели Лобановский,— сказал Бесков. Команда у него в полном порядке еще с прошлого года.

— Уступаете ему приоритет?

— Уступаю. Я в этом отношении человек объективный. Еще в минувшем сезоне киевляне отличались своей игрой от игры прошлых лет, когда также обладали великолепными футболистами, но не придерживались тех тактических концепций, которые необходимы в современном футболе. А сейчас мне киевское «Динамо» очень нравится. С удовольствием смотрю и болею.

А что же Лобановский? Однажды, в самом начале апреля, заговорив с ним о сборной, я попытался вызвать его на откровенность и вдруг услышал нечто весьма раздраженное:

— А что я должен сказать? Что Эдуард Васильевич делает какие-то глупости? Я о коллегах вообще никогда ничего не

говорю — это мой принцип. Но вы же его поддерживаете!

— Кто? — не понял я.

— Вы, журналисты! — воскликнул Лобановский. Я же читаю прессу. Что делали с нами, когда мы где-то не так ярко выигрывали игру? Нас уничтожали. А здесь все нормально, все в полном порядке.

— Но нельзя же спокойно наблюдать со стороны, как...

— А почему же нет нормального анализа?! — взорвался он. Почему сейчас нет? Тогда писали, сейчас молчат.

— Но, может быть, те, кто ставил на этот пост Малофеева, не видят, как команда валится, играет все хуже и хуже?

— Все видят. Они просто не знают, как выйти из этого сложного положения, в которое сами попали.

— Почему не знают? — возразил я. Знают. Но им не так-то просто это сделать. Они ведь понимают, что, сняв одного тренера, надо его заменить другим. А кто другой? Сегодня это очевидно для всех — Лобановский! Но его-то очень не любит самый большой спортивный начальник.

— Не надо его снимать! — перебил меня Лобановский. Пусть работает и отвечает за все, что сделал. Я имею в виду другое. Нужна критика, но не формальная, а в плане какой-то помощи, чтобы человек задумался, что-то исправил. Малофееву просто надо помочь!

Постепенно (жаль только, что очень поздно, но лучше все-таки, чем никогда!) дошло, видимо, и до сознания «анонимов», что из-за кулис сборной особенно умело не поруководишь. Кстати сказать, события тех дней помогли мне еще раз убедиться в порядочности Олега Блохина, в его честной гражданской позиции. Мне бы не хотелось, чтобы эти слова читатель принял за пустопорожний пафос. Это факт. О чем многие игроки той сборной только думали или говорили друг с другом словно бы шепотом («не для печати»), он сказал открыто — на общем собрании команды. Оно состоялось 11 мая 1986 года на тренировочной базе в Новогорске. Собрание вел тогдашний председатель Госкомспорта СССР М. В. Грамов. Игроки сборной страны рассказывали мне, что выступление Блохина было таким же честным и открытым, как его игра на поле. Он смело назвал основные, на его взгляд, причины неудачной игры команды и высказал свое мнение, что ему, как игроку и коммунисту, выход из создавшейся ситуации видится только один: замена Малофеева Лобановским. А ведь в момент обсуждения этого вопроса никто еще из игроков сборной страны не знал, состоится ли такая замена.

Все это происходило в то время, когда по календарю шел

отсчет дней второго года перестройки. Радио, телевидение и пресса неустанно убеждали нас, что ныне всюду — в отличие от времен, заклейменных «застойными»,- идут уроки правды. Уроки правды взамен уроков лжи.

И вот вечером, как раз в тот день, когда проводилось собрание в Новогорске, по Центральному телевидению состоялась трансляция «Футбольного обозрения». Вел его Н. Н. Озеров. Разумеется, в те дни всех волновал вопрос о сборной: до начала чемпионата мира, как говорится, осталось всего ничего. На экране телевизора вновь замелькали кадры недавнего матча сборных СССР и Финляндии, который для нашей команды стал последней генеральной репетицией перед отъездом в Мексику, а Николай Николаевич комментировал:

— Не получилась комбинационная игра у нашей сборной. Много было неточных передач, действовала команда не так остро, как умеет и может. В игре футболистов чувствовалась несогласованность, пассивность.

После матча Н. Н. Озеров взял интервью у Э. В. Малофеева. Милейший интеллигентный человек пытался, видимо, как-то помочь тренеру в оценке сложившейся ситуации. Словом, наш популярный телекомментатор и актер начал так:

— В театре накануне премьеры бывает немало репетиций, прогонов и, наконец, генеральная репетиция, которая не всегда проходит удачно. Но вот наступает день премьеры. Те же исполнители преображаются и показывают яркий, интересный спектакль, высокое мастерство — все, что было накоплено за долгие месяцы репетиций, индивидуальной работы с режиссером. Потому что труд не пропадает даром! Хочется верить, что премьера футбольной сборной Советского Союза на чемпионате мира, которая назначена в Ирапуато на второе июня, пройдет с успехом.

— Мы очень рассчитывали на сегодняшнюю игру,— вступил в разговор Эдуард Васильевич. Очень рассчитывали! С этого периода мы должны были процентов на восемьдесят — девяносто быть уже в полной готовности. Так планировали. Все-таки игра показала, что физически и особенно в тактическом плане мы сегодня были очень сильны!

Но самого главного не было: страсти, желания победить противника.

Потом, довольно бодро поведав о программе работы сборной на оставшиеся до отъезда дни, Э. Малофеев закончил свой рассказ словами:

— С двадцатого на двадцать первое вылетаем в Мексику. Концовка же этого телеинтервью была и вовсе оптимистичной.

— Ну что ж,— говорит Озеров,— в добрый путь!

— Спасибо вам большое, Николай Николаевич,— отвечает Малофеев. Я думаю, что все будет хорошо!

А ровно через сутки после этого «Футбольного обозрения» в программе «Время» была зачитана короткая информация ТАСС:

Президиум Федерации футбола СССР рассмотрел вопрос о подготовке сборной страны к финальным играм чемпионата мира 1986 года.

Учитывая личную просьбу Э. Малофеева, а также то, что в состав сборной страны входят 11 спортсменов команды «Динамо» (Киев), президиум Федерации футбола СССР освободил его от обязанностей старшего тренера и рекомендовал назначить главным тренером сборной СССР В. Лобановского.

Как вам нравится эта «личная просьба» человека, который еще накануне сказал Озерову (и миллионам телезрителей), что «все будет хорошо»?

Сразу после программы «Время» мне позвонил специальный корреспондент «Комсомольской правды» Николай Долгополов, который в те дни передавал из Киева в газету репортажи о борьбе с последствиями аварии на Чернобыльской АЭС. Мы договорились с ним, что обязательно возьмем интервью для «Комсомолки» у В. В. Лобановского, возглавившего сборную страны за считаные дни до мирового чемпионата.

Рано утром встретились с ним у вагона №4 поезда «Москва — Киев», ибо Лобановский на полдня вырвался домой: уладить дела в динамовском клубе, собрать вещи.

— С чего вы начали, Валерий Васильевич?

— С тренировки. Днем меня представили команде, а в 17.00 мы тренировались.

— Как вам сборная? Какое настроение у футболистов?

— Настроение в коллективе хорошее, рабочее. Тренировались в охотку.

— А как отнеслись к назначению вы?

— Какая тут может быть реакция? Мне предложили возглавить команду, видимо, с учетом того, что в ней много динамовцев Киева. Здесь речь не идет о каком-либо четырех- или двухлетнем тренировочном цикле. Надо эффективно провести оставшиеся три недели и постараться выполнить задачу, которая стоит перед сборной.

— Какая же это задача?

— Она давно известна, о ней много говорилось: успешно выступить в Мексике.

— Кто станет вашими помощниками в сборной?

— Начальник команды Никита Павлович Симонян, тренеры Юрий Андреевич Морозов и Сергей Михайлович Мосягин.

— Чем вызван ваш выбор?

— В этом составе мы вместе работали со сборной в 1983 году. Мы коллеги и единомышленники.

— Познакомьте с вашей личной тренерской программой-минимум.

— Масса информации, которую надо освоить и осмыслить. Это, например, состояние игроков — оно разное. Если удастся, надо в этот короткий промежуток его сбалансировать, учитывая индивидуальные особенности каждого футболиста. Необходимо изучить и соперников по подгруппе.

— А собраны ли о них сведения?

— Конечно. Операторы отсняли видеокассеты с матчами.

— Вы сами успели посмотреть что-нибудь из отснятого?

— Видел пока только то, что и телезрители,— игру Венгрия — Бразилия. Придется «продлить» сутки. Сидеть ночами.

— Ваш предшественник проповедовал «искренний» футбол.

— Я не знаю, что это такое.

— Допустим. К какому футболу будете стремиться вы?

— К гармоничному. Я за гармонию атаки и обороны. Предстоит работа над организацией игры. Прежний стиль сборной-86, судя по письмам, не устраивал болельщиков, не говоря уже о специалистах.

Итак, в Мексику сборная отправилась во главе с Лобановским (хотя, напомню, еще менее трех лет назад в решении коллегии Госкомспорта СССР было записано: «Считать нецелесообразным дальнейшее использование т. Лобановского... в работе со сборными командами»).

Огромный интерес к XIII чемпионату мира сборная Советского Союза ощутила сразу же по прилете в шумный международный аэропорт Мехико, где советскую делегацию буквально атаковала огромная — человек в двести! — толпа журналистов, фотокорреспондентов, теле- и радиокомментаторов из разных стран мира. И здесь, в общей суете, когда людям не терпелось предвидеть (или предугадать?), как сложится борьба на футбольных полях Мексики, тоже вдруг прозвучало обжигающее до боли слово: «Чернобыль».

— Скажите, только честно: в связи с аварией на Чернобыльской атомной электростанции не пострадало ли от

радиации киевское «Динамо»? — спросил Лобановского один из американских репортеров.

— Пострадало... Валерий Васильевич сделал паузу и улыбнулся. Ровно через неделю после этой аварии динамовцы выиграли Кубок обладателей кубков европейских стран!

Среди журналистов раздался дружный смех и аплодисменты. А Лобановский, выждав, пока представители прессы успокоятся, добавил:

— А вот и двенадцать пострадавших от радиации киевлян,— он жестом указал в сторону команды. Как видите, живы и здоровы! Каждый из них готов с честью представлять футбол нашей страны в составе сборной Советского Союза.

Он не кощунствовал. Лобановский, впрочем, как и мы все, в те дни еще толком ничего не знал о подлинных масштабах человеческой трагедии, различные аспекты которой от нас тщательно утаивали в документах с грифом «Совершенно секретно». Да и все ли знаем о ней сейчас? Ведь даже «Огонек» только через три года после аварии добился сведений о том, что:

По цезию-137 выброс из разрушенного реактора четвертого энергоблока Чернобыльской АЭС был равен 300 Хиросимам.

Полураспад радиоактивного йода — несколько дней.

Стронция и цезия — тридцать лет.

Плутония — десятки тысяч...

Впрочем, вернемся к футболу Надеюсь, нет никакого смысла подробно описывать события на мексиканских футбольных полях. Напомню только, что после блестящей стартовой игры, когда в ворота венгров влетели шесть «сухих» мячей, пресса, радио и телевидение синхронно заговорили о «загадочном незнакомце» — сборной СССР, которая не выиграла ни одного матча в подготовительный период, а главное — сменила тренера за две недели до чемпионата. Опытнейшие специалисты, маститые комментаторы и журналисты из разных стран на все лады твердили, что ни на одном из мировых первенств, которые им довелось повидать, сборная СССР не играла так хорошо, как в Мексике. И мало кто из них сомневался, что советская команда одолеет сборную Бельгии. Да и сам тренер бельгийцев Ги Тис накануне игры говорил журналистам, «...что главной целью его

команды будет остановить „каток" советских футболистов, вести коллективную защиту, не оставляя свободных зон».

Но, увы, игру бельгийцам наша сборная проиграла, и на послематчевой пресс-конференции Лобановский был краток:

— Во встречах на таком уровне побеждает тот, кто допускает меньше просчетов. К сожалению, в нашей команде некоторые игроки допустили грубейшие промахи.

Пресса с особым интересом комментировала матч №38: СССР — Бельгия. По словам обозревателей, он стал одним из самых драматичных и напряженных из всех 38 матчей, прошедших к тому моменту на мексиканских футбольных полях. Команду, которая выбыла из борьбы, дружно... хвалили, считая, что, в основном, советским футболистам победить бельгийцев помешал судья из Испании В. Санчес. Об этом писалось и говорилось немало. Но приведу лишь один комментарий программы ВВС-1:

Сборная Бельгии с помощью бокового арбитра выиграла один из самых драматичных матчей мирового чемпионата-86. Оба гола во второй половине поединка были забиты Шифо и Кулемансом из положения вне игры, что привело к дополнительному времени.

Советская команда выбыла из борьбы за титул. Но своей игрой она взорвала язвительный западный стереотип о том, что ее футбол носит оборонительный и грубый характер. Это был один из самых величайших матчей за всю историю чемпионатов мира, где русские в полном блеске показали всю свою мощь и мастерство. Они атаковали без устали 120 минут.

Впрочем, когда страсти поостыли, специалисты напомнили одну из главных футбольных заповедей: «Лишь судья в поле определяет, останавливать игру или нет».

— Да, по-моему, положение вне игры было,— говорил в своем интервью специальным корреспондентам «Комсомольской правды» Диего Марадона. Но почему ваши футболисты остановились, не дождавшись свистка арбитра? Разьве у вас в стране не вдалбливают мальчишкам, что только судья вправе разрешать те или иные игровые ситуации? Поражение в матче с бельгийцами объясняется не только ошибками арбитров. Ваши футболисты действовали однообразно. Мне показалось, что это тени от тех игроков, которые так эффектно разгромили венгров.

— Но советские болельщики довольны качеством игры своей сборной, ее результатом,— сказали корреспонденты Марадоне.

— Десятое место — разьве успех! — воскликнул капитан сборной Аргентины. Представляю, что было бы с Билардо и со мной, если бы мы так провалились.

Действительно, только ли из-за судейских ошибок проиграла наша сборная? Вот мнения и других признанных в мире футбола авторитетов.

Бывший тренер западногерманской «Баварии» Дитмар Крамер:

— Все, что с таким трудом создавалось тренером и нападающими, было перечеркнуто линией защиты.

В прошлом звезда португальского футбола Эйсебио:

— Ваши футболисты настолько увлеклись атакой, что забыли в решающий момент об обороне. Их атакующий порыв в матче с бельгийцами был прекрасен и понятен. Однако все в футболе должно быть гармонично. Невозможно выигрывать без крепкой линии защиты.

Бразильский полузащитник, чемпион мира 1970 года Альберто Ривелино:

— Только две сборные показали футбол, который меня поразил. Это команды СССР и Дании. Но лишь в отдельных матчах. Мне показалось, что в советской команде не было игрока, держащего нити игры в своих руках. Неутомимый Беланов рвался к воротам. Но кто снабжал его пасами? Вот и получилось: он работал большую часть матча вхолостую. Один в поле — не воин. Бельгийцы воспользовались этим. Можно и нужно ругать судей. Но важно помнить: в футболе побеждают не они, а футболисты.

Читая комментарий популярного в недавнем прошлом бразильца, я подумал, что в матче с Бельгией игроком, «держащим нити игры в своих руках», в нашей сборной мог стать Олег Блохин. С его-то опытом и мастерством! Ведь на чемпионате мира играют существенную роль не только психологическая и физическая подготовка игроков, но и их арсенал навыков, интеллект, тактика. Одного задора и желания, особенно в условиях высокогорья и мексиканской жары, явно было недостаточно для успеха. Но в том драматичном для нашей сборной матче Блохин на поле так и не вышел. Ни в основном составе, ни на замену.

— Учитывая возраст, я отдавал себе отчет в том, что мексиканский чемпионат — мой последний шанс испытать себя на самом высоком уровне мирового футбола,— рассказывал Олег Блохин. Я ждал его, тщательно к нему готовился. Третьего чемпионата у меня уже быть не могло. Но утром, в день первой игры, я вдруг услышал от Лобановского слова, которые были для меня словно снег на голову в разгар жаркого мексиканского лета.

«Играть не будешь»,— сухо сказал Валерий Васильевич, когда пригласил к себе. Легко представить мое состояние, когда я это услышал. Меня словно окатили из ушата ледяной водой. Не проронив ни слова, я вопросительно взглянул на тренера, мысленно произнося: «Почему?» Конечно же, он понял мой взгляд. Не мог не понять — такого не бывало за двенадцать лет нашей совместной работы. «Не готов к игре»,— тем же ровным тоном сказал мне Лобановский. В тот день я только и записал в своем дневнике: «Сразу упало настроение».

Я встречал наших «мексиканцев» в аэропорту Борисполя, когда они прилетели с чемпионата мира. Блохин был хмурым, как дождевая туча. Понимая его состояние в те дни, во время общения с ним я не касался «мексиканской» темы. К чему сыпать на раны соль? Только год спустя, когда мы уже завершали работу над книгой, снова заговорили о футбольной фиесте в Мексике-86. Олег уже спокойно рассказывал то, что было им выстрадано, прочувствовано и осмыслено. Вот небольшой фрагмент этого рассказа Блохина из книги «Футбол на всю жизнь»:

После игры я зашел в раздевалку вместе со всеми. Разгоряченные и огорченные игроки, тренеры и другие члены нашей делегации вели далеко не лицеприятный разговор. В людях в тот момент говорили эмоции. Я сразу поспешил из раздевалки: больно и горько все это было наблюдать. «Вот и все,— подумал я в тот момент. Чемпионаты мира для меня закончились».

Мы улетели из Мексики в самый разгар XIII чемпионата мира. Можете легко себе представить мое состояние: чемпионат несбывшихся надежд. В аэропорту Мехико ко мне вдруг подошел Лобановский. Вероятно, по выражению моего лица он понял мои терзания.

— Олег, что с тобой? — спросил Валерий Васильевич. Вид у тебя какой-то грустный. Не заболел?

Я понимал, что у него на душе ничуть не светлей, чем у меня. И все-таки не сдержался.

— Эх, Васильич, неужели нельзя было все-таки дать мне мой шанс? — бросил я.

Лобановский пристально на меня посмотрел. В глазах его в тот момент я увидел столько грусти, что даже пожалел о своем вопросе. А Лобановский, немного поразмыслив, тихо сказал мне:

— Может быть, ты и прав.

Блохин говорил откровенно, ничего не утаивая. Его

переживания и «обиды» на Лобановского были вполне понятны. Но была ли в том истина? Олег и сам понимал, что рассуждает только лишь со своей позиции игрока. Одного из двадцати двух наших «мексиканцев». А ведь у Лобановского была собственная позиция — главного тренера сборной СССР. Вспомните, что такая должность в стране только одна. Попробуйте себе представить, как непросто принимать окончательные решения этому человеку. И обязательно еще вспомните, что возглавил он команду, когда, образно говоря, билеты в Мексику были уже заказаны.

Прошло время. Страсти постепенно улеглись. Коллегия Госкомспорта СССР рассмотрела итоги выступления сборной на чемпионате мира и «меры по повышению мастерства советских футболистов». В соответствующих официальных документах коллегии Госкомспорта было, в частности, записано (читая, не поминайте лихом стилистику, ибо из постановления слова не выкинешь):

Отмечено, что руководство команды (ст. тренер В. Лобановский) сумело создать команду, которая в ряде матчей показала атакующий футбол, хорошую физическую и морально-волевую подготовку. Игра советской команды получила одобрительную оценку зрителей, средств массовой информации и специалистов футбола.

Вместе с тем сборная СССР не смогла продемонстрировать свои лучшие качества в матче 1/8 финала с командой Бельгии, допустила ряд грубых ошибок при обороне своих ворот и потерпела поражение, не выполнив поставленной задачи. Ниже своих возможностей в этом матче сыграли футболисты Дасаев, Демьяненко, Балъ, Бессонов и другие.

Сезон-86 приближался к концу. «Мексиканские» события становились футбольной историей. А мне не давал покоя один вопрос: не видел ли Лобановский и собственных просчетов в поражении от бельгийцев? Ведь по горячим следам он обвинил только лишь испанского судью и своих защитников. Но многие наши маститые тренеры, с которыми мне довелось беседовать, считали, что в игре против сборной Бельгии нашей команде явно «не хватало сзади» Чивадзе, а «впереди» — Блохина. В одном из своих интервью В. Колосков прямо заявил: «Тренеры не смогли определить оптимальный состав на игру с Бельгией».

А что такое вообще «оптимальный состав»? Очень уж

хотелось выяснить суть этого понятия с точки зрения самого Лобановского. И однажды мне довелось услышать на этот счет определенные его суждения.

— Колосков утверждает, что мы ошиблись? Пусть так считает,— говорил Лобановский. Это его мнение. Но почему я должен вступать с ним в полемику? Не вижу смысла. Колоскову надо было набрать какое-то количество отрицательных моментов. Он руководитель, и, если будет утверждать, что все было сделано правильно, его вообще никто не поймет. Одним словом, как руководитель Колосков правильно отвечал. Но я не знаю, какой он специалист. Это мне пока неизвестно: он же не работал на практической тренерской работе.

Наш разговор с Лобановским слушал и А. Зеленцов.

— А между прочим, Васильич, тут есть любопытный вариант ответа,— вставил Анатолий Михайлович. Чтобы в дальнейшем подобные вопросы не задавали. Потому что вообще не бывает такого случая, чтобы удалось найти оптимальный вариант подбора игроков на тот или иной матч. Лобановский одобрительно кивнул головой.

— Оптимальный состав нам трудно просчитать потому, что отсутствует пока сама методика, позволяющая определять оптимум состояния каждого игрока в день матча,— сказал Валерий Васильевич. Это очень сложная вещь. Можно лишь прогнозировать, предполагать, как тот или иной — даже выдающийся! — футболист проявит себя, когда попадет в жесткую борьбу. Выдюжит ли? А может быть, он там (в «горячих точках») и не проявится? Мы ставим тех людей, в которых есть необходимость. А оптимальный ли это состав, черт его знает! Повторяю, в каком состоянии мы выходим против соперника — это очень сложно просчитать. Даже если поработать с машиной. Ведь мы не можем заложить в нее оптимальную информацию. Нам ее просто не хватает.

— В определенной степени это уже ответ на вопрос,— говорю Лобановскому. Но если бы еще услышал от вас что-нибудь по конкретной игре против Бельгии... Ну, например, почему Чивадзе и Блохин не попали в состав?

— Мы уходим в частности. Оптимальный ли состав? Это потом показывает время, игра, результат, еще что-то там. До матча же вы не можете просчитать оптимальный состав. Практически это невозможно сделать! Поэтому когда люди говорят, что допущены категорические ошибки, что поставили, скажем, Дасаева, а не Чанова, Валя, а не Чивадзе, и тому подобное, то это некомпетентно, у них просто мало информации. Люди высказывают свою точку зрения, заявляют, что это должно

быть именно так, а не иначе, но при этом не знают соперника команды, не учитывают и еще массу факторов. Я бы так ответил на этот вопрос. Но не упоминал бы при этом какие-то конкретные фамилии игроков.

На клубном уровне киевские динамовцы в год мексиканского чемпионата мира к своей победе в Кубке кубков добавили и победу на первенстве страны (седьмое по счету «золото» — под руководством Лобановского!).

Не отвернулась удача от Лобановского и в работе со сборной страны. 11 октября 1986 года в Париже, на стадионе «Парк де Пренс», советская команда блестяще обыграла сборную Франции, забив в ворота хозяев поля, владевших в ту пору титулом чемпиона Европы, два «сухих» гола. Но дело не только в счете. Сама игра сборной СССР поразила даже видавших виды знатоков футбола. А ведь против нее в этом матче действовали такие звезды мирового футбола, как Платини, Тигана, Аморо, Папен, Фернандес, Бате. «Советская симфония в мажоре», «Голы были забиты как на параде», «Сильны, очень сильны, слишком сильны...» — высказывалась французская пресса о нашей команде в этом отборочном матче чемпионата Европы. Лобановский в своей книге «Бесконечный матч» пишет, что тренер-инспектор ФИФА Д. Крамер, летавший в Париж на эту игру, после возвращения в ФРГ сказал Беккенбауэру:

— Боюсь, Франц, что, если мы не сумеем прибавить в ближайшие полтора года в игре, я видел новых чемпионов Европы.

Сборная СССР никогда еще не входила в тройку сильнейших команд мира и с 1972 года не бывала не пьедестале почета европейского чемпионата. Представляете, какую надо было показать игру, чтобы дождаться такого комплимента — прогноза Крамера! И главное, что он ненамного ошибся.

32 футбольные сборные начали спор в чемпионате Европы. Для Лобановского это был первый в его жизни крупнейший международный турнир на уровне национальных сборных, который ему как тренеру удалось пройти вместе с командой от начала до конца. От стартового матча в отборочном турнире против сборной Исландии, который состоялся 24 сентября 1986 года в Рейкьявике, до финальной встречи с голландцами в Мюнхене 25 июня 1988 года. По единодушному мнению специалистов, финал получился достойным и стал подлинным венцом великолепного футбольного праздника. На поле Олимпийского стадиона в Мюнхене шла такая игра, что все ее 90 минут держали в напряжении футбольный мир. Голландцы вырвали победу, и тренер новых чемпионов континента Ринус

Михелс сразу же после финала признался журналистам, что он просто счастлив:

— Я больше не буду тренировать сборную Голландии и уйду тренером в один из западногерманских клубов. Мне понравилась игра сборной СССР, особенно в первом тайме. Порой даже казалось, что мои футболисты сегодня уйдут с поля побежденными. Но фортуна улыбнулась нам, и мы стали чемпионами.

Мы провели в ФРГ все пять матчей, на которые рассчитывали, когда готовились к чемпионату, — пишет в своей книге Валерий Лобановский. До финала сборная СССР дошла благодаря соответствующей физической подготовке, высокому техническому мастерству, разнообразным тактическим действиям, твердому волевому настрою на каждую игру, продуманной стратегии на каждый отдельный матч и на весь турнир. Это не только наша оценка, но и мнение многих европейских футбольных специалистов. Ринус Михелс, например, считает: «Советские футболисты точно так же, как и мы, поняли, о чем идет речь: на мировой арене в 90-е годы в футбол успешнее будут играть атлетически подготовленные и мыслящие игроки. Главная идея заключается в словах „футбольная команда". Лишь создав ее, можно рассчитывать на успех. Будущее только за коллективным футболом на высоких скоростях».

Не знаю, как вам, читатель, а меня этот «серебряный» для нашей команды чемпионат Европы воодушевил не столько результатом, сколько блестящей игрой советских звезд футбола, заставивших говорить о себе в самых восторженных тонах всю европейскую прессу. Впрочем, второе место на таком уровне не так уж и мало, когда позади остаются такие гранды мирового футбола, как сборные ФРГ, Англии, Дании, Италии, Испании (причем итальянцев и англичан наши парни великолепно обыграли в очных поединках). Но наряду с отрадным чувством не обошлось и без горечи, которую оставили некоторые события, развернувшиеся вокруг этого чемпионата. Имею в виду не только, например, вспышки вандализма «футбольных странников», понаехавших, в основном, с Британских островов.

Не могу забыть, как кое-кто из специальных корреспондентов, которых, кстати, никогда до этого не было видно в ложах прессы на отечественных стадионах и чьих публикаций на футбольные

темы никто доселе не читал, вдруг выдали из ФРГ на страницы некоторых центральных газет прямо-таки каскад суждений, свидетельствующих, на мой взгляд, о необъективном отношении к сборной СССР и ее тренеру Лобановскому. С каким умилением эти авторы подмечали все импонирующие черты поведения западных звезд, с каким пониманием относились к их тренерам! Вот такой образец из отчета о первом матче СССР — Голландия:

Сборная Голландии проиграла нам. Могла выиграть. Это видели все. И все видели, что голландец Гуллит, бывший на поле лучшим, не злился, не психовал и что сразу же после свистка судьи его обращение с соперниками было и приветливым, и улыбчивым.

А вот еще отрывок — о тренере (это — когда нам в полуфинале проиграли итальянцы и главный тренер «Скуадры адзуры» Вичини предстал перед журналистами):

На вопросы он отвечал хмуро, медленно, будто бы по пути из раздевалки в пресс-центр растерял весь свой итальянский темперамент... Ну а журналисты свой темперамент не растеряли, вопросы сыпались острые, и тренеру приходилось на них отвечать. В Италии с прессой шутить не полагается. Через некоторое время нам стало просто жалко тренера итальянцев.

Лобановского же, который, напомню, за два месяца до этого чемпионата попал в реанимационное отделение, да и во время футбольных поединков в ФРГ еще «сидел на препаратах», почему-то не жалели. И даже «Огонек» в публикации «Куда идет футбол — большой секрет?» предложил читателям одно из самых, мягко говоря, дилетантских суждений о делах футбола, о так называемой «кухне» «Евро-88» и о Лобановском.

Из публикации журнала мы узнали, к примеру, о «заборе с колючей проволокой, закрытых воротах и многочисленной охране спортивной базы в городе Руит, на которой квартировала сборная СССР». Узнали о том, что «началась свара» и что Лобановский «в первой половине чемпионата пришел лишь на одну послематчевую пресс-конференцию». Далее («после критических замечаний») положение несколько меняется, и читатель ставится в известность, что «ворота базы в Руите все-таки открылись», а там...

А там старший тренер сборной в течение получаса в пух и прах разносил советских журналистов за то, что они ничего не понимают в футболе, сравнил себя в конце концов с режиссером Товстоноговым и певцом Шаляпиным.

Подобные суждения о Лобановском стали чуть ли не постоянными спутниками всей его тренерской деятельности. Не они ли подтолкнули его еще в 1989 году открыто заявить, что после мирового первенства в Италии («как бы чемпионат ни закончился для нашей сборной») он навсегда оставляет пост главного тренера сборной СССР? Это в расцвете-то творческих сил!

Я тоже не собираюсь умалчивать о недостатках Лобановского. Правда, пишу о них со своих позиций. Это не столько критика, сколько информация к размышлению. Пишу и помню, что истиной в последней инстанции никто из нас не обладает.

В основном искатель чужих ошибок, Лобановский довольно редко признавался в собственных. Бывало, меня просто-таки поражала его неискренность, проявлявшаяся не просто в какой-то частной беседе, а обращенная, как говорится, к «миллионной аудитории». К примеру, 6 октября 1987 года в пресс-центре МИД СССР состоялась пресс-конференция для советских и иностранных журналистов, посвященная развитию советского футбола. В ней приняли участие В. Колосков и В. Лобановский. Журналистам было рассказано много интересного. Но вот начались вопросы. И Лобановского, в частности, спросили, что он думает по поводу опубликованного в «Известиях» интервью с начальником команды «Днепр» Г. Жиздиком «Футбольный контракт», в котором речь шла о возможном появлении в киевском «Динамо» ведущих игроков «Днепра» О. Протасова и Г. Литовченко? Лобановский ответил:

— Мы с удовольствием приняли бы этих футболистов в свою команду, однако пока не было ни предложений с нашей стороны, ни их открытого согласия выступать за «Динамо». Г. Жиздик в данной ситуации думает за нас.

Но, коль скоро не было «открытого согласия», то, вероятно, уже существовало какое-то «закрытое»? И названные игроки буквально через несколько месяцев после этой пресс-конференции действительно появились в составе киевского «Динамо»! Впрочем, вся команда киевлян еще летом 87-го (задолго до пресс-конференции) знала о том, что Гена и Олег с будущего сезона переходят в «Динамо», что они уже даже приезжали в Киев на «смотрины» квартир. Зачем же, думал я, Лобановскому, с его высоким международным авторитетом, эта

«дипломатия»? Ведь тайное рано или поздно все равно становится явным.

Глава 13. «Железный сержант», «полковник» или «профессор»?

В спорте, который изначально демократичен по своей сути, по мнению Лобановского, без «жесткой руки» не обойтись. Между прочим, этот характерный штрих его тренерского почерка прослеживается и в книге «Бесконечный матч». Кстати, писатель Сергей Иванов, рецензируя ее на страницах «Правды», заметил противоречия в Лобановском, который при анализе своих побед и поражений «...старается быть объективным, но который необъективен, так сказать, по определению».

Вполне осознанно идя на откровенность, Лобановский знает: за ним победы, за ним стройное здание киевского «Динамо», да и сборной страны,— пишет далее С. Иванов. А значит, право утвердить свое мнение на престоле истины. Главное для него в футболе — тактика, то есть работа тренера. Главное в игроке — послушание. Талант, конечно, тоже: без этого «пропуска» ни один игрок не появится в команде Лобановского. Но главное все же: «Есть! Понял!» Это невольно проскакивает у него в характеристиках игроков. Ни один, пожалуй, не выделен за особые способности. Но зато часто мелькает: «с полуслова понял меня», «безоговорочно выполнял тренерские задания».

Плохо это или хорошо? У меня нет однозначного ответа на этот непростой вопрос. Возможно, «жесткая рука» Лобановского и была хороша для достижения успеха в условиях той системы, в которой он жил и работал. А для таланта? Как ему работалось под этой «жесткой рукой»?

В футбольных кругах многим было известно, что по ряду причин Лобановский недолюбливал Блохина. Ведь это же факт, что за пятнадцать лет их совместной работы в киевском «Динамо» самого знаменитого игрока клуба почему-то ни разу не выбрали капитаном команды! При всей внешней демократичности процесса выборов (тайным голосованием) неизменно получалось так, что на эту роль никогда не избирали игроков, которые почему-либо были в немилости у тренера. Бывало, что Олега уже избирали капитаном сборной Советского Союза (когда ею Лобановский не руководил), но в родном клубе он

«дослуживался» максимум до вице-капитана. Между тем на протяжении длительного времени как минимум сорок процентов успеха киевского «Динамо» на внутренней и международной арене обеспечивало присутствие в составе команды именно такого выдающегося форварда, как Блохин. Вспоминаю, как однажды, когда мы беседовали об игре Олега, Володя Мунтян вдруг — неожиданно для самого себя — запальчиво сказал: «Без Блохина могло не состояться киевское „Динамо"!»

Возьму на себя смелость утверждать, что отношение Лобановского к личности Блохина было слишком жестким, а порой, на мой взгляд, даже жестоким (особенно два последних для Олега сезона в родной команде).

Осенью 1986 года Блохин пребывал в отличной спортивной форме. Накануне игры 29 октября в Симферополе он был уверен, что обязательно будет участвовать в отборочном матче чемпионата Европы сборных СССР и Норвегии. Но на установке Лобановский не назвал его фамилию в стартовом составе. Однако на 15-й минуте игры неожиданно получил травму Заваров. Печальная случайность и позволила выйти на поле Олегу Блохину. С его появлением в составе игра нашей сборной оставалась такой же скоростной и мощной, как в самом начале матча. Но с участием Олега атаки сборной СССР приобрели какую-то стройность, почти каждую из них пронзала острая футбольная мысль. И первой скрипкой в слаженно звучащем футбольном ансамбле был Блохин.

Через несколько дней после этой игры, читая в «Футболе — Хоккее» комментарии по поводу этого матча заслуженных тренеров УССР Ю. Заболотного и В. Прокопенко, я понял, что не один так считаю. «Когда Блохин включился в эту скоростную командную игру, дело быстро пошло на лад»,— писали они. Матч сборная СССР выиграла со счетом 4:0 (голы забили: Литовченко, Беланов, Блохин и Хидиятуллин).

Очень интересно (а главное — правдиво) этот случай описал в своей книге «Футбол — только ли игра?» Никита Симонян:

Мы, как всегда, раздали анкеты, чтобы каждый игрок назвал свой вариант состава, и вдруг увидели, что Олег по количеству голосов не попадает в число одиннадцати. Это определило и решение тренерского совета.

Мы поговорили с каждым, кто должен был выйти в стартовом составе, а затем стали приглашать на беседу тех игроков, которые оказались в резерве.

Олега Блохина решили не вызывать, чтобы не ранить его самолюбия.

Объявили состав команды, поехали на игру. Все уже переоделись, отправились на разминку. В раздевалке остались запасные. Желая успокоить Блохина — естественно, не мог он не расстроиться, не услышав своей фамилии,— подошел к нему:

— Думаю, Олег, ты сегодня обязательно выйдешь на поле и забьешь гол.

Последовала неожиданная резкая реакция.

— Да бросьте вы! Зачем вы меня сюда привезли? Я потерял неделю, лучше бы провел ее с семьей!

Я все-таки пытался пробиться сквозь обиду:

— Сегодняшний матч без тебя наверняка не обойдется. Не с таким же настроением играть...

Блохин вышел на поле на двадцатой минуте, хорошо провел игру и забил гол. Настроение у него изменилось.

— Ну вот, а ты кипятился,— заметил я ему.

— Но ведь вы, старший товарищ, могли со мной заранее поговорить!

Олег был прав: в заботе о нем мы и себе облегчили жизнь, избежав трудного объяснения. Я извинился и заверил — впредь буду тактичнее.

Лобановский же, за которым оставалось решающее слово в комплектовании стартового состава, своей ошибки в Симферополе не признал. Впрочем, как и не признавал никогда. В отличие от Симоняна тренер киевлян и сборной страны перед Блохиным вообще ни разу не извинялся.

Цепко засел у меня в памяти один разговор осенью восемьдесят седьмого с моим московским приятелем, который великолепно знал футбол и очень хорошо — Лобановского.

— Рискну все-таки вам сказать,— спокойно произнес он,—

что со стороны Лобановского нынешнее третирование Олега Блохина — предприятие, на мой взгляд, вполне логичное. Если, конечно, отдавать себе отчет в том, что собой главный тренер киевского «Динамо» и сборной СССР в действительности представляет. Как игрок он был чисто выраженный тактик, к тому же прошел хорошую техническую школу. И еще располагал неплохим для «футболера» общим развитием. Но ведь одних только названных качеств мало для того, чтобы стать настоящим тренером, очень мало. Человеку требуется для этого кое-что еще — более существенное. Профессию же тренера он ловко имитирует, но не более того!

— А как же результаты его тренерской работы еще в «Днепре»? — парировал я. А куда девать семь чемпионских званий киевского «Динамо», его две международные победы в Кубке кубков, да и отдельные яркие выступления сборной?

— Ах, результаты? — он как-то загадочно улыбнулся. Меня они почему-то не гипнотизируют. Как многих из вас! Пристально наблюдая за деятельностью Лобановского, я давно понял, что он очень быстро оценил и досконально освоил то, чем другие тренеры занимались эпизодически и поневоле. Пожалуй, именно он первый, оценив всю благоприятность общей обстановки для безнаказанных договоров о результатах футбольных матчей, стал этим умело пользоваться.

— Назовите мне советского тренера, который в подобного рода «игры» не играет! — воскликнул я. Вы же мне сами когда-то рассказывали, что даже честный и порядочный Севидов «отдавал» очки. Правда, когда ему... приказывало это делать начальство!

— Допустим. Однако же Лобановский пустил — уже в «Днепре» — эти самые договора на конвейер, на поток. А затем эту же практику перенес и в киевское «Динамо», команду, которая традиционно, с 1934 года, собирает в своем составе самых лучших игроков Украины. А порой не только Украины!

— Откровенно говоря, я пока не вижу во всем этом никакой связи с нынешним, как вы выразились, третированием Блохина Лобановским.

— Извольте,— мой собеседник снова мягко и загадочно улыбнулся. Не за горами время, когда Блохину волей-неволей придется решать вопрос о том, оставаться ли в футболе — не в роли игрока — или не оставаться? А если оставаться, то в каком качестве?

— Олег в будущем видит себя тренером.

— Вот! Блохин — фигура слишком важная в истории отечественного футбола, чтобы к его желаниям не прислушивались и не проявили о нем заботы. Лобановского же,

мне думается, не может сейчас не посещать в этой связи мысль: а если Олег действительно захочет стать тренером? И дело даже не в том, есть ли у Блохина для этого необходимые объективные данные. Лобановского должно тревожить отнюдь не это, а возможность самого намерения Блохина стать тренером! Тем более что киевское «Динамо» сейчас валится.

— А как, интересно, на ваш взгляд,— перебил я его,— может ли Олег стать хорошим тренером?

— Что касается объективных тренерских данных Блохина, то они, мне кажется, у него выше, чем в соответствующий период были у Лобановского. Дело ведь не только в том, что последние шесть-семь лет игровой деятельности Олега отмечены его повышенным тяготением к тактическим средствам борьбы. Целый ряд его действий на поле являются уже не арифметическими, а остроалгебраическими! Полагаю, что Лобановский, который, как мы помним, сам был сильным тактиком, это качество Блохина заметил.

— Но одного такого качества для будущего тренера, пожалуй, маловато?

— Верно. Но прибавьте репутацию Блохина как режимного спортсмена. А, кроме того, у него большой опыт тренировок под руководством не только невежественного в этой области Лобановского, но и по-настоящему профессиональных, талантливых тренеров, специалистов своего дела, таких как Севидов, Бесков. Конечно, у Блохина нет такого опыта работы под руководством знаменитых тренеров, как, скажем, у Беккенбауэра, но в целом опыта такого гораздо больше, чем было у Лобановского, когда тот оставлял футбол как игрок. Почему же начальство не может увидеть в лице Блохина замену нынешнему тренеру?

— Неужели вы допускаете мысль, что Лобановский исподволь, уже на корню, как говорят сами футболисты, перекрывает кислород будущему Блохину-тренеру?

— Лобановскому сейчас устранить Блохина со своего пути просто необходимо! — воскликнул мой собеседник. Но как? Прежде всего, конечно, как можно реже выпускать его на поле и в клубе, и тем более в сборной и вынудить Олега, возможно, к каким-то нервическим поступкам, к какому-то конфликту, скандалу, тем самым показав всем, что характер Блохина тренерской работе противопоказан! Вот, на мой взгляд, что стоит за сегодняшним отношением Лобановского к Блохину.

Откровенно говоря, я был просто шокирован и подавлен железной логикой моего собеседника. У меня не нашлось веских аргументов, чтобы возразить ему и убедительно доказать всю

абсурдность столь мрачно нарисованной им ситуации. Неужели мой приятель из Москвы увидел то, что я просмотрел в Киеве? «А что, если поговорить с самим Лобановским? — размышлял я. Как, интересно, он будет реагировать на подобную „концепцию"?» Но от подобной мысли я отказался сразу же. Во-первых, не хотелось обидеть Лобановского даже какими-то подозрениями в его тренерской нечистоплотности по отношению к такой футбольной звезде, как Блохин. Во-вторых, думал я, даже если нарисованная моим собеседником ситуация реальна, то Лобановский, бесспорно, умный и очень логичный человек, никогда не признается в этом.

Так для меня и остались загадкой истинные мотивы, породившие, мягко говоря, сложности во взаимоотношениях Лобановского и Блохина — этих ярких и столь непохожих друг на друга личностей нашего футбола. А может быть, в этой истории все закономерно? Невольно вспомнил рассказ одного знакомого кинорежиссера, снявшего немало фильмов о футболе. Во время финального матча на Кубок СССР 1964 года он сидел на скамеечке у кромки поля вместе с запасными игроками киевского «Динамо». Почти весь этот матч любимец киевских болельщиков Валерий Лобановский, которого В. А. Маслов так и не выпустил тогда на поле, тихонько жаловался гостю на вопиющую несправедливость и «клял тренера на чем свет стоит». «Лобановский в том сезоне страшно переживал и возмущался, что Маслов даже не снизошел до откровенного разговора с ним»,— вспоминал мой знакомый. Не правда ли, в чем-то очень похожие ситуации футбольной жизни 60-х и 80-х годов: Маслов — Лобановский... Лобановский — Блохин. Что это: своя судьба забыта, чужая — не в счет?

Порой и за рамками футбольной жизни какие-то решения Лобановского даже среди иных его почитателей вызывали недоумение. Для меня, например, так и осталось загадкой участие Валерия Васильевича в предвыборной кампании весной 1989 года, когда он вдруг стал кандидатом в народные депутаты СССР. Тиражом в 50 тысяч была выпущена листовка с его портретом, краткими биографическими данными, с перечислением положительных качеств и прогрессивных позиций тренера. В листовке вполне справедливо указывалось, что он «Создатель первого в стране профессионального футбольного клуба, действующего в условиях полного хозрасчета», но как-то неуместно выглядела, к примеру, фраза: «Дочь замужем за участником военных действий в Афганистане». Сам видел, как будущие избиратели с ухмылочками читали вслух о том, что:

Валерий Лобановский — это колоссальный опыт борьбы с захребетниками сталинской модели социализма; это порядочность, пронесенная незапятнанной под грязевыми дождями падения нравов...

Всего было перечислено 14 таких «это», а самое последнее из них, выделенное крупным шрифтом, гласило:

Это — киевлянин. В его генах — неумолчное эхо древнеславянской государственности.

Я видел, как многие люди, стоя у этой листовки, расклеенной по всему Киеву, недоуменно пожимали плечами. И сам думал: «Ему-то это зачем?!» Постоянно призывая к профессионализму, Лобановский, видимо откликнувшись на чью-то просьбу и дав согласие баллотироваться, вдруг занялся явно не своим делом. Но даже его огромная популярность не помогла. «Политическая борьба» футбольного тренера в избирательной кампании-89 закончилась его явным поражением: «за» проголосовали примерно 85 тысяч киевлян, «против» — более 1 миллиона 200 тысяч. Если бы те, кто отдал ему свои голоса, решили собраться вместе, то они даже не заполнили бы до отказа трибуны Республиканского стадиона.

Во время встреч с читателями мне часто задают один и тот же вопрос: «Как вы относитесь к Лобановскому?» Думаю, эта книга в определенной степени служит ответом на него. Впрочем, перед широкой аудиторией не станешь ведь подробно ее пересказывать. И я обычно отвечаю довольно коротко: «С симпатией!» Поверьте, это искренне. Если Лобановский и ошибался больше некоторых, то лишь потому, что сделал больше других в своем профессиональном деле, в котором его смело можно считать подвижником. Правда, как утверждают мудрые, и подвижничество бывает разным. Читая сентябрьский номер журнала «Знамя» за 1988 год, выписал из «Охоты» Владимира Тендрякова:

Джордано Бруно подвижнически взошел на костер. Но прежде он открыл некие секреты мироздания, создал новые теории. Сначала создал, а уж потом имел мужество не отказаться от

созданного.

А вот Галилей таким мужеством не обладал или же не считал нужным его проявлять. Он отрекся от своих теорий, его подвижничество подмочено. Но благодарное человечество все-таки чаще обращается к имени Галилея, чем Джордано Бруно. Просто потому, что Галилей больше создал для науки.

До сих пор люди еще не желают понять, что мужество без созидания — бессмыслица!

Изменить жизнь подвижничеством, делать ставку на некие героические акты. Нет! На такое можно решиться не от хорошей жизни. Да и не от большого ума.

Не мной первым сказано: «Несчастна та страна, которая нуждается в героях».

Я твердо убежден в том, что не вина, а беда Лобановского, человека, бесспорно, очень талантливого и одаренного, в том, что он, израсходовав много сил и здоровья, нервной энергии и интеллектуальных ресурсов, так и не стал великим тренером (хотя именно так нарекали его иные журналисты в пору преуспевания киевского «Динамо»). Давно известно, что нет подлинного величия там, где нет доброты, справедливости и правды. А с этим у Васильича бывали нередкие перебои, перерастающие порой в дефицит. Все познается в сравнении. Разница («они» и «мы») особенно стала чувствительной, когда из нашей страны тоже пошел «футбольный экспорт». В 1989 году в профессиональных клубах Англии, Франции, Италии, Австрии, Испании, Швеции и Финляндии играли 15 советских футболистов. Между прочим, журналисты на Западе недоумевали, почему советских игроков приобретают за сравнительно небольшие суммы и платят им очень небольшую зарплату. Ведь в чисто техническом отношении и по другим футбольным качествам иные наши футболисты не уступали западным звездам, за которых профессиональные клубы заплатили миллионы. Да и заработки заморских «профи» были гораздо выше тех, которые имели первые советские профессионалы. Но, похоже, переоценка ценностей не за горами. Свидетельством тому стал переход Александра Заварова в «Ювентус». По контракту, как сообщала печать, «Ювентус» за три года выступлений киевлянина в итальянском клубе в порядке

компенсации должен был выплатить пять миллионов долларов (по два миллиона — киевскому «Динамо» и Национальному олимпийскому комитету СССР, один миллион — в бюджет государства). Эта сумма, указанная в контракте с «Ювентусом», впервые была близка к «европейским меркам».

Правда, наша печать скромно умолчала о том, что по этому же контракту знаменитая итальянская фирма «Фиат» (главный спонсор «Ювентуса») выполнила по спецзаказу и уже передала футбольному клубу «Динамо» роскошный, оборудованный по последнему слову техники автобус для команды, а также микроавтобус на десять мест (типа «Раф») и фешенебельную легковую автомашину. В одном из интервью газете «Советский спорт» начальник Управления внешнеэкономических связей Госкомспорта СССР словно бы вскользь упомянул, что обсуждение этого контракта проходило «...при активном участии В. Лобановского». Другие же газеты вообще об этом умолчали. А зря. Деятельное участие тренера в этих переговорах — тоже пример профессионализма. Иначе говоря, когда в дело включился не просто какой-то чиновник от спорта, а компетентный специалист Лобановский, тонко знающий европейскую футбольную конъюнктуру и, пожалуй, истинную цену наших звезд,— вот тогда мы не отдали свое богатство «по дешевке».

На Западе иные журналисты иногда называют Лобановского «Горбачевым советского футбола», имея в виду то, что в этом виде спорта он может считаться одним из инициаторов перестройки. Правда, начал он ее в своем клубе значительно раньше других. И дело не только в том, что в 70-е годы он (тогда еще вместе с Олегом Базилевичем) впервые показал, как советский клуб может побеждать своих знаменитых профессиональных соперников на самом высоком европейском уровне. И даже, видимо, не в том, что в 80-е годы, возглавляя сборную СССР, он способствовал возрождению утраченного на десятилетия престижа нашего футбола на мировой арене. Тогда в чем же его особая роль? Пожалуй, в решении Лобановского взять на себя нелегкое бремя лидера в борьбе за профессиональный статус советского футбола и в том, что он блестяще с этой ролью справился.

...Но, так или иначе, сделан серьезный шаг, и Лобановский — в ведущей шеренге первопроходцев. Коллегам есть чему у него поучиться, что перенять. Легендам о том, что к нему трудно подступиться, видимо, недолго оставалось жить. В конце восьмидесятых годов в Киеве я не раз беседовал с собратьями по перу или тренерами по футболу из Италии, Англии, ФРГ, Испании, Франции и других стран. Приведу фрагмент одного такого разговора и, надеюсь, будет понятно зачем.

В ту пору 42-летним Франко Томати мы познакомились на Республиканском стадионе. Он жил и работал в Генуе, где популярная «Гадзетта делло спорт» имеет свой корреспондентский пункт. Договорились, что обстоятельно побеседуем после того, как Франко выполнит свою «киевскую программу». Накануне отъезда синьора Томати на родину мы встретились.

— Вы работали на Чемпионате Европы-88?

— Да. Был аккредитован от «Гадзетта делло спорт».

— И там с Лобановским не встречались?

— Это было очень трудно. На пресс-конференции Лобановский обычно приходил не один, а с группой людей. К тому же возникали проблемы с переводом. Мы сами пытались наладить какие-то контакты с советской командой. Правда, по одному не ездили, а целой группой. Два-три раза нам удалось поговорить с Лобановским, но он сразу же объяснил, что у него есть своя программа. Выходит, нам все-таки несколько раз удалось вклиниться в эту программу и организовать с Лобановским что-то вроде пресс-конференции. Там, в ФРГ, у меня сложилось впечатление, что встречи с журналистами мешают Лобановскому в подготовке команды, и он рассматривает их как своего рода вмешательство в эту работу.

— Это вам не понравилось?

— Я просто привык к другой системе,— улыбнулся Франко. Национальная сборная Италии на чемпионате Европы принимала журналистов каждый день. Игроки уделяли нам по часу-полтора своего времени, тренер проводил пресс-конференции каждый день. Само собой разумеется, что легко работать с теми, кто чаще открывает свои двери. Но у Лобановского своя система, и я ее уважаю.

— Мне импонирует ваш подход, Франко! Вам легче работать с тренерами других сборных, не совсем нравится система взаимоотношений Лобановского с журналистами, но вы ее уважаете и, как у нас говорят, не пытаетесь вторгаться в чужой монастырь со своим уставом. Одним словом, принимаете Лобановского таким, какой он есть.

— Да-да. Мне удобнее работать с другими, но как я могу не уважать Лобановского? Раньше я слышал, что он очень замкнутый в себе человек и, в общем-то, непреклонный в своем мнении. Авторитарный, что ли, тип тренера. В Киеве у меня был фактически первый контакт с Лобановским, когда я мог с ним спокойно пообщаться. Он показался мне довольно симпатичным и очень располагающим к беседе человеком. Лобановский сказал, что живет футболом, любит его и только им одним занимается.

Но я все же почувствовал, что это не совсем так. Он увлекается театром, хотя и редко туда ходит. В разговоре со мной он приводил высказывания различных писателей. Цитировал, к примеру, Пастернака. Все это говорит о его общей культуре. Одним словом, беседуя с Лобановским, я увидел в нем умного человека и почувствовал к нему симпатию.

— И в этой беседе не было ничего такого, что вам не понравилось?

— Честно говоря, не было.

— Я слышал, Франко, что ваши западные собратья по перу называют Лобановского «железным сержантам», «полковником» и даже «профессором»?

— Это правда. Но у нас «железный сержант» — это имя нарицательное. Так обычно называют этакого твердокаменного человека, который абсолютно уверен в своей правоте и не меняет своих мнений. Думаю, что Лобановский действительно твердого характера человек, который придерживается своих принципов и прочно на них стоит.

— Теперь, после личного знакомства с Лобановским, какой из трех эпитетов вы бы за ним оставили?

— До приезда в Киев мне очень нравилось «железный сержант», а сейчас предпочту «профессора».

Напоследок я спросил итальянского коллегу:

— Интересно, Франко, какими словами вы закончили корреспонденцию, которую передали в «Гадзетта делло спорт» из Киева?

— Я написал так,— сказал Томати. Может быть, Лобановский отличается от многих других. Как человек и как тренер. Да, он другой. Но даже если он не такой, как все, то, несомненно, лучше многих других.

При этих словах журналиста из Италии мне невольно пришли на память репортажи, в которых иные наши специальные корреспонденты, аккредитованные на чемпионате Европы по футболу, на первых порах то и дело пытались перещеголять друг друга в «критике» главного тренера сборной СССР. За что? В основном, кратко говоря, за отсутствие улыбки. Выходит, не понравилась кому-то манера поведения специалиста — и это уже повод бросить тень на все, что он делает? Вспомнил и о других публикациях подобного рода, телерепортажах о Лобановском, которых было немало за десятки его тренерских лет. И подумал: хорошо бы и у себя дома нам — и тем, кто пишет о футболе, рассказывает о нем телезрителям, и тем, кто числит себя в нем специалистом или большим его начальником,— тоже научиться когда-нибудь уважительно, а главное — бережно относиться к

таким бесспорным мастерам своего дела, как Лобановский.

Фигура героя этой книги при всей ее значительности еще и очень сложна, порой не лишена противоречий, не избавлена от человеческих слабостей, промахов и просчетов.

Но, будучи человеком творческим, Лобановский постоянно совершенствовался как личность. Читая его книгу «Бесконечный матч», порадовался такому откровению Валерия Васильевича Лобановского:

Я отношу себя к категории людей, которые не любят признаваться в своей неправоте, но — с годами и опытом — стараюсь после совершения ошибки поступать таким образом, чтобы окружающим не составило труда убедиться в том, что я ошибался. Откровенность — наука трудная.

Глава 14. Возвращение.

18 июля 1995 года, закончив видеосъемку развернутого интервью для своей программы «Украина. Вчера, сегодня, завтра...», выходившей на первом в США русскоязычном телевидении ИТИ, я презентовал Председателю Верховного Совета Украины Александру Морозу одну из своих книг — «Футбол Лобановского».

— За книжку спасибо,— сказал Александр Александрович, листая вкладку с фотографиями. С Валерием Васильевичем я встречался где-то года полтора-два назад. Спросил его: «Сколько надо времени для того, чтобы создать такую команду?» Мороз задержал взгляд на одном из снимков. Лобановский ответил: «При наличии финансов — восемь лет».

— Пожалуй, что так оно и есть,— предположил я. Ведь после двух великолепных сезонов семьдесят четвертого — семьдесят пятого годов следующий взлет «Динамо» был уже только в восемьдесят шестом.

К слову, я недавно общался с Лобановским, когда он прилетал в отпуск. Между прочим, в разговоре с ним я высказал сожаление, что в свое время судьба не объединила в одном деле его и Григория Суркиса.

— Это верно,— Мороз кивнул головой.

— Думаю, такой симбиоз был бы полезен не только киевскому «Динамо», но и всему футболу Украины.

— Согласен с вами,— сказал глава украинского парламента. Суркис молодец. Знаете, в наше тяжелое время он порой, казалось бы, делает невозможное, ну, нереальное даже.

Надо же, именно в те дни девяносто пятого года, когда я в беседе с А. Морозом сетовал, что судьбе так и не было угодно объединить в одном деле таланты Валерия Лобановского и Григория Суркиса, они уже напрямую вели между собой переговоры. Весной 1997-го на мой вопрос: «Долго ли созревало решение и были ли сомнения перед тем, как руководство клуба пригласило Лобановского?» — президент акционерного общества «Футбольный клуб „Динамо, Киев"» ответил:

— Какие колебания?! Какие сомнения?! Никаких колебаний вообще не могло существовать потому, что с 1995 года с Лобановским велись постоянные переговоры в отношении его возвращения в клуб. Григорий Суркис мягко улыбнулся. Ну, скажем так, из долгосрочной командировки, которую он сам себе выписал. И я думаю, что обе стороны сегодня довольны тем, что

состоялся союз.

Но сомнения все-таки могли быть, и мой вопрос был не праздным любопытством. Генеральный директор фирмы «Динамо-Атлантик», которая является одним из учредителей футбольного клуба, младший брат президента Игорь Суркис рассказал мне о том периоде переговоров:

— Суждения были разные. Нам порой приходилось слышать и такое: «Лобановский — это уже история! Он обрюзг и не выходит на поле, а тренер, который не выходит на поле и не показывает своим примером,— это уже не тренер. Его пора списать в архив. Одумайтесь! Вы возвращаетесь к истории...»

— Кто так говорил? — спросил я Игоря Суркиса.

— Самое интересное, что те люди, которые с ним работали, и, казалось бы, преданные Лобановскому футбольные функционеры.

— Игорь Михайлович, а когда вы впервые с Лобановским познакомились?

— Вот тогда же, когда услышал подобные разговоры.

— И помните вашу первую с ним встречу?

— Еще бы! Это было в 1995 году Я в тот день зашел в кабинет к Григорию Михайловичу. Он беседовал с Лобановским. Брат познакомил нас. Мы пообщались буквально минут пятнадцать-двадцать. Он произвел на меня неизгладимое впечатление! Я был просто поражен его логикой, четкостью мышления, умением просто излагать свои мысли.

— И какой, интересно, вы лично для себя сделали вывод после той короткой встречи с Лобановским? — спросил я Суркиса-младшего.

— Я понял, что это именно тот человек, который на сегодняшний день может возродить киевское,— Игорь сделал маленькую паузу— Да нет, возродить не «Динамо»... Чуть хуже, чуть лучше оно было, есть и будет. Он может возродить весь украинский футбол...

Характерно, что в то время, когда иные украинские функционеры от футбола ставили под сомнение нынешний тренерский потенциал Лобановского и советовали списать его в архив истории, его коллеги по футбольному делу из ближнего и дальнего зарубежья не переставили им восторгаться. Вспоминаю свою встречу в Израиле с президентом федерации футбола Казахстана Куралбеком Ордабаевым. Болельщики со стажем, быть может, помнят этого цепкого голкипера «Кайрата», отразившего в сезоне 1974 года 18 пенальти, из которых один ему самому особенно запомнился. В матче против московского «Динамо» в ворота «Кайрата» был назначен одиннадцатиметровый. Команда

доверила бить Еврюжихину, у которого был день рождения и как раз 200-й матч в составе столичных динамовцев. Ордабаев парировал удар именинника! «Кайрат» победил — 1:0

— Мне было всегда вдвойне приятно играть против команды Лобановского,— рассказывал Куралбек Ордабаев. Ведь его футболисты, такие как Блохин, Мунтян, Буряк да и целая плеяда других, были эталоном советского футбола.

А в 1996 году, когда сборная Казахстана играла на турнире в Кувейте, мы увидели, как высок авторитет Лобановского в арабском мире. Шутка ли, если две команды — Объединенных Арабских Эмиратов и Кувейта, с которыми он работал, соответственно попали в финал и полуфинал Кубка Азии, борьбу за который вели национальные сборные 38 стран! А ведь в Азии профессиональный футбол, уже приходится считаться со сборными Саудовской Аравии, Японии, Кореи, Китая... Мир знает, кто такой Валерий Лобановский, и я убежден, что с его приходом мощно заиграют и киевское «Динамо», и национальная сборная Украины.

...И хотя переговоры о возвращении Лобановского вели две стороны, окончательное решение было все же за ним. Я понял это из его ответа на мой вопрос:

— А были ли с вашей стороны мучительные раздумья, прежде чем дать согласие на возвращение?

— Ну, если учесть, что переговоры велись длительное время, — сказал Лобановский,— не месяц и не два, а годы...

— Что же смущало?

— Самое главное, мне необходимо было почувствовать уверенность в своих силах, что можно изменить кое-что к лучшему. А для этого следовало располагать полнейшей информацией об обстановке в клубе, о команде, ее тактическом кредо, об игроках. Какое-то мгновенное решение, я считаю, было бы нецелесообразным. К тому же время, когда велись основные переговоры, как раз пришлось на разгар сезона. А для того, чтобы принять команду и попытаться что-то сделать, естественно, для этого лучше межсезонье. Я все время получал видеокассеты из Киева, информацию о каждом из игроков. И вот, когда я все это получил, просмотрел, увидел игру «Динамо», Киев, пришла уверенность в том, что можно браться за это дело.

Я попросил Лобановского уточнить:

— Уверенность в чем именно?

— В том, что, очевидно, удастся создать команду, которая, может быть, будет на равных конкурировать с лучшими клубами Европы...

Валерий Васильевич выдержал небольшую паузу, после

которой медленно произнес:

— ...Конкурировать. Я не говорю о том, что мы будем обязательно выигрывать. Но для того, чтобы выигрывать, надо, по крайней мере, хотя бы конкурировать. Вы же понимаете, что звезд у нас особых нет, но есть хорошие футболисты.

— Одним словом, я понял, что шел аналитический, долгий процесс и было принято взвешенное, осмысленное решение.

— Да,— Лобановский одобрительно кивнул головой. В подобных случаях я всегда привожу слова одного серьезного человека, который сказал: «Для того чтобы принять решение, обязательно нужно убедить себя в том, что это необходимо». И вот, когда я себя в этом убедил, решение принял.

...Всякий раз, когда мне приходилось летать в Соединенные Штаты, захватывал с собой свежую почту для друзей и знакомых от их родных и близких с Украины. Всегда надеялся принести людям какие-то добрые вести. Но, увы. В последние годы все чаще невольно их огорчал: уж больно грустными были письма с родной земли. Однажды, в марте 1997-го, друзья процитировали мне строки одного из них. Из Киева. От кандидата наук, к слову, мастера спорта по альпинизму.

«Вообще на Украине, кроме возвращения Лобановского в киевское „Динамо", перемен к лучшему пока не чувствуется»,— писал он. Научный работник по основной своей профессии, автор письма с грустью констатировал полное отсутствие работы в его НИИ и, естественно, заработной платы. Удержаться на плаву ему помогали навыки альпиниста и случайные заработки «на высоте» — починка крыш, покраска водосточных труб и прочее.

...Да, после почти шестилетнего отсутствия Лобановский вернулся совсем в другую страну. Абсолютно непохожую на ту, из которой он уезжал. В страну, раздираемую политическими противостояниями, экономическими бедами, обнищанием людей, но где киевское «Динамо» оставалось чуть ли не главной радостью для миллионов поклонников команды. И они искренне и страстно желали, чтобы на фоне в общем-то серой и беспросветной жизни хотя бы у Лобановского снова все получилось. Его возвращение в родной клуб вызвало огромный интерес. И в канун Нового 1997-го года, открывая пресс-конференцию, руководитель динамовской пресс-службы Алексей Семененко сообщил, что буквально за несколько дней в клубе было зафиксировано более 100 звонков с одной и той же просьбой: «Эксклюзивное интервью с Лобановским!» Выполни он все эти просьбы, не осталось бы у тренера времени для основной работы.

Мои коллеги восприняли возвращение Лобановского, можно

сказать, с интересом и восторгом.

— Не было такого журналиста на Украине, который не ожидал бы этого возвращения,— рассказывал мне ветеран украинской спортивной журналистики Игорь Конончук. Да, впрочем, только ли на Украине?!

Встречаясь на Олимпийских играх и прочих соревнованиях за рубежом с коллегами из России и других стран, только и слышал от них один и тот же вопрос: «Лобановский в „Динамо" скоро вернется?» И знаешь, Валерий Васильевич приятно удивил своей коммуникабельностью, чего у него раньше не замечалось. А это, как ты понимаешь, пришлось по душе и мне, и моим коллегам. Мы с большим удовольствием идем с ним на контакт.

Лобановский с первых же минут пресс-конференции попытался рассеять бытовавшее о нем мнение:

— Не знаю как вам, а мне встречаться с журналистами всегда приятно,— сказал он. Я думаю, мы вообще должны выработать определенный ритм встреч с вами...

И далее пошел профессиональный разговор с примерами того, как это делается на Западе. Лобановский в довольно мягкой форме призывал журналистов к профессионализму, чтобы в прессу попадало:

— Достаточное количество информации, а не предположений, какого-то там особого мнения журналиста по поводу того или другого,— сказал он. Информации!

И Лобановский привел пример одной из публикаций о команде в довольно солидной газете, где, с его точки зрения, было «все искажено». Речь шла о том периоде, когда первым человеком на Украине был В. В. Щербицкий, который так любил команду, что для нее якобы «все делалось». На этом моменте главный тренер киевского «Динамо» остановился довольно подробно. Посетовал, что подобные публикации порождают различные кривотолки, плодят дополнительные вопросы. Рассказал как было в действительности «в период Щербицкого».

— Да ничего не делали вообще! — воскликнул Лобановский. Кроме квартиры и машины. Больше не было ничего. А получали, если вы хотите, я вам могу сказать оклад — 160 рублей. Ну, 160 долларов. Сейчас говорят, что рубль раньше — это был доллар. Причем у всех одинаковые оклады... Нельзя было Блохину сделать 250, а игроку, который играет во втором составе,— 130. Нет.

С моей точки зрения, утверждать подобное о «периоде Щербицкого» не совсем правомерно. Так что отвлечемся от пресс-конференции и в порядке отступления обратимся именно к тем временам. Виталий Коротич писал, что динамовцев всегда

опекали на высшем уровне, и в этой связи упомянул две фамилии — Владимира Щербицкого и Григория Суркиса. О президенте футбольного клуба подробный разговор еще впереди, а вот о личности, по выражению Коротича, «республиканского партвождя», уместно, думаю, сказать именно в этой главе.

Один из помощников В. В. Щербицкого Виталий Врублевский в 1993 году издал в Киеве книгу «Владимир ЩЕРБИЦКИЙ: правда и вымыслы» и предпослал ей эпиграф — слова Н. М. Карамзина: -

Хладный пепел мертвых не имеет

заступников, кроме нашей совести.

В. Врублевский начал книгу, поведав об английском обычае:

В Англии, как мне рассказывали, существует хороший обычай: ставить памятники не раньше, чем спустя пятьдесят лет после смерти исторического деятеля. Пример, достойный подражания. Ведь любую историческую фигуру можно правильно оценить лишь с определенного расстояния. В полной мере это относится и к В. В. Щербицкому, жизнь и смерть которого свидетельствуют, что он — человек выдающейся судьбы.

Впрочем, не собираюсь ни рецензировать книгу, ни дополнять политический портрет государственного деятеля украино-советского прошлого собственными сентенциями. Тем более что меня всерьез всегда занимало в В. В. Щербицком лишь одно из его увлечений, о котором в свое время ходило немало слухов и легенд. Но, к сожалению для себя, в книге Врублевского я прочел об этом лишь один небольшой абзац:

Щербицкий, конечно, не был футбольным «фанатом», но болельщиком слыл настоящим. Так же беззаветно он любил и хоккей. И не просто любил, но и хорошо знал — кто, где, когда. На его столе всегда лежала таблица игр с последними результатами. Она регулярно обновлялась. Тут же находилось расписание спортивных телевизионных передач. И во время трансляций матчей В. В. лучше было не звонить и с делами не соваться — он «выключался». Это были те редкие часы, когда он отдыхал сполна,

переживая перипетии матча, как большой ребенок. Он выкраивал время, чтобы побывать на стадионе или во дворце спорта, когда проводились ответственные матчи.

Мне всегда казалось, что тема, которую, скажем, условно можно именовать «Личность Щербицкого и украинский футбол», заслуживает более серьезного исследования. Весной 1997-го я, можно сказать, слегка к ней прикоснулся — подробно беседовал с человеком, который, как говорится, бок о бок проработал со Щербицким несколько десятков лет. Примечательно, что наша беседа (под магнитофон) состоялась в одном из кабинетов бывшего здания ЦК КПУ, в котором нынче размещается администрация президента Украины. Мой собеседник Константин Константинович Продан с 1963 по 1984 год проработал в качестве помощника В. В. Щербицкого, а в последующие годы, вплоть до приостановления деятельности КПУ-КПСС, был управляющим делами ЦК и тоже, естественно, постоянно общался с первым в то время лицом республики. Благодарен К. К. Продану за откровенную беседу, в конце которой я спросил:

— Константин Константинович, что лично у вас ассоциируется со словами «Динамо», Киев?

— Ну, во-первых, моя молодость. Мне показалось, что в этот момент даже морщинки на лице Продана как-то разгладились и глаза заблестели. А он задумчиво продолжал: Она ведь прошла параллельно или рядом. То ли я в команде, то ли команда во мне. Как, к примеру, передать словами молодые эмоции, когда у нас появился стотысячник, на котором, скажем, игра с «Баварией»?! Успех и — сто тысяч встают на одном дыхании! Кульминация, апофеоз человеческого состояния! Потом уже чего-то подобного в жизни, честно скажу, я не переживал...

Чувствовалось, что к нашей встрече он основательно подготовился и многое даже записал в обыкновенной школьной тетради. Сразу условился, что в последующей нашей беседе, для краткости, будет называть Щербицкого просто В. В. Так Владимира Васильевича именовало ближайшее окружение. Сказал еще, что в последние шесть-семь лет отбивался от корреспондентов, которые касались личности Владимира Васильевича.

— Почему? — спросил я.

— Все люди субъективны и я в том числе,— сказал Продан. Поэтому, с моей точки зрения, оценка деятельности человека такого калибра, как В. В., будет объективной только спустя не один десяток лет. И ее должны дать беспристрастные историки.

— И все-таки вы согласились на нашу встречу...

— Да, потому что мемуарная литература может устами современников отразить и зафиксировать человеческие черты и, как говорится, непротокольные факты из жизни той или иной личности.

У меня не было сомнения в том, что мы говорили о действительно незаурядной личности, обладающей, по словам Продана, редкими интеллектуальными данными. В. В. Щербицкий, родившийся 17 февраля 1918 года, получил фундаментальное образование, в 1941 году окончил Днепропетровский химико-технологический институт. Прошел большую школу жизни — война, завод, горком, обком, ЦК компартии Украины, Совет Министров. Более 30 лет он был бессменным членом Политбюро ЦК КПУ, в том числе 17 лет его первым секретарем, 18 лет — членом Политбюро ЦК КПСС. Подобного аналога история бывшего СССР в кадровом отношении не знала. К. Продан рассказывал, что В. В. работал по 12—16 часов в сутки, был требовательным к себе и к подчиненным, но весьма скромен в быту. Моему собеседнику очень не нравилось, когда иные современные политики из кожи лезли вон, только бы очернить или принизить личность Щербицкого.

— Может быть, несколько грубовато, но я этим критикам сказал бы так: «Господа или Панове! Если вы проживете не одну, а три жизни, то дай Бог вам дорасти хотя бы до колена этой выдающейся личности»,— процитировал Продан одну из записей в своей тетради.

Но смысл нашей встречи с ним, естественно, заключался не в том, чтобы раскрыть политический портрет В. В. Щербицкого, в том, чтобы коснуться его отношения к футболу вообще и к киевскому «Динамо» в частности. Поэтому из рассказа бывшего помощника Щербицкого приведу некоторые фрагменты, имеющие прямое отношение к затронутой теме.

Сказать, что В. В. любил футбол, был искренним почитателем этого замечательного вида спорта, означало бы не сказать ничего. Будучи человеком основательным, он досконально знал футбол, его организацию, кадровое обеспечение, внутреннюю кухню, тончайшие нюансы самой игры, судейство. Знал многие другие параметры футбола на уровне профессионала. Сам он, непосредственно, не общался, скажем, с коллективом киевского «Динамо», которое занимало особое место в его жизни, но он постоянно держал в поле зрения всю околофутбольную ситуацию.

...На стадионе В. В. не щелкал, как некоторые, семечки или не пил пиво. Он сидел с ручкой и блокнотом, делал свои пометки, после чего мог сделать профессиональный разбор игры секретарям ЦК — одним из кураторов команды. Им-то приходилось непосредственно вникать во все стороны жизни коллектива и каждой игры в отдельности.

Хочу еще раз подчеркнуть, что В. В. если брался за дело, всегда стремился глубоко разобраться в сути проблемы, спрогнозировать последствия принимаемых решений. И доводил начатое дело до логического конца. Если говорить о развитии украинского футбола в 1960—1980-е годы, то мы вправе сказать, что именно эти годы вошли в летопись украинского спорта золотыми страницами. Получил массовое развитие детский и юношеский футбол, в центре и регионах создавались спортивные школы. Они комплектовались лучшими тренерами, вводились новые тренировочные поля. Замыкалась эта цепочка школами высшего мастерства, дублирующими и основными составами команд высшей лиги. Все вышесказанное еще раз подтверждает, что развитие украинского футбола было связано с системным, комплексным подходом, который В. В. последовательно и настойчиво проводил в жизнь.

В. В. понимал, что спорт — это политика, а футбол, благодаря его воздействию на настроения миллионов, заслуживает постоянного внимания первых руководителей республики. В этом отношении В. В. был и навсегда останется яркой личностью, которая вошла в историю украшсского футбола, его действия в этом отношении достойны всяческого подражания.

Константин Продан закончил чтение своих заметок о В. В. Щербицком словами, которые словно бы перебрасывали мостик из советского прошлого в наши дни:

— Хочу с удовлетворением отметить, что традиция постоянного внимания к футболу со стороны государственных мужей, к счастью, сохранилась. Возвращение в команду «Динамо», Киев выдающегося тренера Валерия Лобановского вселяет уверенность, что недалек тот час, когда и на нашей футбольной улице будет праздник. Не эпизодический, а

заложенный в календаре украинского и европейского футбола. Поле, которое засеял Владимир Васильевич, будет давать современные добрые урожаи. Это будет лучшим памятником человеку, для которого футбол был не хобби, а частицей его жизни...

— Константин Константинович, околофутбольные разговоры тех лет рождали немало мифов. К примеру, забрали в киевское «Динамо» из «Днепра» Литовченко и Протасова, и сразу слушок: «Щербицкий дал команду!» Хотелось бы отделить зерна от плевел. Что вы можете сказать по этому поводу? — спросил я.

— Нет, непосредственных контактов с руководством и коллективом киевского «Динамо» у В. В. не было. Но он знал всю кухню, перемещения, приглашения из других клубов. Не секрет, что динамовский коллектив был базовым и для сборной республики, а одно время — и СССР. Естественно, забота о киевском «Динамо» была на первом плане — визитная карточка Украины! Но В. В. не опускался, скажем, до каких-то конкретных указаний секретарю обкома или другому руководителю. Это было ниже уровня его достоинства. В ЦК был исполнитель, который согласовывал и решал эти вопросы, но не он.

— А как, интересно, к увлечению Щербицкого относились в Москве руководители партии?

— Пристрастие его было известно. Однажды В. В. рассказал мне, что на заседании тогда еще президиума ЦК КПСС Хрущев, не называя фамилий, безадресно говорил, что вот, дескать, вместо того чтобы решать большие государственные дела, некоторые слишком увлекаются спортом и футболом в частности. Все присутствующие поняли, что это было сказано в адрес Щербицкого. В последующие годы в подобном плане какой-то критики не было. В ЦК КПСС к Владимиру Васильевичу относились весьма доброжелательно, с симпатией. И руководители республик, и центр.

— Атмосфера, сопутствующая матчам «Динамо», Киев — «Спартак», Москва, широко известна с давних времен. Как к этому относился Щербицкий? Какова, к примеру, была его реакция, когда побеждал «Спартак»?

Константин Продан ответил не сразу. О чем-то задумался. Потом спокойно продолжал:

— Ответ начну не с футбола. Меня всегда поражала в нем оценка, не адекватная оценке, скажем, большинства руководителей республики или рядовых обывателей. Старожилы партийного аппарата рассказывали мне, что когда среди секретарей компартии Украины появился молодой Щербицкий, то начали ходить на заседания ЦК все, кто мог туда ходить. У В. В.

всегда были неожиданные ходы. Скажем, слушается какой-то вопрос, и все высказываются единогласно за то решение, которое записано в проекте постановления. Где-то под конец выступает Щербицкий и своей логикой, аргументами опрокидывает все. Все сидят, опустив головы, крыть нечем. Вопрос, говорят, не готов, надо отправить на доработку. Так и по части футбола. Скажем, «Динамо» проиграло «Спартаку». На второй день один возмущается тренером, что не того поставил. Второй винит Блохина, что не так сыграл, и тому подобное. Владимир Васильевич, уже все взвесив, спокойно говорит, что изначально футбол — это все-таки спорт. Игра! Надо все тщательно проанализировать, найти слабые места. Главное — не дать опустить руки тренеру и ребятам. Наоборот, надо их в этой ситуации всячески поддержать. И поворачивал все таким образом, что после такого поражения «Динамо» следует уделить еще больше внимания. Естественно, когда первый руководитель делает подобные жесты, челядь со своей стороны тоже оказывает команде знаки повышенного внимания...

В самом конце нашей встречи я задал Продану, пожалуй, больше всего интересовавший меня вопрос:

— А как, интересно, Щербицкий относился к личности Лобановского?

— К Лобановскому у Владимира Васильевича было отношение, я бы сказал, тоже профессиональное. Как и к футболу в целом. Помню, что на Лобановского из-за его сложного характера, подчас упрямства и негибкости как личности, как тренера киевского «Динамо», неоднократно жаловались кураторы команды,— рассказывал Константин Константинович. «С ним работать невозможно», «Надо найти нормального, коммуникабельного»,— говорили Щербицкому. Одним словом, им хотелось найти такого-сякого, чтобы сидел, раскрыв рот слушал и выполнял их указания. На сей счет Владимир Васильевич тоже говорил: «Хорошо, вы поищите, может быть, найдете лучшего. Но я считаю, что мы ценить должны не по тому, приятен он вам или неприятен, а давать оценку работе по результатам. Каковы результаты! Лобановский в футболе личность действительно яркая!» Так что Владимир Васильевич всячески нивелировал негативные отношения и к футболу, и к киевскому «Динамо», и к Лобановскому. Будь то в ЦК или на уровне города, да, впрочем, и на всех других уровнях В. В. Лобановского защищал. И слава Богу. Потому что время подтвердило правоту Щербицкого.

В. В. Щербицкий умер 16 февраля 1990 года. Вот как В.Врублевский описал его проводы в последний путь:

На похороны Щербицкого пришли многие. Люди, стоящие в длинной очереди, не успели попрощаться в отведенное время. Но были и такие, кто, проработав вместе с В. В. многие годы, вовсе не явился: те нос держали по ветру.

Когда похоронная процессия выехала на Крещатик, вдоль центральной магистрали плотными шеренгами стояли люди. Стояли молча, отдавая последнюю дань человеку, олицетворявшему целую эпоху в жизни Украины.

В небо внезапно взмыли стаи голубей, выпущенные из чьих-то добрых рук (голубятники Киева знали об увлечении В. В.). Похоронный кортеж на мгновение замер на перекрестке...

А голуби поднимались все выше, выше и как бы таяли в зимнем небе.

Однако вернемся на пресс-конференцию Лобановского, вызвавшую, напомню, огромный интерес. Впрочем, могло ли быть иначе? Ведь известный во всем футбольном мире тренер, добившийся самых громких побед в советские времена, обошедший по всем рейтингам и опросам всех своих коллег на 1/6 части суши в бывшем Советском Союзе, вновь на посту главного тренера родного клуба! Да, за годы работы за рубежом он изменился. Несколько прибавил в весе, от былой шевелюры не так уж много осталось, а вот седины стало больше. В общении с журналистами он стал мягче и терпеливее. На все вопросы отвечал довольно обстоятельно, терпеливо разъясняя какие-то сугубо профессиональные футбольные тонкости. Словно бы поставил перед собой цель повысить профессиональный уровень тех, кто пишет о футболе.

В одном из ответов он подчеркнул, что не может быть коллективной ответственности тренеров:

— ...Прочел в одной из газет и считаю, что это не совсем правильная постановка вопроса,— сказал Лобановский. Ведь помощники помогают и выполняют те задания, которые им дает главный тренер. Значит, кто несет ответственность? Главный тренер! Коллективная ответственность — это безответственность. Такова моя точка зрения.

Молодой, на мой взгляд очень талантливый журналист

Дмитрий Гордон, главный редактор газеты «Бульвар», на пресс-конференцию опоздал. Задал несколько вопросов. В одном из них, в частности, спросил:

— Не секрет, что в семидесятые-восьмидесятые годы, я говорю это в хорошем смысле слова, за вами был Щербицкий,— сказал Гордон. Это было здорово и для Киева, и для футбола, и для вас. Есть ли у вас сейчас такая спина, за которой вы чувствовали бы себя как за каменной стеной?

В зале зашумели, послышался ехидный смешок. А что же сам Лобановский?

— Я так понимаю, что вы немножко опоздали,— спокойно сказал он. В самом начале пресс-конференции я в какой-то степени уже затронул этот вопрос...

И Лобановский спокойно повторил то, что уже говорил о временах В. В. Щербицкого. И даже привлек в «свидетели» бывшего председателя спорткомитета Украины:

— Вот здесь присутствует Михаил Макарович Бака (бывший председатель украинского совета «Динамо», а затем — госкомспорта Украины, фактически министр спорта, при котором украинский футбол добился самых выдающихся успехов.— Д. А.), — Лобановский кивнул в его сторону. Да, старались делать все, что можно было. А что было можно? Можно было, повторяю, дать квартиру и машину. Больше ничего нельзя было.

Он фактически вкратце повторил для одного журналиста то, что уже слышали все остальные. Но после этого добавил и кое-что новенькое:

— Ну а если сравнить те времена с нынешними? — Лобановский выдержал небольшую паузу. Вы же понимаете, что изменилась система. Уже живем в совершенно другом государстве, где никто ничего не запрещает. Если есть возможности. И я считаю, что клуб «Динамо», Киев и его руководители делают все, чтобы игроки не думали о каких-то житейских проблемах, а только о футболе. Им созданы абсолютно все условия! Для того, чтобы они были не ремесленниками, а творческими людьми, которые бы пытались расти вместе с командой и каждый в отдельности.

Сравнивая нынешнее состояние футбольных дел на Украине и в России, Лобановский отдал предпочтение российскому футболу. «Там значительно больше вкладывают в футбол,— сказал он. Поэтому более трехсот представителей украинского футбола играют сейчас в России. Более трехсот! Это же не зря?!» Поэтому динамовцы даже не ставили перед собой задачу кого-то приглашать в команду. «Практически сегодня это невозможно»,— констатировал Лобановский.

...С огромным интересом, как никогда прежде, наблюдал я за тренировками киевского «Динамо»-1997. Уже во главе с Валерием Лобановский. Глядя на молодых, малоизвестных в широком футбольном мире парней, невольно вспоминал тяжкий, изнурительный труд динамовской команды-звезды шестидесятых годов под руководством знаменитого «деда» — легендарного Виктора Александровича Маслова. На всю жизнь врезались в память слова, сказанные им однажды в сердцах, когда кто-то пожурил футболистов, проводивших учебно-тренировочные сборы только на «курортах». После одной из тренировок на раскисшем, превращенном в сплошное грязное месиво футбольном поле стадиона в Гаграх Виктор Александрович словно сквозь зубы процедил своим зычным, хрипловатым голосом:

— Поглядели бы они, какой это курорт для наших ребят. Как балерины у станка: раз-два, раз-два... Только и успевают переодеваться...

Вспоминались тренировки и киевской команды звезд-1974, когда даже иные из крепких ребят валились от «смертельной усталости», втихомолку проклиная Лобановского за то, что ставит на них «свои опыты». Всплывали в памяти эпизоды подготовки к сезону «Динамо»-1986, после иных ярких матчей которого в европейской футбольной прессе писали, что «это был футбол XXI века!». Но поначалу кое-кто из той плеяды футболистов, ставших впоследствии подлинными звездами европейской футбольной арены, тоже не раз ворчали. Бывало, выполняя программу «через не могу», они, точь-в-точь повторяя своих знаменитых предшественников, нередко поминали Лобановского «не злым, тихим словом».

А что же это «племя младое, незнакомое»? Как оно приняло своего тренера-легенду и его программу? Быть может, во мне говорят эмоции, но порой, наблюдая за тренировочными буднями молодого динамовского состава-97, я просто поражался. Многое фиксировала моя видеокамера. Иногда трижды в день. Утром, в зале аэробики, когда под руководством симпатичных девушек-инструкторов из команды ветерана украинского спорта Семена Генриховича Уманского, динамовцы под ритмы рок-н-ролла лихо выполняли специально разработанные для них комплексы упражнений, через объектив видеокамеры — крупным планом! — я вглядывался в лица парней. Какие прекрасные лица, какая одержимость и жажда к работе!

После короткого перерыва, уже на промерзших дорожках стадиона «Динамо»,— целая серия отрезков по 800,400, 200 и 100 метров. И это в мороз под двадцать градусов! Пальцы коченели, опасался даже за свою нежную японскую видеотехнику. Выдержит

ли? А им хоть бы что. Парни вновь и вновь лихо стартовали, соревнуясь между собой под стать заправским средневикам или спринтерам.

К вечеру того же дня, в специализированном гимнастическом зале СКА, тщательно размявшись под руководством тренеров-гимнастов, динамовцы, опекаемые уже своими наставниками, выполняли короткие, но динамичные порции специальных упражнений на так называемых «станциях». И здесь, как и утром в зале аэробики, на лицах ребят мне виделись одержимость и страсть. Один из молодых киевлян, словно бы уловив мое настроение, улыбаясь сказал: «Боевые будни — праздники для нас!» Надо же, я вспомнил, что точно так шутили динамовские звезды и в золотые футбольные времена шестидесятых, семидесятых и восьмидесятых годов...

Порой во время тренировок я снимал крупным планом глаза Лобановского. По их выражению словно бы пытался понять, о чем он думает, глядя на своих новых подопечных. Ведь многих из них и на свете-то не было, когда его команда первой привезла в тогдашнюю Страну Советов один из престижнейших призов футбольной Европы — Кубок обладателей кубков! Конечно, в связи с его возвращением, многие были в ожидании чуда. Но сам он довольно четко понимал создавшуюся ситуацию.

— Когда я принял предложение снова возглавить команду «Динамо», Киев, предвидел трудности,— сказал мне Лобановский. Хотим мы того или нет, а с моим приходом связывают большие надежды. Быть может, где-то присутствует даже слепая вера: придет Лобановский, и все встанет на новый уровень. Вера есть. Но это — и дополнительные сложности, которые придется преодолевать. Я ведь не волшебник, я только учусь,— Валерий Васильевич улыбнулся. О чем-то задумался. И продолжал: Сверхъестественных рывков быть не может. Должен идти нормальный процесс, который позволит подняться на новый уровень. Какое время для этого потребуется? Не знаю. Главное, чтобы ребята побыстрее адаптировались к новым требованиям, которые к ним предъявляются...

Как же проходил этот самый процесс адаптации?

— О нагрузках Лобановского ходили легенды, что люди у него чуть ли не с ума сходили,— говорил мне 23-летний динамовец Дмитрий Михайленко. Я ожидал, конечно, увеличения нагрузок, но понимал, что все будет зависеть от тебя самого — как ты их перенесешь, как будешь выполнять те задачи, которые перед тобой ставят. Но было огромное желание работать, доказать всем болельщикам, но прежде всего себе самому, что ты чего-то стоишь. И когда Валерий Васильевич пришел, с самого

начала было тяжело — мы не привыкли к таким нагрузкам. Правда, я бы не сказал, что они были намного выше, чем при Сабо или Онищенко, но все-таки чуть повыше. Но ничего страшного, недели через две-три втянулись. И все пошло хорошо. Работать стало очень интересно. Конечно, с приходом Лобановского у нас что-то изменилось...

— Что же именно?

— Прежде всего, в команде спокойная обстановка. Никто на тебя не кричит, не давит на психику, позволяет раскрыться.

А вот первые впечатления вратаря Александра Шовковского:

— Для меня Валерий Васильевич всегда оставался человеком загадочным и непонятным, как все его преподносили. Честно говоря, я побаивался его прихода. Был наслышан о том, как он всех держал в ежовых рукавицах, и я где-то боялся, что сникну. А сейчас просто не нахожу слов. Атмосфера в команде изменилась. Многие ребята стали лучше относиться к делу. Более ответственно!

Капитан «Динамо»-1997 Юрий Калитвинцев постарше многих своих товарищей по команде. Он родился в 1968 году.

— Когда я узнал, что в команду возвращается Лобановский, лично для меня это было какое-то потрясение, что-то несбыточное,— вспоминал Калитвинцев. Я даже не мог себе представить, что такое возможно. Мне ведь пришлось испытать силу его команды на поле. Я тогда играл в Волгограде, и мы встречались с киевлянами — с тем самым знаменитым составом 1986 года. Я тогда почувствовал на себе, что такое «Динамо», Киев с Лобановским! Честно говоря, многие не верили, что он может сюда вернуться. И я не верил.

Интрига финала Кубка чемпионов Содружества-97 была заложена уже в самих именах соперников. «Динамо», Киев — «Спартак», Москва! Задолго до начала решающего поединка в московском манеже ЦСКА аншлаг. Зрители заполнили балконы, проходы, лестничные ступеньки. Первый тайм закрутил интригу еще больше. На 26-й минуте Егор Титов, к слову, признанный на турнире лучшим форвардом, в своем амплуа, в падении головой отправил мяч в ближний угол динамовских ворот. На перерыв команды ушли при счете 1:0 в пользу «Спартака».

Чуть забегая вперед, скажу, что на пресс-конференции Лобановскому задали вопрос:

— Уходя на перерыв, ваша команда проигрывала в счете, но создалось такое впечатление, что во втором тайме рисунок игры динамовцев не поменялся. Неужели вы были довольны действиями своей команды, когда она проигрывала, или все-таки внесли какие-то коррективы?

— Нет, никаких корректив, никаких изменений не было внесено,— спокойно сказал Лобановский. На игру выбирается какая-то определенная тактика. И от того, выигрывает команда или проигрывает, реагировать на это мгновенно нельзя. Наоборот, сказано было, чтобы продолжали играть так, как играли, и делать то, что делали. Но меньше ошибаться...

Действительно, все познается в сравнении. И острее всего с приходом Лобановского различные перемены ощущали сами игроки. Дмитрий Михаиленко рассказал мне:

— В перерывах при Йожефе Йожефовиче Сабо мы заходили в раздевалку. Потом забегал тренер, и начиналось выяснение отношений — кто как играл за эти 45 минут. Стоял крик, шум, и обстановка была очень нервозной. При Валерии Васильевиче все спокойно. Минут пять сидим и спокойно пьем чай. Потом он поправляет двумя-тремя словами, указывает на ошибки игроков. Затем опять тишина. То есть можно сосредоточиться на игре, не выплескивая эмоций, ни с кем не споря, спокойно подумать, в чем ты прав, а где-то, может быть, надо и прибавить. В Лобановском чувствуются спокойствие и уверенность.

— А интересно, это состояние как-то передается игрокам?

— Мне передается. Ведь на поле главное быть самим собой, не паниковать, иметь холодную голову в любых ситуациях. Если тренер нагнетает ситуацию, сам нервничает, нервозность эта переходит на футболистов. Потом очень тяжело совладать с собой. А когда тренер спокоен, он и ребят заряжает какой-то положительной энергией, они играют уверенней и спокойней.

...Во втором тайме были фрагменты, когда преимущество киевлян выглядело подавляющим, но счет еще за десять минут до конца был ничейным — 2:2 (у динамовцев голы забили Белькевич и Шевченко, у спартаковцев — Тихонов). Развязка наступила на 85-й минуте. Великолепный навес в штрафную Олега Лужного, и Андрей Шевченко в высоком прыжке головой точно бьет в нижний угол ворот. Голкипер спартаковцев Руслан Нигматулин достал мяч, отбил, но... прямо на ногу одному из главных героев матча Валентину Белькевичу. Удар, гол! Победа киевского «Динамо» — 3:2.

На заключительной пресс-конференции в пресс-центре яблоку негде было упасть: московская пишущая, снимающая, говорящая в эфир о футболе братия соскучилась по Лобановскому! И хотя за столом сидели главные тренеры обеих команд-финалистов, почти все вопросы адресовались киевлянину. В ходе пресс-конференции ее ведущий, видимо решив как-то исправить ситуацию, сказал: «Хочу напомнить, что пресс-конференция не только Валерия Васильевича, но и Олега Ивановича». А явно поскучневший

главный тренер «Спартака» Романцев добавил: «И, насколько я понимаю, пресс-конференция по матчу?!» Его реплика была не случайной. Разговор в пресс-центре оказался, пожалуй, не менее интересным, чем сам матч, и вышел далеко за рамки финальной игры. Порой обстоятельные ответы Лобановского на вопросы журналистов напоминали популярную лекцию о современном футболе. Правда, финальной игры он тоже коснулся. Сказал, что она приятно смотрелась, получилась быстрой, в ней было достаточно атлетизма. Хотя, с точки зрения Лобановского, в январе рановато показывать быстрый футбол. Главный тренер «Динамо» подчеркнул, что он, видимо как и Олег Романцев, не настраивал игроков на победу любой ценой. Сказал динамовцам, чтобы они не пытались на поле вести себя не по-джентльменски, ибо играют с хорошей командой, которая всегда конкурировала с киевским «Динамо».

Но я не помню, чтобы у нас когда-либо были какие-то эксцессы, а игра, как пишут некоторые журналисты, переходила в политику,— сказал Лобановский. Не было этого со стороны «Динамо», Киев. Это точно! Может быть, со стороны «Спартака»? Я такого не припомню. В 1975 году мы выиграли в Москве у «Спартака» — 1:0. После игры встретились в федерации с Николаем Петровичем Старостиным, ныне уже покойным. Он подошел ко мне, обнял и говорит: «Есть английская поговорка: „Если ты не смог победить соперника, обними его" — это наш принцип». Я сказал: «Полностью вас поддерживаю, Николай Петрович!»

— Ваш идеал игрока — это футболист, который строго выполняет указания тренера или же все-таки стремится проявить свою индивидуальность, показать красивый футбол? — спросили Лобановского.

— Красота футбола — это для меня абсолютно непонятная вещь,— спокойно начал он. Одним нравится одно, другим — другое. Люди ведь по-разному ходят на футбол. Одни — на отдельных игроков, другие — на команду в целом. Одним нравится атлетически подготовленная команда, другим — больше комбинационная. Футбол настолько разнообразен, что думать о красоте в общем-то и нет никакого смысла. Но главное — иметь свою игру, свое лицо. А тактические принципы, конечно же, должны присутствовать в любой команде. Есть коллективные принципы организации игры, и есть индивидуальные требования к игрокам, которые должны обязательно выполнять поставленные задачи. Какой это будет футбол? Красивый, зрелищный? — Лобановский выдержал небольшую паузу. Я не знаю. Ведь это же коллективный вид спорта, где ставится задача: побеждать

соперника! Красота — это проявление в коллективных действиях себя как личности.

На этой московской встрече с журналистами Лобановский оставался самим собой — высочайшего класса профессионалом, терпеливо пытающимся поднять аудиторию до своего уровня понимания предмета. Импонировала и позиция Лобановского по отношению к родному клубу, к своим коллегам. Когда прозвучал вопрос: «Сохранилась ли за время вашего отсутствия в киевском „Динамо" преемственность?» — мне показалось, что ответ Валерия Васильевича был не без особого удовольствия.

— Естественно сохранилась! — воскликнул Лобановский. И когда мне говорят, что вы пришли и начинаете с нуля, я отвечаю: «Как это с нуля? А до меня, что, там никто не работал?! А разве до меня там работали люди, которые отстали от современного футбола?»! В киевском «Динамо» преемственность была, есть... Вот будет ли она? Я не знаю. Но она есть.

Лобановский не зря сомневался: будет ли? Футбол социален. И главный тренер киевского «Динамо», вернувшийся после долгой разлуки на родину, видел (с его-то аналитическим складом ума!), не мог не видеть всего того, что происходило в стране. Почти все, что было в прошлом, отбрасывалось, разрушалось, охаивалось. А как, разорвав традиции, можно существовать?

...На фоне всех политических, экономических и социальных потрясений Украины родной клуб Лобановского оставался чуть ли не единственным островком благоденствия в безбрежном море несчастий и бед. Не потому ли, что, кроме прочих факторов, руководители динамовского коллектива с почтением относились к истории, традициям и преемственности?

Глава 15. Режиссер и труппа.

Лобановский после прочтения моих книг о нем соглашался далеко не со всеми выводами. Обратимся к стенограмме нашего телефонного разговора, произошедшего в мае 1991-го.

— ...Совсем я не понял, как это Лобановский конфликтовал с Блохиным? В его голосе слышалась вопросительная интонация. Но он вовсе не дожидался от меня ответа, а излагал на этот счет свои мысли. Причем начал не с футбола, а с театральных примеров. Вот когда мне стало ясно, что просмотр Лобановским во время его отпускных дней спектаклей ленинградского Большого драматического театра (БДТ), общение со многими известными актерами и выдающимися режиссерами — это не просто хобби.

— Георгий Александрович Товстоногов в общем-то демократичный человек, считался со своими артистами,— говорил Лобановский. Но демократичность его заключалась в том, что он выслушивал актеров. Если те ему что-то доказывали, он соглашался. Не доказывали, он просто выражал интеллигентный протест. Вот пример. Репетиция. «Кирилл, ты выйдешь с этой стороны сцены»,— говорит он Лаврову. «Как с этой? — парирует актер. Какая разница? Я с той выйду!» Георгий Александрович спокойно повторяет: «Нет, ты должен выйти с этой». Начинается полемика. И снова, не повышая голоса, Товстоногов поднимается со своего места и говорит: «Ну, если вы сами, без меня можете поставить спектакль, я не нужен и ухожу». И уходит! Совершенно спокойно, ни с кем не ругается. К нему приходят интеллигентные люди и просят: «Объясните почему?» «Видите ли, меня не интересует, с какой стороны вы выйдете,— поясняет Георгий Александрович. Это точно. Но меня интересует то, что я вижу в целом. Не Кирилла Лаврова или Олега Борисова, а в целом то, что я должен увидеть. Поэтому я говорю: вы выйдете с этой стороны, вы с той, а вы подниметесь из зала... Я хочу увидеть общую картину, а не частности!»

Лобановский, словно бы иллюстрируя тонкие взаимоотношения актеров-звезд ленинградского БДТ и выдающегося режиссера, привел немало других примеров. При этом называл фамилии Смоктуновского, Дорониной, Юрского. Потом коснулся известных ему коллизий и московской театральной жизни:

— Я беседовал с Юрием Петровичем Любимовым. Он сам себя называл жестоким, хотя у него в труппе были такие

выдающиеся личности, как Высоцкий, Филатов и другие. «Меня называют деспотом,— рассуждал Любимов. Мне говорят, что я не даю возможности раскрываться талантам, что я их загоняю в какие-то рамки. А где лучше театр, где демократия? Покажите мне, пожалуйста, где?!» То есть он не отрицал, что у него «театр режиссера». А есть «театр актера», где полная импровизация...

И лишь после этого довольно обстоятельного экскурса в мир театра Лобановский перешел к футболу. Словно бы продолжил ответ на поставленный им же вопрос: был ли у него конфликт с Блохиным?

— У меня с любым игроком, начиная от великого и кончая мальчиком, естественно, с учетом индивидуального подхода, строятся одни и те же взаимоотношения,— говорил Валерий Васильевич. Почему? Потому, что я на поле вижу спектакль, а не замечаю игроков. Их должны замечать зрители, журналисты. Давать оценку, кого-то отметить, что он сделал в матче больше, другой — меньше. Да, но в рамках спектакля! Из рамок выходить? Нет! А вот в рамках давай, твори. И самое, наверное, интересное, что талантливый игрок Блохин работал все время в рамках. Выходя на поле, люди должны выполнять определенные функции. Есть требования общего характера. Выполняя их, твори, показывай себя. И это ни в коей мере не глушит творчество игрока. Боже упаси! Наоборот, это развивает...

Лобановский привел примеры выдающихся звезд мирового футбола и снова вернулся к Блохину.

— Поэтому я прочел и удивился,— сказал Валерий Васильевич. Может быть, это Блохин так понимает, что я с ним конфликтовал? Но у меня с Олегом были совершенно нормальные отношения. Абсолютно. Впрочем, как и с другими игроками, которым я не давал гарантии, что они будут играть в основном составе. Были такие, которые спрашивали: «На следующий год вы даете мне гарантии?» Как я могу дать гарантии? Никому! Зависит от того, как вы подготовитесь, как будете реализовывать то, что вам предложат... И я всегда говорил: «Ты вправе выбирать, но гарантий тебе дать не могу». Поэтому некоторые уходили. Причем очень спокойно. То есть ни с одним человеком я не поругался, никого не отчислил. Уходили сами. Потом, бывало, просились назад... Так что конфликт искусственно как-то выглядит. Не только с Олегом, но и с другими. Преувеличен. Думаю, что это эмоции, связанные с амбициями, какими-то притязаниями.

Помните, я писал о своем твердом убеждении в том, что Лобановский так и не стал великим тренером? Но, утверждая так, считал, что это не вина, а беда этого человека, бесспорно

талантливого и одаренного, израсходовавшего много сил и здоровья, нервной энергии и интеллектуальных ресурсов. Представляю, каково ему было читать мои «оценки»?! И безмерно благодарен Лобановскому за интеллигентность, чувство такта и терпимость, которые он проявил в том телефонном разговоре со мной.

— ...Я немного не понял, как же все-таки оценить труд тренера? Каковы критерии? — сказал Валерий Васильевич и сделал небольшую паузу.

Но мне было ясно, что и на эти свои вопросы он не ожидает моих ответов.

— Для оценки нужно обычно иметь критерии,— спокойно продолжал Лобановский. Просто сказать, что тренер «хороший» или «плохой», «нормальный» или «великий», без критериев? Я такого не понимаю. Я всегда считал, что основная заслуга тренера не в количестве побед, хотя это — результат его работы. Не в количестве поверженных соперников. А ведь это уже не только — команда, но и — тренер. И здесь масса критериев: стратегия, тактика, селекция и прочее. На мой взгляд, заслуга тренера — это все-таки верность своей идее! Это самое главное.

И Лобановский снова обратился к примерам мирового футбола. В том числе привел известный в те годы факт того, как во французском «Олимпике» из Марселя отвергли кандидатуру тренера Беккенбауэра, хотя знаменитый на весь мир Кайзер Франц, как его называли на родине, возглавляя команду Германии, выиграл чемпионат мира!

— Но журналисты пишут о нем, что он не тренер и никогда им не был,— сказал Лобановский. Хотя такую категорячность я тоже не воспринимаю. Все-таки Беккенбауэр выиграл чемпионат мира! Преуспевающий он тренер, либо это будет единственный результат в его жизни? Хороший он специалист или плохой? Не знаю. Не могу судить, потому что у меня совсем другие критерии оценок.

И Лобановский перешел к примерам советского футбола, назвал фамилии тех своих коллег, о которых писали «талантливейший», «неповторимый» и тому подобное. Потом вернулся к международному футболу и спросил меня:

— Как вы думаете, Бобби Робсон хороший тренер или нет?

— Тренер-профессионал,— ответил я.

— Правильно, хотя ни одной игры не выиграл на чемпионате Европы. Его затюкали, заклевали... Но на следующем чемпионате мира попал в четверку. То есть в какой-то степени доказал свои профессиональные качества, свой уровень. У него была идея, было направление, и он их реализовал. Правда, не так, как

хотелось бы англичанам. Что же сделаешь, конкуренция большая! Когда собираются семь-восемь равных команд, вмешиваются причины иного плана. Состав, игроки, состояние, возраст и так далее. Масса, как мы говорим, привходящих моментов, которые могут повлиять на конечный результат...

И тут Лобановский заговорил о своих учениках. В голосе его звучали очень теплые, прямо-таки отеческие нотки. Так обычно родители говорят о своих любимых детях.

— Кстати говоря, ряд наших ребят хорошо подготовлены и работают нормально, понимают современный футбол,— сказал Лобановский. Так что в плане учеников я очень доволен. Целая плеяда специалистов! Получится у них или нет? Но это уже зависит от того, куда они попадут...

В том телефонном монологе Лобановский порой говорил, если употребить известный штамп, «без ложной скромности». Нас ведь всю жизнь приучали к мысли о том, что самому говорить о своих достоинствах — это «нескромно». Но ведь все познается в сравнении. И в любой цивилизованной стране мира положительная самооценка, с подчеркиванием каких-то личных выигрышных качеств, воспринимается вполне нормально. Приведу на этот счет такой пример. В одной из школ Филадельфии, где эмигрантов обучали английскому языку, бывшие киевляне рассказали обо мне одному из преподавателей. В частности сказали, что мои книги пользовались большой популярностью у советских болельщиков футбола. Узнав об этом, американец попросил меня принести хотя бы некоторые из них. С любопытством их разглядывал, интересовался переводом названий книг, листал вкладки с фотографиями, потом спросил меня:

— Вы гордитесь своими книгами? В ответ я только пожал плечами:

— Ну, наверное, о книгах лучше спрашивать читателей,— сказал я. Как автор может их хвалить? Нескромно...

Мне показалось, что он не понял смысл моего ответа. И дело тут вовсе не в моем плохом английском. Люди, владевшие языком гораздо лучше меня, заметив удивление на лице симпатичного американца, попытались подробно растолковать ему суть моего ответа. Они рассказали о чисто советском восприятии понятий «скромно»-«нескромно». Не знаю, понял ли преподаватель их объяснения, но мне он посоветовал, если впредь меня об этом спросит кто-то из американцев, то ответ мой должен быть однозначный: «I am proud of my books!» («Я горжусь своими книгами!»). Иначе, сказал он, меня в Америке просто не поймут. Впрочем, вернемся в Киев.

Так вот, без ложной скромности, Лобановский сказал и о своем научном вкладе, о теоретических моментах развития футбола. И тут я с ним абсолютно согласен. Попробуйте назвать тренера, который бы в этой области сделал больше Лобановского?!

— Буду я тренером или нет, а все это останется,— сказал Валерий Васильевич. Я оставлю после себя определенное направление, которое, кто сможет, будет использовать. Есть в мире тренер, который, уходя из большого футбола, оставил бы после себя определенное направление, методику, совершенно иной подход к игре?

И последовали примеры известных всему миру футбольных наставников. Слушая Лобановского, невольно задумывался, что же оставил после себя Менотти, который дважды привел сборную Аргентины к победам на чемпионатах мира? И трудно было дать какой-то определенный ответ на этот непростой вопрос. А знаменитый Загало, который работал до Лобановского в Эмиратах? Тоже ничего определенного.

— Вот вам пример наших оценок,— продолжал Лобановский. Герман Зонин, который выиграл с «Зарей» звание чемпиона Советского Союза! Его обливали грязью. Не знаю, может быть, были там какие-то дела... У меня нет точной информации, и я не берусь об этом судить. Но как можно выиграть чемпионат, не играя в футбол?! Это просто глупость. Играть же надо! Ну, выиграл только один раз, работа в Ленинграде не получилась... Но этот человек, кандидат наук, оставил после себя определенный след. Преподаватель, предложивший какую-то систему. Разве я могу о нем сказать, что это плохой тренер?! И ведь были же такие, которые писали, что в победе «Зари» нет заслуги Зонина. Это просто попытка принизить то, чего человек добился! Или покойный Виктор Александрович Маслов. Природный мужицкий ум! Он не имел знаний, но мыслил, настолько опережая события и видя образ новой игры, что опередил Рамсея. Мы пишем, что в 1966 году это Рамсей придумал 4 + 4 + 2. Да нет, «Динамо», Киев уже так играло! Динамовцы, когда уже не было в команде Лобановского, играли именно по системе 4 + 4 + 2. Они играли в тот футбол, который мы потом увидели в Англии на чемпионате мира. Значит, Виктор Александрович Маслов провидец! Он оставил след в нашем футболе? Конечно же оставил! Если бы такие люди оставляли после себя побольше учеников, прогресс шел бы быстрее.

Все это говорилось Лобановским достаточно спокойным тоном. Но, когда он повел разговор о так называемых «странных» играх, в его голосе мне послышалось раздражение:

— Тема, которая уже надоела,— сказал Лобановский. Наверное, когда люди повторяют одно и то же, это надоедает. Тема о договорных играх. И тут я бы вообще мог раздолбать своих оппонентов так, что от них бы ничего не осталось! Но нет смысла. Какой мне смысл рассказывать о том, что...

И последовала целая серия примеров подобных игр. Лобановский называл команды, результаты, фамилии тренеров. Мне было понятно его раздражение. Ведь иные мои коллеги дописались до того, что именно он был родоначальником «странных» матчей в советском футболе и поставил их чуть ли не на поток в практике киевского «Динамо». А Лобановский приводил примеры восьмидесятых, семидесятых и... сороковых годов, то есть когда он еще и в футбол-то не играл.

— ...Игра в Москве,— продолжал Лобановский. Встречаются московские команды «Динамо» и «Локомотив», которому для того, чтобы остаться в высшей лиге, нужно выиграть с разницей в шесть мячей... Словно бы по заказу, «Локомотив» выигрывает — 7:1. «Блестящая игра „Локомотива"»! — так это преподносится прессой. Но есть эпизод, который я знаю из истории. Свидетелей мало, но они есть. ЦДКА играет в Сталинграде с «Трактором». Армейцам нужна победа со счетом 5:0. А раньше, если помните, учитывалась не разница, а соотношение. Так вот, только 5:0! К примеру, 6:1 и — чемпионом становится московское «Динамо»... 5:0 — выигрывает ЦДКА. В Сталинграде! Ну, это я так, вспомнил. Сорок седьмой год.

Валерий Васильевич назвал и тренеров, которые на словах - в прессе! — клеймили договорные игры, ратовали за «искренний», «бескомпромиссный», «честный» футбол. Но на деле поступали совершенно иначе. И такое лицемерие иных коллег по футбольному делу возмущало Лобановского больше всего. Он привел слова одного из подобных «поборников правды», который сказал: «Купить мы можем, но продать — нет!»

— Вдумайтесь в эти слова?! — Лобановский даже повысил голос— Значит, купить мы можем очки у кого угодно, но продать — нет. Вот такая логика у человека. Это его «стратегия». Но посмотрите, как он выступает в прессе?! Сплошная искренность! Так лучше вообще молчать. Не надо выступать. Заткнуться и молчать... Подобное бывает везде, даже на чемпионатах мира! Иногда в силу каких-то стратегических обстоятельств. Ну, например, Германия играет с Австрией. Обоих устраивает ничья. Если кто-то проигрывает — все, дальше не проходит. Какими же надо быть дураками, чтобы выйти и рисковать, обыгрывать друг друга?! Это же понятно. Только идиоты способны на такое. Поэтому естественный результат: ничья. Оба соперника попадают

в следующий круг. Или пример из нашего чемпионата. «Динамо», Киев играет в Ленинграде. Ничья и: «Зенит» — призер, а киевское «Динамо» — чемпион. Вот вы, как педагог, расскажите игрокам: «Да нет, надо играть! Лучше лишимся чемпионского звания, но будем рисковать, биться за победу... А игроки что? Дураки, что ли? Да нет, конечно... Дело в том, что иногда это делается даже без тренера, который порой и повлиять на эти вещи не может».

Потом Валерий Васильевич привел примеры из шахмат, когда в результате ничьей мастер становился гроссмейстером. Назвал известные ему случаи сомнительных побед в борьбе и боксе, где ложились друг под друга для того, чтобы выполнить норму мастера спорта. Упомянул и нашумевшие в мире истории из профессионального бокса.

— Все это было, есть и будет,— с грустью констатировал Лобановский. Ничего нельзя сделать. И повлиять на это никто не может. И тренер бывает бессилен. Не хотят одни, хотят другие, третьи...

— Вы считаете, что об этом явлении вообще не надо писать?

— Об этом говорить как-то можно, но следует отделить зерна от плевел,— сказал Лобановский. Речь можно вести об этической стороне вопроса, о нравственности. Во всем должна быть порядочность.

Разумеется, эти мысли Лобановского были для меня очень интересны. Полагаю, что его взгляды будут вдвойне интересны для многих функционеров не только украинской Профессиональной футбольной лиги (ПФЛ), созданной летом 1996 года, но и всего постсоветского пространства. Здесь, думаю, к месту процитировать лишь некоторые фразы из доклада президента ПФЛ Григория Суркиса на конференции лиги в декабре 1996 года:

...Уже сейчас могу сообщить любителям разыгрывать турнирные очки под столом: не только газетчики, но и наши сотрудники засекли некоторые подозрительные матчи. Остается проверить во втором круге основательность этих подозрений. Ведь во второй половине турнирной дистанции придется отдавать долги, и мы посмотрим, как это будет выглядеть. На ответные встречи двухраундовых поединков, помеченных в первом круге клеймом договорных, выедут представители ПФЛ. А уж о технике доказательств распространяться не стану. В этом деле главное — внутренняя убежденность. Техникой займутся технари... Мы готовимся к решающим событиям чемпионата и первенств. Моя обязанность предупредить: след взят. Остановитесь, кто может.

Очень интересно было слушать рассуждения Лобановского и о его собственной «жесткости» и «доброте».

— Если мы рассуждаем о моей доброте и справедливости, то лучше поговорить с теми людьми, которые со мной работали,— говорил мне Лобановский. Но не с эмоциональными, а, скажем так, с нормальными людьми. И не сразу, а только через какое-то время. Ибо сразу, едва перестав быть игроком и став тренером, человек не может объективно оценивать.

...В январе 1997-го, на тренировочных сборах в Германии, динамовцы почти ежедневно занимались теорией. Занятия длились минут по 30, не больше.

— Очень много говорилось об отношениях тренера и команды. Интереснейшие беседы! И время пролетало быстро,— рассказывал мне капитан команды Юрий Калитвинцев. Все было подчинено созданию коллектива. И мне запомнились слова Лобановского: «Да, команда у нас есть, но у нас еще нет коллектива. Будем работать». Валерий Васильевич словно бы пытался нам внушить мысль о том, что, когда мы едины, мы сильны. Потому что у нас в команде нет звезд, нет знаменитых футбольных личностей. И если кто-то мечтает попасть в знаменитые клубы, то и этого мы должны добиться коллективом. Если у нас будут хорошие результаты — у всей команды, то на нас обратят внимание. На команду! А уже потом будут смотреть, кто в ней лучший. Мы полностью доверились этому человеку. Главное, что появилась уверенность в том, что он тебя никогда не оскорбит как личность.

К слову сказать, любопытный факт первого сбора. В конце его динамовцы должны были принять участие в турнире по мини-футболу. Тренеры заявили на участие в нем 16 игроков. Все шестнадцать — холостяки. А семейным Лобановский разрешил улететь в Киев раньше, для того чтобы на двое суток больше они могли побыть в кругу семьи перед тем, как улететь на Кубок Содружества...

Заслуженный мастер спорта Анатолий Демьяненко в составе киевского «Динамо» провел 333 игры. Пять раз становился с командой чемпионом СССР, четырежды — обладателем Кубка страны, вместе с командой в 1986 завоевал Кубок кубков. В составе сборной Советского Союза он — вице-чемпион Европы. В 1985 году был назван лучшим футболистом страны. Несколько лет избирался капитаном команды. Карьеру футболиста заканчивал в командах Польши и Германии, а, вернувшись в Киев, стал одним из тренеров «Динамо». Кому же как не ему,

игравшему в команде Лобановского 12 лет кряду, судить о взаимоотношениях тренера с игроками?

— Они у нас были очень деловыми,— рассказывал Анатолий Демьяненко. Валерий Васильевич уже в то время требовал от игроков профессионального отношения к своему делу. Конечно, быть может, нам, молодым, не всегда это нравилось. Признаться, мне тоже. Каюсь, были ошибки молодости. Но требовательность Лобановского, считаю, шла нам только на пользу. И я в этом плане благодарен ему за профессионализм, строгость и справедливость.

И, в заключение, небольшой фрагмент моей беседы с еще одним в прошлом игроком киевского «Динамо», заслуженным мастером спорта Михаилом Михайловым, в то время работавшим в качестве тренера вратарей в динамовском клубе.

— Помните, о Лобановском бытовало такое мнение, что он человек жесткий? — спросил Михайлова.

— Помню, конечно,— сказал Михаил. Еще говорили о нем, что он довольно сухой. Но я с этим абсолютно не согласен! Может быть, он и был несколько суховат с людьми, далекими от футбола. С дилетантами, которые лезли в футбол, навязывали свое мнение, не имея никакого о нем понятия. С нами, игроками, он сухим не был. К нему всегда можно было обратиться и поговорить на любую тему.

— А все-таки что скажете по части его жесткости?

— А тренер должен быть жесткий,— сказал Михайлов. Потом задумался и добавил: Впрочем, это слово не совсем подходит. Скажем так, принципиальный. Так вот, я-игрок запомнил Лобановского-тренера как принципиального и требовательного. Он никогда не отходил от своих принципов и требовал от нас выполнения всего того, что было намечено в его планах. Одни безропотно соглашались, другие считали требования завышенными. Но время подтвердило, да, впрочем, еще тогда это стало ясно, что по меркам профессионалов футбола нам предъявлялись вполне нормальные требования.

— А не говорит ли в вас сейчас не столько память игрока, сколько позиция Михайлова-тренера?

— Согласен с вами, абстрагироваться довольно трудно. Естественно, взгляды мои как игрока отличаются от нынешних, когда я наблюдаю за процессом становления, который сейчас происходит в команде. Есть нюансы, когда открываешь для себя совершенно нового Лобановского.

— И как, интересно, на ваш взгляд, изменился Валерий Васильевич?

— Если коротко выразить мнение, которое у меня сложилось

после возвращения Валерия Васильевича, то хватит трех слов: он стал мудрее...

Полностью согласен с Мишей Михайловым. Полагаю, что именно мудрость помогла Лобановскому понять, какое дело задумали братья Суркисы и их единомышленники, поверить им и возвратиться в родной клуб.

Глава 16. Руководить - значит предвидеть!

23 мая 1995 года в Киевском планетарии отмечали 30-летие общественно-политического и теоретического журнала «Трибуна» — органа общества «Знания» и Союза журналистов Украины. Председатель оргкомитета празднования этой даты, народный депутат Украины Валентин Симоненко, открывая вечер, сказал, что «Трибуна» чуть ли не единственное элитное издание в стране, которое ищет и находит лучшее в людях и освещает это на своих страницах. А первый президент Украины Л. М. Кравчук вспомнил, как изменялся журнал, как превращался из «серой методички» в «общенациональное всеукраинское издание». И высоко оценил работу его главного редактора. Подробные материалы об этом празднике журнала были опубликованы в номере 7—8 «Трибуны» за 1995 год и заняли первые шесть страниц. И вот представьте, что во всю обложку этого праздничного номера была напечатана фотография Григория Суркиса! А на развороте — очерк главного редактора «Трибуны», заслуженной журналистки Украины Валентины Меншун «Одержимость». В подзаголовок было вынесено: «Штрихи к портрету президента акционерного общества ФК „Динамо", Киев, президента концерна „Славутич" Григория Михайловича Суркиса».

За что же такая честь? Позволю себе процитировать первый же абзац публикации (в переводе с украинского):

Григорий Михайлович Суркис, портрет которого печатается на первой странице обложки, принадлежит к людям, за которыми будущее, которым и в нынешнее время варваризации, человеческого вырождения, слепоты не изменили здравый смысл, совесть и вкус. Наделенный откровенностью и правдолюбием, самовоспитанный в нетерпимости к притворству и обману, он находит применение своим силам для истинного возрождения Украины и ее жемчужин. Это смелый, одержимый патриотическим размахом энтузиаст, который без государственной и общественной поддержки, с группой сильных духом и щедрых доброй и искренней душой единомышленников, а именно: с Виктором Владимировичем Медведчуком, Богданом Владимировичем Губским, Валентином Арсентъевичем Згурским, Юрием Николаевичем Карпенко, Игорем Михайловичем Суркисом, Юрием Ивановичем Ляхомом — развернул

деятельность, которая поражает, вызывает восхищение и уважение. Наиглавнейшая черта этого предприимчивого человека — доброта, готовность ненавязчиво предложить свою помощь другим.

К слову сказать, об одном из этой великолепной семерки журнал писал еще раньше: читателям «Трибуны» был представлен президент Союза адвокатов Украины, председатель высшей квалификационной комиссии адвокатуры при кабинете министров Украины, президент международной адвокатской компании Би-Ай-Эм Виктор Медведчук. Впрочем, публикация о нем и в прежние времена могла быть воспринята вполне нормально (особенно в ту пору, когда он занимал высокий пост главы администрации президента Украины!). А вот появление на обложке портрета Григория Суркиса, очерк с подобными дифирамбами, пусть и заслуженными, но в праздничном номере элитного журнала?! Нечто подобное в советские времена трудно себе представить. Надеюсь, вы догадываетесь почему? В своем очерке В. Меншун пишет и о том периоде, когда Г. Суркис занимал пост начальника управления комплектации Киевского горисполкома, и на него порой озлобленно набрасывались со всякими обвинениями:

Какие только грехи ему не приписывали! Доходили до абсурда: обвиняли даже в том, что еврей и на такой высокой должности. Он знал, что там, где другим какой-то недосмотр сойдет с рук, его, что называется, готовы будут распять.

А можно ли себе представить, что именно он возглавит клуб любимой команды ЦК КПУ, непосредственными кураторами которой были МВД и КГБ?!

— Знаете, раньше даже вообразить, что Суркис может быть президентом киевского «Динамо», вообще было невозможно,— говорил мне Григорий Михайлович. Но, видимо, те явления, которые произошли с распадом бывшего Советского Союза, с обретением Украиной независимости, пожалуй, и дали возможность проявить себя таким людям, как я... Мы росли, до фанатизма любя этот клуб, его футболистов всех поколений. Мы жили от матча к матчу, от победы к победе и горечь поражений воспринимали как нечто личное, проходившее сквозь нашу плоть. Мы ждали реваншей и не мыслили себе нашу жизнь без «Динамо». Не могу сказать, что сегодня я самое лучшее явление на посту динамовского президента, какое-то его спасение. Просто так сложилась ситуация, что вместе со мной пришла в этот клуб моя команда и нам было суждено сделать все для того, чтобы он

не ушел в небытие...

Сказано, на мой взгляд, довольно мягко, с определенным чувством такта. А ведь речь идет о 1993 годе, когда, не случись в клубе смены руководства, стали бы мы свидетелями полного краха киевского «Динамо», крушения многих человеческих судеб и надежд. Вот что рассказал мне об этом тогдашний первый заместитель министра МВД, а впоследствии — народный депутат Украины Валентин Михайлович Недригайло:

— Мы очень тогда переживали, что нарушились основные принципы деятельности динамовского коллектива. Руководство клуба, обособившись от системы МВД, втайне занялось всякими нехорошими манипуляциями. С молотка продавало фактически наше, я говорю как динамовец, имущество. Уже были заложены стадион «Динамо», тренировочная база, автобусы, легковые автомобили, квартиры футболистов и прочее и прочее. Все рассчитывали, что огромные суммы денег, которые были выручены за продажу динамовских звезд в зарубежные клубы, как-то поправят положение, но увы. Куда делись эти деньги? До сих пор, как говорится, тайна, покрытая мраком. Одним словом, дошли до того, что киевское «Динамо» стало банкротом. Дальше такое положение полного краха и катастрофы терпеть было нельзя. И, слава Богу, нашлись умные люди во главе с Григорием Михайловичем Суркисом, которые создали акционерное общество «Футбольный клуб „Динамо", Киев». Естественно, для этого нужны были не только большие ассигнования, но и, я бы сказал, боевая хватка, огромное желание и, применил бы даже такое слово,— мозги. И «Динамо» ожило!

— По роду службы вам приходилось встречаться с Суркисом? — спросил я Недригайло.

— Конечно, и не раз.

— Интересно, что вы о нем думаете как о человеке?

— Считаю, что это умный, энергичный, высокопорядочный человек. Боевой. И самое главное — большой патриот Украины, футбола и нашего «Динамо».

Мои вопросы В. Недригайло, по роду своей профессии, бесспорно, владеющему информацией, были далеко не праздными. Когда летом 1993 года в клубе произошла смена руководства и киевское «Динамо» возглавил Г. Суркис со своей командой, в различные инстанции посыпались всякого рода пасквили и доносы.

— На мое имя пришло около двадцати писем-жалоб о том, что в киевском «Динамо» имеются серьезные нарушения финансовой дисциплины и тому подобное,— рассказывал мне первый президент Украины Лебнид Макарович Кравчук. Причем

жаловались непосредственно на Суркиса Григория Михайловича.

— И все это на ваше имя?! — удивился я.

— На имя президента Украины,— уточнил Кравчук. Я думал: ну кому поручить? У меня в администрации нет специалиста по футболу. Поручил Симоненко, который в свое время, будучи мэром Одессы, курировал «Черноморец». Полагал, что он разберется. И он действительно обстоятельно и скрупулезно разобрался в этих письмах. Тогда-то, не хочу употреблять высоких слов, и стало ясно, что, казалось бы, в невозможной ситуации Григорий Михайлович сделал все возможное для того, чтобы сохранить киевское «Динамо». Сохранить клуб!

Как же после такой информации было не встретиться с Валентином Симоненко, к слову, мастером спорта по альпинизму? И я спросил его:

— Сложно ли было вам, в то время советнику президента Украины, разобраться в сути проблемы?

— Долгая история,— сказал Валентин Симоненко. Но если коротко, то, как говорится, вопрос был, словно бритва, обоюдоострый: быть или не быть...

— Кому или чему? — не понял я.

— Акционерному обществу «Футбольный клуб „Динамо", Киев»! — воскликнул Симоненко. Быть ли ему таковым или он опять скатится до статуса рядового спортивного общества? Вот тогда Григорий Суркис, а также люди из его команды Виктор Медведчук и Богдан Губский сели рядом со мной, и мы спокойно, шаг за шагом, обсудили все этапы — как они видят становление этого клуба. И всплыла на поверхность старая истина: руководить — значит предвидеть!

— А как же с письмами-жалобами? — спросил я земляка-одессита. Валентин Симоненко улыбнулся:

— Как говорят у нас в Одессе, никакой коммерцией там и не пахнет. Пока сплошные убытки. Но все будет впереди, когда киевское «Динамо» прочно станет на ноги и подрастут новые футбольные звезды. Впрочем, начало у них совсем неплохое.

— Валентин Константинович, интересно, какое впечатление произвел на вас Суркис и его партнеры? — спросил я Симоненко.

— Меня просто поразила какая-то одержимость Суркиса в вопросах футбола, тонкое знание игроков, но главное — видение хорошей, радужной и доброй перспективы. Когда все было тщательно проверено, изучено и обобщено, стало ясно, что группу людей-энтузиастов, которую возглавляет Григорий Михайлович, надо поддержать так, чтобы киевское «Динамо» снова стало командой номер один.

— И администрация президента Украины вместе с другими

государственными структурами оказали такую поддержку?

— Да. И, как видите, мы не ошиблись.

— В чем именно выражалась эта поддержка?

— Людей, на которых постоянно, пользуясь советским языком, «катили телегу», прежде всего, следовало поддержать морально. Во-вторых, была поддержка чисто юридического плана, ряд распоряжений президента санкционировали этот широкомасштабный эксперимент в столь необычном подходе к развитию самого массового вида спорта в Украине.

Мы беседовали с Валентином Симоненко в конце октября 1994 года. Слушая его, невольно вспомнил, как в те же дни побывал на динамовской тренировочной базе в Конча-Заспе, где тогдашний премьер-министр Украины Виталий Масол по старой доброй традиции строителей закопал капсулу с посланием к будущим поколениям под фундамент новостройки — шестиэтажного красавца-корпуса реабилитационно-восстановительного центра. При всем архитрудном положении в стране и плотном личном рабочем графике премьер нашел все-таки время приехать в Конча-Заспу. Почему он это сделал?

— Профессиональный спорт — это высокое искусство, требующее соответствующих условий, а создавать их при крахе нашей экономики не так-то просто, и я хотел хотя бы морально поддержать динамовцев,— сказал мне в тот дождливый осенний день Виталий Андреевич Масол.

Действительно, у государства не было средств для подобного строительства, которое по предварительным расчетам должно было стоить не меньше 17 миллионов долларов! И вот, вспомнив об этом, я спросил бывшего советника президента Украины по экономическим вопросам Валентина Симоненко:

— Можно ли считать, что это частный капитал?

— Это действительно акционерный, частный капитал, и к государству он никакого отношения не имеет. Разве что, в рамках закона, выделение участков земли. Существующее законодательство подобное разрешает. А ведь год назад это уже было заложено в перспективе становления клуба. Без этого не будет команды. Чтобы получить, надо очень и очень много сначала вложить.

— Так, может быть, без такого подхода не будет и цивилизованной страны,— сказал я. С учетом сегодняшнего бедственного состояния экономики Украины, может ли пример динамовского клуба стать заразительным в самом широком масштабе? Возможно ли подобное, скажем, в торговле, строительстве, да, впрочем, в разных сферах деятельности?

— Дорогой мой,— с мягким одесским акцентом, улыбаясь

сказал Валентин Симоненко. Из ничего не возникает что-то. Повторю: чтобы что-то получить, надо вложить. Но, прежде всего — энтузиазм и веру в то, что ты правильно вкладываешь. И — труд, труд, труд...

Судя по всему, руководители клуба и сами это хорошо понимали. Трудились они плодотворно. Деятельность их, как писала в своем очерке «Одержимость» В. Меншун, действительно поражала, вызывала восхищение и уважение. Хотя с ней трудно согласиться в том, что все это происходило «без государственной и общественной поддержки». Поддержка хотя морального и юридического плана, но все-таки была. Главное, в чем абсолютно согласен с автором очерка, что на фоне всей той разрухи и экономического краха страны, плоды трудов великолепной динамовской семерки действительно поражали и вызывали восхищение. Когда на одной из пресс-конференций Лобановского, вернувшегося в киевское «Динамо», спросили, какого он мнения о переменах в клубе, он ответил:

— Дело в том, что уже выработана система, определенная структура клуба. Конечно, она будет совершенствоваться, время потребует каких-то корректив — это естественный процесс. Но она уже есть, и довольно надежная. Есть процесс управления футбольным клубом, и мы пытаемся, чтобы он был единым организмом...

И Лобановский подробно рассказал, как будут взаимодействовать между собой первая, вторая, третья команды, футбольная школа.

Никто на той пресс-конференции не мог предположить, что инфраструктура динамовской школы на Нивках, служившая в шестидесятые годы основной базой команде мастеров «Динамо», Киев, будет значительно расширена, оборудована по последнему слову строительной и спортивной науки и полностью отдана в распоряжение юных динамовцев! И уж, наверняка, и в мыслях ни у кого не было, что эта школа весьма скоро (с мая 2002 года) станет носить имя Валерия Лобановского...

Всякий раз, прилетая в Киев, я обязательно бываю на Нивках. Перемены, как говорится, радуют глаз. А память невольно возвращает в то убогое хозяйство, которое досталось в начале девяностых годов Григорию Суркису и его команде, о чем еще до возвращения в родное «Динамо» Валерий Васильевич был хорошо информирован. Но мэтр знал и другое: отношение новых руководителей клуба к воспитанию юного поколения. Это не просто слова. Весной 1995 года, на фоне рассохшихся дырявых щитов для отработки ударов, своими впечатлениями об истинных намерениях и делах новых руководителей клуба делился

директор динамовской школы Анатолий Шепель:

— Гриша Суркис впитал все, что связано с добрыми традициями киевского футбола. Два года назад он пришел в «Динамо» фактически на голое место, когда продавать было нечего и некого. Звезды были распроданы до его прихода. Почти год я присматривался к Григорию Михайловичу, а он, видимо, ко мне. Нынешней весной мы вместе с ним объездили все рабочие киевские районы, заброшенные стадионы, где когда-то футбольная жизнь била ключом. И он поставил передо мной конкретную задачу: именно в этих районах, где сегодня средоточие потенциальных юных наркоманов, пьяниц, хулиганов, развивать детский и юношеский футбол, отвлечь ребят от улицы. «Надо возвращать футбол в Киев!» — то и дело слышу я от Суркиса. Он не просто говорит, но многое уже делает...

В 1996-м, в год десятилетия чернобыльской трагедии, Шепель уже рассказывал мне о первых победах питомцев динамовской школы в различных международных турнирах в Италии, Франции, Голландии, Германии и других странах:

— Эти победы очень важны не только для наших мальчишек или для нас, тренеров,— говорил Шепель. Мы показываем миру, что, несмотря на последствия Чернобыля и целый букет наших сегодняшних проблем, мы не сдаемся. Живем, дышим и даже успешно развиваем детский и юношеский футбол...

Впрочем, возвратимся на пресс-конференцию, где Лобановский поделился своими соображениями, как ему видится творческий процесс взаимодействия всех динамовских тренеров. Поведал о том, как после залеченных травм будут восстанавливать свои кондиции футболисты из первого состава, которые не должны сидеть на скамейке запасных. Они смогут тренироваться и играть во второй или третьей командах. То есть так, как это делается во всем мире. В своем ответе он коснулся и вопроса подготовки резерва:

— Меня часто спрашивают о возможности приобретения иностранцев,— сказал Лобановский. В ближайшее время трудно расчитывать на то, что в нашем клубе появятся зарубежные игроки очень высокого уровня. Сложно. Мы еще к этому не готовы. Хотя пытаемся создать селекционную группу, которая будет следить за футболом Молдавии, Белоруссии, Прибалтики, Азии и Северной Африки. Но для этого надо иметь большие возможности. Проще готовить своих игроков. Так что акцент будем делать на молодых футболистах, которых можем довести до определенного уровня.

Видимо памятуя о тех временах, когда главный тренер был фактически первым лицом чуть ли не во всех вопросах жизни

команды, на той же пресс-конференции, где речь шла о переменах в его родном «Динамо», Лобановского спросили: «Каковы ваши взаимоотношения с президентом клуба?»

— Деловые, нормальные взаимоотношения,— сказал Валерий Васильевич. В любой момент мы можем контактировать и решать вопросы, если они возникают. Если мне необходимо о чем-то спросить президента, я ищу его. Он человек занятый, и не так-то просто с ним повстречаться. Но пока все нормально.

...Признаюсь, как однажды, после первых своих видеопрограмм об Украине на русскоязычном телевидении — RTN в Соединенных Штатах Америки, я был буквально ошарашен вопросом одного давнего динамовского болельщика, который уже лет двадцать проживает в Нью-Йорке.

— Слушайте, это правда, что Суркис купил «Динамо»? — спросил он.

Откровенно говоря, вопрос поставил меня в тупик. Ведь, учитывая всю славную предысторию клуба и его бывших кураторов, трудно было себе даже представить масштабы подобной коммерции. Украина, думал я, все-таки не Запад, мерками которого уже давно жил давний поклонник динамовцев. Но оказалось, что и в Киеве витал тот же вопрос, о чем рассказал мне отец президента клуба Михаил Давидович Суркис:

— Мой брат лежал в институте урологии. И один врач так и спросил его: «Скажите, неужели ваш племянник Гриша Суркис такой богатый, что купил киевское „Динамо"»? Брат ему в ответ: «Доктор, при всем уважении к вашим медицинским познаниям, должен сказать, что вы вообще ничего не понимаете в коммерции. Неужели вы допускаете, что есть человек, который может купить и содержать такую команду?!» Думаете, он после этого успокоился? Я захожу в ординаторскую, прошу разрешения позвонить по телефону, он мне задает тот же вопрос... Ну дуб дубом. Тупой доцент...

В футбольных кругах на первых порах к новому президенту клуба присматривались с особым интересом. Как-никак, а именно он представлял киевское «Динамо» в качестве фигуры номер один.

...Летом девяносто пятого года, перед каким-то матчем, во дворике киевского стадиона-стотысячника (теперь он именуется «Национальный спортивный комплекс „Олимпийский»), я встретил Стефана Решко, которому всегда симпатизировал. Динамовцы уже выходили на разминку. И я, кивнув в их сторону, спросил Решко:

— Что о них скажете?

— Лучшая команда Украины — это без всякого сомнения,—

Стефан мягко улыбнулся. Но мы-то, бывшие футболисты, привыкли оценивать по европейским и мировым меркам. А до этого пока далеко. Но есть талантливые ребята. Думаю, что Шевченко, Ващук и некоторые другие могут вырасти в таких же великих игроков, какие были в нашем составе...

Ему было с чем сравнивать. Великолепный защитник киевского «Динамо» и сборной Советского Союза, Решко не раз вместе с командой выигрывал Кубок страны и золотые медали чемпионов СССР, Кубок кубков-1975 и Суперкубок. Решко пришел в тот день на стадион в военной форме («Прямо с работы, не успел переодеться»). Уже полковник, начальник кафедры боевой и физической подготовки Академии внутренних дел Украины. Такой же стройный, поджарый. Только вот для 48-летнего мужчины, кажется, слишком много морщинок вокруг чуть запавших глаз. Да выдающая усталость синева под ними. Словно бы только что отыграл тяжелейший матч и все силы оставил там, на поле.

— Как вам сегодня живется?

Услышав мой вопрос, Решко рассмеялся. Потом тяжело вздохнул:

— Посмотрите на мое лицо, и все станет ясно,— сказал он. Работы много, трудностей хватает. К сожалению, государство сегодня не может уделить должного внимания органам внутренних дел. А нам ведь приходится выполнять самую черную работу. Проблем предостаточно, и материально не можем себя обеспечить...

Слушая его ответ, с грустью поймал себя на мысли о том, что уже в независимой Украине заслуженный мастер спорта Стефан Решко, бесспорно, достоин лучшей жизни. Как и его поколение. И еще раз с теплотой подумал о великолепной семерке руководителей клуба, развернувших деятельность, которая восхищала и вызывала уважение. Они-то и делали все для того, чтобы сегодняшние и завтрашние динамовские звезды, да, впрочем, и все остальные люди на украинской земле жили достойной человека жизнью... И надо же, чтобы именно в этот момент нашего разговора с Решко в стадионном дворике появился Григорий Суркис.

— Что вы о нем думаете? — спросил я Стефана.

— Поначалу, прямо скажу, как-то настороженно к нему относился,— ответил Решко. Потом присмотрелся. Вижу, сколько человек работает, как действительно болеет за дело, переживает за команду, базу расширяет, развивает школу. Вкладывает свои деньги, и немалые. Они же сейчас почти ничего не зарабатывают. Разве что на форму и на питание. То есть видит перспективу и,

как я понимаю, не сегодняшним днем живет, а хочет создать хороший клуб европейского уровня. В последнее время у меня о Суркисе сложилось самое хорошее мнение. Такого президента клуба я только приветствую! Но надо еще, чтобы молодые игроки оправдывали эти надежды и затраты...

Мне всегда хотелось понять людей, которые в самом начале «лихих 90-х» решились возглавить легендарный динамовский клуб, спасая его от катастрофы. Действительно, вкладывать свои деньги — и немалые! — в футбол? Рисковать? Что для этих людей «Динамо», Киев? Однажды, весной 1997-го, во время товарищеской игры молодежных сборных Украины и Молдовы, проходившей на киевском стадионе «Динамо», разговорился с Михаилом Давидовичем Суркисом. Кстати, по паспорту он Рахмил, но в детстве его называли и Милей, и Мишей. Он родился 10 декабря 1919 года под Одессой, в местечке Петроверовка. Прошел всю Великую Отечественную войну как военврач. На пенсию ушел только в 2002 гоДу, имея за плечами 60 лет стажа. Подсев к нему, спросил:

— Похоже, что ваши сыновья — болельщики на генетическом уровне?

— Так оно и есть,— сказал Суркис-старший. Это у них, наверное, по наследству от деда, отца Риммы Яковлевны, моего тестя. Вот он был ярым болельщиком до конца своих дней! До восьмидесяти двух лет.

— А вы свою первую встречу с киевским «Динамо» помните?

— Еще бы?! Она у меня началась с небольшого спора с киевской милицией,— улыбнулся Михаил Давидович. Это было в 1957 году, когда, закончив службу в летном училище, во Фрунзе, прилетел в Киев. Пошли на футбол всей семьей. А на стадион тогда шли толпами! И вот наша дорогая милиция, охраняя нас, калитку прикрывала, создавая невероятную давку. Я, держа Гришу, которому было восемь лет, за руку, пропускал вперед жену, которая была беременна Игорем — он родился в 1958 году. В этот момент стадионную калитку и прикрыли, чуть было не прижав жену. Я был в военной форме и, представьте, за то, что помог ей и потребовал пошире открыть калитку, чтобы не создавать искусственную давку, был отчитан милицией с угрозой рапорта в комендатуру.

— Выходит, Игорь приобщился к футболу еще в утробе матери,— говорю я. Но шутки шутками, а как, интересно, в вашей семье отнеслись к тому, что сыновья стали во главе руководства «Динамо»?

— Честно говоря, это вызвало не только недоумение, но мы еще были очень недовольны,— сказал Михаил Давидович. Они

ведь приобрели массу врагов! Так что этот их шаг радости и энтузиазма в семье не вызвал. Но должен вам заметить, что никогда и ни в чем мы своим сыновьям не мешали, категоричных родительских «нельзя» они от нас не слышали и росли внутренне свободными... Со временем, постепенно, мы вынуждены были согласиться, как говорится, с новым статусом сыновей. Невольно стали их союзниками. А болельщиками были всегда...

...Удивительно точно подмечено замечательным французским писателем Сент-Экзюпери, что самая большая роскошь на земле — человеческое общение! В очередной раз убедился в этом 3 декабря 1994 года. В тот день мне исполнилось ровно 60 лет, и, пожалуй, самым роскошным подарком было развернутое интервью, которое — в день «личного юбилея»! — я взял у президента АО «ФК „Динамо", Киев» Григория Суркиса. Общение с ним снял на видеокамеру и записал на магнитофон. Немало фрагментов той беседы вошли в мою передачу для русскоязычных телезрителей в США — «„Динамо", Киев. Иные времена» (в пяти частях). Неоднократно просматривая видеоматериал, вновь и вновь вслушиваясь в ответы Григория Суркиса, я все больше вникал в суть перемен, происходивших в клубе, открывал для себя все новые и новые штрихи в портрете его тогдашнего президента. И, думаю, понял, почему именно Лобановский поверил братьям Суркисам и их партнерам-единомышленникам.

К слову, в том же 1994-м, незадолго до чемпионата мира по футболу, который проходил в США, в то время главный режиссер также русскоязычного американского телевидения WMNB Григорий Антимони, бывший житель Москвы, большой поклонник футбола, брал у меня интервью. Среди прочих вопросов был — и о президентстве Г. Суркиса: «Чувствует ли он себя полноправным хозяином киевского „Динамо"»? Я пообещал, что при первой же возможности обязательно задам этот вопрос самому президенту клуба. В том декабрьском интервью так и сделал. Когда Григорий Михайлович услышал вопрос, который впервые прозвучал на американском русскоязычном телевидении, он улыбнулся. Потом стал называть фамилии своих ближайших партнеров, без которых, один, в чем твердо убежден, ничего бы не смог сделать. Говорил о каждом с большой теплотой, как о людях, которые вместе с ним пришли на помощь динамовцам. Помогали не только финансами, но и своим интеллектом, опытом, профессионализмом. И первым из великолепной семерки назвал экс-мэра Киева Валентина Арсентьевича Згурского.

— ...Не думаю, что у нас так скоро появятся мэры, которых можно будет поставить в одну шеренгу с ним,— сказал Григорий Суркис. Это особняком стоящий человек. Академик. Герой

Соцтруда того периода, когда Золотую Звезду давали не за красивые глаза. Валентин Арсентьевич получил это звание на посту генерального директора объединения имени Королева, работающего на космос, где трудились порядка 25—30 тысяч человек. Президент союза адвокатов и адвокатской компании Би-Ай-Эм, заслуженный юрист Украины Виктор Медведчук — это человек, я бы сказал, справедливо имеющий сегодня имидж одного из наиболее профессиональных адвокатов нашей страны. Председатель совета директоров концерна «Славутич», кандидат наук Богдан Губский, на мой взгляд очень талантливый молодой человек, и под стать ему — его правая рука, вице-президент концерна Юрий Карпенко. Председатель правления Украинского кредитного банка Юрий Лях, профессионал, тонко познавший все нюансы нелегкого банковского дела. Мой младший брат. ...Без всех этих людей и, самое главное — без всех фирм, которые я назвал, сегодня невозможно в добром смысле слова удачное плавание киевского «Динамо» в бурных водах нашей сложной жизни,— продолжал Григорий Михайлович. Потому что они приносят сюда не только деньги, которые, как законопослушные граждане, зарабатывают и инвестируют в футбол. Люди еще вкладывают свои души и сердца! Поговорите с любым из семерых, и вы поймете, что значит для каждого понятие: «Динамо», Киев... Так что, перефразируя ваш «американский» вопрос, следовало бы говорить не «хозяин», а «хозяева». Потому что я не один. Но, поверьте, мы не хотим чувствовать себя хозяевами киевского «Динамо». Мы хотим чувствовать себя людьми, которые соприкасаются с этим чудесным явлением в природе — футболом и сегодня дают киевскому «Динамо» надежду на лучшее будущее.

Почему же рискнули партнеры-единомышленники из великолепной «семерки»? Слушая ответ Григория Суркиса, я понял, что он для себя давным-давно ответил на этот непростой вопрос.

— Знаете, есть такие прекрасные слова: надежда умирает последней,— сказал Григорий Михайлович. Я хочу, чтобы все поняли. И вы в том числе — человек, который находится между двумя континентами. Неужели вы себе постоянно задаете вопрос: а почему, улетая отсюда в Америку, вы сюда возвращаетесь? — Суркис вопросительно взглянул на меня. Возвращаетесь на землю, где вы выросли, где похоронены ваши родители. Почему? Наверное, в этом ответ: потому, что здесь ваши корни. Ну здесь мои корни! И я очень хочу, чтобы моим детям и моему внуку — надеюсь, что у меня будут еще внуки — здесь жилось бы явно лучше, чем нам. Чем вам или мне. Ведь горько и обидно, что именно Украине, с такими богатыми традициями в труде,

культуре, спорте, приходится сегодня натурально выживать. И всегда задаешь себе вопрос: «Если не я, то кто же?» Почему мы привыкли к тому, что первопроходцами обязательно должны быть не мы сами, а какие-то западные инвесторы, которые должны прийти и спасти нас? Ведь согласитесь, что гораздо разумнее — прежде всего законодательно! — построить политику государства. Сделать ее более гуманной, направленной не на то, чтобы уничтожить отечественный бизнес. А ведь еще недавно слово «бизнес» было у нас анафемой, его и произносить-то вслух не решались. Почему же сегодня государственную политику не строить так, чтобы дать возможность отечественным бизнесменам зарабатывать деньги, инвестировать, а затем и реинвестировать их в родную землю, в собственный народ, в радость этого народа?! Почему не показать пример западным инвесторам? И так повести дело, чтобы через какое-то время они, подобно нашим несчастным людям, которые сегодня стоят в магазинах в очередях за хлебом, не стали бы в очередь с целью: внести сюда не доллар-два, а миллионы долларов! Чем сегодня наша страна хуже, чем любая другая?! Так вот, возвращаясь к тому, с чего я начал ответ на ваш вопрос,— мы все еще сохраняем надежду. А если так, то неужели же люди, которые здесь родились и собираются, чтобы и косточки их гнили в этой земле, не хотели бы, как сказал поэт, воздвигнуть себе памятник нерукотворный, куда не зарастет народная тропа...

Тут Григорий Суркис взглянул на висевшую на стене его кабинета фотографию макета загородней базы в Конча-Заспе. Напомню, что строительство шестиэтажного красавца-корпуса — XXI век! — по предварительным подсчетам, это примерно 17 миллионов долларов...

В своем очерке «Одержимость», опубликованном, напомню, в номере 7—8 журнала «Трибуна» за 1995 год, В. Меншун писала:

...Поиски продолжаются, вечная свеча правдолюбия не гаснет. Впереди столько замыслов. И такая конкретная работа. А еще хочется ему, чтобы возродилась футбольная жизнь страны, чтобы наконец появился на капитанском мостике человек, которому бы верили, в действия которого бы не вмешивались, то есть чтобы возвратился в «Динамо», Киев Валерий Лобановский. Мечтает он, чтобы его любимая обновленная команда показала себя достойно и на международной арене.

Итак, учитывая сроки верстки журнала, до осуществления мечты Суркиса о возвращении Лобановского оставалось почти два года. А вот мечта о том, чтобы киевское «Динамо» достойно выглядело на международной арене, похоже, чуть было не сбылась осенью того же девяносто пятого года. Но вместо этого грянула беда...

Глава 17. Шок.

Надеюсь, вы уже заметили, что свой рассказ я не веду в строгом хронологическом порядке. Так, надеюсь, мы сможем острее ощутить все, что происходило с героями моего документального повествования, и познать истинную цену их деяний. А сейчас — в Киев, в середину девяностых годов. Если быть точным, то — в день 7 декабря 1994 года, когда на крупнейших стадионах Европы в одно и то же время проходили матчи последнего тура групповых соревнований Лиги чемпионов. Одни названия соперников способны были заставить учащенно биться сердца болельщиков со стажем: «Динамо», Киев — «Бавария», Мюнхен. Память невольно возвращала к событиям двадцатилетней давности, к тем легендарным двум сезонам, к первому подлинному международному триумфу динамовцев. Но на этот раз мюнхенцам противостояло иное «Динамо». Матч проходил хоть и в Киеве, но в совершенно другой стране. Да и Лобановского на этот раз немцам нечего было опасаться: он работал в Африке...

Холодный декабрьский вечер девяносто четвертого. В том же стадионном дворике, где когда-то мудрый В. А. Маслов говорил, что для побед в подобных европейских турнирах команде надлежит созреть, я с особой теплотой думал о динамовских первопроходцах, прокладывавших некогда путь к европейским футбольным вершинам. И о новых руководителях киевского «Динамо», страстно желавших возродить былую славу клуба. Для них и для команды, на создание которой пошло чуть больше года, наступило время решающих смотрин. И в великолепно полиграфически изданном на государственном языке (на мелованной бумаге!) буклете президент клуба Григорий Суркис в своем обращении к зрителям откровенно признался в том, что незабитые голы и турнирные очки, столь необходимые команде, он видит в кошмарных снах. Президент клуба понимал, что динамовская команда пока не задает тон на футбольных полях, а порой, особенно в матчах с классными соперниками, откровенно выглядит в роли ученика. И все же матчу с «Баварией» Г. Суркис придавал особое значение: игре с одним из суперклубов Европы надлежало словно бы подвести черту под целым этапом становления киевской команды, конкурентоспособной на международном уровне. Президент клуба обещал, что киевское «Динамо» не оставит столицу и всю страну без большого футбола: к этому зовет славное прошлое команды, да и, к тому же,— это

дело чести нынешнего руководства клуба.

В этом же обращении Г. Суркис задавал риторический вопрос, не рано ли динамовцам тревожить элитные клубы Европы своим возможным присутствием в компании четвертьфиналистов Лиги чемпионов? Но, отвечая на него, отбрасывал эти чисто теоретические соображения и призывал болельщиков поддержать свою команду: «Приходите, пожалуйста, на стадион! Все это надо увидеть своими глазами».Такое приглашение, учитывая сложившуюся ситуацию в стране, тоже было словно бы лакмусовой бумажкой для социума, проверкой верности избранного руководителями клуба курса. И люди откликнулись. На стадион, несмотря на трудную жизнь, в этот холодный вечер декабря 1994-го пришли 52 тысячи человек.

Первый тайм. Динамовцы беспрерывно атакуют ворота «Баварии». Но не все у них ладится. К тому же гости довольно жестко играют в обороне, и форварды «Динамо» часто уступают им в единоборствах. 38-я минута матча. Угловой у ворот «Баварии». В штрафной гостей довольно тесно, похоже, что и эта атака ими отбита, но... Мяч у дебютанта первой команды «Динамо» 18-летнего Андрея Шевченко. Хлесткий удар из-за штрафной в правый от вратаря угол ворот. Гол! Но как же мало хозяева поля оставались хозяевами положения: под занавес первого тайма равновесие восстановлено — 1:1. Теперь уже объятия у ворот «Динамо».

Второй тайм, можно сказать, прошел под диктовку «Баварии», которая уже не выпускала инициативу, хотя киевляне чисто внешне не раз еще выглядели командой вроде бы диктующей свою волю,— они атаковали, но... при этом пропускали мячи в свои ворота. В итоге — 1:4.

«Безвольная игра, игра во дворе, а не футбол,— раздраженно говорил на послематчевой пресс-конференции главный тренер киевлян Йожеф Сабо. Команда просто развалилась: никакой игровой дисциплины, никакой организации. Для меня это просто катастрофа. Если бы мне до игры кто-нибудь сказал, что нами будет допущено такое громадное количество ошибок, я бы просто не поверил». И тренер, как говорится в хвост и в гриву, начал чихвостить чуть ли не каждого из динамовцев. Но отдадим ему должное, критикуя своих молодых футболистов, он в тот вечер все же нашел в себе мужество быть самокритичным: «Сегодняшнее поражение я полностью отношу на свой счет»,— сказал Сабо.

Впрочем, давние поклонники киевского «Динамо» были более снисходительны к молодой команде, чем ее тогдашний тренер. Однажды, в августе девяносто пятого, с другом Юрием

Рыбчинским мы провели приятный вечер воспоминаний о былой славе киевского футбола. И я неожиданно для себя вдруг узнал, что слова из его знаменитой песни «Хрещатик», написанной вместе с Павлом Зибровым — «Горілку по-київськи п'ю»,— оказывается, имеют отношение к киевскому «Динамо».

— А ты не знал этого? — удивился Рыбчинский.

— Нет,— сказал я. Расскажи? Хотя, постой... Это надо зафиксировать.

В предвкушении чего-то интересного, я установил видеокамеру, пристегнул к отвороту его рубашки микрофон. Мой друг налил себе граммов пятьдесят водки, приподнял рюмку и начал:

— В той компании, которая сложилась в моем детстве, потом она перешла в юность, были некоторые традиции,— рассказывал Рыбчинский. Мы всегда ходили на все футбольные матчи киевского «Динамо», в том числе даже на дубль. Поскольку в летний игровой период их было достаточно в течение месяца, мы после футбола, особенно когда я уже был в возрасте, позволявшем это, всегда пили. С огромной радостью пили столько раз, сколько голов забило киевское «Динамо» в чужие ворота. И, точно с таким же отвращением, пили за те голы, которые влетели в наши ворота. Вот это у нас называлось «горілку по-київськи» пить. И вот,— он выдержал паузу и чуть выше приподнял рюмку с водкой. Поскольку последний матч киевского «Динамо» с датским «Ольборгом» закончился со счетом 1:0, я сейчас по-киевски выпью за один гол в чужие ворота, который забили киевляне. Больше пить не буду. В среду, а это уже через два дня, если киевляне забьют десять голов, честное слово, напьюсь как сапожник.

Юра опустошил рюмку, поднял ее вверх и, глядя прямо в объектив видеокамеры, произнес:

— Виват, киевское «Динамо»!

В ответном матче в Дании «Динамо», Киев победило «Ольборг» со счетом 3:1...

13 сентября. Для шестнадцати лучших клубов континента в этот вечер начиналось новое европейское событие — Лига чемпионов УЕФА-1995/96.

Я присоединяюсь к миллионам футбольных болельщиков всей Европы на стадионах и перед экранами телевизоров в предвкушении открытых захватывающих матчей в духе FAIR PLAY, что отражает разнообразие и привлекательность европейского клубного футбола,— писал в своем послании президент УЕФА Леннарт Йоханссон.

Заметим, к слову, что киевское «Динамо» в справочнике УЕФА было представлено как «главная футбольная команда Украины, которая является теперь независимым государством». Какими же виделись динамовцы футбольной Европе? Вот некоторые фрагменты из этого справочника:

...В самом начале этот клуб был создан как дополнительный, когда милицейские организации основали целую сеть одноименных клубов на территории СССР в конце 20-х годов.

...В 1975 году «Динамо» стало первым среди советских клубов обладателем европейского кубка Кубков, легко обыграв в финале будапештский «Ференцварош» — 3:0... Главным тренером был Валерий Лобановский. Он же руководил командой в 1986 году, когда киевляне в финале Кубка обладателей Кубков победили мадридский «Атлетико» — 3:0 на глазах у 40 ООО болельщиков, собравшихся на стадионе в Лионе, и миллионов телезрителей всей Европы. Эксперты назвали этот матч «футболом грядущего столетия», а Игорь Беланов вслед за Блохиным был назван лучшим европейским футболистом года.

Футбольный почерк киевского «Динамо» — мастерский, интеллектуальный и зрелищный — был как дуновение свежего ветра, если сравнить с игрой стереотипных, неинтересных команд, представлявших Советский Союз в течение многих лет.

...В командах бывшего Союза играют 55 футболистов, прошедших школу киевского «Динамо»...

В шикарно изданном к этому дню, ярком и содержательном буклете, с каждой страницы которого смотрела звездная реклама УЕФА, в своем традиционном обращении, названном «НА НАШЕЙ УЛИЦЕ - БОЛЬШОЙ ФУТБОЛЬНЫЙ ПРАЗДНИК», Григорий Суркис не сомневался в том, что «...мы станем свидетелями незабываемого футбольного зрелища. С праздником вас, друзья!».

Нет, не обманул президент динамовского футбольного клуба почитателей команды. На глазах ста тысяч зрителей, заполнивших в этот вечер трибуны стадиона, и миллионов телеболельщиков, в честной спортивной борьбе «Динамо» со счетом 1:0 победило чемпиона Греции — «Панатинаикос».

А через неделю после этой победы, словно бы гром с ясного неба, неслыханный по масштабам скандал: отстранение киевского «Динамо» от участия в Лиге чемпионов и дисквалификация клуба на три года. Шок... Такую весть, касающуюся команды, которая еще десять лет назад демонстрировала «футбол грядущего столетия», естественно, немедленно передали все крупнейшие агентства мира.

Легко себе представить, что тут началось...

«Градом посыпались звонки в пресс-службу АО „ФК «Динамо» (Киев)". Люди не верили в случившееся, отказывались понимать, предлагали помощь, требовали возвратить им ни с чем не сравнимое счастье восприятия игры любимой команды...» — писал обозреватель Александр Сердюк, к слову, сотрудник службы прессы динамовского клуба. Он назвал свою статью, опубликованную в газете «Финансовая Украина»,— «Киевская бомба с испанским детонатором. Место взрыва изменить нельзя?». Признаюсь, что мне импонировал стиль этой публикации киевского коллеги. Саша не стал излагать хронологию событий, что к тому дню уже сделали оперативные средства массовой информации, а представил на суд читателей некоторые документы. «Это помогает воспринимать реалии без эмоций»,— писал А. Сердюк. Пойдем и мы тем же путем...

Что же произошло?

Вот заключение контрольного и дисциплинарного комитета УЕФА (в переводе с английского), переданное по факсу в Киев 20.09.1995 на имя Михаила Ошемкова, генерального менеджера футбольного клуба киевского «Динамо», как указано в документе:

После изучения документов дела и после слушания рефери, четвертого судьи, а также представителей клуба контрольный и дисциплинарный комитет установил следующие факты.

За день до матча судейская бригада была встречена в аэропорту г-ном Александром Бакши, менеджером «Динамо» (Киев).

Вместо того чтобы ехать прямо в гостиницу, члены судейской бригады были завезены в сувенирный магазин, где приобрели несколько сувениров. После этого они поехали на место, имеющее отношение к клубу «Динамо» (Киев), где им показали меховые изделия. Потом судейская бригада была доставлена в гостиницу.

В то время, когда главный судья находился в своей комнате, он

услышал стук в дверь. Рефери открыл ее, и незнакомый человек оставил ему два пакета.

Примерно в 19.00 судейская бригада была забрана на ужин следующими лицами: г-ном Василием Бабийчуком, вице-председателем комитета по иностранным делам Федерации футбола Украины, генеральным секретарем «Динамо» (Киев), г-ном Игорем Суркисом, членом совета «Динамо» (Киев), г-ном Евгением Рашутиным, вице-президентом «Динамо» (Киев), г-ном Александром Бакши, менеджером «Динамо» (Киев), г-жой Еленой Нечаевой, переводчиком.

Главный судья хотел связаться с делегатом УЕФА, но ему сказали, что последний уехал на официальный ужин.

Судейскую бригаду завезли в здание в лесу, где состоялся ужин. После ужина г-н Лопес-Ньето вместе со вторым линейным судьей г-ном Чирино остался сидеть за столом, в то время когда 4-й судья г-н Прадос и 1-й линейный судья г-н Гиралъдес вышли в другую комнату играть в бильярд.

Г-н Бабийчук подошел к столу главного судьи и сказал, что г-н Игорь Суркис хотел поговорить с ним в отдельной комнате. Г-н Лопес-Ньето прошел в комнату, где г-н Игорь Суркис показал ему лист бумаги со следующим предложением на испанском языке:«ANTONIO VICTORIA DYNAMO 30,000 USD PARA USTED» («Антонио победа, Динамо" $30 тыс. для вас»).

Расстроенный этим предложением, судья попытался завладеть бумагой, но г-н Игорь Суркис убрал ее. Г-н Лопес-Ньето сообщил представителям клуба, что он собирается проинформировать официальных делегатов УЕФА, и настоял на том, чтобы немедленно вернуться в гостиницу. Представители «Динамо» (Киев) многократно выразили свои сожаления г-ну Лопес-Ньето.

В гостинице г-н Лопес-Ньето проинформировал официального делегата г-на Фанлера, а также судейского наблюдателя г-на Бошковича об инциденте в присутствии двух линейных и четвертого судей.

В день матча судейская бригада в присутствии делегата УЕФА сделала несколько фотографий меховых шуб, описанных выше. После этого г-н Фанлер возвратил два пакета с шубами г-ну

Бабийчуку.

Принимая во внимание грубое преднамеренное и неправильное поведение представителей клуба господ Василия Бабийчука и Игоря Суркиса, противоречащее нормам Дисциплинарного Устава УЕФА (ст. 2, ст.3, параграф 1, ст. 5, параграф 2, ст. 6 «т», ст. 7 «е»), комитет принял следующее решение:

1. Исключить «Динамо» (Киев) с момента оглашения данного заключения из соревнований текущей Лиги чемпионов и на 2 (два) года из последующих европейских клубных соревнований.

2. Отстранить пожизненно г-на Игоря Суркиса и г-на Василия Бабийчука от всех функций, связанных с УЕФА.

3. Передать дело в Комитет Клубных соревнований УЕФА для разрешения последствий в административном и финансовом порядке.

Апелляция против вышеуказанного решения может быть заявлена в соответствии с нормами ст. 17, параграф 8 Устава соревнований Лиги чемпионов до субботы 23 сентября 1995 года, до 24.00 часов.

Искренне Ваш

От имени контрольного и дисциплинарного комитета УЕФА

Ален Куртуа (Бельгия) Вице-президент

Можете себе легко представить, в каком состоянии прилетел Григорий Суркис из португальского города Опорто, где проходил двухдневный конгресс Европейского футбольного союза и заседал контрольный и дисциплинарный комитет УЕФА, вынесший этот страшный для «Динамо» вердикт. Как принято в подобных случаях говорить, лица на нем не было. И все же в четыре часа утра, едва спустившись с трапа самолета, он нашел в себе силы сказать журналистам, ожидавшим его прилета:

— Мы подали апелляцию, мы имели на это право и должны были ее подать до истечения дня двадцать третьего сентября,— говорил сдавленным голосом президент динамовского клуба. Но мы это сделали буквально в течение часа после окончания заседания и вынесения вердикта контрольного и

дисциплинарного комитета. Мы надеемся на объективность в последней инстанции. Ибо, вне всякого сомнения, мы имеем дело с заранее спланированной кем-то провокацией. Другого слова я для того, что произошло, сегодня не могу подобрать...

На него больно было смотреть. Пересохшие губы, синие круги под глазами, выдававшие бессонные ночи (или сутки?) напролет, скорбь и отчаяние во взгляде.

— ...Мы так долго боролись за то, чтобы выступать в самом престижном европейском соревновании — Кубке чемпионов, прошли квалификацию,— продолжал Григорий Суркис. И на сегодняшний день все наши иллюзии рассеяны. Но мы надеемся. Мы надеемся,— с грустью повторил он. Надежда умирает последней. Мы все сделаем для того, чтобы справедливость была восстановлена.

...22 сентября 1995 года в Апелляционный комитет УЕФА по факсу из Киева было передано письмо за номером 01—07/710 на бланке Верховного Совета Украины. Вот полный текст этого документа (в переводе с английского):

Уважаемые господа,

Решение контрольного и дисциплинарного комитета УЕФА о дисквалификации команды «Динамо», Киев с волнением было воспринято не только многочисленными болельщиками нашей страны, но и за ее пределами. Кроме всего прочего, это стало предметом дебатов в парламенте. Генеральная прокуратура Украины находится в тесном контакте и под постоянным контролем парламентской комиссии по расследованию фактов этого дела. Ваши представители приглашены принять активное участие в этом расследовании. Все материалы этого дела вам будут также представлены.

В дополнение к сказанному ранее, мы просим временно отложить окончательное решение контрольного и дисциплинарного комитета УЕФА по этому вопросу до окончательного выяснения этого дела, а вместе с этим — наложенный запрет на участие «Динамо», Киев, чтобы дать возможность команде продолжить соревнование в Лиге чемпионов УЕФА.

С совершенным почтением,

А. Мороз,

Председатель Верховного Совета Украины

В тот же день в штаб-квартиру УЕФА из Киева по факсу, на бланке президента Украины, был передан еще один документ:

ПРЕЗИДЕНТУ УЕФА г. Леннарту ЙОХАНССЕНУ

Уважаемый господин ЙОХАНССЕН!

Меня, как и миллионы футбольных болельщиков Украины, потрясло сообщение о возможных нарушениях при организации матча «Динамо» (Киев, Украина) — «Панатинаикос» (Афины, Греция).

Я только что дал специальное поручение Генеральной прокуратуре Украины срочно изучить это дело, употребить соответствующие меры и проинформировать Вас о результатах.

Прошу принять во внимание интересы спортсменов и болельщиков и до окончания расследования Генеральной прокуратурой не принимать обобщающих решений, которые могли бы поставить в крайне трудное положение весь украинский футбол, лидер которого — ФК «Динамо».

С уважением,

Президент Украины Л. Кучма

22 сентября 1995 года

Я намеренно знакомлю вас, дорогой читатель, с полными текстами этих документов, под которыми стоят подписи первых лиц государства. В годы независимости Украины они нередко выступали в роли политических соперников. И думаю, оба, бесспорно владевшие наиболее полной информацией, даже при малейшем подозрении, что в этом деле со стороны динамовцев что-то нечисто, вряд ли поставили бы свои подписи под подобными текстами. Политики такого уровня не любят

рисковать своим реноме. Публикуя их послания в УЕФА в этой книге, автор стремится не только наиболее полно передать картину тех дней, но и документально отобразить, быть может, один из самых драматических периодов в 80-летней истории великой команды и ее миллионов поклонников. Надежды динамовцев на объективность и справедливость растаяли как снег в июле после заседания апелляционного совета УЕФА, которое состоялось 24 сентября в Женеве. В официальном сообщении пресс-службы динамовского клуба, в частности, сообщалось:

...Заседание продолжалось в течение шести часов.

Несмотря на подробные пояснения Игоря Суркиса, Василия Бабийчука, а также предоставленные защитой аргументы и пояснения свидетелей, которые имели непосредственное отношение к событиям 12—13 сентября 1995 года, и другие доказательства, апелляционный совет вынес решение, основанное на противоречивых, сбивчивых, непоследовательных и неподтвержденных объективно пояснениях рефери матча господина Лопес-Ньето, в котором оставлены в силе санкции, примененные контрольно-дисциплинарным комитетом УЕФА.

Полагаю, что подобное решение апелляционного совета было предопределено довольно щекотливой ситуацией для вершителей судеб в футбольной Европе. Функционерам из УЕФА, собравшимся в Женеве, надлежало сделать выбор между украинским футбольным клубом, с одной стороны, и испанским арбитром, а заодно с ним и контрольно-дисциплинарным комитетом, поспешившим в Опорто вынести свой вердикт,— с другой. Европейский союз футбольных ассоциаций, видимо, не пожелал создавать прецедент, при котором его, УЕФА, решения зависели бы от правовых действий «посторонних» организаций. Думаю, здесь уместно процитировать строки из книги Аркадия Романовича Галинского «Не сотвори себе кумира». Известный спортивный журналист, к сожалению ныне уже покойный, обладал уникальным досье фактов. Слыл тонким знатоком отечественного и мирового футбола, прекрасным его аналитиком. В своей книге А. Р. Галинский писал:

О, наивный и оттого счастливый футбольный болельщик! Сейчас я нарушу твое счастье. Знай же, что все это туман,

дипломатия, кухня (как и сомнительная почтенность седин президента ФИФА Стэнли Роуза) и что в кухне этой потешаются над твоей любовью к футболу и твоею наивностью! И над футбольными игроками, представь себе, посмеиваются тоже... Пребывание на руководящих постах в этой, по существу, бесконтрольной, ни в чем и ни перед кем не отчитывающейся и вовсе не демократической по духу организации сулит ловкой личности немало приятных минут. Комфортабельные поездки, приемы и банкеты, номера в первоклассных отелях, наконец, власть над футболом — о, тут есть за что бороться и есть что оберегать! Утверждать же свое руководящее положение деятелям ФИФА гораздо проще и легче в запутанных лабиринтах антифутбола, где национальным командам приходится рассчитывать не только на свою подготовку и желание честно состязаться: где кого-то с кем-то надо мирить; кого-то успокаивать; что-то кому-то обещать и т. д. и т. п. и рядом неправедное судейство.

С моей точки зрения, эти строки, написанные А. Р. Галинским почти 40 лет тому назад в полной мере можно отнести к УЕФА, так же как и ФИФА,— бесконтрольной, международной организации, которая подчиняется только своему Уставу. Хотя, как считают некоторые специалисты, компетентные в правовых вопросах, многие статьи этого документа европейской футбольной организации давно уже не соответствуют правовым международным нормам...

Легко себе представить реакцию поклонников динамовского клуба. «Миллионы жителей Украины страдают от дисквалификации команды, „долгие годы служившей им отдушиной в беспросветной жизни",— написал в одном из своих комментариев футбольный обозреватель Валерий Мирский. И это не было преувеличением. Согласно одному из социологических опросов, проведенных в те дни сентября 1995-го, 65% опрошенных воспринимали все случившееся с киевским „Динамо" как „национальную трагедию Украины". А кто-то из моих собратьев по перу метко окрестил это „футбольным Чернобылем"».

Поразительно, но столько желчи, злопыхательства и бездоказательных обвинений в адрес динамовского клуба и его руководителей, сколько публиковала в те дни пресса наших «новых американцев», раньше, пожалуй, читать не приходилось.

Для примера приведу лишь один заключительный фрагмент (без купюр!) довольно большой статьи, опубликованной 22

сентября 1995 года в газете «Новое русское слово», одной из самых популярных и старейших из эмигрантских газет на Западе:

Скорее всего, киевское «Динамо» решило проделать на международной арене то, что постоянно делается на Украине (и в России),— подкупить арбитров и достичь с их помощью необходимых результатов. По некоторым сведениям, полученным из Киева, за обеспечение победы в домашних матчах тариф украинских арбитров — от 5 до 12 тыс. долл.

Каковы возможные ближайшие последствия отлучения киевского «Динамо» от европейских турниров?

Во-первых, команда будет лишена всяческих стимулов выигрывать в домашних соревнованиях, потому что в еврокубках все равно будут участвовать ее соперники.

Во-вторых, прекратится поступление средств из УЕФА за участие в Кубке чемпионов и других еврокубках (только за то, что киевское «Динамо» оказалось в Лиге чемпионов, оно должно было получить от УЕФА около 2 млн долл., а за каждый выигрыш в Лиге — примерно по 700 тыс. долл.).

В-третьих, в самое ближайшее время начнется распродажа ведущих игроков киевского «Динамо». Уже сегодня мне сообщили, что капитана «Динамо» Юрия Калитвинцева не прочь видеть у себя некоторые клубы Англии и Германии.

В-четвертых, из-за отъезда лучших футболистов «Динамо» в зарубежные клубы, в том числе, вероятно, и российские, резко понизится уровень чемпионата Украины, и без того невысокий.

В-пятых, пострадает сборная страны, которая во многом рассчитывала на игроков динамовского клуба.

И, наконец, совершенно исключена теперь вероятность появления на посту главного тренера клуба Валерия Лобановского. Если продолжающий работать по контракту в Кувейте специалист и подумывал прежде вернуться в «Динамо» до истечения срока контракта (конец 1996 года) и попытаться что-то выиграть в Европе, то теперь, конечно же, в оскандалившийся в европейском футболе клуб он не пойдет.

Два года назад в киевском «Динамо» был совершен переворот. Группа во главе с бизнесменом Григорием Суркисом, известным руководителем совместного украинско-американского предприятия «Динамо-Атлантик», объявила, что президент клуба Виктор Безверхий отстранен, а команда получает статус акционерного общества закрытого типа «Динамо-Киев».

Суркис и его сторонники незадолго до этого были введены в состав совета динамовского клуба, чтобы участвовать в хозяйственной деятельности «Динамо», однако вместо этого они занялись банальной борьбой за власть, подключив к ней футболистов и тренеров «Динамо». Во всяком случае, 19 игроков киевского «Динамо» того состава, включая и тех, кто только что был принят в команду, и также тренеры Михаил Фоменко и Йожеф Сабо подписали заявление о недоверии Виктору Безверхому.

Двухлетнее правление нового руководства завершилось полным крахом.

Александр Горбунов, Москва

Да, в этом случае, думаю, уместно напомнить слова Валерия Васильевича Лобановского: «Нельзя забывать то, что ты писал раньше. Если заблуждался, прямо об этом скажи: „Заблуждался!"» Скажет ли? И как, интересно, ему, московскому журналисту, самому будет перечитывать свою публикацию, в которой он прямо-таки по пунктам расписал крушение «Динамо», Киев и констатировал «полный крах» нового руководства киевского футбольного клуба? Увы, пока не сказал... Характерно, что в то время, как иные журналисты поспешили заклеймить позором динамовцев Киева и их руководителей, в защиту клуба выступили многие профессионалы. К примеру, с официальным заявлением на имя президента УЕФА Леннарта Йоханссена обратился легендарный футболист, президент мюнхенской «Баварии» Франц Беккенбауэр. Он не согласился, как сам выразился, с «очередной провокацией», о чем заявил во время прямого телеэфира. От имени московского «Спартака» письмо поддержки сразу же прислал в Киев президент спартаковского клуба Олег Романцев.

...Весной 1995 года на телеэкранах RTN, в моей авторской программе «Украина. Вчера, сегодня, завтра...» в течение пяти вечеров телезрители смотрели передачу «„Динамо", Киев. Иные времена». Я попытался осмыслить основные события в жизни любимой команды за последние 35 лет — от первых чемпионских

медалей до нынешних дней жизни клуба. После передачи были приятные рецензии в некоторых русскоязычных газетах, письма и звонки благодарных телезрителей.

Исподволь, не спеша, словно бы изнутри, мне удалось наблюдать за сложнейшей жизнью динамовского коллектива в, быть может, один из самых драматических и сложных его периодов. После шока. В состоянии полной неопределенности дальнейшей судьбы команды и ее участия в турнирах УЕФА. И в январе 1996 года телезрители RTN увидели мою авторскую передачу из двух частей: «„Динамо", Киев. Футбол и жизнь», а в апреле — «Опекунский совет». Впрочем, это уже тема следующей главы...

Глава 18. Опекунский совет.

Одну из апрельских передач в программе «Украина. Вчера, сегодня, завтра...» вполне можно было отнести к разряду «По заявкам телезрителей». Судя по письмам и звонкам, многих из них интересовал вопрос: как обстоят дела в динамовском коллективе после разразившегося скандала и последовавшего за ним, известного во всем футбольном мире, решения УЕФА? В заключительных кадрах 27-минутного видеорассказа, обращаясь к телезрителям, я сказал буквально следующее:

— Надеюсь, что вы получили ответ на вопрос: какова сейчас ситуация в киевском «Динамо»? И согласитесь, что слухи, имевшие место на страницах русскоязычной прессы Америки о возможном скором крахе клуба, были сильно преувеличены. Будем и мы с вами, дорогие мои телезрители, кому здесь, в Соединенных Штатах Америки, небезразлична судьба динамовцев, надеяться на скорое возвращение «Динамо», Киев на европейскую футбольную арену. Футбол призван дарить людям радость. А многострадальному народу Украины сейчас, в год десятилетия Чернобыльской трагедии и целого букета жизненных проблем, эта радость нужна вдвойне. Зачем продлевать страдания еще и «футбольного Чернобыля»...

Ровно через месяц передача была повторена по International Chanal (интернациональный канал), который русскоязычная публика смотрела на всей территории США — от Западного побережья до Восточного. На этот раз диктор первого русскоязычного телевидения на американской земле Валентина Печорина, которую многие телезрители помнят еще по работе на ЦТ в Останкино, закончила мою программу таким послесловием:

Уважаемые телезрители, передача «Опекунский совет» впервые вышла па экраны RTN 16 апреля этого, девяносто шестого года. А через три дня, 19 апреля, из Женевы, из штаб-квартиры УЕФА, пришла радостная весть: досрочно были сняты санкции с киевского клуба! И с осени 1996 года «Динамо», Киев вновь будет играть в Лиге европейских чемпионов! Так что не будет продолжаться «футбольный Чернобыль». Журналист Дэви Аркадьев не зря с уверенностью высказывал надежду на скорое возвращение «Динамо», Киев на европейскую футбольную арену.

Откуда такой оптимизм? Ведь когда готовилась передача и даже в день ее выхода на телеканале в США, еще не было известно, какое именно решение примут те, кто в штаб-квартире Союза европейских футбольных ассоциаций вершил судьбы людей, клубов и даже сборных отдельных стран в Европе? Дело, разумеется, не во мне. Быть оптимистом помогли объективные факты и состояние дел в динамовском коллективе уже после шока…

Москва, 3 февраля 1996 года. Манеж ЦСКА переполнен. Финал Кубка СНГ и все в предвкушении увлекательного футбольного действа: чемпион России против чемпиона Украины! А тут еще организаторы турнира (или имиджмейкеры из президентской команды?) попытались использовать эту чисто спортивную интригу в политических целях…

Финалисты, «Динамо» (Киев) — «Спартак-Алания» (Владикавказ), выстроились в центре поля, а в правительственной ложе появился президент России Борис Ельцин, которого главный тренер владикавказской команды Валерий Газзаев (разумеется, под заранее записанную фонограмму, что явно было заметно) поздравил с 65-летием. Но если бы только это, так нет же. От имени спортивной общественности Северной Осетии — Алания он обратился к Борису Николаевичу с призывом: «Выставить свою кандидатуру на президентских выборах 1996 года!» Представляете, как российскому чемпиону хотелось в тот день победить?! Но, увы.

Как одно целое действовало в этом финале «Динамо», уверенно переигрывая спартаковцев на всех участках поля. Как в старые, добрые в футбольном отношении, времена, трибуны московского манежа не раз награждали динамовцев аплодисментами. А единственный гол, забитый в ворота владикавказцев Андреем Шевченко, был просто великолепен. Победители увезли в Киев не только Кубок СНГ-1996, но и учрежденные организаторами турнира индивидуальные призы: Сергей Шматоваленко (лучший защитник), Виктор Леоненко (лучший нападающий), Андрей Шевченко (гол в финальном матче).

Первым, кого я в тот вечер поздравил с победой, был в общем-то воспитанник… российского футбола Юрий Калитвинцев, капитан динамовцев, который из-за травмы в Москву не поехал. На следующий день, утром, был у него дома:

— Юра, как бы вы охарактеризовали состояние команды после шока?

— Можно охарактеризовать двумя словами: рабочее состояние. Знаете, горе сплотило ребят. Они как-то прониклись

друг к другу общей бедой, стали более дружными, а команда — сильней. У нас даже игровые связи лучше стали получаться. И вот, вчерашняя победа на Кубке СНГ — это, думаю, больше, чем просто победа. Мы опровергли слухи, что разбегаемся из Киева. Все вчера видели, как наши играли, как они радовались... То есть для нас это был больше, чем турнир. Всем показали, что у нас есть команда.

Спустя несколько дней после этого разговора, на загородной базе динамовцев в Конча-Заспе я попытался пристальней присмотреться к некоторым игрокам. В холодное февральское утро, по протоптанной в снегу тропинке вокруг двух футбольных полей, отмеривая круг за кругом, они бежали кросс. Темп, как у хороших легкоатлетов-средневиков. Мороз сразу превращал испарину в серебристый иней: шапочки футболистов, их тренировочные костюмы на плечах и спинах быстро заиндевели. Установив видеокамеру на штатив, я брал, в основном, общие и средние планы. Но всякий раз, когда они гуськом приближались к тому месту, откуда вел съемку, я старался снять крупным планом лица игроков. Пристально в них всматриваясь, пытался словно бы заглянуть в будущее — увидеть, кто же из этих парней способен будет, как говорил руководитель динамовской научной лаборатории А. М. Зеленцов, решать «чрезвычайно серьезные задачи»? Кто сможет «выстрелить и попасть»? С некоторыми из них в тот же день побеседовал, фиксируя ответы динамовцев на видеопленку. И долго не мог себе простить, что в первом же интервью кнопку «record» (запись) нажал уже после того, как прозвучала первая фраза Андрея Шевченко...

Он родился 29 сентября 1976 года. Выходит, его и на свете не было, когда динамовцы одержали первую победу в Кубке кубков и выиграли Суперкубок. Я спросил Андрея, помнит ли он, когда сам увлекся футболом? Глядя в видоискатель, выбирая поинтереснее ракурс, думал, что парень начнет не спеша вспоминать свои мальчишеские годы.

И вдруг — ответ. Хлесткий, словно его удар с лета в московском финале Кубка СНГ-96, без подготовки:

— Футболистами не становятся, футболистами рождаются! — выпалил Андрей.

— А вы считаете, что родились футболистом? — спросил я Шевченко и, увы, только после этого начал видеозапись.

— Да,— уверенно ответил он.

— Выходит, для вас команда киевского...

Но Шевченко даже не дал мне закончить фразу:

— «Динамо», Киев для меня все! — выпалил он. Это вся моя жизнь, с самого рождения. Я ведь, в принципе, рожден на той

команде, которая второй раз Кубок кубков выиграла. Будучи мальчишкой, вместе с моими товарищами по динамовской школе, почти на всех матчах я еще им мячи подавал...

— Когда же вы все-таки сами всерьез занялись футболом? — спросил я.

Андрей задумался, видимо желая точно вспомнить: когда это было? А потом вдруг спросил:

— А в каком году Чернобыль взорвался?

— В апреле восемьдесят шестого,— говорю.

— Вот, значит, в 1986-м,— повторил он. Я играл тогда за ЖЭК, и на просмотр приехал Александр Александрович Шпаков — это мой первый тренер. Он и пригласил меня в школу «Динамо». Мы еще жили на Оболоне, а вообще-то я родился в Яготине, под Киевом. На первую тренировку приехал с мамой. Помню, мы еще взяли с собой мое свидетельство о рождении. А тут как раз эта катастрофа с Чернобылем, ну и всех детей вывозили из Киева в лагеря. Так я на полгода пропал. Думал, что динамовская школа для меня потеряна. Но оказалось, что на первой же тренировке тренер записал наш адрес и телефон. Он и позвонил нам. А потом приехал, побеседовал с моими родителями, пригласил тренироваться. После этого я уже всерьез начал заниматься футболом. Мне тогда было десять лет... Когда Шпаков уехал за границу, он передал нашу группу тоже замечательному футбольному педагогу — Александру Лысенко, который помог мне безболезненно перейти из детского футбола во взрослый.

— Представляю, как вам было обидно, когда осенью 1995-го вспыхнул скандал и пошли разговоры о том, что киевское «Динамо» вот-вот развалится?

— А в команде таких разговоров не было,— спокойно сказал Андрей. Все верили, что рано или поздно, но справедливость восторжествует. Все-таки клуб с таким именем. Я считаю, что нельзя было с нами так поступать.

— Андрей, а вот, интересно, если сравнить состояние команды прошлой осенью и сейчас, в феврале девяносто шестого?

— Ну, раньше, до Лиги, даже не подозревал, что так может быть. Готовились, все силы бросили на подготовку, ждали. Ну, работали просто как машины. И вдруг... Такой период... Все думают, что развал, разбегаемся, а все наоборот. Команда еще больше сплотилась, как одно целое стала.

— Как это, интересно, вы чувствуете на поле, в игре?

— Ну, душа просто радуется, когда мы играем вместе,— Андрей широко улыбнулся. То есть мне даже тяжело вам это объяснить. Ну, полностью чувствуешь своих партнеров точно так

же, как ты себя чувствуешь.

Беседуя в тот день с 19-летним Шевченко, спросил его и о возможном футбольном будущем:

— А если пригласит вас какой-нибудь знаменитый клуб, скажем «Реал» или «Барселона»? Задумаетесь?

Мне показалось, что глаза его заблестели.

— Ну, понимаете, это просто цель у меня такая существует,— мечтательно сказал Андрей. Попасть в хороший клуб, поиграть в Европе... Но только после того, когда с «Динамо» что-то серьезное выиграем...

Беседуя в тот день с двадцатилетним вратарем динамовцев Александром Шовковским, вместе с ним тоже пытался словно бы заглянуть в будущее:

— Саша, а есть ли у вас надежда, что в вашей сегодняшней команде играют люди, которые станут такими же звездами, как те ваши одноклубники, у которых вы когда-то брали автографы?

— Я думаю, это будет,— не очень громко, с какой-то мечтательной интонацией в голосе сказал Шовковский. Потом уже громче: Будет! Может быть, не сейчас, а года через два-три, когда ребята сыграются и команда окончательно станет на ноги. У нас ведь очень молодой коллектив. Мы уже сейчас приезжаем в любой город, и нас обступают ребятишки, берут автографы... И я уверен в том, что у этой команды еще все впереди. Весь мир узнает людей, которые, быть может, будут играть в знаменитых клубах Европы. И все будут говорить: «Они вышли из команды киевского „Динамо", 1995—1996...» Как в воду глядел.

18 августа 1997 года, в честь 850-летия Москвы и 100-летия российского футбола, состоялся матч: сборная России против сборной команды мира ФИФА. На поле великолепно отреставрированного стадиона в Лужниках, в составе звезд мирового футбола, вышел и Андрей Шевченко! Миллионы телезрителей многих стран мира видели, что молодой форвард киевского «Динамо», органично вписавшись в команду футбольных знаменитостей из прославленных клубов, ни в чем им не уступал. Когда журналисты спросили Андрея Шевченко, не удивило ли его приглашение в состав сборной мира, он спокойно ответил: «Удивило, но было приятно». Примечательно, что эту весть украинский футболист узнал из... новостей российского телевидения, а потом уже ему сказал об этом Лобановский.

— Он вас как-то напутствовал? — спросили журналисты.

— Да,— ответил Шевченко. Валерий Васильевич сказал, что обязательно надо сыграть. Для собственного имиджа и для имиджа Украины.

Здесь, думаю, впору сказать о тех людях, которые в

тяжелейший период шокового состояния команды, пользуясь словами молодого динамовского вратаря, не дали ей «опуститься на дно», способствовали скорейшему ее возвращению на европейскую футбольную арену. Об одном из них на торжестве посвящения в динамовцы с большой теплотой говорил в ту пору президент клуба Г. Суркис:

— В первых же словах хочу к вам обратиться с просьбой еще раз воздать должное человеку, который имел прежде всего гражданское мужество и силу воли,— сказал Григорий Михайлович. Его авторитет первого президента Украины настолько высок в нашей стране и во всем мире, что, взявшись за это, я уверен, он верил... Верил, что через короткое время киевское «Динамо» не просто будет прощено. Для меня слово «простить» означает быть виновным. А вот вернуться в элиту европейских клубов, при этом всего лишь за семь месяцев! И это в то время, когда такая страна, как Англия, возвращала свой «Ливерпуль» пять лет. И ни на один день раньше с нее не были сняты санкции. Это еще раз говорит о том, насколько значительным был вклад первого президента Украины, насколько украинское государство, только-только обретая крылья для полета, предопределило решение УЕФА — полностью снять дисциплинарные санкции с нашего клуба! В опекунский совет, который возглавил первый президент, вошли достойные люди. Леонид Макарович, еще раз огромное спасибо...

Л. Кравчук согласился возглавить опекунский совет АО «ФК „Динамо" (Киев)» в самый разгар шока, когда в прессе еще бушевали страсти вокруг скандального дела. Он наверняка знал, что в футбольном мире не было аналогов досрочной реабилитации команд, наказанных УЕФА. Как народный депутат Украины, знал о досужих разговорах в кулуарах парламента. Случай, прямо скажем, неординарный, когда политик такого уровня добровольно взял на себя функцию главы опекунского совета футбольного клуба. Но похоже, что кулуарные сплетни вокруг своей новой общественной роли и досужие разговоры о том, что не его это, дескать, уровень, мало волновали самого Леонида Макаровича Кравчука:

— Я, в принципе, никогда не воспринимал и не воспринимаю такой философии, что если человек делает что-то конкретное, то это можно квалифицировать как «упал» или «поднялся»,— говорил он мне в те дни, когда опекунский совет только-только делал первые шаги. Он делает конкретное дело! Кравчук сделал ударение на этих словах. А тут еще такой вопрос, как футбол и проблема, затрагивающая миллионы болельщиков: несчастье, случившееся с киевским «Динамо». И мы создали Опекунский

совет. Я считаю, что это благородно и важно. Кто бы что ни говорил, руководствуюсь всегда одной и той же позицией: конкретный шаг в любом деле значит больше тысячи слов!

— Не знаю аналогов подобных общественных организаций в практике мирового футбола, но в семидесятилетней истории киевского «Динамо» такого еще точно не бывало,— сказал я. Как говорится, не было бы счастья, да несчастье помогло...

— Даже трагедия, которая случилась с динамовцами Киева,— задумчиво произнес Кравчук. И мы сразу поставили перед собой цель: найти такое решение, которое было бы демократическим и вместе с тем влиятельным. Опекунский совет оказался оптимальным вариантом.

Он взял на себя функции определения политики и философии развития киевского «Динамо» и всего футбола в Украине.

— Похоже, для работы в опекунском совете никого не пришлось уговаривать? — спросил я Кравчука.

— Абсолютно! Мы ведь пригласили в эту общественную организацию только тех, кто изъявил добровольное желание в ней работать. Кто любит футбол и имеет авторитет. Таких людей, скажем, как Борис Олейник, Дмитрий Гнатюк, Борис Патон, которые имеют, как сейчас принято говорить, имидж авторитетных людей не только в Украине, но и в мире.

— Одним словом, я понял, что опекунский совет не создавался для того, чтобы как-то успокоить общественное мнение?

— Ни в коем случае! — воскликнул Кравчук. И даже не для того, чтобы усыпить бдительность УЕФА. Мы это делаем для того, чтобы поставить футбол Украины на высочайший уровень европейского и мирового класса. Во всех отношениях.

...В пору работы над видеопрограммой, которую назвал «Опекунский совет», в одном из интервью задал Г. Суркису такой вопрос:

— Есть ли у вас надежда на досрочное прощение УЕФА команды «Динамо», Киев?

— Есть такие слова, как гуманизм, благородство и, самое главное, ради чего вообще сегодня существует футбол,— не спеша начал Григорий Михайлович. Я уверен, что людям, которые входят в высший исполнительный орган УЕФА — исполком, сегодня эти слова понятны более, чем кому-либо. Футбол несет людям радость. И я убежден, что члены исполкома УЕФА отнесутся к нашей беде с пониманием. Не с состраданием, а именно с пониманием. Ибо сегодня, как никогда, и по менталитету нашей украинской нации, любящей футбол и

имеющей футбол с давними традициями, нужно то прощение, о котором вы говорите...

Слушая его ответ и пристально вглядываясь в выражение лица президента динамовского клуба, я видел, с каким трудом ему далось это слово: «прощение». Он просто повторил его вслед за мной, а я, признаться, даже пожалел о том, что именно так сформулировал свой вопрос. С моей точки зрения, Григорий Суркис, вместе со своими партнерами и добровольно пришедшими на помощь людьми из опекунского совета, видимо, в какой-то момент поняли, что никакие юридические инстанции, никакие международные суды не помогут им доказать неправомерность решения УЕФА. И они, как говорится наступив себе на горло, приняли правила игры этого «государства в государстве», правящего бал в футбольной Европе. Нужны ли пространные объяснения, во имя чего все, кто причастен к клубу киевского «Динамо», это делали?!

— ...Вот это прощение,— продолжал Григорий Суркис ответ на мой вопрос,— предполагает, что в будущем люди на Украине сумеют получить дополнительный заряд энергии. То есть то, что дарит именно футбол, причем так, что ничто другое в мире не способно подарить этим людям.

Представляете, какие чувства испытали миллионы верных поклонников команды, когда из штаб-квартиры УЕФА в Украину пришло известие о том, что с киевского «Динамо» сняты санкции?!

...В жизни клуба происходили заметные перемены и обо всем, случившемся осенью девяносто пятого, постепенно забывали. Как сказал мне председатель опекунского совета Л. М. Кравчук:

— Скандал остался в прошлом. Это уже для истории. Точнее, для критиков истории. А киевское «Динамо», во всей своей инфраструктуре, от самых маленьких до первой команды, успешно развивается, идет вперед...

Глава 19. На земле обетованной.

Боинг-747 совместной израильско-украинской авиакомпании «Аеросвіт», доставивший киевских динамовцев на землю обетованную, приземлился, правда, не ночью, а солнечным февральским утром. Но после заснеженного, оставленного в морозный день, под минус двадцать градусов, Киева, залитый лучами яркого солца Тель-Авив, голубизна моря, безоблачное небо, сочные краски вечнозеленых растений, яркая реклама аэропорта, теплый (+18 градусов) воздух — все это радовало глаз и согревало душу, видимо, не хуже ночного «салюта из огней».

— О, наконец-то мы дома! — весело бросил кто-то из динамовцев, когда остались позади формальности таможенного и пограничного контроля.

И ребята, стоявшие рядом, среагировали на эту реплику весьма дружелюбными улыбками. Да, с тех пор как Владимир Высоцкий, вспоминая об Израиле, впервые пропел о том, что «...там уже на четверть наш народ», много воды утекло.

— В Израиле я уже пятый раз,— говорил мне в ту пору капитан киевского «Динамо» Юрий Калитвинцев,— И с каждым разом, когда сюда прилетаю, мне здесь все больше и больше нравится. Такие ощущения, что я не за границей, а дома. Много русской речи, да и ландшафт напоминает мне мою родину, где я родился и вырос,— Волгоград. Много песка, не так уж много земли и зелени. Волгоградская область — это ведь степь...

В фешенебельном пятизвездочном отеле «Дан Акадия», что прямо на берегу Средиземного моря, близ очень престижного по израильским понятиям города Герцлия, динамовцы действительно то и дело слышали русскую речь.

Андрей Шевченко впервые попал в Израиль будучи еще 16-летним школьником, когда в составе юношеской сборной Украины впервые приехал в эту страну.

— Мне в Израиле очень нравится,— говорил Андрей. Когда бы мы ни приехали, погода здесь всегда хорошая. Температура ниже пятнадцати-двадцати не опускается. Мне почему-то все здесь напоминает весну в Киеве. Когда цветут каштаны...

Мы говорили с ним на зеленой лужайке гостиничного дворика, с нижней площадки которого открывался великолепный вид золотистого цвета песчаных пляжей на фоне голубизны моря. Я вглядывался в открытое худощавое лицо Шевченко, которое Андрей с удовольствием подставлял теплым лучам заходящего

солнца. И подумалось мне о том, что этому простому киевскому парню, юношеские годы которого пришлись на первые годы становления независимости Украины, приехавшему в Израиль в пятый раз, уже никто в жизни не сможет вешать «лапшу на уши», внушая мифы о «жидо-масонском заговоре» или «агрессорах-сионистах».

...Киевские динамовцы прилетели на февральский учебно-тренировочный сбор в Израиль без главного тренера (грипп, как известно, не щадит даже великих!), но, на мой взгляд, с первых же часов пребывания на земле обетованной его присутствие в команде как-то незримо ощущалось. Словно бы в коллективе витал дух Лобановского. Синхронно и четко работал его кабинет, в котором каждый, как говорится, знал свой маневр. Ведь те же, что и десятки лет назад, только прибавившие в возрасте и мудрости опытнейшие врачи Владимир Малюта и Виктор Берковский, трудяги-массажисты Павел Швыдкий и Валерий Евлантьев, под стать им неутомимые и заботливые администраторы Александр Чубаров, Виктор Кашпур и Филипп Репетило, не говоря уже о сработавшемся тренерском квартете помощников главного тренера — Анатолий Пузач, Анатолий Демьяненко, Валерий Зуев и Михаил Михайлов. К слову сказать, на одной из первых пресс-конференций, после его возвращения в родной клуб, главного тренера спросили:

— Валерий Васильевич, ваши помощники Михайлов, Демьяненко и Зуев — это бывшие игроки вашей команды. Изменилось ли, на ваш взгляд, их отношение к футболу сейчас, когда они уже тренеры?

— Это очень сложный вопрос,— сказал Лобановский. Будучи игроками, они выполняли какие-то функции на футбольном поле, решали задачи, которые ставил тренер. Хотели также удовлетворить публику и, побеждая, получали удовольствие. Но это были игроки и отвечали только за себя. А сейчас, уже как тренеры, в какой-то степени они отвечают и за коллектив, в котором работают. Думаю, что любовь к футболу игрока и тренера — это несколько разные вещи. Да, они любили футбол прежде и любят его сейчас. Но у них разная степень ответственности! Естественно, то, что эти люди ощутили на себе, они пытаются передавать игрокам. Но почему именно эти, а не другие помогают? — продолжал Валерий Васильевич. Есть ведь немало и других игроков, которых тоже можно считать, правда не на все сто процентов, но единомышленниками. Ну, во-первых, это преданные футболу люди. Больше того, их не надо обучать. Они прошли школу как игроки и тренеры, прекрасно все понимают, сами в состоянии составить конспект занятий, провести

тренировку...

Наблюдая за тренировками или играми динамовцев в Израиле, не раз убеждался в точности оценки Лобановского своих помощников. Они не только словом, но и нередко собственным исполнением сложнейших технических приемов тактично, исподволь передавали молодому поколению свой богатейший опыт. Никого из игроков не надо было подхлестывать. Работа, как любят говорить футболисты, шла в охотку.

— Могу утверждать, что сейчас ребята работают с удвоенной энергией,— говорил мне Анатолий Демьяненко. Они наслышаны о Лобановском, о «Динамо», которое добивалось в Европе признания, и слушают Валерия Васильевича с открытыми ртами. Я обратил внимание, что во время теоретических занятий, когда Лобановский говорил о футболе, игроки сидели словно бы загипнотизированные. Но ведь теория проводилась для того, чтобы понимали, что им предлагают, чтобы каждая тренировка дала какой-то эффект. И видно, как они выкладываются, какой огонек появился во взгляде. Парни верят в Лобановского и хотят с ним добиться чего-то серьезного...

Если для молодых футболистов работа под началом такого главного тренера была великолепной школой, то для самих помощников Лобановского она стала, пожалуй, академией современного футбола. И они прекрасно это понимали.

— Мне посчастливилось не просто по отчеству быть тезкой Лобановского, но и стать его коллегой по работе,— сказал однажды Анатолий Васильевич Демьяненко. Работать с таким человеком, который знает о футболе от А до Я, не только приятно, а очень полезно: где еще почерпнешь такой богатейший опыт?!

В Израиле ассоциативная память, скорее всего по каким-то тонким законам психологии, не раз переносила меня с земли обетованной в Нью-Йорк. И я невольно вспоминал свою встречу с гражданином США Виктором Каневским, для которого, по его собственному признанию, «Динамо», Киев — это не только навсегда родная команда, но еще и — лучшие годы его жизни...

Мы беседовали с В. Каневским в его со вкусом обставленной красивой мебелью и неимоверным количеством домашних растений квартире.

— На протяжении всей моей футбольной карьеры со стороны ребят ни в клубе, ни в сборной, ни во взаимоотношениях с игроками других клубов, никогда даже намека не было на мои еврейские корни,— рассказывал Виктор Каневский. Мы очень были дружны.

Но в пору государственного антисемитизма сама система

давала человеку возможность почувствовать отношение к себе по национальному признаку.

— Первый раз это произошло в Краснодаре, где у нас были перевыборы капитана команды,— вспоминал Каневский. До этого я уже был капитаном, но руководству команды сказали «сверху», чтобы меня больше не выбирали. Об этом я узнал от нашего администратора Рафаила Фельдштейна. Два дня подряд проводили тайное голосование. Готовили-готовили ребят, настраивали голосовать против меня, но... Единогласно игроки снова избрали меня. И второй раз дали мне почувствовать мою «пятую графу», когда я уже шесть лет кряду был капитаном. Мы выиграли Кубок и чемпионат страны, в составе сборной СССР я участвовал в чемпионате мира. Многим моим партнерам по динамовской команде присвоили звания заслуженных мастеров спорта. Мне отказали...

— А почему я подал документы на выезд? — продолжал Виктор Каневский. Я в ту пору работал тренером. У меня уже были куплены билеты в Алжир, где я должен был работать со сборной страны. Вместе со мной в списках на выезд значились семь человек тренеров. Одиннадцатого числа мы должны были вылетать, а четвертого меня зарубил Киевский горком партии. Так называемая «выездная комиссия». Из всех тренеров отказали только мне. Это переполнило чашу терпения... Помню, как в родном спортивном обществе пришел работать директором динамовской молодежной школы. Вызвали в партком и сказали: «Мы тебя не утвердим». На этом закончилось. Деваться некуда. И я решил ехать. В апреле 1979 года подал документы. Через две недели меня вызвали в ОВИР, и его начальник, который одновременно был и заместителем министра МВД, грубо бросил мне в лицо: «Никуда ты не уедешь! Возвращайся в „Динамо"!»... Вызывали и к секретарю горкома, хотя к тому времени меня уже исключили из партии. Партийный функционер тоже в довольно категоричной форме сказал, чтобы я забыл об эмиграции. Но отступать было некуда...

Десять долгих лет кряду он провел «в отказе». «Отказник» — это чисто советское изобретение коммунистического режима. Испытание не для слабых духом, когда жизнь экзаменует — кто есть кто?

— После того как мне отказали, четыре года я нигде не работал,— рассказывал Виктор Каневский. Вычеркнули мою фамилию из всех списков форвардов минувших лет. Мои фотографии изъяли со всех стендов. В футбольных справочниках мое имя больше не упоминалось. Если в прессе публиковали снимки нашего «золотого» состава команды — 1961, капитаном

которой я был, то по указанию цензуры мое изображение ретушеры искусно убирали. И вот, после четырех тяжелейших лет моей жизни «в отказе», Лобановский добился разрешения на мою работу с командой «Динамо», Ирпень. Для этого ему пришлось решать вопросы на уровне ЦК компартии и правительства республики, что по тем временам было неслыханно. Более того — Лобановский постоянно поддерживал эту команду — и игроками, и помогая доставать различные материальные блага. Мы выиграли первое место во второй лиге. Тренировал я и молодежную сборную Украины. Мы много чего повыигрывали. Меня представили к званию «заслуженный тренер УССР». В присвоении отказали. «Динамо», Ирпень выезжает в Болгарию, меня с командой не выпускают. В Болгарию?! Я работал в Симферополе. Команда выезжает в Корею, меня в очередной раз не выпускают...

В эти тяжелые годы жизни «отказник» Каневский, в свое время — старший лейтенант МВД, на себе испытал не только жесткий почерк общего режима, но и непосредственных «кураторов» киевского «Динамо» — КГБ и МВД.

— Один я в ту пору на улицу не выходил,— рассказывал Виктор. За мной следили, ходили буквально по пятам.

Фотографировали, прослушивачи телефон, дежурили чуть ли не под дверью квартиры, что была в угловом доме на Крещатике и бульваре Шевченко, над магазином «Каштан». Жил по соседству с памятником Ленину, около которого часто и поджидали меня мои персональные надсмотрщики-гэбисты. Доходило до смешного, когда жены приносили им еду. Парни поудобнее устраивались, чтобы перекусить по соседству с Ильичом, а я в это время выходил из своего парадного. Картину не трудно себе представить. И смех и грех... Конечно, в такие годы отношения людей проверялись на прочность. Многие, ходившие вроде бы в друзьях, насмерть испугавшись, исчезли с моего горизонта. Были «советчики», уговаривавшие меня «покаяться», «признать свои ошибки», «попросить прощения у партии». Но жизнь моя была как на ладони, и я себя виноватым ни в чем не чувствовал. И вот, только Лобановский — один-единственный, второго не было, кто не боялся приходить ко мне домой, когда я десять лет был «в отказе». Валерий по отношению ко мне оказался в высшей степени порядочным человеком...

...Тренировочные матчи в Израиле, как правило, обслуживала бригада судей из России. Один из них — Александр Штернгель, судья республиканской категории из Москвы, говорил мне, что игра динамовцев Киева ему всегда была симпатична, а Лобановский — кумир его детства.

— Киевляне — приверженцы мобильного футбола, который исповедуют на протяжении многих лет,— сказал Штернгель. И этот молодой состав придерживается того же направления. Игры, которые я судил, подтвердили мое впечатление. Чувствуется рука Лобановского.

— Что вы о нем думаете? — спросил я московского арбитра.

— На мой взгляд, он опередил время лет на 20—25,— сказал Александр Штернгель. Ведь все, что он делал, принималось в штыки. Ему приходилось идти тернистым, сложным путем, доказывая свою правоту. И только время, что свойственно великим, подтверждало, что прав был он, Лобановский. И со временем правота его подтверждалась практически полностью. А современники его, как правило, не понимали. Порой, бывало, даже осуждали. На мой взгляд, величие Лобановского в том и состоит, что он в футболе опередил время! Но это, думаю, просто черта его характера, свойство личности.

В Израиле я обратил внимание, что с особой симпатией и глубоким уважением о Лобановском говорили те коллеги по футбольному делу, которые по возрасту были моложе его. Так обычно люди, вспоминая свои студенческие годы, отзываются о любимом профессоре, поделившемся с ними полезнейшими для жизни знаниями, которые они не могли почерпнуть в учебниках.

Главный тренер национальной сборной Республики Казахстан Серик Бердалин рассказал:

— Валерий Васильевич Лобановский — это для меня целая эпоха в футболе. Я глубоко уважаю этого специалиста, и однажды посчастливилось с ним познакомиться, когда мы проводили одну из контрольных встреч в Кувейте. Национальная сборная Казахстана сыграла матч вничью — 0:0. И думаю, что для нашей команды это был большой успех, потому что сборную Кувейта в то время тренировал Лобановский. Согласитесь, не каждому выпадает шанс встречи на футбольном поприще с таким большим специалистом. Я считаю, что Лобановский — это выдающийся тренер современности. Он щедро пропагандирует то, что знает и хочет показать в футболе. Думаю, что для нас, тренеров, которые только учатся и находятся в стадии становления, Валерий Васильевич — это эталон тренера.

Так на израильской земле, встречаясь с различными людьми, я словно бы заново открывал для себя Лобановского. Однажды от Якова Гершензона услышал о том, какой Лобановский прекрасный... дипломат. Впрочем, сначала о самом Гершензоне.

Он приехал в Израиль в 1972 году. До этого жил в Кишиневе, где закончил институт физкультуры, отделение футбола. На протяжении многих лет Яков работал главным тренером

федерации футбола Молдавии, возглавляя все юношеские сборные республики. Был также директором республиканской футбольной школы при спорткомитете МССР. Одним словом, до эмиграции жизнь его была связана с футболом...

Яков, когда мы с вами познакомились, вы говорили о своих «двух жизнях» в Израиле и обещали об этом рассказать,— напомнил я.

— Да, это правда, и моя вторая жизнь на израильской земле началась с них,— он кивнул в сторону футбольного поля, где тренировка динамовцев была в самом разгаре. Именно с «Динамо», Киев! А еще точнее — со встречи с Лобановским в 1988 году на чемпионате Европы в Германии. Мы с ним задумали организовать в Израиле матч с участием киевских динамовцев.

— И это в ту пору, когда у Советского Союза не было с Израилем никаких дипломатических отношений?! — поразился я.

— В том-то и дело,— Гершензон улыбнулся. Все это тогда казалось из области фантастики, но надо знать Лобановского, который взялся за осуществление этого труднейшего проекта.

— А вы его знаете? Я испытывающе посмотрел на Якова.

— Думаю, что за эти годы немного узнал,— сказал Гершензон. Для меня это человек и тренер очень и очень большой. Даже великий! Но, несмотря на свое величие, с нами, простыми людьми, он всегда с удовольствием общался, отвечал на все вопросы, помогал решать наши проблемы, которых в то время возникало очень много.

— Например?

— Ну, достаточно сказать, для того, чтобы осуществить задуманное, следовало получить разрешение в ЦК КПСС, не говоря уже о различных формальностях в Госкомспорте СССР, в МИДе и других ведомствах. Это было очень тяжело. На все это ушел почти год. Но Лобановский всего добился. Правда, надо отдать должное и Вячеславу Колоскову, который в этом деле выступил как союзник Лобановского.

— И в результате?

— Праздник большого футбола в Тель-Авиве в присутствии шестидесяти тысяч зрителей! — восторженно сказал Гершензон. Это было в 1989 году, когда Лобановский, транзитом через Германию, привез сюда, в Израиль, «Динамо», Киев, в составе которого играли такие звезды, как Заваров, Беланов, Михайличенко, Кузнецов и другие знаменитости, которых уже знала вся футбольная Европа. И хотя сборная Израиля проиграла динамовцам — 1:3, людям это не испортило настроения: киевляне показали великолепный футбол. А я был доволен, кажется, больше всех. Спросите почему? Потому, что с этого

момента фактически и началась моя вторая жизнь в Израиле,— продолжал Яков, поглядывая в сторону футбольного поля. Я полностью оставил прежнюю работу, все остальные дела и занялся только футболом...

— Выходит, Валерия Васильевича можно считать крестным отцом вашей второй жизни в Израиле?

— Да, и сами понимаете, как я рад, что он снова вернулся в «Динамо», Киев. Я с этим связываю большие надежды на то, что не только динамовцы, но и весь украинский футбол значительно повысят уровень игры.

— Одним словом, Яков, судя по вашему рассказу, Лобановского можно считать не только первопроходцем советского футбола на земле обетованной, но и первым украинским дипломатом в государстве Израиль?

— Это точно,— ответил он на полном серьезе. Иначе и быть не может. Ведь в те годы это же был не только футбол, а большая политика. С того матча, можно сказать, начинались отношения между Советским Союзом и Израилем, а Валерий Васильевич был первым человеком, который дал добро и осуществил этот проект вместе с Колосковым. Это потом уже сюда зачастили солисты и целые ансамбли, появились консульства, посольства... Но раньше всех здесь, в Израиле, был Лобановский с командой «Динамо», Киев.

К слову сказать, слушая рассуждения Гершензона о Лобановском, невольно вспомнил эпизод, известный мне, как говорится, из достоверных источников. Это было накануне чемпионата Европы 1988 года во время какого-то всесоюзного совещания, в котором принимали участие высокого ранга партийные и советские руководители. Там-то Лобановский и познакомился с одним из первых людей государства, членом Политбюро ЦК КПСС Егором Кузьмичом Лигачевым. На общение им было отведено 18 минут, но они проговорили два с половиной часа. Позже Лигачев говорил своему помощнику: «Да это же глыба ума! Лобановский владеет огромным багажом информации во всех сферах деятельности — экономике, политике... Кроме того, имеет свою точку зрения». А во время встречи Лигачев прямо Валерию Васильевичу заявил: «Вы что, до сих пор тренируете?! Бросайте! Нам с Михаилом Сергеевичем Горбачевым нужен советник по спорту, который бы учитывал при этом и другие направления в жизни страны. Только вы можете справиться с такой задачей! Что, вы не хотите? Чемпионат Европы, говорите?! Но мы вас все равно рано или поздно заберем!»

...Я улетал из Израиля как раз в тот день, когда Валерий

Лобановский, оправившись от болезни, прилетел в Тель-Авив. В аэропорту мы коротко пообщались, и я, рассказав ему историю, услышанную от Гершензона, спросил:

— Когда вы взялись за осуществление своего проекта, что в ту пору вы знали об Израиле, с которым не было никаких дипломатических отношений? И почему вы это делали?

— Дело в том, что определенные контакты с этим государством уже налаживались,— ответил Лобановский. Да, было очень сложно, но все-таки некоторые ансамбли уже здесь побывали. И в перспективе все шло к тому, что в конечном итоге нормальные отношения будут установлены. Это процесс не сиюминутный. Ну а почему именно «Динамо», Киев? На этот вопрос я вам отвечу очень лаконично: если не мы, то кто же?!

В Израиль вместе с Лобановским прилетел Игорь Суркис. С тех пор как он рассказал мне о своей короткой первой встрече с Валерием Васильевичем в кабинете старшего брата, прошло время. Порой я видел их вместе, и мне даже показалось, что Лобановский несколько, как принято говорить, приблизил к себе этого молодого человека. На турнире в Москве, во время матчей киевского «Динамо» в споре за Кубок СНГ, Игорь (в динамовской форме!) даже сидел рядом с Лобановским на скамейке запасных. И однажды, улучив удобный момент, я спросил Суркиса-младшего, что, интересно, на его взгляд, нового, чего он раньше не знал, открылось ему в Лобановском после его возвращения в «Динамо»?

— Лобановский меня поразил! — воскликнул Игорь. Вы знаете, если бы он говорил только об аспектах футбола, демонстрируя свои доскональные знания этой игры, он бы меня ничем не удивил. Но это всесторонне развитый человек, компетентный в различных вопросах. Я обратил внимание, что, если Валерий Васильевич чего-то не знает, он промолчит. Но те вопросы, которые он затрагивает, по которым ведется дискуссия — будь то политика, экономика, социальная сфера или вопросы бизнеса,— он компетентный, знающий предмет, о котором дискутирует, человек. Думаю, что все его успехи как тренера прежде всего исходят именно отсюда. Он по-настоящему интеллигентный человек. А люди, наверное, и добиваются каких-то высоких результатов прежде всего благодаря своему интеллекту, какому-то внутреннему запасу...

— Игорь Михайлович, я полагаю, что вам, общаясь с Лобановским, любопытно сравнивать то, что раньше только лишь о нем читали, с тем, что слышите теперь от него самого? — предположил я.

— Еще бы! — воскликнул Игорь Суркис и заговорил быстро и

страстно, как будто только этого вопроса и ожидал: Я не знаю, есть ли еще в мире тренер, вокруг которого было столько сомнений, а порой просто-таки уничтожающей критики?! Вы, наверное, лучше меня помните, как в те годы писали о Лобановском — «консерваторе», который «тормозит» наш футбол, «тащит его назад»... А сколько ему доставалось за различные «выездные модели», за то, что команда киевского «Динамо» показывает отнюдь «не прогрессивный» футбол? И смешно и грустно об этом вспоминать. Общаясь с ним, я порой поражаюсь, насколько этот человек устремлен своими мыслями вперед, в будущее...

Мне порой кажется, что для него не самоцель победить, скажем, сегодня в чемпионате, попасть в Лигу чемпионов или даже попытаться ее выиграть. Нет, он анализирует, как развивается футбол, пытается предугадать, а точнее — предвидеть пути его развития. Одним словом, идет в ногу со временем, стремясь его опередить. Наверное, это очень здорово не просто для киевского «Динамо». Я говорю об украинском футболе.

«Толковый парень!» — подумал я о Суркисе-младшем, слушая его суждения о Лобановском. Как быстро во всем разобрался, как точно, с моей точки зрения, сформулировал суть главного тренера любимого клуба. И не потребовалось ему мудрой, но несколько затасканной сентенции — «время рассудит». Так нередко говорят о личностях, вокруг деятельности которых кипят бурные страсти. Впрочем, порой и страстей-то не было. Вместо них, на мой взгляд,— непонимание, замешанное на злопыхательстве... Улетая в Израиль с командой киевского «Динамо», откровенно говоря, я рассчитывал, что значительно пополню свое футбольное досье беседами с самим Лобановским, который накануне отъезда тоже предполагал, что у нас будет время пообщаться. Признаюсь, очень расстроился, узнав о том, что из-за болезни он остался в Киеве. Но, прожив с динамовцами девять дней на земле обетованной, я покидал Израиль совсем в другом настроении. И дело не только в том, что в Тель-Авиве, в аэропорту Бен-Гурион, наши пути с Лобановским пересеклись, и увидел его в добром здравии, оправившимся от болезни. Я увозил с собой немало видео- и аудиокассет. Встречаясь с различными людьми в отсутствие Лобановского, говорил с ними о нем. А порой, как известно, и сам человек не расскажет о себе и десятой доли того, что поведают о нем люди.

Но, поразительное дело... Чем больше слышал о Валерии Васильевиче как о человеке незаурядном, деятельность которого вызывала столь сильные эмоции и чувства у людей, тем сильнее

становилась потребность общения с ним самим. Вскоре такая возможность представилась, когда в один из мартовских дней журналистов пригласили на загородную динамовскую базу в Конча-Заспу, где состоялась расширенная пресс-конференция Валерия Лобановского.

Глава 20. Психология победителей.

Еще накануне пресс-конференции Лобановского в Конча-Заспе весьма символичным мне показался заголовок одного из интервью президента футбольного клуба киевского «Динамо»: Суркис: «Нам нужна психология победителей». Приведу дословно один из вопросов и ответ на него, который, с моей точки зрения, можно считать стратегическим в работе киевского футбольного клуба:

— Нравится ли вам как президенту клуба уже сегодня игра киевского «Динамо»?

— Как президенту клуба, то есть как функционеру, мне сегодня нравится не игра «Динамо», поиск которой продолжается, а та атмосфера, которая царит в команде. Это, безусловно, связано с возвращением Валерия Лобановского, который буквально за несколько месяцев изменил микроклимат в коллективе, психологию игроков. Приведу такой пример. Олег Лужный недавно в интервью сказал, что, на его взгляд, у сборной Украины есть шансы занять в своей отборочной группе второе место. А потом я стал свидетелем такого диалога между Лобановским и Лужным:

«А кто же тогда может быть на первом месте?» — спросил тренер.

«Сборная Германии»,— удивленно ответил игрок.

«Сколько же Германия уже потеряла очков?»

«Четыре».

«А мы?»

«Три».

«Так кто же тогда лидер и кто может быть на первом месте?..»

Понятно, что закладка в сознании игроков психологии победителей не единственный фактор, который может привести не к сенсационным, а к закономерным победам и сборной, и киевского «Динамо», но чрезвычайно важный. Я в этом твердо уверен.

К слову сказать, на своей пресс-конференции в Конча-Заспе Лобановский тоже вспомнил об этом своем диалоге с Лужным и пересказал его в лицах почти слово в слово. А потом довольно эмоционально воскликнул:

— Как это может быть такое?! — Он выдержал паузу и обвел взглядом журналистов, которые в тот мартовский день на загородную динамовскую базу были доставлены двумя автобусами. Если мы заранее будем вторыми или третьими, тогда

о чем вообще говорить?! Да, мы можем не стать первыми, но должны стремиться к этому. И только такая задача должна стоять! Почему мы должны быть хуже Германии? Объясните мне, почему?

Конечно же, журналисты понимали, что в устах Лобановского его вопросы звучат чисто риторически. И они ему вовсе ничего не должны объяснять. А вот он журналистам, которым в довольно просторном холле, наскоро приспособленном в тот мартовский день под конференц-зал, было, пожалуй, тесновато, объяснил многое. И сделал это мастерски!

...Пресс-конференция в Конча-Заспе началась с довольно необычного диалога:

— Сегодня существует какая-то унификация,— начал один из журналистов. В Европе играют примерно одинаково...

— В мире,— спокойно вставил слово Лобановский.

— Да, в мире,— согласился журналист. Насколько мы далеки от этого процесса?

— А что, киевское «Динамо» куда-то из него вышло? — спросил Валерий Васильевич.

— Нет, я считаю, что «Динамо» и Украина сегодня в этом же процессе,— сказал журналист. Но насколько наш клубный футбол и сборные еще далеки от мирового процесса и есть ли надежда, что мы к нему приблизимся?

— ...За счет чего можно подняться на новый уровень? За счет того, что будут куплены выдающиеся футболисты. Да, какое-то усиление игры клуба произойдет. Команда с Роналдо и без него — это разные команды. Но игра будет развиваться независимо от наличия футбольной звезды. Ведь футбол — это процесс, явление, которое имеет свои закономерности.

И Лобановский детально остановился на анализе различных явлений в жизни украинского футбола вообще и киевского «Динамо» в частности. Видимо не желая уступать журналистам в образности мышления, он подчеркнул, что футбол в Украине будет развиваться только тогда, когда есть лидер — паровоз, который будет тащить за собой весь состав — вагоны-клубы.

— Причем не может быть такого, чтобы команды не тянулись за лучшим клубом,— сказал Лобановский. Но прогресс будет только тогда, когда есть лидер. И парадокс состоит в том, что клубу-лидеру всегда сложнее, чем тем вагонам, которые он тащит. Вся тяжесть ложится на него, остальные команды подтягиваются, и растет конкуренция. Но зато поднимается уровень футбола. Не будет такого паровоза-лидера — наступит равновесие, спокойствие...

Возможно предваряя будущие вопросы, главный тренер

киевского «Динамо» коснулся и собственной роли:

— Я не связываю свой приход с этим процессом,— сказал Валерий Васильевич. Есть Лобановский или нет, футбол все равно будет развиваться. Важно только успевать за темпами его развития, не отстать, не заблудиться, не начать пропагандировать то, что давно уже ушло в прошлое. Не стесняюсь говорить коллегам-тренерам, которые утверждают, что ничего нового не увидели на чемпионате Европы: «Очки надо надевать!» Быть может, с моей стороны это грубо, но если они не видят, что футбол развивается?! Ведь каждый чемпионат Европы или мира — это новое, новое и новое...

И пошел предметный разговор об эволюции футбола. По мнению Лобановского, за последние четверть века футбол двигался по пути интенсификации и универсализма. Он сравнил сборную Бразилии, ставшую чемпионом мира в Мексике в 1970 году, с бразильцами, победившими на мировом чемпионате в 1994-м.

— Я был на мексиканском чемпионате, все видел своими глазами,— рассказывал Лобановский. Там преимущество отдавалось артистизму. Все ожидали, как сыграет Пеле, Карлос Альберто и так далее. Каждый из современных звезд сборной Бразилии работал на команду!

И тут вопрос одного из журналистов вновь вернул Лобановского к состоянию дел в украинском футболе:

— Валерий Васильевич, я тоже воспользуюсь взятым вами образом. Что, если лидер не паровоз, а тепловоз современной марки, но вот вагоны, которые он тащит, еще дореволюционного производства? Как в таком случае будет развиваться футбол в Украине и какова, на ваш взгляд, будет судьба лидера?

— Все взаимосвязано, и все меняется. Я не настроен так пессимистически, как вы. Верю, что и украинский футбол будет прогрессировать. «Днепр», «Шахтер», «Черноморец», та же «Ворскла» — они уже стремятся подниматься на какой-то новый качественный уровень. Хотят этого! Поэтому сдвиги будут обязательно. Я не знаю когда — завтра, послезавтра или через полгода? Но будут...

Почти каждый вопрос, заданный на этой пресс-конференции Лобановскому, становился для него словно бы посылом к размышлениям. Так было и когда его спросили: насколько его нынешние подопечные восприимчивы к требованиям современного футбола? И попросили сделать своеобразный прогноз: смогут ли в обозримом будущем его игроки запрессинговать своих соперников, скажем, так, как это сделала сборная СССР в 1988 году в игре против итальянцев?

И в ответ последовал, на мой взгляд, интереснейший монолог Лобановского:

— Я уже говорил, но еще раз повторю,— сказал он. Чем выше уровень игроков, тем быстрее будет донесено новое до зрителей, до журналистов. Когда говорят, что уровень, к примеру, 70-х годов был выше сегодняшнего, я с этим не могу согласиться. Да, индивидуальности, можно сказать, были выше. Но для своего времени! А как бы они сыграли сегодня? Не знаю. Это надо доказывать. Многие пытаются сравнить бразильца Пеле и аргентинца Марадону. Всем известно, что Пеле — это легенда! Но многие не видели его игры. Только по кассетам. А Марадону мы видели в современном футболе и можем оценить уровень этого футболиста, который играет по всей площадке: умеет обороняться, организовывать атаку и умеет ее завершить! Поэтому мы можем говорить, кто такой Марадона. Но сравнить его с Пеле, давать комплексную оценку каждому из них, проецировать прошлое на современность или наоборот? — Лобановский пожал плечами. ...Вопрос, который вы мне задали. За довольно короткое время подняться на новый качественный уровень очень сложно. К слову, мне понравились слова Андрея Канчельскиса уже после того, как он попал в «Фиорентину». Итальянский журналист увидел очень интенсивную тренировку и спросил Андрея: «А как ты?» Канчельскис ответил: «После занятий у Лобановского тренировки в „Манчестер Юнайтед", в „Фиорентине" или в сборной России могут показаться детскими забавами». То есть только сам футболист, который это прошел, может сравнить и сказать о своих ощущениях. Никто за него этого не может сделать! Ни Лобановский, ни какой-либо иной тренер. Но меня поразило другое, сказанное им в этом интервью,— Валерий Васильевич достал из раскрытой перед ним папки вырезку из газеты. Я процитирую слова Канчельскиса: «В тот футбол, в который играло киевское „Динамо" двадцать лет назад, сегодня пытаются играть ведущие клубы Италии, Германии и других стран». Пытаются играть,— повторил Лобановский. Но это его субъективная точка зрения. Так вот, сегодня команда киевского «Динамо» хочет соответствовать современным требованиям. Пока только хочет. Состоится это или нет? Категорично ответить на этот вопрос — «Да» или «Пет» — я не могу. Мы много с ними беседуем, говорим о том, что надо создать конкурентоспособную команду. А что это такое? С чего все начинается? Вот как раз с вопроса, который вы мне задали: воспринимают ли игроки требования современного футбола? Если не воспринимают, создать конкурентоспособную команду невозможно. То есть будут просто хорошие игроки, которых надо

будет обслуживать. Но это уже давно пройденный этап. Некоторые тренеры в своих интервью после чемпионата Европы говорили примерно следующее: «Колыванова некому было обслужить». Как можно даже произносить такие слова?! — Лобановский чуть повысил голос, на его лице застыла гримаса удивления. Современный футбол уже не терпит футболистов, которых надо обслуживать. Они должны уметь на футбольном поле делать все — отдать пас и отобрать мяч, обострить игру и атаковать, если нужно, вести оборону...

— В продолжение темы о лидере,— спросил один журналист. А есть ли в команде такой свой «паровозик» — будущая звездочка? Вы своим наметанным глазом, видимо, могли уже определить... Не Рональдо, конечно, но в перспективе?

— Ну а почему не Рональдо? — Лобановский улыбнулся. Я же не знаю, может быть, это будет уровень выше Рональдо...

— Ну кто-то есть? Кого-то можете назвать? — допытывался журналист.

Лобановский взглянул на вопрошавшего:

— А когда Беланов пришел в киевское «Динамо», вы могли определить, что он будет лучшим футболистом Европы?! Я думаю, что в ту пору не было ни одного прогнозиста, который бы сказал: «О, Беланов, это! обязательно будет лучшим!» А Беланов стал лучшим... Поэтому мы и говорим, что ребята, которых мало и плохо знает Европа, имеют возможность подняться на совершенно другой уровень. Но для этого нужно серьезно трудиться и серьезно относиться к себе. Должно быть желание и должна быть мотивация: стать лучшим! Без этого ничего не может быть.

Как-то в русскоязычной прессе США мне попалось на глаза одно любопытное интервью с Белановым, имеющее, на мой взгляд, самое прямое отношение к настоящей главе:

Как только я пришел в «Динамо» из одесского «Черноморца», мы отправились выполнять тест Купера, цель которого — пробежать максимальное расстояние за 12 минут,— вспоминал Игорь. Я отстал от предпоследнего футболиста на круг. Первая мысль: бежать отсюда куда глаза глядят. Словно в воду опущенный ходил. Лобановский это почувствовал, вызвал к себе и успокоил: не рви, мол, на голове волосы, все с этого начинают. После того разговора как камень с плеч упал: это был тот самый такт, который отличает настоящего тренера. Жесткий он только с виду. Да, солиден, да, не позволит панибратства, но и психолог тончайший. Надо было просто относиться к нему так, как он

относился к нам — профессионально. Вот и весь секрет. А после того разговора с Лобановским я был просто окрылен: оказывается, верит в меня Васильич! И на меня снизошло вдохновение. Я сразу же стал забивать. А не поговори тогда тренер со мной, может, моя судьба в Киеве совсем бы по-другому сложилась...

Быть может, в эти же дни, когда Игорь Беланов делился воспоминаниями о своей счастливой динамовской поре, Валерий Васильевич исподволь, шаг за шагом учил футбольному уму-разуму уже новое поколение.

Игорь Беланов вспоминал о Лобановском как о тончайшем психологе. Капитан команды «Динамо»-97 Юрий Калитвинцев в беседах со мной приводил немало примеров, словно бы иллюстрирующих психологические аспекты в многогранном творческом процессе главного тренера клуба.

— Бывало, какие-то игры не получались, хотя отдача была полная,— рассказывал Юрий. Или чувствовали, что тренировка не так прошла. Но ни одного слова в упрек! Конечно, Валерий Васильевич какими-то словами давал понять, что где-то что-то мы не так сделали. Есть, дескать, над чем работать. И при этом почти всегда слышали от него: «Спасибо за хорошую работу, за отдачу. Все идет в нормальном режиме...»

Так получилось, что Калитвинцеву пришлось встретиться с Валерием Васильевичем раньше, чем тренера представили команде. После последнего календарного матча первого круга с «Днепром» Юра сразу собирался уехать в отпуск. Но руководители клуба сказали Калитвинцеву, чтобы он повременил с отъездом и встретился с Лобановским, ибо Сабо уже сложил свои полномочия.

— Я подошел к Валерию Васильевичу и объяснил ситуацию, сказал, что билеты уже на руках и хотел бы уехать раньше,— рассказывал мне Юрий Калитвинцев. Лобановский мне говорит: «Ты капитан и, в принципе, должен быть на собрании команды». Но раз такая ситуация, то он меня отпускает.

Уезжая в отпуск, честно говоря, я ждал скорейшего его завершения, чтобы побыстрее возвратиться и поработать с этим тренером.

Как потом выяснилось, не только капитан команды с нетерпением ожидал возвращения из отпуска и начала работы с легендарным Лобановским.

— Перед тем как ребята разъехались, было собрание, а потом Лобановский индивидуально беседовал с каждым,— рассказывал Юрий Калитвинцев. Это были короткие разговоры — по две-три

минуты, не больше. То есть он давал каждому индивидуальный план и напутствовал какими-то словами. Но все были просто в восторге от этого первого общения с Лобановским и изъявляли желание побыстрее вернуться из отпуска.

— Сделал свое дело авторитет тренера?

— Конечно,— согласился Калитвинцев. Но подобные настроения — это, думаю, еще и противовес тому же Сабо. Потому что от него многие просто устали.

Действительно, все познавалось в сравнении, и капитан динамовцев неслучайно упомянул бывшего главного тренера. Мне рассказывали многие игроки, как им доставалось за «лишний» собственный вес. Дело доходило до штрафов. Они нередко слышали от наставника, что «палкой бы их следовало» за то, что «разъелись». «Было обидно,— рассказывал мне один из игроков. Я считал, что у меня вес нормальный, чувствовал себя хорошо, но Сабо чуть ли не матом крыл, утверждая, что у меня лишние килограммы. Ну, думаю, делай что хочешь, а будет у меня этот вес: назло тебе!»

С приходом Лобановского вес игроков тоже регулярно контролировался. В период сборов даже по пять раз в день. К тому же был очевидцем того, как сами футболисты по собственной инициативе ходили взвешиваться перед сном. Конечно, на первых порах были люди и с «лишним» весом. Правда, никто их не собирался «штрафовать» или того хуже — «палкой» заставлять согнать вес. Напротив, после очередного взвешивания, обнаружив «излишки» веса у тех или иных игроков, даже не называя фамилий и мягко при этом улыбаясь, Валерий Васильевич говорил:

— Ничего страшного! Ну наели лишний килограмм-полтора... Считайте, что у вас сзади — за спиной, висит рюкзачок с таким весом. Побегаете с ним. Думаю, в игре почувствуете...

В процессе подготовки динамовцев к сезону было любопытно наблюдать за тем, как они постигали «...все необходимое для современного футбола» и какие метаморфозы в манере игры не только команды, но и отдельных ее игроков происходили буквально на глазах. Интересен пример капитана киевского «Динамо» и сборной Украины — 1997 Калитвинцева.

— Лобановскому сказали, что я и еще некоторые игроки очень плохо отнимают мяч,— рассказывал мне Юрий. И он, дескать, не сможет заставить нас работать в отборе.

Если Валерий Васильевич захочет, чтобы мы остались в команде, то ему вроде бы придется подстраиваться под нас. А у Лобановского должны уметь отнимать все...

— Разве только у Лобановского? — спросил я Калитвинцева.

— Нет, конечно, не только,— уточнил он. Это, как говорится, правила сегодняшнего футбола. И Валерий Васильевич постоянно нам говорил о том, что в команде нет нападающих, нет защитников. Вышли на поле — одиннадцать человек отнимают, одиннадцать — атакуют...

Легко сказать, подумал я, слушая Калитвинцева. А если такой футболист, как он, уже отыгравший порядка десяти лет? Так ли уж просто, да и возможно ли вообще, изменить сложившийся стереотип?

— Я знал, что это мой минус,— продолжал Калитвинцев. Но считал, что играю в той позиции, где нет такой уж особой борьбы... И вот Лобановский на теории, в каких-то общих фразах, давал понять, как изменить игру. «Можно и не участвовать в отборе,— говорил Валерий Васильевич. Можно говорить, что находишься там, где нет мяча, нет борьбы. Но если хочешь отнимать, надо самому искать борьбу. И всегда ее найдешь».

— Лобановский это лично вам говорил или команде? Я попросил Юрия уточнить.

— В том-то и дело, что не мне, а вроде бы всем, кого это касалось,— сказал Калитвинцев. Но именно эти слова Валерия Васильевича оказались очень точными и помогли мне. Я стал искать борьбу и нашел ее.

— Васильич это заметил? Как-то оценил?

— Еще бы! — улыбнулся Юрий. Я сразу это почувствовал по тому, что он стал меня поддерживать. Даже на собрании. «Кто сказал, что Калитвинцев не может отнимать? — говорил Лобановский. Может! И подкаты здорово делает! Так что все правильно, все нормально».

Уже в период работы над этой главой в ноябрьском, за 1997 год, номере «Интересной газеты» — голоса русской Америки, мне попалась на глаза любопытная публикация.

Материал, перепечатанный из газеты «Спорт-Экспресс», начинался с такого утверждения: «В украинском футболе Андрей Шевченко — фигура, пожалуй, самая колоритная»,— писал автор интервью с этим форвардом журналист Алексей Семененко. Заголовок говорил сам за себя: «Андрей ШЕВЧЕНКО: „ИГРАТЬ У ЛОБАНОВСКОГО - СЧАСТЬЕ!"» Приведу небольшой фрагмент, который, думаю, непосредственно относится к затронутой нами теме:

— Что изменилось в команде с возвращением Лобановского?

— Да все изменилось! Мы работаем по четкой программе.

Причем игроки не слепо выполняют требования тренеров, а осмысленно. Даже самые опытные футболисты с открытыми ртами слушают Лобановского.

— Олег Кузнецов как-то признался, что перед Лобановским он чувствовал себя как кролик перед удавом. А вы?

— Я преклоняюсь перед Валерием Васильевичем, но такого чувства не испытываю. Может, в силу моего характера, может, сам Лобановский изменился с тех пор, как у него играл Кузнецов.

Полагаю, что Андрей Шевченко прав. Как именно слушали Валерия Васильевича самые опытные, думаю, вы убедились на примере Калитвинцева. Представляете в таком случае, кем стал главный тренер для самых молодых?! Таких, к примеру, как Шевченко?

Однажды, облюбовав один из уютных холлов израильской гостиницы «Дан Акадия», после вечерней тренировки, я разговорился на эту тему с самим Андреем.

— Лобановский для меня — это как человек-легенда,— мечтательно говорил Шевченко. Ну, по-моему, лучшего в Советском Союзе вообще не было. Психолог он очень сильный...

— А вот как, интересно, вы это почувствовали? — спросил я.

— Ну, я сразу понял, что мне надо делать, как себя вести,— спокойно, словно бы рассуждая вслух, говорил Андрей.

И вообще почувствовал полное доверие к этому человеку. Даже независимо от того, буду ли я в дальнейшем играть в составе или нет, вина в этом будет только моя. И сразу у нас установились какие-то такие взаимоотношения, что раньше такого даже не ощущал.

— Это интересно, Андрей, но в чем именно это проявлялось?

— Большая строгость и в то же время — полное спокойствие, какая-то уравновешенность.

— А как вы восприняли нагрузки Лобановского? Почувствовали?

— Конечно! — воскликнул он. Физически и морально даже стало потяжелее, чем было раньше. Но ты начал работать сам над собой, доказывать себе, а не кому-то, что можешь себя перебороть. Хотя, если разобраться, ничего там сложного не было. Нагрузки как нагрузки, но мы давно от такой работы отвыкли...

— А что, разве раньше так не работали?

— Ну, я думаю, до Лобановского это было как-то разобщено, — сказал Андрей. Один выходил и тренировался на полную

катушку, второй иначе. Но ведь, если человек хочет играть на высоком уровне, он должен себя к этому готовить? Верно ведь?

— Конечно,— я кивнул головой, слушая рассуждения Шевченко.

— В физических кондициях мы отставали от других команд, — продолжал он. Уже даже самому хотелось проверить себя, на каком уровне ты находишься. И работать. Работать постоянно! О себе могу сказать, что выходил на каждую тренировку и мне хотелось работать...

— Даже через «не могу»?

— Да. Бывает тяжело. Но не тебе же одному?! Всем тяжело. Но на каждую тренировку команда выходила как единый коллектив, и ребята выполняли ту работу, которая от них требовалась.

— И никого не надо было заставлять? Я испытывающе посмотрел на Шевченко.

— В том-то и дело, что нет! И главное, что никто ни на кого не кричал, как это было раньше. Пускай тебе, скажем, тридцать лет, а мне — двадцать... Вот с того момента, как Валерий Васильевич возвратился, стала единая команда. Раньше такого не было...

На пресс-конференции, словно бы для разрядки, случались и вопросы о курьезах в тренерской практике Лобановского.

— Валерий Васильевич, было ли такое, что вы одновременно тренировали две команды сразу? — спросил кто-то.

Услышав вопрос, Лобановский мягко улыбнулся:

— Думаю, в практике мирового футбола это было впервые, когда две команды, находясь в одном отеле и тренируясь на одном поле, решили провести между собой не двухстороннюю игру, а две совместные тренировки,— сказал он. Но для этого тренеры должны были, естественно, подобрать упражнения, подготовить своих игроков для их выполнения. Это была тактика. Выполнялись одни и те же упражнения игроками двух команд — «Динамо», Киев и «Ростсельмаш», Ростов. И тренировки приобрели более высокий мотивационный уровень. Обычно ведь игроки все отрабатывают между собой, а тут — против соперника, который, в общем-то, неизвестен. Эксперимент прошел великолепно. Иное дело, что «Ростсельмаш» так не тренируется, они работают по-своему, у тренера есть свои взгляды и прочее. Единственное, что я вам могу сказать, как говорят в подобных случаях, не для прессы,— Лобановский снова улыбнулся и выдержал небольшую паузу. Накануне «Ростсельмаш» репетировал тренировку, то есть делал то, что должно было проводиться на следующий день во время утреннего и вечернего

занятий. Мне потом передавали, что ростовские игроки после этой «репетиции» спрашивали у своего тренера: «Мы что, так теперь все время будем тренироваться?» «Нет,— сказал он. Только сегодня и завтра». Что было, то было...

В зале раздался дружный смех. Но лицо Лобановского уже было серьезным. Он снова вел разговор о различных аспектах современного футбола. И на этот раз всерьез заговорил о роли прессы. Причем, высказывая свои мысли, он то и дело приводил слова своих именитых коллег-тренеров из популярных европейских клубов. Порой, обращаясь к своему досье, зачитывал небольшие цитаты из их интервью.

...«Игрок должен соответствовать требованиям современного футбола, а каковы эти требования? Лобановский вопросительно взглянул на аудиторию. Скорость, атлетизм, техника и особенно тактика. Но иногда встречаются великолепные игроки, обладающие всеми этими качествами, но... не подходят под модель игры, под идею тренера». И тут, я считаю,— он поискал глазами нужное место в какой-то публикации. Вот, думаю, очень правильный ответ тренера репортеру о том, что «решающая роль принадлежит прессе. Футбол ведь — это не только тренер, который пытается заглянуть в будущее, высказывает какие-то идеи. На футбол ходит публика, журналисты, которые пишут. Они могут поддержать направление или потянуть в прошлое. Футбол все равно будет развиваться, но медленнее. По-другому будет идти восприятие зрителей. Пропаганда в этом плане играет решающую роль»...

Пресс-конференция шла уже второй час, но Лобановский, как мне показалось, к большому удовольствию журналистов, не спешил ее заканчивать. Отыскав глазами нужное место в публикации, продолжал начатую тему:

— Вот, послушайте: «В прошлом команда зависела от игрока. В будущем — от коллектива и в коллективе. Журналист очарован игроком. Он пишет. Публика верит. Самое плохое, что игрок думает, что он — решение всех проблем. Он требует мяч, говорит остальным: „Я все сделаю, отдайте мне только пас". А как ему отдать мяч, если он стоит на месте и просит его?! Назавтра журналисты напишут, что игроку не с кем было играть. Они не знают, что такому игроку не нужна команда. Ему нужно только одно: чтобы он был на виду у всех»,— Лобановский, закончив цитату, положил публикацию в папку. Я полностью согласен с тренером, который дал это интервью. Но, повторяю, это его субъективное мнение...

Во время пресс-конференции я нередко поглядывал на некоторых моих молодых киевских коллег. Видимо, не доверяя

своим диктофонам, большинство из них быстро строчили в своих блокнотах, стараясь не пропустить ни одного слова Мастера. И по-хорошему позавидовал этой пишущей братии: в мое время подобных университетов, со столь квалифицированными прямо-таки лекциями о современном футболе, в которые не раз превращались пресс-конференции Лобановского, не было. Именно в те годы А. Р. Галинский написал в своей знаменитой книге «Не сотвори себе кумира» о том, что наши спортивные журналисты, в основном,— самоучки. И писал о них: «Большинство профессиональных рецензентов, влетающих в футбольные раздевалки и судейские комнаты с той же свободой, что в редакционные буфеты...» Но к моменту возвращения Лобановского в страну вместе с ветеранами спортивной журналистики в периодической печати, на радио и телевидении появилось немало молодых людей, интересно пишущих о спорте. В отличие от нашего поколения они не знают, что такое «выбивать места» на крупнейшие международные соревнования в Госкомспорте СССР или, того хуже,— вообще быть «невыездным». Молодые журналисты уже побывали на различных чемпионатах Европы и мира, передавали репортажи о победных стартах своих земляков со спортивных арен Олимпийских игр. Вместе с киевским «Динамо» и национальной сборной Украины они уже поездили по футбольной Европе, имеют возможность не эпизодически, а регулярно наблюдать по телевизору за интересными матчами чемпионатов Италии, Германии, Англии...

И огромное желание Лобановского, чтобы его игроки реализовали себя и росли вместе с командой, думаю, вполне распространялось и на спортивных журналистов. Они, на мой взгляд, уже почувствовали значение профессиональной учебы. И тоже росли...

Глава 21. Лобановский навсегда… Послесловие.

…Несколько лет назад мы сидели с Адой Лобановской у могилы самого дорогого для нее человека. Тихо говорили, вспоминая какие-то эпизоды из жизни. И я вдруг, пожалуй, даже неожиданно для себя, спросил:

— Интересно, при жизни вы понимали, кто рядом с вами? Обаятельная, образованнейшая женщина, юрист, умница, знающая, на мой взгляд, истинную цену людям и жизни, Ада Лобановская долго не думала. Ответила сразу:

— Не до конца…

«Что же говорить о других?!» — подумал я, услышав ее ответ.

Невольно вспоминаю позицию Васильевича в оценке того или иного события, а уж — тем более! — оценку его собственных деяний.

— Ну что вы, как можно сейчас об этом говорить?! — почти всегда парировал он, когда речь заходила о каких-то серьезных событиях и мне хотелось услышать его точку зрения.

— Время! — восклицал он в таких случаях. Только неумолимое время выставит самую точную оценку и расставит нужные акценты…

И вот, по мере того, как уходит в прошлое день его кончины, мир исподволь познает смысл и философию жизни Валерия Васильевича ЛОБАНОВСКОГО.

…В тот майский вечер 2002 года в это трудно было поверить, но на многих сайтах в Интернете уже стояла горькая, как полынь Чернобыля, констатация:

В понедельник, 13 мая, в 20 часов 35 минут, на 64-м году жизни перестало биться сердце выдающегося футболиста и тренера — легенды украинского футбола Валерия Васильевича Лобановского.

Немного позднее теле- и радиоэфир разразились сообщениями о случившемся. А ровно через сутки полосы всех газет уже были забиты некрологами и всякого рода публикациями о Мэтре.

Хоронили Лобановского 16 мая. После отпевания в Киево-

Печерской лавре траурный эскорт прибыл на стадион «Динамо», где в 10.00 началась церемония прощания... 150 тысяч человек пришли сюда. Люди разного возраста, пола, материального положения... Те, на чьих глазах проходила карьера Лобановского, и те, которые знали Васильевича лишь по последним телевизионным репортажам с футбольных полей... Все они в один миг стали равны, равны в своем желании проводить в последний путь величайшего спортсмена и тренера, отдать последнюю дань мастерству Мэтра, в последний раз поблагодарить его за все и положить цветы... Природа рыдала проливным дождем, но почитатели таланта Васильевича продолжали идти к нему... Церемония прощания была продлена на час — до 14.00 — именно тогда непрерывный поток людей начал понемногу стихать...

Как сообщал в те дни официальный сайт «ФК „Динамо", Киев», в адрес семьи и клуба из всех уголков мира не переставая шли соболезнования. Отметим, что накануне участники финального матча Лиги чемпионов — игроки, тренеры, судьи, болельщики и миллионы телезрителей — почтили минутой молчания память выдающегося Тренера. Валерия Лобановского похоронили на Байковом кладбище в Киеве, и с этого дня стадион «Динамо» был назван его именем. Хотя бы в этом никаких формальностей не потребовалось.

15 мая 2002 года президент страны подписал Указ за номером 458 — о присвоении звания Героя Украины. Приведу этот документ (в переводе с украинского) дословно:

За выдающиеся личные заслуги перед Украинской державой в развитии футбола, повышение международного престижа отечественного спорта, многолетнюю плодотворную тренерскую деятельность постановляю:

Присвоить звание Героя Украины с вручением ордена Державы главному тренеру футбольной команды акционерного общества «Футбольный клуб „Динамо" Киев» Лобановскому Валерию Васильевичу (посмертно).

Президент Украины Л. Кучма

Не знаю как вам, читатель, но мою душу в этом документе, под которым стояла подпись тогдашнего первого лица государства, больно царапнули слова «...с вручением ордена». Кому?! Семье, разумеется. Но не ему и не при жизни.

Согласитесь, горько такое читать. Разве раньше не было соответствующего повода?! К примеру, в 1999, когда Валерию Васильевичу исполнилось 60 лет, все его «...выдающиеся личные заслуги перед Украинской державой» уже были и стали исторической неизбывностью, а возглавляемое им киевское «Динамо» в очередной раз выиграло Кубок и чемпионат Украины. Как и прежде, представляя страну в Лиге чемпионов, команда Лобановского вышла в полуфинал этого престижнейшего в футбольном мире турнира и снова способствовала повышению «международного престижа отечественного спорта».

Указ президента Украины, видимо, вдохновил. Нашлись последователи. К примеру, социально-общественный фонд «Дзвони майбутнього» — Акція «Людина року 2002» специальной премией «За выдающиеся заслуги перед Украиной» тоже наградил В. В. Лобановского (посмертно).

И даже высшая награда ФИФА, увы, запоздала 5 ноября 2002 года на имя президента федерации футбола Украины Григория Суркиса в Киев пришла телеграмма. В ней президент ФИФА Иозеф Блаттер выразил благодарность руководителю национальной федерации за его внимание и ходатайство о награждении Валерия Лобановского (посмертно) высшей наградой Международной федерации футбольных ассоциаций. Иозеф Блаттер также сообщил, что ФИФА с глубоким уважением почтит память великого украинского тренера, который известен во всем мире, и наградит орденом «За заслуги». В телеграмме было указано, что вручение состоится в мае 2003 года на Мемориале Валерия Лобановского...

Дальше больше. Специальные выпуски журналов и газет. Были изданы новые книги о В. В. Лобановском. Читая иные из них, поражался... бессовестности авторов, которые из кожи вон лезли, казалось, только для того, чтобы показать... свои давние и добрые отношения с Мэтром. Но они почему-то умалчивали о том, что именно порой писали при жизни Валерия Васильевича, насколько мне достоверно известно, больно ранив его человеческое самолюбие.

В те майские дни 2002-го сессия Верховной рады Украины началась с минуты молчания: депутаты почтили память Валерия Лобановского. Потом новоизбранный состав украинского парламента из сессионного зала дружно перешел на третий этаж, где за массивными круглыми столами народные депутаты стали подписывать текст депутатской присяги и, как принято говорить, «в свободном режиме» общаться с прессой.

Мои коллеги-журналисты, освещающие парламентскую жизнь страны, обратили внимание, что из всех парламентариев,

пожалуй, единственным человеком, который не стремился ни к телекамерам, ни к диктофонам, был Григорий Суркис, в то время народный депутат Украины. Он все время старался стоять спиной к свету и, в отличие от своих коллег по Верховной раде, не улыбался. И вряд ли смог бы улыбнуться. Журналистка из еженедельника «2000» Лидия Денисенко, думаю, тонко уловив горькие размышления Суркиса, все же решилась обратиться к нему с вопросом:

— Григорий Михайлович, скажите о Лобановском, каким вы его знали?

«Суркис говорил тихо и ровно»,— написала в своем репортаже Лидия Денисенко. Трудно было узнать голос Григория Суркиса:

— То, что случилось, откровенно говоря, для меня стало неожиданностью. Да, болел человек... Но в моем сердце и мыслях не укладывается, что один из самых выдающихся тренеров, человек, сделавший революцию в футболе, который давал нам возможность наслаждаться игрой его команды, не успел реализовать массу задумок... У него постоянно возникали новые идеи. Он был в одном шаге от создания новой команды, и мне это известно больше, чем кому-либо... И я думаю сейчас о нем: вот ушел навсегда лучший из лучших. Потому что смерть не выбирает. Надо смириться... Но я не знаю — как? Потому что он в моей памяти живой. И останется таким. Человеком принципов. Человеком последовательным. Умеющим зажигать звездочки и создавать звездные команды. Знаете, у него было такое понятие в жизни, как последовательность. Валерий Васильевич всегда говорил: «Можно менять все что угодно, но нельзя менять направление и принципы». И так, как он умел толерантно, мужественно это делать, не умел никто.

...Радио Би-би-си, рассказав о Лобановском-футболисте и тренере, констатировало: «Мир футбола трудно будет себе представить без тучной фигуры на скамейке у кромки поля, сумрачно раскачивающейся в такт своим тренерским мыслям». А на сайте в Интернете это крупнейшее агентство мира предложило людям поделиться своими мыслями о Валерии Лобановском. Приведу лишь некоторые из них. Разумеется, без каких-либо правок, и уж — тем более! — комментариев. Полагаю, что мысли людей, идущие от сердца, в них не нуждаются.

Нет слов, чтобы выразить скорбь и горечь... Ушел Один из последних Могикан Отечественного Футбола... Благодаря Ему Киевское Динамо стало воистину Всенародно Любимой и

Уважаемой Командой, Фирменной Маркой Советского — Украинского Футбола, перед Которой снимали шляпы далеко за пределами Нашей Общей и Необъятной Страны. Огромное Спасибо и Низкий Вам Поклон, Валерий Васильевич, за Ваш Талант, Трудолюбие и Патриотизм, за Окрыляющие Чувства Величия и Гордости за Нашу Страну и Футбол, которые Вы Выпестовали во многих поколениях Советских людей. Вы Навсегда Останетесь в сердцах миллионов любителей Футбола. Еще раз Спасибо за Все... и пусть Земля Вам будет пухом.

Серго, СССР — Осетия

Пусть земля будет пухом Валерию Васильевичу Лобановскому. Как настоящий творец, он запомнится мне навсегда тем, что дарил нам всем потрясающее чувство общей народной победы.

Рушан, США

Валерий Васильевич! Спасибо Вам за ВСЕ! За «Киевское Динамо», за сборную СССР, за блестящий и красивый футбол в Вашем исполнении и руководстве! Огромное Вам спасибо! Вы останетесь в наших Сердцах!

Ильдар, Россия, Астрахань

Это Гений и Личность, потерю которого мы еще плохо понимаем.

Ruslan, USA

Завершилась эра футбола, которая олицетворяла мужество, стойкость, патриотизм. Именно таким человеком был Валерий Лобановский. Душа советского спорта был Леонардом да Винчи в футболе. Благодаря его усилиям футбол был возможностью напомнить, что мы живы.

Ровшан Дидавари, Азербайджан

Горькая констатация: «Завершилась эра футбола». Понятно, что — без всякой натяжки! — ЭРА ЛОБАНОВСКОГО. Но даже в самые горькие майские дни 2002-го, признаюсь, меня не покидали сомнения: так ли уж завершилась? Не тот ли это случай, когда подлинному Мастеру уготована долгая жизнь после смерти?! И дело, пожалуй, не только в известной мудрости, которую, к слову сказать, можно прочесть над могилой Лобановского: «Мы живы до тех пор, пока нас помнят». Дело, уверен, в его великом наследии. Ведь без прошлого нет будущего. Естественно, и в футбольной истории тоже.

Главный тренер советского футбола прожил на этом свете 63 года, четыре месяца и семь дней. Подобно гениальным композиторам, писателям, художникам, за это время он создал собственный мир — самодостаточный, цельный, хрупкий и прочный одновременно. Он сочинил Игру и сделал Киев футбольной столицей Руси. Благодаря Лобановскому Русь опять стала Киевской, а у советского и теперь уже постсоветского футбола появился шанс преодолеть вечную провинциальность. Сделать массовую игру элитарной — это был подвиг и вызов. Лобановский доказал: футбол может быть умным и тонким, а красота выверенных схем не менее прекрасна, чем красота иррациональной удали.

Эти прекрасные и очень точные, на мой взгляд, строки были опубликованы, увы, уже после смерти Валерия Васильевича Лобановского в специальном выпуске газеты, подготовленном журналистом М. Максимовым. Неумолимое время выставляло самые точные оценки и расставляло нужные акценты в жизни и деятельности Мэтра.

11 мая 2003 года, возле входа на стадион «Динамо», к тому времени, напомню, уже носившего имя Валерия Лобановского, был открыт памятник, как указывалось в большинстве СМИ,— выдающемуся украинскому футбольному деятелю. На церемонии открытия памятника присутствовали несколько тысяч поклонников таланта великого тренера, руководители ФФУ и ПФЛ, игроки «Динамо», представители УЕФА, а также государственные деятели Украины.

В те дни многие журналисты в своих репортажах отметили,

что пятитонный комплекс из бронзы в честь великого тренера уникален, как и сам человек, который увековечен в этом памятнике. Валерий Лобановский, словно живой, восседает на тренерской скамейке в напряженной позе и наблюдает за игрой. Скульптура высотой в три с половиной метра. На перилах скамейки слова из песни: «Ты сидишь на скамейке, а рядом бушуют трибуны, ты сидишь на скамейке, а мы вспоминаем любя…»

В творческом процессе изготовления памятника приняли участие девять человек, среди которых портретист Олег Черно-Иванов и архитектор Василий Клименко. Главный скульптор монумента — Владимир Филатов. Постамент памятника выполнен в виде огромного футбольного мяча. Часть мяча-постамента сделана из стекла, а внутри установлен экран, по которому показываются эпизоды из жизни футболиста и тренера Валерия Васильевича Лобановского.

Я прилетел в Киев за несколько дней до начала первого турнира памяти В. В. Лобановского и открытия монумента. И надо же, первым, кого встретил на стадионе «Динамо», был мой давний приятель словоохотливый Александр Чубаров, о котором как раз в те минуты подумал. Мне хотелось, чтобы в Киеве именно Саша первым посмотрел мою новую видеоработу «Лобановский навсегда», которую к тому времени уже видели американские русскоязычные телезрители. Телевизионный фильм заканчивался песней «Рыжий подсолнух». Мы зашли в администраторскую, где видеомагнитофон был всегда в рабочем состоянии. Чубаров, около тридцати лет проработавший администратором в команде киевского «Динамо» — бок о бок с Васильевичем, характер и привычки которого изучил, думаю, как никто другой, услышав первые же аккорды песни, нажал на «паузу».

— Подожди! — выпалил Саша, выбегая из комнаты вместе с пультом от видеосистемы. Это обязательно должен посмотреть человек, с которым я как раз тебя хотел познакомить.

Вскоре он вернулся не один и с порога представил симпатичного молодого человека:

— Знакомься, это главный скульптор монумента Володя Филатов,— сказал Чубаров и нажал на «play».

В небольшой комнате, в подтрибунном помещении стадиона «Динамо», где все осталось как было при жизни Васильевича, впрочем, так же, как и в его рабочем кабинете, что через стенку, звучал голос заслуженного мастера спорта Михаила Михайлова, одного из звездных питомцев Лобановского. В этих стенах слова песни моего друга известного поэта Юрия Рыбчинского,

подарившего людям много чудесных стихов и песен, приобретали, думаю, особый смысл. «Рыжий подсолнух» Юра написал в 1985 году, когда динамовцы Киева в одиннадцатый раз стали чемпионами СССР, предпослав песне понятные всем слова: посвящается ВАЛЕРИЮ ВАСИЛЬЕВИЧУ ЛОБАНОВСКОМУ:

Ты сидишь на скамейке, что названа «тренерский мостик»,

Старший тренер «Динамо» и сборной команды страны.

На питомцев твоих осыпается золотом осень,

Прибавляя тебе серебро — серебро седины.

Ты сидишь на скамейке, а рядом бушуют трибуны.

Ты волнуешься очень, а мы вспоминаем тебя,

Как ты вышел однажды на поле Центрального юный

И как мы окрестили Подсолнухом Рыжим тебя.

Самый длинный в штрафной,

Для защитников был ты мишенью,

Самый длинный и рыжий, всегда ты кому-то мешал.

За тобой, левым крайним, бродили соперники тенью,

И порой, сбитый с ног, на траве ты угрюмо лежал.

Но, сбивая тебя и ворота свои защищая,

Защищали они не себя, а вчерашний футбол,

И, крученой подачей обиды свои возмещая,

Ты дарил с углового нам чудо по имени Гол.

Сколько было в судьбе твоей, вспомни, и ссадин, и шишек,

Сколько грязных подножек порой прерывали твой бег.

Но и тренером став, ты остался на голову выше,

Неудобный для многих, всегда не похожий на всех.

За те четыре минуты, что звучала песня, на экране проплыли кадры хроники, запечатлевшие почти 45-летнюю жизнь Лобановского в большом футболе — Футболиста и Тренера. Когда последние аккорды стихли, новый знакомый в порыве обнял меня и, пожимая руку, стал трясти ее, долго не выпуская из своего крепкого рукопожатия:

— Спасибо, Дэви, спасибо! — приговаривал Володя. Это то, что нам нужно для монитора, вмонтированного внутри мяча...

Не скрою, было приятно, что фрагменты видеоработы, сделанной мною в Филадельфии, пришлись по душе Владимиру Филатову, главному скульптору монумента, и заняли свое место в хронике эпизодов из жизни Мэтра...

Теперь о том, о чем никогда ранее не писал и не говорил во время публичных встреч. О духовном. Лобановский был глубоко верующим человеком. В годовщину его смерти, утром у могилы великого тренера на Байковом кладбище до начала официальной церемонии собрались только его родственники и близкие. Духовник семьи насельник Киево-Печерской лавры архимандрит Феогност (Юраш) совершил панихиду и освятил новосооруженный памятник на могиле тренера, где на колоннаде, как я уже писал выше, высечены слова: «Мы живы до тех пор, пока о нас помнят».

Во время богослужения не произносились речи и проповеди. Священник и родственники молились об упокоении души раба Божьего Валерия. Официальная церемония чествования памяти Валерия Васильевича и гражданская панихида в этот день начались на Байковом кладбище позже.

В первую же годовщину смерти Валерия Васильевича на одном из православных сайтов было опубликовано интервью журналиста Александра Андрущенко с архимандритом Феогностом, знакомым с семьей Лобановского достаточно давно, крестившим его внуков. Задавая один из вопросов, журналист сказал, что при жизни великий тренер любил повторять слова: «Чудес в футболе не бывает». И спросил: «А как он относился к своим спортивным восхождениям, которые многие считали не иначе как чудом?»

Вот дословный ответ архимандрита Феогноста:

— Как священник, я могу сказать, что у Валерия Васильевича было то, чего катастрофически не хватало другим тренерам. Вера

в Бога. Поэтому он не спешил записывать успехи и заслуги на свой счет, так как считал, что за все следует благодарить Бога. Священное Писание говорит о том, что каждому человеку Господь дает какой-то талант. И его необходимо преумножать и развивать своим трудом. По этому поводу Валерий Васильевич любил повторять: «Успеху способствуют один процент таланта и девяносто девять процентов титанического труда». Лобановский делал все возможное, чтобы не уподобиться евангельскому рабу, зарывшему свой талант в землю. Всю его спортивную жизнь можно назвать постоянным ростом и совершенствованием. Так что чудесные спортивные восхождения Валерия Лобановского — это следствие сочетания таланта от Бога и огромного труда тренера.

Из Киева в день открытия мемориала велась прямая телетрансляция на всю Украину. Не сомневаюсь, что в тот момент миллионы почитателей «народного спорта» жадно вслушивались и ждали, что же скажет их любимый центрфорвард «Канева»? Виктор Каневский на открытие мемориала и первый турнир памяти Лобановского в качестве почетного гостя прилетел в Киев из США. Вспомните или перечитайте откровения Каневского о Лобановском в главе «На земле обетованной», и вы легко представите, какие чувства могли охватывать Виктора в тот момент, когда он подошел к микрофону. Заметно волнуясь, Каневский так закончил свою речь:

Валерий Васильевич мечтал, чтобы многие поколения постигали его направление, его мысли о футболе, верил в потенциал украинского футбола. И я в это твердо верю. Мое родное киевское «Динамо» и сборная Украины еще займут достойное место в мировом футболе. И это будет лучшая дань светлой памяти Валерия Лобановского и делу, которому он отдал свою яркую жизнь.

Удивительно точно сказано. Не многократные победы его киевского «Динамо» в чемпионатах Советского Союза, блистательные выигрыши Кубка кубков и Суперкубка Европы или «серебро» его сборной СССР на чемпионате континента 1988 года, а именно направление и мысли Лобановского о футболе — вот его бесценное наследие. Неслучайно ведь игру его киевского «Динамо» 70-х и 80-х годов западные журналисты не раз называли «футболом XXI века».

Представляете, с какой тщательностью готовили

организаторы первый Мемориал памяти Лобановского?! Особенно — спортивную сторону турнира. От имени Всемирной футбольной ассоциации на церемонии торжественного открытия первого Мемориала слово держал легендарный Мишель Платини, который в январе 2007 года на XXXI Конгрессе УЕФА в Дюссельдорфе был избран президентом этой высшей футбольной организации Европы.

Печально-трогательным был момент, когда Леонид Данилович Кучма вручил Звезду Героя Украины, передав награду дочери Валерия Васильевича Светлане Лобановской...

Победителем турнира, в котором помимо «динамовцев» участвовали донецкий «Шахтер», московские ЦСКА и «Локомотив», стали киевляне, руководимые тогда Алексеем Михайличенко. С 1997 по 2002 год он работал помощником В. В. Лобановского, а после смерти Мэтра занял его место главного тренера.

История не приемлет сослагательного наклонения. И все-таки твердо убежден в том, что, будь Валерий Васильевич жив, он был бы счастлив победе Украины, и Польши в тендере ЕВРО-2012. Порадовался бы, что Дело его жизни, прочный фундамент которого, исподволь воспитывая у своих подопечных психологию победителей, он закладывал и в те легендарные два сезона, и во все последующие годы. Васильевич воздал бы должное подлинному вдохновителю и организатору этой победы в борьбе за право на проведение ЕВРО-2012 своему единомышленнику и соратнику Григорию Суркису... Лобановский от души бы приветствовал международный взлет «Зенита» и бронзовые медали сборной России на Чемпионате Европы-2008. Искренне порадовался бы и за своего голландского коллегу — тренера одного из самых успешных российских клубов Дика Адвоката.

..Моя первая книга о киевском «Динамо» «Два сезона» увидела свет в 1976 году. В предисловии к ней Виталий Коротич писал:

«Динамовцам полезно ощутить наше единство. Без нас, зрителей, существование футбольной команды бессмысленно, но и нам нужна любимая команда. Да будет всегда с нами взаимное чувство новой ответственности и завтрашней радости!»

Но разве сегодня в наших взаимоотношениях с ВЕЛИКОЙ КОМАНДОЙ, в нашей бережной памяти к Валерию Васильевичу ЛОБАНОВСКОМУ что-то изменилось? Нет, конечно. К этому трудно что-либо добавить. Таков футбол и такова жизнь...

Киев — Филадельфия — Киев, ноябрь, 2008 год